Командиры крылатых линкоров (Записки морского

Василий Иванович Минаков

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Аннотация издательства: Документальное повествование о подвигах летчиков морской авиации Черноморского флота в годы Великой Отечественной воины, в период подготовки и проведения операции по освобождению Северного Кавказа, города-героя Новороссийска. В центре изображаемых событий — воины 5-го гвардейского минно-торпедного авиаполка, проявившие героизм, мужество и отвагу при нанесении сокрушительных ударов по врагу на море и на суше.

[1] Так помечены страницы, номер предшествует.

[1] Так помечены ссылки на примечания.

lenok555: Вторая книга мемуаров В. И. Минакова, предыдущая — "Фронт до самого неба", следующая — "Гневное небо Тавриды".

- Минаков Василий Иванович.
  - Предисловие
  - Часть первая. Гвардейский порядок
    - Прощальный полет
    - С начальством не спорят
    - Гвардейский порядок
    - В боевом строю
    - Почем открытки
    - Дальний разведчик Евгений Лобанов
    - Не только разведка
    - Страничка истории
    - Начинаем думать
    - Остается надежда
    - Полет с ветеранами
    - Призрачный частокол
    - В роли Деда Мороза
    - Из биографии доктора Челушкина
    - Рай земной
    - На суше и на море
    - Позади акула!
    - Каждый полет — первый!
    - «Зайдите на цветы взглянуть...»
    - Тамань
    - Бесов есть Бесов
    - Неожиданный почерк
    - Спасибо за самолет
    - Урок
    - Еще урок

        - Одесские орлы
        - Техник Миша Беляков
        - Летчик Иван Арсеньев
        - Панов и Жуковец
        - Сквозь заслоны
        - Летчик Сергей Пашун
        - Один, другой, третий...
    - Часть вторая. Идет война...
        - Продолжение одной записи
        - Миноносцы уходят в ночь
        - Торпедоносцы
        - Образцовый удар
        - На дальних коммуникациях
        - Проучить пиратов!
        - В рубашке родился
        - Пока мы выступали...
        - Опять — в рубашке...
        - Летчик Василий Андреев
        - Вполне сносно
        - В тишине над Дунаем
        - Счастливый талисман
        - Сквозь колоннаду
        - Родной порог
        - Победы и потери
        - Рейд к горе Черной
        - Началось!
        - За Новороссийск! Истребители
        - За Новороссийск! Штурмовики
        - Последние удары
    - О друзьях-товарищах (вместо эпилога)
- notes
    - 1
    - 2
    - 3

Минаков Василий Иванович. Командиры крылатых линкоров (Записки морского летчика)

Предисловие

«Записки морского летчика» Героя Советского Союза В. Минакова уже частично знакомы читателю: первая книга с таким подзаголовком вышла около трех лет назад и вызвала оживленные отклики не только со стороны ветеранов Великой Отечественной войны, собратьев автора по оружию, но и летчиков, охраняющих мирное небо сегодня, и молодежи, только еще мечтающей сесть за штурвал боевого самолета. Документальная повесть «Фронт до самого неба» привлекла к себе внимание достоверностью изображаемых событий — боевых действий экипажей морских бомбардировщиков-торпедоносцев в труднейших условиях оборонительных сражений в донских, сельских и кубанских степях, на Северном Кавказе и на Черном море, — яркими образами рядовых участников войны, умелым отбором эпизодов, доверительно-искренним тоном повествования.

Новая повесть не только хронологически примыкает к первой, но и является ее логическим продолжением. Однако с некоторыми из полюбившихся героев читателю приходится расстаться. Будем надеяться — не навсегда. «Многими путями вела нас жизнь, — пишет автор в конце первой книги. — Сводила вместе — в одной части, в одном бою, на одном случайном аэродроме, в небе, на море или на суше. И разводила так же нежданно — по разным морям, по флотам и фронтам, на сотни и тысячи километров. И так — всю войну. Сводила и разводила. Но совсем развести не могла. Совсем, навсегда разводила лишь смерть. Как это и вообще бывает на свете, в любой дружной большой семье».

Одна большая семья... И целостность повествования не нарушается, несмотря на смещение фона, на смену героев на первом плане. Несмотря и на то, что обе повести — вполне самостоятельные произведения и с полным правом могут существовать отдельно.

Так уж вышло, что осенью сорок второго автор «Записок» был вынужден перейти в другой полк. Вышло отнюдь не случайно. Назревал коренной перелом в войне, враг был остановлен на всех участках фронта, советские войска приступили к подготовке решающих контрударов. Понесшие тяжелые потери в оборонительных [4] боях части отводились на отдых и переформирование. В их числе — и родной для лейтенанта Минакова 36-й минно-торпедный авиаполк. Однако несколько лучших, наиболее подготовленных экипажей остались в боевом

строю, пополнив соседний полк — 5-й гвардейский. Туда и перекосится действие во второй книге.

В ряду несомненных достоинств «Записок» особо отмечался их оптимизм. Даже в самые тяжкие дни того грозного лета советские воздушные бойцы сохраняли неизменную бодрость духа, уверенность в том, что настанет день, когда наши войска погонят врага с родной земли, вернутся в памятную Белореченскую, выбьют гитлеровцев из Новороссийска, Тамани. И вот он настал, этот день. Для воинов 5-го гвардейского это было в начале января сорок третьего года — первый за долгие месяцы вылет на бомбардировку отступающих в беспорядке вражеских колонн...

День за днем, эпизод за эпизодом. Немецко-фашистские войска, разгромленные у стен Сталинграда и в предгорьях Главного Кавказского хребта, пятятся к Таманскому полуострову. Чем более сужается фронт, тем ожесточеннее их сопротивление. В этих условиях перед авиацией Черноморского флота ставятся задачи не допустить доставки резервов противника с моря, минировать подходы к портам и базам, наносить бомбовые удары по скоплениям вражеских войск на суше.

Мне, состоявшему в то время, как и В. Минаков, в скромной должности командира звена, весьма памятны эти напряженнейшие, но полные праздничного наступательного порыва месяцы. Наша 4-я воздушная армия на Северо-Кавказском фронте сражалась бок о бок с авиацией Черноморского флота, мы тесно взаимодействовали, поддерживая наступление 18 и 56-й армий, летчики в морской форме вместе с нами вели бои над сушей, мы вместе с ними — над морем. Это было в порядке вещей. Вообще на войне все казалось обычным, что обеспечивало успех. А вот сейчас... Сейчас, читая о тех «обычных» делах, невольно ловлю себя на мысли: «Да неужели все так и было?»

Да, так и было.

...Быстро сгущаются сумерки, минуты — и цель скроет тьма. Перед озаряемым отблесками разрывов фашистским кораблем [5] вздымаются высоченные белые столбы. Это не бомбежка: немцы сами ограждают свой транспорт, чтобы атакующий его советский крылатый торпедоносец врезался в один из гигантских фонтанов. Огненные шары «эрликонов», строчки пулеметных очередей секут пространство вокруг. Маневр... Боевой курс! Самолет прорывается меж водяных колонн, через завесы зенитного огня, нацеливается на корабль, словно намереваясь его таранить. От фюзеляжа отрывается огромная стальная сигара, вспышка и зарево огня фиксируют попадание...

...Пробившись сквозь многослойный зенитный огонь,

краснозвездный самолет устремляется на груженный войсками транспорт. Навстречу ему вспыхивает множество орудийных выстрелов: по снизившемуся до двадцати метров торпедоносцу с палубы в упор бьют десятки танков. Изрешеченный самолет с ревом проносится над их башнями. А через секунду весь корпус огромного корабля потрясается сокрушительным взрывом. Окутанный клубами дыма и пара, он кренится на борт...

Это — торпедирование. Не стану приводить эпизодов минной постановки с воздуха, бомбовых ударов по наземному противнику, дальней воздушной разведки; читатель найдет их в книге в гораздо более ярком и подробном описании. Заверю только: каждый из них требовал от пилота, от штурмана, от всего экипажа не меньшего мужества, самоотверженности, боевой выучки и смекалки.

Скромная, правдивая книга В. Минакова — свидетельство рядового участника тех великих событий. Событий уже исторических и вместе с тем столь близких нам — и ветеранам, и их сыновьям и внукам.

Герой Советского Союза, заслуженный военный летчик СССР, генерал-полковник авиации

С. Харламов [6]

Часть первая. Гвардейский порядок

Прощальный полет

Вот уж действительно — как назло! Не то что конвоя или серьезной боевой единицы, а и ничтожного катерка или баржи не удалось обнаружить на тусклой бескрайней равнине, подернутой клочковатым туманцем. И в воздухе никого. Словно ушла отсюда война. Отгремела, отполыхала. И только мы по чьей-то забывчивости остались и бороздим, галс за галсом, пространство меж откипевшим, в дымах остывающим морем и серым от неосевшего пепла безликим небом...

Зряшний расход горючки. Если в расчет не брать отрицательный результат. «Тоже результат, — говорил в таких случаях наш начштаба, невозмутимый майор Пересада. — Равноправный с другими, если разведка на совесть проведена».

Теперь не скажет. Не наш начштаба.

И подполковник Ефремов не наш командир, и... Не знаем, кому и докладывать будем об этом полете и как там посмотрят на отрицательный результат.

Как и на нашу совесть.

И все пять часов — в молчании. Команды, курс... Не задаются нам разговоры сегодня. От последнего — на земле еще — до сих пор на душе осадок.

«Отрезанный ломоть уже мы для них, вот напоследок и выжимают!» [7]

Прилуцкий сморозил. И, обозлясь, зашвырнул в порыжелый бурьян едва початую драгоценную «беломорину». Чем и сбил с толку стрелка-радиста.

«Эх, шту-урман...» — с силой выдохнул тот из груди весь воздух — точно в надетый противогаз.

Это Панов-то Коля. С ним-то открытым текстом о чувствах, как с девочкой, толковать.

Мне и вовсе бы не мешаться. И тоже черт дернул.

«Сбились с настройки, ребятки?» — сунулся выручать. Чего только и не хватало.

Один Лубенец держался. Улыбку боялся нарушить свою. С утра сохранял ее на мальчишески пухлых губах, будто в чем виноват был в стыдном.

Лубенец оставался. Приказ был такой. Воздушных стрелков и технические экипажи оставить.

На приказы не обижаются.

— Курс на аэродром, командир?

Вот и теперь не то слово. Всегда говорилось — домой. И сразу теплей, веселей становилось в машине, как бы ни измотались,

сколько пробоин техникам ни везли. Теперь пустота в шлемофоне. И в самолете — излишек пространства, неполнота. Лубенца нет, главного балагура? Нашлись бы и без него. Не домой летим, вот в чем дело, не на родной свой аэродром.

Садились и раньше не на своих. Когда дотянуть не хватало силы. Но знали: подремонтируемся — и домой. Под «табачный навес», где нас ждут с нетерпеньем...

Теперь не ждали.

Отправили — и не ждут.

Вот что он значил, этот «полет с заходом». Откуда и ломоть отрезанный — от тоски.

* * *

Приказ есть приказ.

Прощальный вечер в столовой, шлепанье крепких ладоней по мощным плечам и спинам, объятья до треска в костях, обещания помнить, писать, надежды на то, что [8] родной наш тридцать шестой — непромокаемым, непробиваемый — снова вернется на Черное море и мы снова, крыло к крылу, будем бить ненавистного...

Полк улетал на формирование, мы оставались на фронте. На фронте же оставались и даже переходили в гвардейцы — это ли нам не честь? Как вот и эта разведка — разве не прощальный подарок нам от друзей? Могли ведь и обнаружить что-то, не с пустыми руками в новую семью войти. С первого дня бы — характеристика экипажу...

Впрочем, из экипажа здесь только двое — я и Панов. Верный мой друг штурман Дима Никитин — Димыч, как звали его все в полку, — еще раньше откомандирован был в тыл на учебу, а Лубенец... «И так разорили наш полк, Минаков, — не по-военному развел руками всегда сдержанный в выражении чувств Андрей Яковлевич Ефремов, когда я пришел просить за стрелка. — Или уже не сочувствуешь нам?»

Что тут скажешь?

Пришлось распрощаться и с техником Ваней Варваричевым, с верными его «ассистентами», что каждый раз за короткую летнюю ночь успевали залатывать нашу счастливую «семерку». Тем и счастливую, что долетала — как решето...

— Курс на аэродром, штурман!

Говорят, место службы меняешь — первую половину пути думаешь о прошлом, вторую — о будущем. Может быть, так. Если на поезде едешь. А тут... Слишком короткие половины. Даже и при перелете «с заходом». Вместе все — и о прошлом тоска, и о будущем неотпускающая забота. Ясно, не у меня одного. Но

Панову как-никак проще. Даже Прилуцкому. У меня впереди спины нет.

— Курс семьдесят на...

Спасибо, штурман. К месту вспомнил устав, уточнять не заставил, что не на старый истертый кружок наложил по привычке линейку. [9]

Вираж. Поворот в жизни...

— Узнаешь, командир, пейзажик?

— Как не узнать! Только вроде тогда был пооживленней...

С ним и летали, с Прилуцким, Димыч лежал в лазарете. Ох и запрыгали, гады... Со стороны солнца зашли, на бреющем, по-штурмовому. Заползали по кюветам, как мураши, танки, машины — все побросали, где там рассредоточить... Ладная получилась работка! На километр — частокол из свечей. «Мессеры» опоздали, провожали потом эскортом чуть не до самого дома...

Наше опять шоссе. Топает к фронту пехотка. Качнуть крыльями хлопцам, чтобы повыше задрали носы...

* * *

Летом сорок второго в донских, сельских, ставропольских, кубанских степях, в предгорьях Кавказа, на новороссийском и туапсинском направлениях, на перевалах Главного Кавказского хребта развернулись упорнейшие бои. Фашистские полчища, не считаясь с потерями, рвались к Сталинграду, к нефтяным районам Северного Кавказа, к побережью Черного моря. Наши войска с беспримерной самоотверженностью дрались за каждый рубеж, но сдержать натиск превосходящих сил далеко не всегда удавалось...

На помощь сухопутным войскам была привлечена и морская авиация. С самого начала боев три полка ВВС Черноморского флота — 5-й гвардейский и 36-й минно-торпедные, 18-й штурмовой, а затем и все остальные части были перенацелены на поддержку боевых действий 56, 47 и 18-й армий. Дерзко срывая атаки врага, морские бомбардировщики создавали благоприятные условия нашим обороняющимся войскам, прикрывали их при отходе, при закреплении на новых рубежах.

Летали днем и ночью. Бомбили колонны на марше, скопления живой силы и техники в районах сосредоточения и на привалах, железнодорожные эшелоны на [10] станциях и перегонах, разрушали переправы на Дону и Кубани, уничтожали вражеские самолеты на аэродромах... Выполняли и прямые свои обязанности: срывали высадку морских десантов врага, топили корабли и транспорты с подкреплением, ставили минные

заграждения на фарватерах и в гаванях...

Очень часто полки действовали совместно, составляя смешанные боевые группы для нанесения массированных ударов. Каждая эскадрилья, экипаж делали все возможное, чтобы причинить врагу наибольший урон, облегчить положение наших наземных частей и соединений. Бывало, что совершали по три боевых вылета в сутки...

Советских моряков, сражающихся на суше, гитлеровцы со страхом именовали «черной смертью».

Мы тоже летали в черном. «Крылатые линкоры» — так гордо именовали мы наши могучие воздушные корабли...

Героическими усилиями советских воинов планы врага были сорваны. Гитлеровцы так и не достигли ни одной из поставленных целей: прорваться на Приморское шоссе в районе Новороссийска, на Черноморское побережье через перевалы Санчаро и Клухорский...

После тяжелых осенних боев на туапсинском направлении обескровленный противник был вынужден перейти к обороне и на этом участке фронта.

Возникла оперативная пауза. Гитлеровцы перегруппировывали свои силы, надеясь возобновить наступление. Наши готовились к контрудару: подтягивали свежие части, отводили на отдых измотанные в боях.

Понесшему значительные потери в личном составе и технике 36-му минно-торпедному авиационному полку Черноморского флота было приказано с 26 октября прекратить боевую деятельность и отбыть в тыл на переформирование. Восемь экипажей и тринадцать самолетов передать на пополнение 5-го гвардейского авиаполка. [11]

27 октября улетающие в гвардейский полк экипажи оформляли документы, готовили и «принаряжали» машины, собирали нехитрый багаж. Неожиданно мои сборы прервал посыльный.

— В полк поступил приказ. Придется вам совместить перелет с разведкой. По выполнении боевой задачи следуйте к новому месту службы...

В голосе замкомэска звучали извинительные нотки. Дело в том, что это уже во второй раз после приказа о прекращении боевой деятельности наш экипаж получал задание. Накануне ночью, буквально из-за стола, в самый разгар прощального ужина, мы были вызваны в штаб и срочно вылетели на бомбоудар по вражескому транспорту, пришедшему в Севастополь...

Доверие, честь. Два последних боевых вылета на счету полка. Две последние записи в журнале боевых действий...

— Видишь «табачный навес», командир?

— Ох, боюсь, некурящие, Коля, эти гвардейцы! Получше высматривай полосу, с ходу зайдем. Нашего брата, сам знаешь, не по реглану встречают...

С начальством не спорят

— Товарищ гвардии майор, командир звена младший лейтенант Минаков боевое задание выполнил и прибыл с экипажем в ваше распоряжение для дальнейшего прохождения службы!

«Ковбасу ось такой бы длины!» — мечтательно замечал в таких случаях не лишенный своеобразного остроумия старшина Дороган в училище. Или осведомлялся, сколько у крокодила от головы до хвоста. Двухэтажный доклад, с надстройкой. И во всех окнах темно. Какого звена? Эскадрильи, полка? Чье задание и какое? И почему мне докладываете о нем? И с экипажем ведь прибыли, так я понял? А в экипаже бомбардировщика Ил-4, насколько [12] мне память не изменяет и как вам самим, вероятно, известно, уважаемый командир отдельного, особого, надо думать, звена...

Попробуй все уместить в одной фразе. Если ты, скажем, не Пушкин. И если сам толком не знаешь, что умещать.

К счастью, майор уже, видно, не помнил старшинских уроков. Поднял неторопливый взгляд к небу, очертил в нем крутую дугу. Скользнул по следу на взлетной полосе, уткнулся в видавшую виды машину. Потная, с вьющимся над капотами жидким парком, словно лошадка у стойла, остановилась как раз у проема в назначенный ей капонир.

— Случалось бывать у нас, лейтенант?

— Младший. — Знаки различия были у меня не видны, как, впрочем, и у него — под черным, с белесоватинками на швах регланом. — Не доводилось, товарищ гвардии майор. На этом аэродроме.

В припаленных усталостью, как бы подернутых паутинкой глазах комэска блеснула доброжелательная усмешка. Хоть тут-то нам повезло в этот день — выбежавший навстречу техник в изумлении раскрыл рот: откуда известно нам место стоянки, когда и ему-то указано четверть часа назад? Мы с ходу воспользовались моментом, чтобы выведать номер эскадрильи; звания и фамилии всех трех комэсков гвардейцев знали и без него.

— По ориентировке какую оценку имеете, лейтенант?

— Младший, — уточнил опять, опуская вопрос, который счел несерьезным.

Брови майора сдвинулись, взгляд обратился к двум командирам, тоже в регланах, стоящим почтительно сбоку и чуть позади. Видали, мол, воспитаньице?

Я, в свою очередь, незаметно скосился к Прилуцкому и Панову: во, братцы, мотайте на ус. [13]

Когда вернул взгляд, на мясистом, в дубленых складках лице майора сияла отеческая улыбка.

— Поздравляю с присвоением очередного воинского звания, товарищ гвардии лейтенант!

— Служу Советскому Союзу!

— Вот так-то. С начальством не спорят. В штабе прочтете приказ.

Снова нахмурился, уже не в шутку.

— А вот насчет должности...

— Сочту за честь войти в строй гвардейцев в качестве командира экипажа!

Фраза, признаться, была заготовлена впрок. Трудно рассчитывать на свою прежнюю должность в полку, где тебя не знают. Еще и в гвардейском.

Комэск помолчал. Пощурился, как бы на глаз оценивая ответ, напечатанный крупным плакатным шрифтом.

— А что? Неплохо. А, замполит? Кстати, денежный аттестат вам менять не придется, гвардейские начислят с сегодняшнего дня. — И, отстраняя возможный жест: — Ну-ну, не деликатничай! Дома-то как еще пригодятся. Вот скоро освободим ваши Минводы...

Да, об оценке по ориентированию у моего нового командира осведомляться было б и вовсе излишним.

— Какое задание выполняли, гвардии лейтенант?

— Поиск плавсредств в районе...

— Не обнаружили? Я тоже. Только что сел, перед вами. Затаились фашисты. Укрылись в базах, выжидают. Тем более с моря нельзя глаз спускать...

Ну вот. И отрицательный результат здесь расценивается как надо.

* * *

— Хо, Минаков! Откуда свалился?

Через секунду мы уже тискали друг друга в объятиях, хлопали по гулким кожаным плечам, отступали, узнавая и не узнавая... [14]

Василий Кравченко! Капитан... Вместе еще до войны служили...

— К нам? Насовсем? Молодчина! Вместе громить будем гадов... Давно вырвался с «тихого»?

С малой буквы — не океан. Хоть от него пошло. Тихим с начала войны мы прозвали свой Дальневосточный фронт,

оказавшийся самым глубоким тылом. Кравченке повезло, вырвался на год раньше...

— Во, знакомься! Будете в одном звене, у них как раз не хватает... Дмитрий Бабий! Летчик от бога!

Бабий? Димка? Снова объятия. С Димкой дружили курсантами, парень что надо, душа, весельчак...

— Видал, Николай? — ищу взглядом Прилуцкого.

Но и штурман уже в окружении, тоже объятья, хлопанье по плечам...

— Братцы, чего новичков томите! Они же с задания, целое море ощупали, чтобы нам сделать втык... Айда в столовку!

— Какие они новички! Хлопцы из тридцать шестого! Вместе жару давали...

Вот оно — братство! Небесное, фронтовое! Стыдно вспомнить — летел как к чужим. Будто и раньше не приходилось садиться на чьих-то аэродромах. Не было случая, чтобы не встретил друзей...

Вечером с Димой бродили по опустевшим дорожкам, вспоминали былые годы. Ейское военно-морское авиационное училище мы окончили за полгода до войны. Дальше пути разошлись.

— Петю Игашева помнишь?

Как не помнить! Комсомольский вожак училища, спортсмен, певец, организатор самодеятельности... Все его знали, завидовали энергии, талантам — в любом деле первый! С виду не богатырь, но парень яркий — смоляные брови, такой же чуб... Внимательный, добрый...

— О его подвиге слышал?

— Ты с ним служил? [15]

— На Балтике, в первом минно-торпедном. Мехколонну бомбила их группа. Петр первым зашел, высыпал серию под ураганным огнем зениток. Тут же и на второй заход. А на него — три «мессера»... Он уж на боевом, не стал маневрировать. Стрелок-радист у него молодец был, Новиков, одному врезал, тот задымил. А два другие... Загорелся, пламя сбить — не выходит. И с парашютом нельзя — внизу немцы. Тут как раз «мессер» заходит спереди, добивать... Петр — ему в лоб. Таранил! А потом — на колонну немцев... Первый воздушный таран, совершенный бомбардировщиком! Неужели не слышал?

— Слышал немного... Я ведь на Дальнем Востоке полгода еще загорал... Красиво жил парень!

— И умер красиво! А знаешь, кем он до училища был?

— Ну?

— Не поверишь. Учителем в школе! Он же, помнишь,

постарше нас...

Вот, значит, что. Самодеятельность, общительность, доброта... Первый в истории...

Молча прошли кипарисовую аллею, под ногами зашелестели тяжелые, кожаные листья магнолий, захрустели иссохшие свитки коры эвкалиптов — как вафельные трубочки с кремом, что у нас в городе появились в продаже перед войной. Да... Вот и здесь отдыхали люди. Бегали с полотенцами к морю, валялись на пляже, хвастались ровным загаром, по вечерам танцевали фокстроты и танго на той вон, наверно, дощатой площадке, под фонарями-шарами, висящими в ветвях платанов, как исполинские, солнцем напитанные плоды...

— Курорт, — угадал мои мысли Дима, — Аллейки, таблички, утром увидишь: «Ванны», «Солярий», как его... «Тер-ренкур»... Будто сезон окончился, разъехались люди по городам... Вдруг — посыльный. И спустя час — [16] молнии, шапки разрывов, вонь тротиловой гари в кабине, град осколков по плоскостям...

— На Балтике жарко было?

— Фашисты перли на Ленинград — страх божий! Пылища по всем дорогам, не видно конца... Мы по три-четыре вылета делали. На малых высотах, как штурмовики. Мазуренко Алешу помнишь? Пересел на Ил-2. Недавно Героем стал, слышал? Землячок твой Разгонин...

С Саней Разгониным дружили мы с малых лет. Вместе мечтали в родных Минводах о небе, вместе пошли в училище...

— Вся Балтика его знает! Мастер торпедных ударов, несколько крупных транспортов потопил. И Юра Бунимович...

— О себе расскажи, Дима. Сюда как попал?

— Сбили над Порховом, выпрыгнул с парашютом. Через фронт перебрался, вернулся в полк. Ну «безлошадник», направили в запасной, а оттуда...

Негусто. Но я еще днем у него под распахнутой тертой кожанкой приметил орден Красного Знамени...

— Экипаж подобрался — что надо! Штурман Лебедев Леонид, я тебя с ним знакомил, стрелок-радист...

— Что сейчас делает полк, Дима?

— Как сказать... Вроде как передышка. На разведку летаем, Черное море щупаем и Азовское, на «свободную охоту» с торпедами. Бомбим плавсредства у побережья Крыма, в базах... Сегодня вот на разведку летал. Возле Анапы прищучил нас «мессер», еле отбились...

Гвардейский порядок

На другой день капитан Матяш (адъютант эскадрильи, вместе с комэском и замполитом принимал вчера мой «двухэтажный» доклад) построил личный состав, доложил Чумичеву. Тот представил нас, объявил: [17]

— Штурманом в экипаж лейтенанта Минакова назначается старший сержант Сергиенко.

К этому я был готов. На Прилуцкого не рассчитывал: он постоянно летал с Осиповым, бывшим нашим замкомэском, тоже переведенным в гвардейцы, назначенным командиром звена.

— Стрелок-радист остается прежний. А воздушного стрелка выбирайте сами. Кто из резервных стрелков желает летать с лейтенантом?

В четвертом ряду поднялось несколько рук.

— Весь резерв, — пояснил Матяш.

Да, но как выбирать? Биографии спрашивать? А строй будет ждать? Задачка на пять минут. А от ее решения... Уж где-где, а в летном-то экипаже в самом буквальном смысле — один за всех. С семьей не сравнишь, там живут только вместе...

Оглядываю поочередно. Ребята как ребята. Все смотрят открыто, все вроде желают — хоть жребий бросай. А что? Ткнуть пальцем не глядя, в кого попало, по крайности не за что будет себя ругать.

Сзади начальство на психику давит, спереди — строй...

Вдруг почувствовал — кто-то дергает за рукав. Панов Коля! Смотрит на черноглазого, ниже всех ростом, и тот к нему тянется, молит...

— Старший сержант Жуковец! — выпалил, чуть не насильно притянув к себе и мой взгляд.

А что? Симпатичный парнишка. И фамилия... Лубенец — Жуковец. Судьба!

— Выбрали? — подталкивает комэск. В голосе теплые нотки, ясно, что адресованные не мне. — Должен предупредить, однако. Боевого опыта в качестве воздушного стрелка старший сержант не имеет. Подготовлен из оружейников.

Шанс отступить. Спросить: кто имеет?

Еще раз оглядываю паренька. Губы прикушены, в [18] черных глазах отчаяние. Сзади настойчиво шепчет какое-то слово Панов...

— Прошу зачислить во вверенный мне экипаж старшего сержанта Жуковца!

В глазах майора вчерашние огоньки. Сориентировались и тут,

лейтенант?

— Ну что ж. Думаю, не ошиблись. Севастополец!

Вот оно, слово, что мне шептал Панов. И вчера слышал, от Кравченко и от Димы...

— Ну а с техническим экипажем и вовсе вам повезло.

Верю, киваю. И так задержал эскадрилью.

— Не дали маху насчет стрелка? — обернулся к Панову, когда разошелся строй.

— Нет, командир! Я тут вчера с ребятами... Тоже вот говорят — севастополец. Большое слово это у них!

Техник-лейтенант 2 ранга Михаил Беляков мне понравился сразу. По рукам видно — мастер.

— В порядке «пятерка», — заверил. О самолете, только что закрепленном за нами.

Представил своих подчиненных. Механик авиационный — старшина Павел Петров, моторист — сержант Петр Ястребилов. Оба севастопольцы, как и сам Беляков. Механик по вооружению — сержант Владимир Сергиенко, однофамилец штурмана; механик по приборам и электрооборудованию — старший сержант Леонид Клейман. Экипаж слаженный, вместе работают не один день.

Штурмана Гришу Сергиенко я знал давно — из нашего тридцать шестого. Даже летать приходилось вместе.

— Знакомьтесь с личным составом, сколачивайте экипаж, — сказал на прощанье Чумичев.

* * *

Это представлялось так: проверить подготовленность воздушного стрелка, сделать несколько пробных полетов с применением оружия на полигоне, доложить о готовности к выполнению боевых заданий. На все — день-два. Максимум три. Так обычно бывало. [19]

Получилось не так.

День проходит, другой...

— Как, лейтенант, с экипажем?

— Порядок, товарищ гвардии майор!

— Хорошо, продолжайте занятия.

Еще день, еще...

— Как экипаж, Минаков?

— В порядке...

— К зачетам готовитесь?

А? Только вслух не сказал, а рот так и раскрыл, наверно. Это что тут? Училище, курсы? Прямо же с боевого задания прибыл, сам он и похвалил за посадку, оценку еще спросил... по

ориентированию. Это что же, выходит, не шутка? Все тут с оценками, что ли, у них?

Вдобавок загремел в наряд. Как «безлошадник» — дежурным по старту на аэродроме. Через день — снова. Еще через день. Другие летают, а ты выпускай, принимай. Красиво махай флажками. На перекурах выслушивай увлекательные рассказы — где что разбомбили, разведали, кто отличился...

Пошел к замполиту майору Стешенко. Как следует побеседовать, по душам.

— А, Минаков! Ну как, экипажем довольны?

— Спасибо, товарищ гвардии майор. Зашел вот узнать. Насчет приказа.

— Приказа? О чем?

— О моем переводе. В аэродромную команду. Без заключения медицины.

— А-а, — улыбается. — Вы садитесь! Без заключения, говорите? Садитесь, садитесь, вот табурет. Василий... Иванович, так ведь? Степан Афанасьевич. Да, так о чем... Ознакомились с экипажем, успели?

— С Пановым, стрелком-радистом, успел. За полсотни совместных боевых вылетов. Со штурманом тоже, хоть и поменьше. А вот с воздушным стрелком...

Смеется. [20]

— Боитесь, что вообще не придется? В воздухе, значит, привыкли знакомиться? Пятьдесят вылетов, говорите?

— Скажете, тут и за двести у многих?

— Не скажу. Пятьдесят — тоже немало. А вот поговорку одну напомню. Слышали, верно, — насчет порядка... Как у вас взгляд вообще-то на эту вещь?

— Положительный. Поэтому и пришел к вам. Боевого летчика отстранять от полетов...

— Ну уж и отстранять! Просто в воздух не выпускать без сдачи зачетов. Слышали о таком порядке?

— Вроде слышал. Давно. Года за два, дай память, еще до войны, когда и был выпущен в этот... воздух.

Ясно, что вел себя непозволительно вольно. Но перестроиться уже не мог. Да и какого черта, в самом-то деле...

Майор и не думал одергивать. Кивал, улыбался, будто и ему нравился разговор в таком тоне.

— В самом деле давненько. И, как я понял, ведь не у нас?

— Ах вон что! Другой у вас воздух. Атмосфера поделена. Может, и «эрликоны» у немцев — одни для гвардейцев...

— Не знаю, не знаю, — смеется, разводит руками, — насчет «эрликонов». А атмосфера... Что ж. В некотором смысле,

возможно, и да. Несколько и иная. В отношении некоторых вещей. Ну вот, к примеру... Знакомая, верно, и вам картина? С опытом летчик, с боевым стажем, с самыми лучшими летными данными... И даже не то чтобы после ранения или из запасного, в тылу засидевшийся «безлошадник», а тут же вот и воюет, летает без перерывов, и вдруг...

— Проваливается на зачете?

В глазах замполита впервые мелькнула досада.

— На взлете. Буквально «проваливается» и...

— И что досадно — по самой элементарной причине! [21] — его же голосом подхватил. — Про триммер забудет или про шаг винта...

— Ну да, и про триммер.

— И это причина?

— А что, по-вашему?

— Что... Война!

— В самую точку попали, Василий Иванович! Правда, хотелось бы поконкретней.

Я заскрипел табуретом, готовясь подняться.

— Не торопитесь, — положил на колено мне руку. — Расставим все по местам. Во-первых, за триммер не я, а вы зацепились. Я это причиной не называл. Следствием, так разумелось скорее, поскольку об опытном летчике речь. Война, даже если конкретней — плохие аэродромы, перенапряженный режим полетов, — тоже никак не причина, поскольку взята за условие, так? Само собой разумеющееся в задачке. А вот теперь и вернемся к вопросу: так в чем же дело?

— Ну... в состоянии летчика.

— Во!

— А зачеты тут и помогут!

— Вовсе-то не помогут, но вероятность аварий снижают, как опыт наш показал. Как-нибудь загляните в штаб, убедитесь. Доказано по теории вероятности. И возражения исключены, ссылки на рост мастерства и так далее. Помогают! А чем объяснить... Ясно, что не в инструкциях дело, хоть, впрочем, и это... Наблюдали, чай, за собой? Раз пренебрег чем-то из-за условий, второй... А третий — уж без условий.

Я не мог не кивнуть.

— В аэроклубах зазнайством когда-то еще называли. Наивно, но дело-то не в словах. Обратная сторона навыка. Потеря чувства новизны, следствие безнаказанности... Но главное даже не в том. В психологической, что ли, зарядке. Вот последите потом, зайдете, поделитесь. Опыт ведь он по крохам накапливается... [22]

Вот так. Сам угодил в теоретики. В пользу зачетов. Но это уж по инерции иронизировал, а настроение... Черт-те что наболтал! Не было же у них недоверия, ни там еще чего — просто порядок. В чужой монастырь... Эту, наверно, имел он в виду поговорку. И что досадно — ведь сам все знал! Точно так же сказать бы мог и об авариях, и об опасных привычках... Знал и спорил, вот именно как мальчишка. Что он подумает, замполит? Воюют люди с начала войны, выводы сделать успели...

— Ну а когда зачеты, товарищ гвардии майор?

— Степан Афанасьевич. Думаю, скоро, война не ждет. Да и вы уже, вижу, дозрели.

— Как бы не перезреть, — все же не удержался.

— И это возможно. Обратная сторона. Сбить навык излишним контролем, уверенность подорвать... Впрочем, в вашем-то случае, как я понял...

Тоже в долгу не остался. Распрощались смеясь.

Уже в дверях вспомнил:

— Да, Степан Афанасьич... Если к зачетам готовиться, так зачем же в наряд через день? Или и это входит в психологическую зарядку?

Замполит оторвал взгляд от бумаг, серьезно подумал.

— А что? Вполне вероятно. Вот последите потом за собой...

В боевом строю

Обстановка на туапсинском направлении оставалась сложной. Противник готовился к наступлению, угроза его прорыва в город еще не была снята.

В деле снабжения войск 18-й армии, оборонявшей этот ответственнейший участок, важное значение приобретали морские перевозки. Корабли доставляли в Туапсе пополнение, боеприпасы и продовольствие, а разгрузившись, открывали огонь по сосредоточениям вражеских войск. [23]

Противник всячески стремился перерезать эту коммуникацию. Его подводные лодки рыскали у самого побережья; дошло до того, что одна из них всплыла и обстреляла из своих пушек поезд, шедший вдоль берега. Торпедные катера, базирующиеся в Киик-Атлама, в Феодосии и Анапе, производили ночные набеги на корабли и транспорты, курсирующие между Туапсе и Новороссийском.

Действия вражеских подлодок и торпедных катеров у береговой черты обеспечивали гидросамолеты «Дорнье-24». Держась вне зоны действия зенитных батарей, летая на сверхмалых высотах, они назойливо висели над морем, пока не появлялись наши истребители. Их приближение они улавливали своими бортовыми радиолокационными станциями и своевременно уходили в сторону моря. Выждав, появлялись снова. Цель их полетов была очевидна: получить сведения о выходе в море наших кораблей и конвоев. Дерзость гитлеровских летчиков доходила до того, что они садились на воду вне досягаемости огня с береговых постов и оттуда часами спокойно вели наблюдение.

Командование Черноморского флота принимало все меры, чтобы не допустить срыва морских перевозок вдоль побережья. Важнейшая роль в борьбе с обнаглевшим врагом отводилась морской авиации. Для борьбы с торпедными катерами и сидящими на воде гидропланами в нашем полку в кратчайший срок несколько самолетов было переоборудовано и вооружено реактивными осколочно-фугасными снарядами калибра 132 миллиметра. Особое внимание уделялось воздушной разведке. Она должна была вестись постоянно и целенаправленно. Штаб полка разработал план, предусматривающий систематические полеты самолетов-разведчиков в заданных секторах, на которые были разбиты требующие постоянного внимания районы моря и побережья. [24]

Дежурю по старту на аэродроме. Тишина. Все, кому

назначено, вылетели, возвратятся не скоро. Неожиданных заданий не поступает. Вспоминаю вчерашний разговор с замполитом. Дело сдвинулось, завтра начнем тренировочные полеты. Потом зачетные. Проверяющий комэск. Как ни смешно, волнуюсь. Привычка? С детства, с экзаменов в школе, с первых полетов в аэроклубе, в училище... В общем, в крови. У каждого, верно. Заставь хоть и Чумичева, даже и командира полка...

В небе возникает знакомый прерывистый звук... Разведчик! Каждый день пролетает вот в это время, если есть видимость. Быстро свертываю посадочные знаки, вглядываюсь в слепящую синеву. Ну да, тем же курсом идет, на восток. Нас он обычно не замечает.

Но что это? Поворот... Захлопали зенитки. Ну да, сюда! От фюзеляжа отрываются черные точки...

Только и не хватало — погибнуть на аэродроме! Лежа на спине, рассчитываю, куда упадут бомбы. Целит в стоянку, вражина! Вроде с недолетом идут. Значит, здесь разорвутся, на старте...

Поворачиваюсь, прячу лицо в пыльную колючую траву, жарко нагретую солнцем. Свист обрывается, под животом дважды вздрагивает земной шар. В уши надавливает, как при большой перегрузке в полете...

Бух-ух!.. Комья земли, осколки... Все? Приподнимаю голову, вслушиваюсь. Перед носом, как ни в чем не бывало, ползут по стебельку две букашки с полированными крылышками. Вроде бы не свистит больше. Или оглох? Вскакиваю, ищу, где упали бомбы. Ну да, недолет! Не дотянул на боевом курсе фашист, с первого залпа зениток в штаны наложил. Или сам, или его штурман. А может, и оба...

Опять тишина. Птицы запели. Удивились, наверно, — гроза без дождя. Впрочем, гроз в эту пору уже не бывает... [25]

От стоянки идут краснофлотцы с лопатами — зарывать воронки. Махаю, чтобы помогли выложить знаки. Вот тебе и курорт?

* * *

И еще одна, вовсе уж не курортная, встреча. Как бы не с тем же самым фрицем. В порядке психологической подготовки, пошутил бы, наверное, замполит. Нам в тот момент не до шуток было...

Предстояло выполнить «слепой» полет. По приборам, в наглухо зашторенной кабине. Облачность была низкая, и мы со штурманом решили пробить ее. Уйти в сторону моря и уже там потренироваться.

Слой облаков оказался толстым. Высота полторы тысячи, две... Постепенно проясняется, но лечу еще по приборам. Вдруг крик:

— Командир, самолет!..

Ничего не соображая, моментально перевожу машину в горизонтальный полет.

— Ух! — голос штурмана. — — Заслонил все небо...

— Как привидение! — выдыхает Панов.

— В чем дело?

— «Юнкерс»... Чуть не таранили в брюхо! Прямо на него вырулили, — отдышавшись, объясняет Сергиенко. — Счастье, ты отдал штурвал, командир. Если бы отвернуть вздумал, непременно задел бы крылом...

Вздумал... Было время мне думать. Представляю в уме картину. По спине с опозданием ползут мурашки. Несколько минут летим молча.

— На большой скорости шел, не успел ему врезать! — оправдывается Панов.

Где там врезать, сами хоть уцелели.

— На землю передал о встрече с вражеским разведчиком?

— А как же, командир! В ту же минуту.

Кто-кто, а Панов свое дело знает. Если бы и воткнулись, и то бы, наверно, успел сигнал передать. [26]

Зашториваю кабину, перехожу в «слепой» полет.

— Внимательнее следить за воздухом!

Предупреждение явно излишнее.

Когда на земле поделился впечатлениями, бывалые гвардейцы только руками развели:

— Чего на войне не бывает!

Прежний мой замкомэск Степан Осипов подозрительно прищурился:

— Надо, пожалуй, получше к тебе присмотреться, товарищ Минаков. Чуть не до поцелуев дошло у тебя с этим фрицем.

Я не остался в долгу:

— Да, приборы иногда подводят...

Осипов сразу скис. Гвардейцы переглянулись, не понимая. Поймав отчаянный взгляд Степана и выдержав паузу, я великодушно перевел разговор на особенности «слепого» полета.

А дело было так. Осипов, опытнейший летчик, в прошлом инструктор нашего родного Ейского училища, был допущен к боевым полетам почти сразу, как прибыл в полк. Вчера его экипаж должен был вылететь на поиск и торпедирование плавсредств противника. Я дежурил по старту и, дав отмашку, наблюдал, как «крылатый линкор» Осипова, отягощенный

шестиметровой торпедой, мощно взревел моторами, уверенно разбежался, взлетел, начал с натугой взбираться в небо и... вдруг повернул и пошел на посадку.

«Что-то случилось!» — с тревогой подумал я.

От капонира без шапки бежал обеспокоенный техник.

Осипов зарулил на ближайшую стоянку и выключил моторы.

— В чем дело, командир? — крикнул техник, когда отодвинулся колпак фонаря.

— Прибор потерял... — рассеянно ответил Осипов.

— Какой прибор?

— Какой, какой! Поднимайся сюда, увидишь. [27]

Цепко хватаясь за поручни на фюзеляже, техник проворно забрался на самолет.

— Черт знает что! — донесся вниз недоумевающий голос Осипова. — Вчера был, а сегодня нет... Просто чудеса какие-то!

Как выяснилось из дальнейшего, «чудеса» заключались в том, что, взлетев и окинув привычным взглядом приборную доску, Осипов вдруг обнаружил, что на ней нет манометра, показывающего давление масла в правом моторе. Накануне техник, заменяя прибор, переставил его на другое место — вмонтировал в борт кабины справа. Предупредить об этом летчика ему и в голову не пришло.

— Вот же он, тут, на виду! — искренне удивлялся обескураженный техник.

— Тьфу! — только и сказал Осипов и тут же запустил моторы.

Незадачливого техника буквально ветром сдуло.

К счастью, никого из ребят на аэродроме не было.

После Осипов объяснял:

— Понимаешь, Минаков, первый раз взлетал с боевой торпедой. Все внимание — к полосе, к тяге моторов, а он, сук-кин сын...

Это относилось к технику. Затем последовали выражения и покрепче. А мне опять вспомнился разговор с замполитом. Психология... У летчика одна, у техника другая. Ясно, что Осипов волновался, в первый раз идя на торпедный удар. Но технику это не видно. Даже сам Осипов вряд ли что замечал за собой. А вот на внимании отразилось. Опыт опытом, очевидность очевидностью, а порядок порядком. Обязан был техник о сделанном доложить. Тем более, если касалось кабины...

* * *

Но вот экипажем сданы все зачеты, лично комэском проверена у меня техника пилотирования — днем и [28] ночью, в

простых и сложных метеоусловиях, — выполнено несколько полетов на практическое торпедометание, бомбометание, воздушную стрельбу... В моей летной книжке записано: «Общая оценка техники пилотирования — «хорошо». Допускаю к выполнению боевых заданий в дневных и ночных условиях».

11 ноября 1942 года, на двенадцатый день пребывания в гвардейском полку, получаю задание — воздушная разведка с целью обнаружения вражеских кораблей и гидросамолетов в третьем секторе.

Тщательно готовимся к вылету. Экипажем я доволен. Штурман Гриша Сергиенко хорошо подготовлен, имеет боевой опыт, энергичен, деловит и всегда в веселом настроении. Летать с ним — одно удовольствие. Сразу вписался в наш маленький коллектив и живой, сноровистый Саша Жуковец.

Сергиенко предлагает свой план полета: обогнуть сектор с моря, подальше от берега, чтобы не спугнуть противника, а на обратном галсе на малой высоте тщательно осмотреть прибрежные воды и побережье. Я соглашаюсь: метеосводка не радует — низкие облака, моросящий дождь, сильный боковой ветер. Видимость близка к нулю. Может быть, на обратном пути прояснится...

Взлетев, подворачиваю под ветер и почти сразу окунаюсь в молоко. Скрыто все: земля, море, небо. Целиком переключаю внимание на пилотажные приборы — «слепой» полет. Через тридцать минут в облаках появляются небольшие разрывы. Идем на высоте сто пятьдесят-двести метров, держась под густой облачностью. Время от времени в прорезь приборной доски взглядываю на штурмана. Сергиенко с линейкой в руках деловито колдует над картой, следит по приборам за силой и направлением ветра. Успевает просматривать и простирающуюся внизу морскую гладь, подернутую клочьями тумана. [29]

На траверзе Керченского пролива обнаруживаем небольшую шхуну. На палубе только один человек, машет нам белой тряпкой. Вероятно, рыбак...

Ничего больше за все три часа встретить не удалось.

На обратном пути пролетаем вблизи Туапсе. Город сильно разрушен. Всю эту осень армады фашистских бомбардировщиков обрушивали на него смертоносный груз, намереваясь стереть неприступную крепость с лица земли. Почти беспрерывно кипели воздушные схватки. Дорого обходился врагу каждый налет на город. Отважно дрались здесь летчики 32-го истребительного авиационного полка ВВС Черноморского флота. Только за пятнадцать дней, отражая массированные налеты на порт, они сбили свыше пятидесяти немецких самолетов.

Командовал полком Наум Захарович Павлов. Он лично водил своих «ястребков» в бой и без победы не возвращался.

23 сентября противник произвел несколько массированных налетов на Туапсе. Самым крупным из них был последний. Павлов первым взлетел навстречу армаде врага, за ним устремились его питомцы. Дав команду к бою, бесстрашный командир атаковал головной бомбардировщик. Гитлеровский бомбовоз вспыхнул и, объятый пламенем, рухнул в море. Загорелся и пошел на снижение второй; изрешеченный пулями, потянул вниз третий. «Ястребки», воодушевленные примером командира, отважно врезались в строй «юнкерсов», фашисты стали беспорядочно сбрасывать бомбы куда попало...

Но в этом бою погиб и сам Павлов.

Проходя траверз Лазаревской, мы увидели стремительно взлетающие маленькие машины. Воспитанники и боевые друзья Павлова вылетали на перехват очередной группы вражеских бомбардировщиков. Мы знали их: Литвинчук, Стариков, Снесарев, Зюзин, Колонтаенко, Наржимский, Щербаков, Кисляк...

На стоянке нас встретил Михаил Беляков. [30]

— Как матчасть работала, командир?

— Спасибо, порядок!

Скрывая довольный блеск глаз, техник внимательно оглядывает машину. Пробоин на первый раз нет. Подзывает своих помощников, дает указания, где что проверить.

Вечером в комнату, где поселилась наша четверка — летчик Дулькин со своим штурманом Коршуновым и я с Сергиенко, — заглянул замполит эскадрильи.

— Отдыхаем? Ну как, Минаков, полет?

— Ничего не удалось обнаружить...

— Еще обнаружите! Как экипаж?

— Все хорошо работали, товарищ гвардии майор!

— Работали? Правильно. Именно так и надо — работать! Верю, что эскадрилья пополнилась новой полноценной боевой единицей.

Скупые слова. А как они радуют душу! Особенно, если «не удалось обнаружить»...

Обычная, рядовая работа.

13 ноября. Задание на разведку в том же секторе — близ Феодосии. Погода опять не балует — на маршруте сильный встречный ветер. А в районе поиска на синоптической карте жирное «Н» — низкое давление, циклон.

Выруливаю на взлетную полосу. Привычное легкое волнение, когда самолет трогается с места для разбега. Несколько секунд — и он в мягких объятиях неба.

Серые плотные облака, вспаханное штормом предзимнее море. Между ними пустое пространство — двести метров по высоте. В нем — в хлестких налетах дождя, в рваных клочьях тумана — наш маленький деловитый мирок...

— Приближаемся к району поиска, — негромко докладывает Сергиенко.

«Н» оправдалось — болтанка, пилотировать машину трудно. Менять режим — прибавлять хлопот штурману, А ему пора приступать к поиску. Стараюсь маневрировать [31] по высоте. Чувствую: экипаж включился в разведку, каждый зорко оглядывает свой сектор. На выходе из Феодосийского залива обнаруживаем тральщик противника. В нашу сторону тянутся трассы пулеметов и зенитных автоматических пушек — «эрликонов». Бомбить корабль не позволяет низкая облачность. Штурман фотографирует его, сообщает координаты радисту. В наушниках слышится дробь морзянки.

Проходим галс за галсом. Надводных кораблей врага больше не видно, а искать подлодки при таком состоянии моря — все равно, что иголку в сене.

Домой! Чувствуется усталость: с момента взлета прошло несколько часов. Ветер попутный, материальная часть работает отлично. Не забыть поблагодарить Белякова. Кажется, этого парня похвалой не испортишь...

В тот же день на поиск противника у южного берега Крыма вылетали еще четыре экипажа нашей эскадрильи: Трошина, Дулькина, Василенко и Жесткова. Первая пара не обнаружила ничего. Вторая вела воздушный бой с «Гамбургом». После нескольких пулеметных очередей вражеский самолет с резким снижением ушел в сторону крымского берега.

Обычная, рядовая работа. На фронте спокойные дни...

Почем открытки

19 ноября.

Контрнаступление под Сталинградом! Началось то, о чем мечтали все советские люди, наступил и на нашей улице праздник...

Но это — в большом масштабе. В историческом, как будет ясно потом.

А у нас продолжаются кровопролитные оборонительные бои. 15 ноября противник перешел в наступление. Это его третья попытка прорвать оборону на туапсинском [32] направлении. Черноморская группа войск Закавказского фронта наносит решительные контрудары по гитлеровским частям, прорвавшимся на южный берег реки Пшиш. Идут бои в ущельях гор Семашхо и Каменистая...

В этот памятный день перед нашим экипажем была поставлена задача произвести разведку плавсредств в портах Феодосия, Геническ, Осипенко, Мариуполь, Ейск, Приморско-Ахтарск. Задание большое, сложное, лететь предстоит над глубокими тылами противника. А это значит, что перехват истребителями врага почти неизбежен. Да и каждый порт основательно прикрыт зенитной артиллерией и истребителями.

Тщательно готовимся к полету, стараемся выбрать такой маршрут, чтобы выйти в район разведки, минуя посты воздушного наблюдения противника.

Проверить готовность пришел штурман эскадрильи майор Дуплий. Сергиенко развернул перед ним карту с четко прочерченной ломаной линией: маршрут пролегал над Черным морем, Крымскими горами, таврическими степями, Азовским морем, кубанскими плавнями, таманскими лиманами и снова над Черным морем. Доложили проверяющему замысел полета, тактику выхода к целям. Майор одобрил наше решение, дал свои рекомендации. Где погода не позволит произвести плановую аэрофотосъемку, — сделать перспективную.

Взлетаем, идем с набором высоты над морем в сторону Крыма. Входим в облака. Температура нулевая, на лобовом стекле — изморозь. Продолжаю набирать высоту, чтобы избежать обледенения. Лишь когда прибор показывает четыре тысячи метров, выхожу из облаков. Поднимаюсь еще. Семь тысяч. Внизу однообразная плотная облачность до горизонта. Ясно, что метеорологи ошиблись: по их прогнозу, над Керченским полуостровом и Азовским морем — разорванная облачность. Это позволило бы нам не только успешно вести разведку, но и

скрытно и внезапно выходить на цели. [33]

— — Что будем делать? — советуюсь со штурманом.

— Придется снижаться, подойти к Феодосии под облаками...

А замысел был на большой высоте с противозенитными маневрами пройти Феодосию, Геническ, Осипенко, Мариуполь, затем со снижением, на повышенной скорости — остальные порты.

Гладко было на бумаге...

Вновь в облачном плену. Стрелка высотомера описала уже три круга. Шестьсот, пятьсот, четыреста, триста...

— Командир, пора держать горизонт!

Понимаю штурмана. Справа по курсу, у озера Тобечикского, возвышенность двести метров, слева, за Феодосией, горы повыше.

— Не уверен в расчетах?

— Уверен, командир!

— Тогда снижаюсь до ста!

Выскакиваем из облаков. Справа мыс Чауда, прямо — Феодосийский залив. Сергиенко и Панов перспективно фотографируют порт. Плавсредств в нем нет.

Лишь когда пролетаем над городом, к нам протягиваются автоматные трассы-шнуры. Большие калибры открыть огонь не успевают. Резко снижаюсь до двадцати-тридцати метров. Отстают и «эрликоны». Огромная машина стремительно проносится над крышами. Кажется, даже слышен гром эха в каменных переулках...

Пересекаем Керченский перешеек. Над Гнилым морем сплошной туман. Набираю пятьсот метров. Попытка выйти под облака в районе Геническа к успеху не приводит. Снизившись до пятидесяти, решаем не испытывать дальше судьбу.

— Зря жжем бензин, командир.

— Пожалуй. Панов, передай: возвращаемся по метеоусловиям. [34]

Курс домой... Который уже час находимся в облачном плену. Самолет изрядно болтает. Монотонно поют свою песню моторы.

На траверзе Адлера снижаемся, пробиваем облака. Посадка. Первыми нас обступают наши технари, на лицах — тревожное ожидание.

— Порядок! Замечаний по работе матчасти нет.

В штабе узнаю: старший лейтенант Лобанов сегодня летел на разведку портов Констанца и Сулина. В западной части Черного моря обнаружил транспорт водоизмещением две тысячи тонн в охранении трех тральщиков, двух истребителей Ме-109 и противолодочного самолета «Гамбург». При приближении к конвою самолет Лобанова был атакован двумя «мессершмиттами»

и, отбиваясь, вынужден был уйти.

Дешифрирование фотопленки, доставленной нами, подтвердило, что в Феодосийском порту ремонтируется захваченный немцами наш транспорт «Ташкент».

* * *

Боевая работа полка становилась все напряженней. Не обходилось и без происшествий. Вот самое неприятное из них.

В один из ноябрьских дней нашему экипажу было приказано произвести воздушную разведку с фотографированием портов Крыма — Керчи, Феодосии, Ялты, Балаклавы, Севастополя, Евпатории, Ак-Мечети — с целью выявления в них плавсредств противника. Командир полка особо обратил мое внимание на то, что это задание штаба флота.

Вылетели утром, с расчетом возвратиться к обеду. Погода не баловала, облачность прижимала самолет к воде.

В районе Керчи — туман. Разведка невозможна. Над Феодосией настолько низкая облачность — приподнятая завеса тумана, — что даже визуально нельзя рассмотреть порт, не то что сфотографировать. [35]

Ялта была накрыта облачностью высотой двести — триста метров, и мы выполнили перспективную съемку с расстояния шести-восьми километров.

Пролетев дальше на запад вдоль южного берега Крыма, убедились: туман стоит стеной.

Пришлось возвратиться.

Однако командир полка, озабоченный важным заданием флота, решил повторить вылет, рассчитывая, вероятно, на то, что во второй половине дня погода может улучшиться. На разведку был послан экипаж командира третьей эскадрильи майора Черниенко.

Опытнейший летчик Черниенко долетел лишь до Керченского пролива и вынужден был возвратиться из-за сплошного тумана. На обратном пути его штурман капитан Корнеев, чтобы не прилететь с пустыми руками, сделал два фотоснимка моста, расположенного в районе Сочи, у Мацесты.

На аэродроме самолет Черниенко не был встречен представителями штаба и фотолаборатории, как это обыкновенно делалось. Лишь когда экипаж сел в машину, чтобы ехать в столовую, на поле появился сержант-фотолаборант.

— Снимки есть?

— Два, — показал на пальцах Корнеев.

Машина рванулась с места.

Проявив снимки, фотограмметристы обнаружили мост. Зная,

что наш экипаж сфотографировал Ялту и не долетел до Балаклавы, решили, что Черниенко сфотографировал Балаклаву. На снимках появилась надпись: «Построен мост в районе Балаклавы...»

С этим «результатом» кто-то из фотограмметристов поспешил в штаб полка. Но, кроме полкового писаря, там никого не оказалось. Молоденький писарь, непременный «знаток» всех штабных дел, посоветовал зарегистрировать снимки, запечатать и отправить в штаб авиабригады, что и было сделано весьма оперативно. [36]

Пакет, предназначенный для штаба флота, не стали распечатывать в штабах бригады и военно-воздушных сил.

И лишь в штабе Черноморского флота выяснилось, какое «открытие» сделано разведчиками 5-го гвардейского авиаполка...

Легко представить себе дальнейшее.

— Довоевались! Опозорили полк!.. — гремел подполковник Канарев.

В просторном капонире был собран летный состав двух эскадрилий — третьей и... нашей. Без вины виноватые? Вряд ли такое понятие применимо к военной службе. Особенно, когда речь идет о чести полка.

Нашлось, в чем и нас упрекнуть в заключение:

— А ваши снимки Ялты, Минаков, — как открытки, которые до войны продавали в курортных киосках...

Из происшествия были сделаны выводы. Непосредственно виновные понесли дисциплинарные взыскания. Но разве в этом дело? Все мы готовы были провалиться сквозь землю, независимо от вины...

Кстати скажу, что ничего подобного после в полку не случалось до самого конца войны.

Ясно, с каким настроением мы вылетели на следующую разведку 23 ноября. Добыть данные во что бы то ни стало! Задание было нелегким: предстояло преодолеть сложную систему ПВО противника.

Решил выходить в районы разведки скрытно, применяя ломаные маршрут и профиль полета. На сильно укрепленную Феодосию выйти на большой высоте с юга, а затем уйти в Азовское море.

В середине маршрута встречаю многослойную облачность, уходящую ярусами вверх и сливающуюся в сплошные облака.

Советуюсь со штурманом. Гриша не утешает.

— Это только начало! Весь Крым и Азовское море, [37] надо полагать, забиты сплошь. Придется лететь под облаками.

Ничего не поделаешь, придется. На Феодосию — под

облаками...

Вот она, Феодосия! Высота две тысячи, вплотную над нами — густая белая облачность. Машина на ее фоне — как на довоенном осоавиахимовском плакате. Всей душой чувствую, как внизу дружно поворачиваются в нашу сторону десятки длинных орудийных стволов. Даже, кажется, слышу поскрипывание маховиков механизмов наводки...

Но не привозить же открытки из довоенных киосков!

Штурман поспешно открывает люки для съемки, командует довороты. Пачки разрывов густо встают на пути.

— Командир! — непривычно горячий голос Панова. — «Эрликон» пристрелялся, сволочь...

Будто не вижу — дымный шнур почти задевает крыло.

— Усилить наблюдение!

Команда — глупей не придумаешь. А что я еще могу? Самолет на курсе фотографирования.

Разрывы ближе и ближе. Частокол трасс...

Не сходя с курса, резко отдаю штурвал, машина со свистом устремляется вниз...

— Начал съемку! — кричит Сергиенко.

Перспективную съемку ведет Жуковец — дублирует для страховки.

Снова огненный ад. Пристрелялись. На этой-то высоте не промажут. Грязновато-серые разрывы, огненные струи...

— Порядок! — голос Сергиенко в наушниках.

Ничего в жизни не слышал приятней!

Резко перевожу машину в набор высоты с одновременным крутым разворотом. Милая, выноси!

Уф-ф, позади Феодосия. Впереди — Азовское море. Облачность заметно понижается. [38]

— Командир, взлетают два «мессера» с аэродрома Багерово, — докладывает Панов.

Опоздали, молодчики!

Увеличиваю обороты, еще круче иду вверх. Плотные облака укрывают машину.

Со стороны Сиваша подходим к Геническу. Попытка пробить облака вниз безуспешна. Летим к Осипенко. Но и здесь не «подлезть» под облака и туман. Дальше лететь нет смысла. Разворачиваюсь и, пересекая Азовское море, беру курс на Приморско-Ахтарск, затем на Тамань.

Высота три тысячи метров. Летим над Черным морем. Через некоторое время выходим из облаков. Однозвучно работают моторы, застыли на делениях стрелки приборов. Команда, доклад, снова тишина... В такие минуты несведущему человеку

могло бы показаться, что экипажу нечего делать. Но это не так. От взлета до посадки маленький боевой коллектив не имеет ни одной свободной минуты.

— Разворот влево, курс пятьдесят. Снижение до высоты четыреста метров, — командует штурман.

Панов принимает радио:

— Видимость один-два километра, дождь, ветер девяносто градусов, семь-десять метров!

«Посадка будет нелегкой, — думаю я. — А какая бывает легкой?»

На земле нас окружают друзья.

— Как погода? Прошли весь маршрут? Цели есть? «Мессеров» обманули? Здорово жарят зенитки в Феодосии?

На последний вопрос ответ дает техник Миша Беляков — он уже успел облазить машину.

— Да, прямо скажем, недешево снимочки обошлись...

— А ты как хочешь? — усмехается Сергиенко. — Чтобы фрицы за так их на память дарили?

— Мы же не девочки, — поясняет и Жуковец. — Зато [39] портретики — залюбуешься! И не снились такие их фройлянам рыжим в Берлине!

Интересно, так ли они ему были дороги, эти «портретики», там, над портом. Впрочем, обычная трепотня, разрядка нервов. Есть чем похвастаться в самом деле. И до проявления ясно — не «открытки в киосках». Меткое, кстати, сравненьице, товарищ гвардии подполковник, извините, не мог своевременно оценить. Делом был в тот момент занят, местечко высматривал, чтоб провалиться сквозь землю поаккуратней — чужой как-никак капонир. Интересно, какое теперь найдете? Тоже и вы ведь не Пушкин. А жаль! По справедливости надо бы уравновесить, при всей эскадрилье же выдали, даже при двух...

— С благополучным возвращением, товарищ Минаков!

Даже вздрогнул! Но нет, не он, не командир полка. Майор Стешенко, наш комиссар. Замполит теперь, но а эскадрилье все так и зовут комиссаром. Вежливенько обстукал ладонь о ладонь — тоже облазал машину, — подал руку, теплую, скользкую чуть от масла: даже в моторы успел заглянуть.

— Хороши снимочки, говоришь? — будто подслушал мой мысленный разговор с командиром полка. — Поздравляю, брат, поздравляю! Верно, и сам доволен? Вот и Миша... Правда ведь, Беляков? Соскучился по настоящей работке? Ничего, если дальше так дело пойдет, некогда будет и почитать газетку. И мне меньше заботы, а то не хватает на все экипажи газет...

Не выпуская руки, потянул меня незаметно в сторонку.

— Значит, характер?

Я уж заметил, что это словечко в ходу у него. Невольно обернулся к Белякову. Тот улыбался смущенно: ничего, мол, товарищ комиссар, залатаем так, что и следов не сыщешь... [40]

— Хороши открытки, значит? — подмигнув, прошептал замполит. — Так я, представь, и думал. Полюбопытствовал только — почем. В киосках-то, в Феодосии. Ну да, залатает Миша и раз, и другой... В общем, подумай давай, брат, — заторопился. — Характер характером... Ну давай! Проголодались ребятки, вон уже ждут в машине...

Подтолкнул в спину, сам зашагал назад, к самолету — там уж механики выносили свой инструмент, раскладывали на промасленном куске брезента.

Ребята и правда сидели в кузове, ждали с нетерпеливым блеском в глазах. Нервы разрядились, языки смолкли, заговорил желудок.

— Самому командиру полка доложите! — донесся голос сквозь шум запущенного мотора. — Ждет! О хороших делах и докладывать приятно!

Перелезая через борт, почувствовал, что улыбаюсь довольно глупо. Странный какой-то сегодня он, замполит. Не поймешь, хвалит или...

В тот же день шесть часов пробыл в воздухе экипаж Лобанова, ведя разведку у берегов Румынии. Из-за сложных метеоусловий маршрут полностью пройти не удалось, и опытнейший разведчик, по своему обыкновению, решил использовать оставшееся время для «свободной охоты». В районе мыса Тарханкут обнаружил две самоходные баржи, шедшие курсом на Севастополь. Три захода, три стены заградительного огня, три пары эрэсов по цели. Два попадания. Самолет также получил серьезные повреждения: отбита концевая часть лопасти винта, пробоины в правой плоскости, вмятина на площадке балки для подвески реактивных снарядов...

Но счет явно в пользу Лобанова. Не любит он возвращаться с пустыми руками домой.

* * *

25 ноября. Нашему экипажу задание: произвести воздушную разведку портов Феодосия, Ялта, Балаклава. Набираем высоту, берем курс на Крым. Погода не радует. [41] Через однообразную пелену облаков, растянувшуюся до горизонта, изредка пробивается жиденький луч и тут же гаснет в мглистой хмури. Внизу богатырская пашня — море не утихает, несмотря на умеренный ветер. Раскачало...

Высота пять тысяч метров. Летим над кромкой облаков, затем пробиваем ее. Феодосия. Бухта плотно накрыта туманом, виден только порт. Противовоздушная оборона противника также лишена видимости.

Разворачиваемся к морю и вдоль побережья летим к Ялте. За десять минут до цели входим в облака. Строго выдерживаю курс, заданную скорость.

Команда штурмана:

— Снижение! Впереди в пяти километрах Ялта!

Плавно теряю высоту, выхожу из облаков. Видимость есть. Небольшой доворот, курс для фотографирования. Выполняем плановую фотосъемку. В порту, кроме трех шхун, ничего нет. Зенитная артиллерия огонь не открывает, — видимо, наше появление оказалось неожиданным. Благополучно ухожу в море.

Тот же маневр повторяю над Балаклавой. В порту плавсредств нет. Разворачиваюсь на обратный курс и со снижением направляюсь на свой аэродром.

Произведенная нами аэрофотосъемка порта Феодосия еще раз подтвердила: противник форсирует ремонт транспорта «Ташкент».

* * *

В кровопролитных боях, предприняв контрудар, наши войска нанесли значительные потери 17-й армии противника и вынудили ее вновь перейти к обороне на туапсинском направлении. Перед 5-м гвардейским авиаполком была поставлена задача организовать дальнюю воздушную разведку коммуникаций и портов Черного и Азовского морей с целью своевременного выявления попыток врага доставить войска и оружие в этот район. В силе оставалась и прежняя боевая задача — не допустить [42] набегов вражеских торпедных катеров на наши корабли и суда, действий подводных лодок у побережья.

Периодически самолеты полка привлекались и к разведке мест базирования авиации гитлеровцев на прибрежных аэродромах.

Самолеты Ил-4, обладая высокими летно-тактическими характеристиками, давали возможность в течение короткого срока обследовать значительные участки поверхности моря, немедленно сообщать подробные сведения об обстановке в заданном районе и обнаруженных целях, а во многих случаях и принимать экстренные меры к срыву замыслов противника: вылетающие на разведку машины вооружались бомбами и реактивными снарядами.

Дальний разведчик Евгений Лобанов

— Как, Женя, по-твоему, что больше мужества требует — штурмовка колонн и скоплений, бомбоудар по объектам или же торпедирование кораблей?

Лобанов — отзывчивый человек. Мягкий и дружелюбный. Но на подначку его не возьмешь. Разве что на наивность. С расчетом, что побоится обидеть, тем более — новичка. А мимо ушей пропустить вопрос ему воспитание не позволит.

С минуту раздумывает, глядя в небо.

— Не все ж перечислил, — цедит сквозь зубы, покусывая травинку.

— Ну, о разведке тебя...

— Что — ну?

В том и дело. Лобанов — «глаза полка», признанный мастер дальней воздушной разведки, но трепаться о ней не любит. Словно удачу боится сглазить — подслушают его там, где-то за тысячу километров, где формируются вражеские конвои и замышляются неожиданные налеты на наши базы и корабли. [43]

— «О любви не говори...» — призываю на помощь строку довоенной песенки.

Женька вздыхает. Я тоже. На о любви к дальней разведке, конечно. Или касается и разведки это одной своей стороной? Уж больно красив он, летчик Евгений Лобанов! Не говоря — за штурвалом, а вот и так. Раскинулся среди поля на бесприютной осенней полыни — от подвигов отдыхающий богатырь. Полы реглана раскинуты — черные крылья, — грудь круто выгнута, ветер шевелит густой темно-русый чуб. Взгляд в небо — недвижный и чуть нездешний, будто в тоске по частичке души, где-то забытой в неведомых далях.

— Я, что ль, ее выбирал...

Ясно, она его, а за что? Летчик отменный, может и остальное все лучше многих, но как в разведку, так первым — его. Украдкой оглядываю грудь его, плечи.

— Ребята у меня молодцы, — угадывает он мои мысли.

— Ну, у них все же нагрузка...

В досаде сдвигает брови. Летчик с плаката, ни дать ни взять. Только вот этого и не хватало, этой вот складки между бровей. Ишь, как тут и была! Ни на минуту, должно быть, не сходит с лица во всех его многочасовых полетах...

Приподымает голову, звучно выплевывает изжеванную былинку. Смотрит с сомнением мне в глаза.

— Или не пробовал с ними местами меняться?

Чувствую, что краснею. Черт! Так в самом деле салагой прослыть недолго.

— И как? — он же и выручает.

Пробовал, ясно, в воображении. Со штурманом всего проще — в полете он перед глазами. Впереди всей машины висит в плексигласовом конусе, один над немыслимой высотой. Пулеметные очереди, осколки — как дробью по птичьей клетке. И от прицела не оторвись. У меня хоть штурвал — громоотвод нервных токов. Тоже [44] себе не хозяин на боевом курсе, однако у штурмана и того нет. Не говоря о стрелках — те и вовсе... Одно дело — сам едешь, другое — тебя везут.

— Первое время больше всего боялся — вдруг кто с зарубки слетит. В дальнем, сам знаешь...

Нервный предел, кто не знает. Димыч на что был мужик, а и то в лазарет угодил к концу лета. Ладно, заметили вовремя — начал хандрить... Мысленно выстраиваю коротенькую шеренгу — летный экипаж Лобанова: штурман Иван Копенко, стрелки Александр Гудзь, Алексей Лихачев. Ребята как ребята, до командира всем далеко.

— Это и вся забота?

Переваливается на бок, приподымается на локте. Долго смотрит мне прямо в зрачки посветлевшими, без Тени мечтательности глазами.

— Или не знаешь?

— Знаю, Женя. Думал, привычка..

Отворачивается, сжав зубы. Смотрит в небо, в глазах тоска. Вдруг вскидывается рывком, выдернув из-под меня край реглана.

— Привычка? Да? К черту привычку! Понял?!

В первый раз его вижу таким. Вспоминаю свою тоску в дальних полетах. Как ни хитри с собой, ни бодрись... Живучая машина наш Ил-4, низкий поклон всем ее творцам. Но и у нее есть пределы. Страшно вспомнить, на чем приходилось порой доковыливать до своих. Выносила. Но не на тысячу ж километров! А на воду сесть, с парашютом спуститься... Лучше смерть, чем фашистский плен...

— К черту, понял? И тебе не советую привыкать!

— Можешь не беспокоиться, — усмехаюсь. — Потому и спросил. Это ты, что ль, без глаза вчера вернулся?

Отмякает. В углах губ насмешливые морщинки.

— Фара — пустяк. В плоскостях сколько глаз понабили...

— Не над Констанцей? [45]

— Типун тебе! Не пробились — кисель овсяный... Пошарили вдоль побережья Крыма. У Судака накололи самоходку с парой «охотников» в охранении, влепили ей эрэс в борт...

— Задымила?

— А то как! Штурман у меня молодец. Характер!

— Это и ценишь в нем больше всего?

— Так это ж и есть — все.

Пожалуй, так. Остальное приложится, если чего не хватает.

— Значит, только и остается?.. — задаю непонятный как будто вопрос.

— Только! — для Женьки-то он понятный. — В оба смотреть! Всем экипажем! Насмерть! Восемь, десять часов подряд... Ребята меня понимают.

Насмерть, как не понять. Тем более, если Лобанов сам говорит. Незаменимый в полку разведчик, «коршун Констанцы». Заново вглядываюсь в него. Мягкий, отзывчивый...

Садится, стряхивает с реглана комочки земли, травинки.

— Погоду, наверно, дали. Замаскировался тут, не найдут...

Я сижу лицом к поселку и вижу: от домика штаба, точно пчела от улья, отрывается торопливая легковушка, скользит понад рытвинами грунтовой бензовозной дороги; от нее, в свою очередь, отделяется щуплая фигурка связного...

— Ну вот и поговорили, — словно увидев все это спиной, подымается Женька. — Вчерашнее задание никто же не отменял.

Подпоясывается, щегольски заламывает фуражку.

Красив, красив!

Рост, плечи...

Характер. [46]

Не только разведка

25 ноября в полк поступил приказ нанести торпедный удар по транспорту «Ташкент» в Феодосии. Досадно чуть не до слез: наше судно, родное, советское, довоенная гордость транспортного флота. Но что поделаешь? Немцы спешно ремонтировали его, чтобы использовать для доставки своих войск и вооружения в районы предстоящих боев.

Задачу поручено было выполнить трем экипажам второй эскадрильи. Способ атаки — торпедный удар. Давно экипажам полка не приходилось действовать в качестве «низких» торпедоносцев. Однако погодные условия не оставляли выбора. Для торпедоносцев же низкая облачность — как раз находка.

Разведку погоды выполнил капитан Федор Клименко: на всем маршруте нижний край облаков не поднимается выше пятидесяти — ста метров. С экипажами была тщательно отработана схема подхода к цели и атаки.

Группу вел опытный командир эскадрильи майор Дмитрий Минчугов со своим штурманом, признанным мастером бомбовых и торпедных ударов майором Петром Будановым. Ведомыми летели также испытанные в боях экипажи — старшего лейтенанта Ивана Василенко и моего старого товарища по 36-му авиаполку лейтенанта Василия Андреева.

Он и рассказал мне потом, как все происходило.

— Как бы не жарче было, чем, помнишь, в августе, когда мы с тобой бомбили там корабли...

Долетели они нормально, через два часа пробили облака. Феодосийская бухта, порт... Минчугов подает команду «Атака».

Снизившись до двадцати метров, торпедоносцы устремляются к цели. Навстречу — ураганный огонь! Снаряды рвутся не только в воздухе, но и на поверхности моря. Водяные колонны чуть не до облаков частоколом [47] огородили порт. То и дело исчезает видимость. Трудно не только поразить цель, но даже и сбросить торпеды так, чтобы они попали в промежуток между молами, ограждающими порт с моря.

Минчугов и Андреев атаковали с дистанции восемьсот метров. Крутым противозенитным маневром вышли из зоны огня. Торпеда Минчугова взорвалась у стенки защитного мола; взрыв андреевской увидеть не удалось.

Старший лейтенант Василенко прорвался сквозь стену из водяных колонн и разрывов снарядов и сбросил торпеду с четырехсот метров. Пробурив воду, она прошла как раз по центру транспорта. «Ташкент» окутался плотным облаком дыма...

* * *

Из донесения крымских партизан командованию ВВС Черноморского флота стало известно, что в Гурзуфе, в корпусах бывшего военного санатория, отдыхают гитлеровские офицеры-фронтовики. Полку было приказано уничтожить фашистов, когда все они будут в сборе — в обеденный час.

7 декабря семь самолетов были вооружены бомбами различного калибра — от десяти — до двухсотпятидесятикилограммовых. Группу возглавили командир 63-й авиабригады полковник Токарев со штурманом нашего полка майором Толмачевым. Ведомыми в правом пеленге летели командир полка подполковник Канарев, комэски майоры Чумичев и Минчугов; в левом — лейтенанты Жестков, Андреев и я.

Перед вылетом на стоянку прибыли кинооператоры Иван Запорожский и Всеволод Афанасьев, стали настойчиво проситься лететь с нами. Отбиться от них было невозможно. После долгих пререканий и уговоров командир полка определил Афанасьева в мой экипаж, Запорожского — к Андрееву. Обрадованные «киношники» залезли в кабины воздушных стрелков и стали приспосабливать свою аппаратуру к съемке. [48]

Двухчасовой полет над морем. На цель заходим со стороны горы Медведь, на высоте восемьсот метров. Вражеские зенитки молчат: очевидно, наше появление оказалось для них неожиданностью.

Ведущий с ходу сбрасывает бомбы. За ним — остальные. В том числе мы.

— Цель накрыта! — докладывает Панов.

И тут же в наушниках раздается сконфуженный голос Сергиенко:

— Командир, запоздал малость...

— Объясни толком! Ничего не понимаю...

— С запозданием сбросил, пошли с перелетом, разорвались на набережной...

— Так это наши? — врывается в разговор восторженный голос Жуковца. — Как раз угодили в зенитную батарею! Я сфотографировал!

Не было бы счастья, да несчастье помогло!

— Усилить наблюдение за воздухом! — командую, разворачиваясь в сторону моря.

— Командир! Я же не все бомбы сбросил...

— Как так?

— — Поставил на электросбрасыватель не всю серию, а аварийно не продублировал...

— Спишь, что ли, штурман?

— Давно не бомбил, все разведка, разведка...

Утратил навык. Ничего не поделаешь, приказываю Панову запросить разрешение у ведущего — самого комбрига! — выйти из строя для повторного захода.

— Ведущий разрешил, — докладывает Панов спустя минуту.

С разворотом в сторону берега выхожу из строя. Над санаторием сплошной дым. Стоит ли еще туда сыпать бомбы?

— Добавим по зенитной батарее! — решаю.

— Давай! Доверни влево, вдоль набережной, легче будет целиться, а то деревья мешают... [49]

— Может, слезть, спилить их?

— Не надо, командир, доверни чуть левее, Так... так держать... Сброс!

— Может, опять показалось? Продублировал?

— Ну что ты, командир...

— Бомбы рвутся на позиции батареи! — звонко докладывает Жуковец. — Сфотографировал!

— Молодец!

Резко разворачиваюсь. Позади пожары. Группа уже не видна. Штурман дает курс на аэродром, сокрушается:

— Хорошо еще, батарея попалась. А то бы как в белый свет...

— Сделай вывод! При длительных перерывах не мешает и по-учебному с бомбардировочным оборудованием потренироваться.

— Век буду помнить...

После посадки доложил ведущему о причине повторного захода.

Комбриг одобрил мои действия, но строго предупредил: надо лучше готовить экипаж к боевым вылетам.

Фотоснимки показали, что два здания санатория полностью разрушены.

Вскоре, однако, от партизан поступило обескураживающее известие: во время налета санаторий пустовал, все отдыхающие гитлеровские офицеры с утра покинули Гурзуф. Очевидно, разведке противника удалось проникнуть в наши планы. Были сделаны соответствующие выводы, приняты строжайшие меры по соблюдению секретности при подготовке подобных ударов.

А после освобождения Крыма подтвердилось: 7 декабря 1942 года нашими бомбардировщиками была уничтожена зенитная батарея на берегу, и на ее позиции нашли свою смерть более тридцати вражеских артиллеристов.

Вот уж действительно, не было бы счастья... [50]

Страничка истории

На войне время измеряется не календарем, не часами. Минуты порой стоят дней и недель, а то, что в обычной жизни требует месяцев, даже лет, здесь совершается в считанные дни и недели. Давно ли покинули мы родной свой тридцать шестой? А уже снова — как дома. Что — как! Дом и есть для нас полк, иного родного гнезда у фронтовика не бывает.

А входя в новую семью, как не знать ее прошлого?

Мы с уважением изучали историю полка, усваивали его боевые традиции. И новые наши друзья охотно помогали нам в этом.

Нам уже было известно, что полк — тогда 2-й минно-торпедный — сформировался в конце 1939 года в Крыму, что первым его командиром был знаменитый на весь Черноморский флот летчик майор Алексей Григорьевич Биба, комиссаром — полковой комиссар Иван Алексеевич Водянов, а командиром первой эскадрильи, как и сегодня, — Федор Михайлович Чумичев, в то время капитан. Несколько экипажей вновь сформированного полка получили боевое крещение в первый же месяц — в боях с белофиннами. В том числе экипаж Ивана Васильевича Арсеньева, нашего теперешнего заместителя командира полка по летной подготовке.

1940-й был годом напряженной учебы. Перед командованием части была поставлена задача как можно быстрее ввести в строй летные экипажи, научить их в совершенстве владеть сложной боевой техникой. 10 ноября весь полк принимал участие в больших учениях совместно с кораблями Черноморского флота. Это был экзамен на зрелость, и полк выдержал его с честью. Всему личному составу 2-го авиационного полка за успешное проведение учений и высокое боевое мастерство нарком Военно-Морского Флота объявил благодарность. [51]

Напряженная учеба продолжалась. К весне 1941 года шестьдесят процентов летчиков полка летало ночью.

22 июня рано утром полк был поднят по тревоге. Экипажи быстро подготовили самолеты и ждали сигнала на очередной учебный вылет.

Оказалось — война...

Днем прошли митинги во всех эскадрильях. Летчики давали клятву до последнего вздоха защищать Родину, во что бы то ни стало разгромить вероломного врага.

В ночь на 23 июня был получен первый боевой приказ: нанести бомбовый удар по нефтебакам, порту и военно-морской

базе в Констанце. Взрывы и пожары накрыли объекты бомбежки. Днем был нанесен еще более массированный удар. Операция проводилась совместно с 40-м бомбардировочным авиаполком, в ней участвовало семьдесят три экипажа. Мощные бомбардировки были повторены утром следующего дня. Тридцать шесть самолетов ДБ-3 и СБ метко обрушили свой груз на вражеские корабли и транспортные суда, на причалы и нефтебаки, на нефтеперегонный завод... Огнем были уничтожены большие запасы топлива. В воздушном бою сбит один истребитель противника. Наши группы вернулись на свои аэродромы без потерь.

Первый тяжелый воздушный бой пришлось выдержать в тот же день, 24 июня. О нем рассказал нам, новоприбывшим летчикам, майор Александр Федорович Толмачев, теперешний штурман полка.

— Ясно, что боевого опыта у нас еще не было, летели без прикрытия истребителей... Что нас спасло? Исключительное хладнокровие! Точное следование инструкциям и приказам...

Тридцать два бомбардировщика на подходе к Констанце были встречены шестнадцатью Хе-113. На четверку ДБ-3, ведомую комэском капитаном Семенюком, штурманом у которого был Толмачев, напали четыре вражеских истребителя. По сигналу комэска бомбардировщики [52] сомкнулись, пошли плотным строем, не изменяя курса и высоты. То же сделали и остальные группы. Заходя то сверху, то снизу, «хейнкели» пытались разрушить строй. Безуспешно! Больше того, чуть не каждая атака завершалась тем, что один из них круто валился вниз, оставляя за собой хвост густого черного дыма...

Одиннадцать истребителей врага нашли свою гибель в этом бою. Наши потери составили девять боевых машин. Один ДБ-3 был сбит зенитным огнем противника. Несмотря ни на что, группа успешно отбомбилась: запылали элеватор и сооружения в порту.

— В этом бою мы еще раз уверились в удивительной живучести наших машин, — рассказывал Александр Федорович. — Самолет лейтенанта Беликова, например, возвратился на свой аэродром, имея семьсот пробоин в плоскостях и фюзеляже! Сильно пострадали и другие. Из нашей четверки вернулись все, кроме одного...

Кроме одного...

Это был самолет лейтенанта Василия Юра. Огнем фашистских истребителей на нем был выведен из строя один мотор. Героическими усилиями экипаж сумел сохранить свое место в боевом строю и отбомбиться по цели. Однако по выходе

группы из зоны зенитного огня «хейнкели» с новой яростью набросились на израненную машину. Экипаж героически отбивался, сбил одного стервятника. Но вот и второй мотор стал давать перебои. Летчик был вынужден покинуть строй. Этого только и ждали остервеневшие от неудач гитлеровцы. Атаки следовали одна за другой, стрелок-радист Иван Кузнецов ни на секунду не отрывался от пулемета...

Несмотря на все усилия летчика удержаться в горизонтальном полете, машина катастрофически теряла скорость и высоту. Мотор все чаще давал перебои. Надвигалось море, бескрайнее, безучастное. «Хейнкели» отстали, поняв, что машина обречена.

Окончательно смолк мотор. [53]

— Приготовить шлюпку! — в оглушающей тишине приказал Юр. — Снять парашюты, проверить спасательные пояса...

Аккуратно спланировав, посадил машину на воду.

Минуту спустя три человека остались в плену у пустынного моря. В довершение бед в момент погружения самолета с низенькой шлюпки волной смыло весла.

— Будем грести руками, — сказал командир.

Гребли до вечера. Ориентируясь по солнцу, направляли свое утлое резиновое суденышко к крымскому берегу.

Короткие южные сумерки быстро сгустились в ночь. Высыпали звезды. Штурман лейтенант Израиль Левинсон на глаз определился по ним.

— До Крыма не меньше двухсот километров. Без весел...

— Придумаем что-нибудь, — упрямо перебил Юр. — Главное — верить! Ребята нас не бросят...

Верили и гребли.

К полуночи посвежело, прижались друг к другу, дрожа в промокших комбинезонах. О сне никто не думал. Тоскливо глядели на лунную дорогу, чешуйчатой золотой лентой опоясавшую море, — где-то в конце ее скрывались родимые берега...

Снова гребли.

Перед рассветом море почернело, предутренняя короткая зыбь зашлепала в дутые борта шлюпки. Соленые брызги разжигали жажду.

Взошло солнце. Штиль. Зной. Пустынная слепящая гладь. Пить. Пить, пить... А воды в обрез, если даже рассчитывать на одни сутки.

Томительный день. Безжалостно жгущее солнце.

Гребли. Скупыми глотками неосвежающей, теплой воды изредка утоляли жажду. Опустить флягу за борт, чтоб охладить,

боялись: вдруг вырвется из усталой руки... [54]

Вторая ночь. Та же работа. Та же упорная вера, без слов.

К утру подул порывистый ветер, заштормило. Легонькое резиновое суденышко стало, как мячик, бросать с волны на волну. Временами накрывало, обдавало людей с головой. Грести стало невозможно и бессмысленно: шлюпку швыряло то в одну сторону, то в другую на десятки метров.

— Верить! — хрипло приказывал командир.

Верили. Страдали уже не от жары — от холода. Промокших до нитки голодных людей на ветру била дрожь.

Во второй половине дня шторм унялся, сменился устойчивым свежим ветром.

— Парус... — мечтательно пробормотал штурман.

— Парус! — скомандовал командир.

Взялись за работу. Спустя пять минут двое стояли по бортам шлюпки, растягивая в руках связанные рукавами комбинезоны. Третий удерживал шлюпку в нужном направлении, опустив в воду вместо весла ладонь в кожаной летной перчатке.

— Пошла! Пошла родная! — в восторге кричал штурман Левинсон.

Шлюпка, гонимая плотным попутным ветром, двигалась ровно и ходко, стремительно обгоняя клочья пены и пузыри на бурлящей за бортом воде.

К закату ветер стих, пришлось снова налечь на «весла».

— До берега километров восемьдесят, — определил штурман.

И еще одна ночь, третья, без сна. Морская вода разъедала потрескавшуюся кожу, каждая царапина на руке превратилась в саднящую рану. Двое гребли, третий пригоршнями вычерпывал воду из заметно обмягшей шлюпки.

В середине дня возвратился вчерашний шторм, еще более рассвирепевший. Шлюпку заливало, кидало с гребня на гребень, едва не ставило на борт. Держались за [55] веревочные леера, друг за друга. Сняли с ног по ботинку — вычерпывать воду.

Когда силы, казалось, совсем иссякли, увидели на горизонте землю. Тонкая темная полоска...

— Ур-ра-а-а!!!

Но радоваться оказалось рано. Шторм внезапно стих, сменившись мертвым штилем. И хоть надежда придала сил, темная кромка на горизонте к закату не сделалась шире...

Распухшими, одеревенелыми руками гребли всю ночь. С рассветом убедились: берег все так же далек. Как мираж.

Никто ничего не сказал. Гребли. Гребли и верили. Верили и гребли.

Когда солнце приблизилось к зениту, услышали звук мотора.

Вскочили, рискуя опрокинуть свой утлый ковчег, стали вглядываться в слепящее небо.

— Наш! Родной!!!

Закричали, как дети, замахали руками, шлемами, комбинезонами...

Самолет покачал крыльями — заметил! Сделав круг, заспешил в сторону берега.

Ожидание... Минуты как часы. Часы как сутки.

И вот в небе появился самолет. Другой — МБР-2. С полукруга сел на воду, осторожно подрулил к шлюпке. Несколько минут — и трое спасенных оказались на его борту. А затем — и в родном полку...

* * *

Большое значение имел тот бой в истории части. Он послужил толчком к совершенствованию тактики действий больших групп бомбардировщиков, к усилению вооружения самолетов. Для защиты со стороны задней полусферы на ДБ-3ф был установлен дополнительный — люковый пулемет. Соответственно и экипаж пополнился четвертым членом — воздушным стрелком. [56]

— Это и был ваш самый памятный день в первый месяц войны? — спросили мы у Александра Федоровича.

— Нет, это первая встреча с врагом в воздухе. А самый... Самый тяжкий для меня бей произошел три недели спустя, тринадцатого июля...

В тот день в полк поступил приказ: уничтожить мониторы[1] в порту Тульча. Шестерку бомбардировщиков вел заместитель командира полка Герой Советского Союза майор Александр Николаевич Токарев. Перед седьмым экипажем — капитана Семенюка — стояла особая задача: при подходе группы к цели отвлечь огонь на себя, подавляя зенитные средства противника, затем сфотографировать результат удара.

Было известно, что Тульча сильно защищена зенитками, потому и назначили на отвлекающий маневр этот экипаж: комэск Платон Семенюк, отличившийся еще в войне с белофиннами, был одним из лучших, хладнокровнейших летчиков полка.

До подхода к цели летели вместе с группой. Но вот в частых просветах между белыми облаками замелькала голубая лента Дуная. Толмачев сверился с картой.

— Отходим, командир!

Семенюк резко отдал штурвал, машина скользнула вниз, шестерка бомбардировщиков осталась за облаками. Хрустальный воздух, абсолютная видимость. Толмачев быстро отыскал среди

зелени, с трех сторон окаймляющей порт, характерные треугольнички зенитных позиций, летчик парой доворотов вывел бомбардировщик на одну из них. Но почему батареи молчат?

— Слева два «мессера»! — голос стрелка-радиста.

Вот в чем дело! Но машина уже на боевом курсе. Можно быть уверенным, рука Платона не дрогнет. Толмачев [57] тщательно прицелился, разрядил кассету осколочных бомб. Дал довороты на новую батарею. Застучали оба пулемета. Значит, «мессеры» бросились в атаку одновременно — сверху и снизу...

— Спокойно, Саша... Спокойно, не промахнись, — ровный голос в наушниках. Платон вел машину как по струне.

Вторая серия бомб устремилась к цели.

— Пара «мессеров» справа! — новый доклад Егорова.

Пулеметы захлебывались огнем. На секунду обратив взгляд к порту, Толмачев увидел водяные столбы, огромный куст дыма над палубой одного из серых низкобортных мониторов...

— Отворот влево! Фотографировать...

Семенюк заложил крутой вираж, стрелки продолжали отбиваться от бешено наседавших истребителей. Секунды — и самолет ляжет на курс для фотографирования...

В этот момент по плоскостям простучал град пуль. Раздался грохот. Машина вздрогнула, нос ее угрожающе пополз кверху. Толмачев запоздало ощутил тупой удар о спину, влажную теплоту под курткой...

— Платон, я ранен...

Ответа не было. Штурман резко обернулся, острая боль затмила глаза. В прорезь приборной доски увидел: летчик, смертельно бледный, бессильно привалился к борту кабины, на щеку из-под шлемофона сползла струйка крови. Свободный от рук штурвал мелко подрагивал, неудержимо сползая вперед...

Рывком выхватив из зажимов ручку аварийного управления, Толмачев вставил ее в гнездо, ноги бросил на откидные педали. Забыв о ранении, изо всех сил потянул ручку на себя. В глазах поплыли оранжевые круги, нос самолета продолжал описывать крутую спираль. Триммер! Рукавом смахнул кровь, заливающую глаза, нашел нужную ручку, плавно повернул ее...

Нехотя, как бы с натугой, машина перешла в горизонтальный полет. [58]

Теперь сектор газа! Вперед, до конца!

Натужно взревели моторы...

— Не сразу я понял, в чем дело, — вспоминал теперь Толмачев, — ранен в спину, а кровь заливает лицо... Тот же, должно быть, осколок, который смертельно ранил Платона, вдобавок задел еще и мне голову. Я в первый момент и не

почувствовал. Не до того было. Машина плохо слушалась рулей, давал перебои левый мотор... Сквозь шум в ушах слышу доклад Егорова: маслопроводы, шасси... на левой плоскости пробит бак, бьет бензин... Значит, опасность пожара! Ясно, до аэродрома не дотянуть, ни мне самому, ни машине...

Кровь со спины намочила под ним парашют. Сидя на скользком, справляться с педалями стало еще труднее. Все чаще наплывала опасная дурнота, обессиливающая дрожь...

Больше всего он боялся потерять сознание: каждое натужное движение отзывалось темнотой в глазах...

Самолет резко вывернуло в сторону — заклинило левый мотор.

Собрав последние силы, штурман надавил на педаль. Когда очнулся от секундного беспамятства, увидел внизу знакомую излучину Дуная...

* * *

С изуродованным шасси с высоты десяти-пятнадцати метров самолет «провалился» на поле. При ударе машины о землю Толмачев потерял сознание. После узнал, что его выметнуло из развалившейся, как картонный домик, кабины, отбросило шагов на двадцать в сторону...

Оба стрелка, Егоров и Якушев, остались целы и невредимы. Толмачев пролежал в лазарете месяц. За свой подвиг был награжден орденом Красного Знамени.

Командира эскадрильи капитана Платона Федоровича Семенюка жители Измаила с почестями похоронили на главной городской площади... [59]

Начинаем думать

Контрнаступление наших войск под Сталинградом благоприятно повлияло на ход борьбы на Кавказе. По всему чувствовалось, что готовится наступление и у нас. По дороге вдоль побережья Черного моря днем и ночью сплошным потоком двигались войска, разнообразная техника. Мы понимали, что все это идет на усиление Черноморской группы войск Закавказского фронта, действующей на новороссийском, туапсинском направлениях и на перевалах Главного Кавказского хребта.

Настроение у всех было приподнятое. Тем более у меня. В перспективе — освобождение Северного Кавказа, родных Минвод...

В декабре полк продолжал боевые действия на прибрежных коммуникациях, вел интенсивную воздушную разведку во всех районах западной части Черного моря, помогал крымским партизанам, сбрасывая им на парашютах продовольствие, оружие, боеприпасы.

13 декабря. Опять разведка. Объекты не новые — Феодосия, Ялта. Задача ясна, маршрут известен, противовоздушная оборона портов изучена. Лети, выполняй. Делай дело как следует, а там — что бог даст.

Так рассуждали мы раньше. Не так — теперь.

— Надо думать, — как-то сказал я Грише после возвращения из очередной разведки с хорошими снимками и с нехорошими дырами в плоскостях.

— Надо, командир! — он сразу понял. — На счастье надейся...

— В том-то и дело. Теорию вероятности помнишь? С увеличением числа опытов... Пять, десять раз прилетим еще с дырками и со снимками...

Слова показались знакомыми. Вспомнился разговор с замполитом — почем открытки в Феодосии, — похвала его, от которой... Ну да, это он и сказал: «Подумай!» [60]

Стали думать. Не только, как раньше, о каждом конкретном задании перед полетом, а вообще. Например, о трубках. Кто не знает, что у немецких зенитных снарядов дистанционные трубки имеют четные установки по сотням метров? Даже считается, что на нечетных высотах летать безопасней. Но это так, вроде приметы, толку от этого мало: рассеивание снарядов, как правило, превышает полсотни метров. Да и высотомер на больших высотах не обеспечивает такой точности.

Однако это нам послужило толчком.

Ясно, что самолет наиболее уязвим на боевом курса. В эти минуты маневр исключен. Нельзя отвернуть ни на градус, если не хочешь промазать: самолет не пушка, нацеливается всем корпусом, не стволом. То же — на курсе фотографирования, при плановой съемке. Направление менять нельзя. А высоту? Можно, наверно, на качестве снимков это особенно не отразится. В определенных пределах, конечно, в зависимости от расстояния до цели.

Этим и занимались в последние дни мы с Гришей — выясняли пределы. Высчитывали, составляли таблицы, кое-что проверяли в полетах. Выявляли возможности маневрирования по высоте с целью затруднить пристрелку фашистским зенитчикам.

Волнообразный полет! Вот к чему мы пришли в итоге. Не мы, наверно, первые, но какая разница, А главное, теория — это одно, а практика...

Вот почему к обычному предполетному волнению в это утро примешивался какой-то особенный интерес. Азарт первооткрывателей...

Стартовали с восходом солнца. У побережья видимость неплохая, четко просматриваются языки леса по склонам гор, поселки с беспорядочно раскиданными, по обычаю этих мест, домиками, отдельные стройно спланированные, но лишенные признаков жизни участки санаториев... [61]

Не дойдя до Сочи, отвернули в море: зона досягаемости истребителей противника.

— Усилить наблюдение за воздухом!

Без приключений достигли крымского берега. Но тут нам не повезло. Феодосия закрыта туманом, фотографирование невозможно.

Снова уходим в море — обогнуть посты воздушного наблюдения, незамеченными выйти к следующему объекту. В районе Ялты видимость есть. Снижаемся до двух тысяч, берем курс на порт. Навстречу — плотный заградогонь.

— Проходи мимо, — советует Сергиенко. — Попробуем обмануть.

Идем стороной. Разрывы следуют за нами. Нет, не удастся сегодня нам наша «волновая тактика», слишком рано были замечены. Видимость — палка о двух концах. Придется маневрировать курсом.

Резко разворачиваюсь на город. Разрывы остаются слева. Спустя минуту снова обкладывают машину.

— Теория вероятности, — пробует шутить Гриша. — Отверни влево на тридцать градусов...

Мгновенно выполняю разворот и тут же начинаю новый — на

заданный курс для фотографирования.

— Так держать! — Сергиенко начинает съемку.

Зенитчики пристрелялись, вокруг сплошной ад. Машина вздрагивает, как на ухабах. Чуть снижаюсь, вновь подымаюсь...

— Все! — выдыхает штурман.

Моментально ставлю машину почти на ребро, со снижением ухожу в сторону моря.

Панов передает на землю:

— В порту Ялта обнаружен транспорт водоизмещением две тысячи тонн...

Вижу, как Гриша стирает перчаткой пот, обильно стекающий из-под шлема. [62]

— Да... — вздыхает. — Устроили фрицы нам волнообразный полет!

— Думал, машина не выдержит, — выключает морзянку Панов. — До хруста в суставах крутил ее командир.

— Свои суставы пощупай, — советует Жуковец.

— Ну-ну, разболтались! В оба смотреть!

Молодцами держались ребята.

Осмотрев машину после посадки, техник Миша только покачал головой.

— К утру залатаешь?

— Было бы что латать...

— Ну-ну, не нарочно же подставлялись. Замполит придет дыры считать, скажи: думаем!

На отпечатанных снимках четко был виден транспорт, стоявший под разгрузкой в порту Ялта.

Остается надежда

Наступила полоса дождей. Видимость нулевая, аэродром — черноземное пахотное поле. Но и в этих условиях разведка не прекращалась. Летали у берегов Болгарии, Румынии, где погода была получше. Удачно действовал в третьей эскадрилье экипаж капитана Саликова. 17 декабря обнаружил в районе Евпатории транспорт и танкер в охранении двух тральщиков и самоходных барж. На другой день — у мыса Херсонес три сейнера...

Но вот и активные действия. 19 декабря в паре с Дулькиным вылетаем на «свободную охоту» в качестве торпедоносцев. Паша Дулькин — старший лейтенант, товарищ по 36-му полку, не раз вместе летали. Умелый, решительный летчик.

Опыта действий торпедоносцев в 5-м гвардейском полку, по сути, не было. У нас с Дулькиным кой-какой был. Трудное это дело — торпедная атака вражеского конвоя. Жесточайшее противодействие с кораблей неизбежно, маневр на боевом курсе исключен. Здесь — кто [63] кого. Все решается в считанные секунды. Сближение с целью — на высоте двадцать-тридцать метров, сброс торпеды — с дистанции четыреста — пятьсот. Успех решают выдержка, хладнокровие и — что там умалчивать — храбрость.

Тщательно обшариваем прибрежные морские коммуникации Крыма. Плавсредств нет. Пролетая Балаклаву, замечаем у входа в порт три сторожевых катера. Еще два — у входа в Северную бухту Севастополя. Идти на них с торпедами — все равно, что из пушки по воробьям. Снизились, обстреляли из пулеметов. Повторных заходов не делали: катера находились в зоне противовоздушной обороны портов.

Время возвращаться на аэродром...

С несброшенными торпедами вернулась и вторая, сменившая нас на «охоте», пара торпедоносцев — экипажи комэска-2 майора Минчугова и капитана Василенко.

Экипаж капитана Николая Саликова, выполняя разведку возле румынского побережья, обнаружил тральщик противника. Несмотря на сильный зенитный огонь, четырежды атаковал корабль эрэсами. Самолет получил три прямых попадания снарядов — в бензобак, стабилизатор и штурманскую кабину. Штурмана капитана Федора Аглоткова ранило осколками в ноги, руки, лицо...

Поздно вечером стало известно, что от экипажа третьей эскадрильи, выполнявшего особое задание, поступила тревожная радиограмма: «Имею неисправность. Возвращаюсь».

Ждали до поздней ночи.

Самолет так и не вернулся...

Это был экипаж капитана Федора Клименко, он должен был высадить парашютиста, переодетого в румынскую форму, в районе Троицкое, за Мелитополем.

Отважный, надежно слаженный экипаж, воевавший с первых дней войны. О нем следует рассказать особо.

Про Федора Клименко в полку говорили: «Летчик от [64] бога!» Коммунист, храбрый и умелый командир, он к тому времени успел сделать двести пятьдесят шесть боевых вылетов, из них сто тридцать семь — ночью. Был награжден двумя орденами Красного Знамени. Под стать командиру были и члены его экипажа — штурман Михаил Гордеев, стрелок-радист Михаил Гусев, воздушный стрелок Иван Довбня.

Вместе они громили фашистов в Констанце, Плоешти, Сулине, Тульче, Галаце; защищали Одессу, Керчь и Новороссийск. Все четверо — севастопольцы! С первого до последнего дня обороны славного города-крепости находились на аэродроме Херсонесский маяк, откуда совершили сто боевых вылетов. Поднимались в воздух по три-четыре раза в сутки. Тридцать четыре раза участвовали в налетах на вражеские аэродромы. Севастопольской группой 5-го авиаполка, которая состояла из шести-семи самолетов и которой командовал наш комэск майор Чумичев, с 15 февраля по 30 июня сорок второго года на аэродромах было уничтожено шестьдесят самолетов противника. На ростовском участке фронта, действуя в одиночку, экипаж Клименко метким бомбовым ударом разрушил понтонную переправу гитлеровцев через Северский Донец, уничтожил несколько фашистских танков в районе станицы Тацинской. В Феодосийском порту торпедировал транспорт...

Много замечательных дел было совершено экипажем и при нанесении массированных групповых ударов — о них часто рассказывалось в полку, в них отразилась история первых двух лет боевой деятельности гвардейцев, их гордость и слава.

Действуя в составе ударных групп, отважный экипаж топил вражеские корабли на черноморских коммуникациях и в базах, участвовал в одной из самых труднейших операций — разрушении Черноводского моста через Дунай, бомбил передний край, тыловые объекты и аэродромы фашистов на одесском, крымском, северо-кавказском [65] участках фронта, под ураганным огнем зениток ставил минные заграждения в Керченском проливе...

Весьма памятным был налет на занятые противником Сарабузский и Сакский аэродромы. Внезапным, отлично

организованным ударом гвардейцы уничтожили на земле десятки самолетов противника, сожгли цистерны с бензином, взорвали склад торпед, разрушили казарменное помещение, под обломками которого нашли свою смерть десятки гитлеровских летчиков...

Марфовка, Семь Колодезей... Названия этих безвестных до тех пор населенных пунктов не сходили с уст летчиков полка в трудную осень сорок первого. Много живой силы врага, танков, орудий и самолетов уничтожила эскадрилья в ожесточенных боях. Были потери. В одном из вылетов на Марфовку погибли отважный комэск капитан Иван Скориков, штурман эскадрильи старший лейтенант Алексей Албул и стрелок-радист краснофлотец Михаил Табачник. Лишь летевшему в составе экипажа начальнику связи эскадрильи лейтенанту Павлу Тюлюбаеву удалось покинуть горящий самолет. Под огнем врага он приземлился с парашютом на нейтральной полосе, и, раненного, его вынесли в свои окопы наши пехотинцы...

Несмотря на превосходство сил врага, наши войска часто переходили в контратаки. Вооруженные до зубов гитлеровцы не выдерживали дерзких ударов советских пехотинцев и моряков.

В один из таких дней эскадрилья, в которой служил Клименко, получила приказ нанести бомбовый удар по отступающему противнику. Гитлеровцы широкой лавиной в беспорядке бежали по дороге и по степи вдоль нее. При появлении наших самолетов паника на шоссе усилилась, техника сбилась в «пробки». Девятка бомбардировщиков вышла на цель в строю «клин». Замыкающим в ней летел Клименко. Через минуту на всем пути отступления гитлеровцев густо встали кусты разрывов осколочных бомб. Затем эскадрилья в том же строю развернулась, [66] снизилась до минимальной высоты и проутюжила дорогу разящим пулеметным огнем, оставляя за собой сотни вражеских трупов...

Гитлеровское командование с опозданием подняло с ближайших аэродромов восемнадцать истребителей — по два на каждый наш бомбардировщик. Чтобы исключить возможность атаки снизу, эскадрилья перешла на бреющий полет. Еще более сомкнула строй. На всем пути от Керченского полуострова до станицы Крымской «мессеры» яростно атаковали отважную девятку, стремясь отомстить за разгром своей отступавшей колонны. Однако стрелки-радисты метким и плотным огнем отгоняли их, действуя по принципу «Защищай товарища, а он защитит тебя».

Вдобавок к огромным потерям на шоссе фашисты недосчитались нескольких истребителей. Ни один из наших

бомбардировщиков не был сбит. Поврежденный самолет Федора Калмыкова сделал вынужденную посадку на Таманском полуострове. Тяжело ранены были Виктор Беликов и его стрелок-радист Алексей Шлыков. Довести до аэродрома сильно поврежденную машину помог комиссар эскадрильи старший политрук Петр Карпов, летевший с Беликовым в качестве штурмана.

В экипаже Клименко были ранены стрелок-радист Михаил Гусев и воздушный стрелок Петр Довбня. Машина получила значительные повреждения: было перебито замковое соединение шасси, срезано заднее колесо. Обычно в таких случаях посадка производится с убранным шасси, на фюзеляж, и машина, как правило, выходит из строя. Клименко, однако, сумел посадить самолет на одно колесо и спасти машину...

Экипаж и до этого боя много раз отражал атаки вражеских истребителей, на его счету было три сбитых «мессера». В дни ожесточенных оборонительных боев за Новороссийск в августе сорок второго года звено Клименко в составе эскадрильи майора Чумичева нанесло сокрушительный [67] бомбовый удар по быстроходным баржам, с которых враг готовился высадить десант на Мысхако. Много барж было потоплено, остальные вынуждены были уйти в сторону Керченского пролива...

Доблестный, замечательный экипаж! Каждый из четверых — настоящий герой.

И вот — с задания не вернулись...

* * *

В тот же день, 19 декабря, шесть экипажей полка вылетели на обеспечение действий наших боевых кораблей, проводивших ночной обстрел портов Феодосия и Ялта. Из-за сложных метеоусловий подсвечивание портов светящими бомбами и корректировка артиллерийского огня не удались. Бомбоудар как отвлекающий маневр был выполнен только по порту Феодосия экипажем старшего лейтенанта Бабия.

На обратном пути корабли прикрывались четырьмя экипажами, вылетевшими перед рассветом. Одна пара сопровождала эскадренный миноносец «Незаможник» и сторожевой корабль «Шквал», вторая — лидер «Харьков» и эскадренный миноносец «Бойкий».

Во второй половине дня 20 декабря наш самолет был направлен на поиск экипажа Клименко. Кроме того, мы должны были произвести разведку погоды и фотографирование портов Феодосия и Ялта: командованию флота необходимы результаты ночного артиллерийского обстрела.

Вместо заболевшего Коли Панова летел сержант Павел Лелеко — опытный стрелок-радист из отличного, слаженного, пользующегося заслуженным доверием экипажа старшего лейтенанта Бабия.

Задание сложное. Перед вылетом я обратил внимание всех членов экипажа на то, чтобы быть особенно осмотрительными: надо ожидать, что после вчерашнего обстрела Ялту и Феодосию будут усиленно прикрывать истребители, а над морем возможны встречи с самолетами-разведчиками [68] противника, рыскающими в поисках наших кораблей.

Феодосийский залив оказался закрытым низкой облачностью. Решил снизиться. Но и на высоте двадцати-тридцати метров над водой видимость из-за тумана была крайне ограниченной. Сфотографировать порт не удалось.

От мыса Меганом до траверза Гурзуфа летели вдоль берега. Сколько ни всматривались в поверхность моря, нигде не было видно ни шлюпки, ни каких-либо предметов, указывающих место аварии самолета...

К Ялте подошли с запада, прикрываясь нижним краем облаков, так что наше появление оказалось полной неожиданностью для противника. С высоты тысячи метров отлично сфотографировали порт и визуально зафиксировали, что в нем находятся один тральщик, три самоходные баржи и до полутора десятков мелких судов. Четыре стокилограммовые бомбы, сброшенные Гришей, разорвались в северной части порта, накрыв портовые сооружения. О наличии плавсредств Лелеко немедленно доложил на землю радиограммой.

— Почаще бы так зевали фрицы! — подвел итог действиям Жуковец.

— Привыкли к шаблону, — пояснил штурман. — Избаловались...

— А кто их избаловал? — задал ехидный вопрос Лелеко. И тут же: — Самолет справа!

— Заболтались!..

Нет, противник был обнаружен вовремя. «Юнкерс-88», пересекая наш курс, летел в сторону Крыма. Очевидно, возвращался с разведки.

— Стрелку-радисту смотреть за воздухом, воздушному стрелку продолжать поиски на воде!

В море всматривались мы все. С надеждой, с боязнью. С надеждой найти товарищей в живых. С боязнью [69] обнаружить что-либо, свидетельствующее о их гибели...

Нет. Ничего.

Остается надежда...

Полет с ветеранами

К аэродрому подлетали в сумерках. Низкая облачность, дождь...

У капонира нас ждал весь технический экипаж. По лицу Белякова видно было, что он чем-то озабочен.

— Все в порядке, командир?

— В порядке. Боишься, что много дырок привез?

— На этот раз да, командир. Задание получил: срочно подготовить машину к ночному вылету, подвесить тринадцать ФАБ-сто. Срок — тридцать минут, тут не до дырок...

Я только присвистнул. Дела...

— Давай, Миша! Оставлю стрелков тебе в помощь.

В штабе майор Сергей Павлович Колесин, выслушав наш доклад, приказал штурману нанести на план порта обнаруженные плавсредства.

— Сами и полетите бомбить. Мы уже подготовили по вашей радиограмме четыре экипажа. Ваш — пятый. Готовьтесь!

— Есть!

Из дверей вынырнули в кромешную тьму. По-прежнему моросил дождик.

— Перекусить не забежим, командир?

— Некогда, Гриша! Сообразят там стрелки что-нибудь...

У машины нас ждал Беляков.

— Самолет к боевому вылету готов!

— Молодцы!

Однако ночной полет не состоялся. Прибежал посыльный: [70] из-за плохой погоды задание отложено до утра.

— Ну вот, теперь можно и поужинать...

Наутро отправились на задание в составе четырех самолетов. Группу возглавил сам подполковник Канарев. Ведомые — капитан Бесов, старшина Литвяков и я. С Бесовым летел в качестве воздушного стрелка замполит полка майор Забежанский.

К крымскому берегу летим над морем. Впереди меня — машина Бесова. Чувствуется, что летчик утратил навык: неуверенно выдерживает дистанцию, интервал. Ничего удивительного: это первый его боевой вылет после тяжелого ранения.

Я даже помню, как это было.

В тот день, 24 августа, мы вместе с гвардейцами наносили бомбоудар по скоплению войск в станице Неберджаевской. Небо кипело от разрывов, бомбардировщики прорывались к цели буквально сквозь стену огня...

Вот появились и вражеские истребители. Группу гвардейцев атаковали семь «мессеров», нашу — четыре. Мы уже успели отбомбиться и в коротком бою отбились, не понеся потерь. Больше того, на счету моего экипажа появился первый сбитый «мессер» — его меткой очередью сразил Николай Панов.

Гвардейцам пришлось труднее. Группа, ведомая командиром полка подполковником Токаревым — теперешним нашим комбригом, — как раз заходила на цель, когда на нее навалились истребители. Одна из машин — летчика Федора Шапкина — была сбита и приземлилась на территории противника. В самолете Токарева осколком снаряда пробило консольный бензобак, загорелась плоскость. Отважный командир не сошел с боевого курса, пока его штурман майор Толмачев не сбросил бомбы точно по цели. Затем опытный летчик умелым маневром вышел из боя, перелетел передний край и посадил горящую, с поврежденным шасси, машину на одно [71] колесо на ближнем аэродроме Мысхако. Самолет был спасен и уже вечером того же дня смог перелететь на свой аэродром...

Самолет командира звена капитана Бесова был тяжело поврежден истребителями, сам Бесов ранен в обе ноги. Штурман, капитан Николай Крыхтин, тоже ранен в ногу, стрелок старший сержант Михаил Дробот — в живот. Истекая кровью, отчаянными усилиями воли удерживая сознание, герой летчик сумел довести почти неуправляемую машину до своей территории и посадить в Геленджике...

Теперь он совершал свой первый боевой вылет после трехмесячного перерыва. Важный момент в жизни летчика. После ранения вообще бойцу в бой идти трудно, а тут еще и утрачен навык. Да и ноги, как их ни тренируй... На земле оно, может, и незаметно, а при управлении тяжелой машиной ноги значат не меньше рук. Психологически важный момент. Даже при маленькой неудаче можно надолго утратить уверенность. Вот ведь с перебитыми ногами сумел тогда посадить самолет на одно колесо, а теперь в строю «гуляет»...

Ловлю себя на том, что невольно подлаживаюсь к едва заметным его «сбоям». Чтобы для него самого сделать их незаметными. И для летящего с ним замполита, для командира полка. Впрочем, они-то, конечно, все понимают. Потому и сел за стрелка замполит. Потому и сам Канарев, возможно, возглавил группу. Важное это дело — вернуть летчика в строй. А уж такого, как Бесов...

Ценит Канарев ветеранов полка, хоть он в этой части недавно. Но тоже воюет с начала войны, два ордена Красного Знамени. Трех месяцев нету, как принял полк, а авторитет его у

гвардейцев полный. И это после Токарева! С виду строг, суховат, о себе говорить не любит. Зато все, кто его раньше знал, рассказывают о нем легенды... [72]

Вот один случай, почти забавный. О нем рассказал капитан Козырин, служивший в его полку. Полк, которым командовал Виктор Павлович Канарев в начале войны, имел на вооружении МБР-2. Это были легкие гидросамолеты лодочного типа, фанерные тихоходы, вооруженные двумя пулеметами ШКАС.

Осенью сорок первого полк перелетал из осажденного Севастополя в Геленджик. Командир покинул аэродром последним. В районе Ялты, в то время еще находившейся в наших руках, его внезапно настиг «мессершмитт». Канарев прижался к воде и направил свой самолет к порту. Истребитель пошел в атаку. Пулемет воздушного стрелка коротко прогрохотал и отказал, захлебнулся. Сообразив это, фашист зашел сзади. Но огонь его пушки и пулеметов вспенил воду впереди тихоходной летающей лодки, упреждение оказалось слишком большим. От следующей атаки Канарев в самый последний момент увернулся, сноп огненных трасс пронесся справа. Раздосадованный неудачами фашист наседал. Ранен штурман. У Канарева оставалась одна надежда — дотянуть до берега, под прикрытие наших зениток. Фашистский летчик, разгадав это, зашел спереди, преграждая путь. Канарев успел долететь лишь до маяка на краю далеко уходящего в море портового мола...

Атака. Казалось, конец неизбежен. И тогда Канарев решил укрыться за маяком. Заложил крутой вираж и стал ходить кругами у основания высокого бетонного сооружения, едва не задевая крылом волну. Большая угловая скорость, малый радиус виража стали надежными союзниками беззащитного самолета. Вражеский истребитель со страшным ревом гонялся за ним на стремительных виражах, то взмывая вверх, то пикируя, но никак не мог уловить момент для верной атаки и только без пользы расстреливал боезапас. У раздосадованного неудачами фашиста начали сдавать нервы. Он стал закручивать виражи, [73] ставя машину почти на крыло, пикируя чуть не до самой воды...

В какой-то момент Канарев потерял его из виду. Не отрываясь от спасительного маяка, осторожно огляделся. Где он? Не видно. Покрутившись еще несколько минут, отошел недалеко в сторону и стал делать «змейки», просматривая заднюю полусферу. Преследователь не появлялся...

До самого Геленджика, виляя на курсе, Канарев внимательно следил за воздухом, ожидая подвоха. Однако все обошлось благополучно.

На аэродроме его обступили ликующие друзья:

— Поздравляем, товарищ командир! Ура!

— С чем поздравляете? Ради чего «ура»?

— Как же! Вы сбили «мессер»...

— Я? Скажите спасибо, что он меня не угробил. А нам по нему и стрелять не пришлось...

— Во! Так и передали из Ялты: чистая победа, без единого выстрела...

Победило самообладание, мастерство. На одном из виражей или при выходе из пикирования потерявший контроль над собой фашист задел крылом воду...

Все это промелькнуло сейчас в голове не с такими подробностями, конечно. Полет есть полет, тем более в тесном строю, когда надо не только следить за приборами, но и ни на секунду не упускать из виду соседей.

Вот и Ялта на горизонте, тот самый маяк. И теперь нам сослужит службу — ориентир для захода на порт. Интересно, что сейчас чувствует командир? После войны приедет сюда отдыхать в санаторий, попросит у портового начальства разрешения пройти на мол. На катере подвезут его к маяку — смотрите! Объедет, найдет следы пуль и снарядов. Может, как раз в это время и водолазы, очищая вход в порт, извлекут на свет незадачливый «мессер»... [74]

Однако я размечтался. До тех пор надо дожить, а пока... Вот он, порт с вражескими кораблями. Отличная видимость! Жаль, не для нас одних. Во, уже ставят заградогонь дальнобойные. Здорово стрелялись — стена! Ну-ка, что сделает командир? Ни минуты раздумья! Резкий маневр и по высоте и по направлению... Ага, отстали?

Перед молом — уже все калибры. Трассы, шнуры «эрликонов»... Ну? Решают секунды. Ну? Когда же... Есть! Ведущий на боевом, безошибочный выход...

Иду точно в хвост Бесову. Нет, братцы, мастер есть мастер! Сразу вернул себе все — скользит, как по струнке. Телом чувствую, как вздрагивает его самолет, справа, слева разрывы... Вздрогнул и мой... Но у Бесова бомболюки уже открыты...

Сброс!

Вот она жизнь! При нас! Резкий маневр, на крыле, истребительный, вдохновенный... Шапки, пунктиры — все в стороне. Моментально подстраиваюсь к ведущему, стрелки фотографируют результат. Цели накрыты, большего увидать невозможно за дымом. Объективы позорче, им внимание рассредоточивать не требуется, как нам...

* * *

На аэродроме узнали, что вылетевший раньше нас на воздушную разведку экипаж капитана Лобанова успел возвратиться с боевого задания. Обнаружил в порту Констанца транспорт водоизмещением пять-шесть тысяч тонн, на обратном пути атаковал сейнеры у крымского берега.

Благополучно возвратились и торпедоносцы — экипажи капитана Василенко и лейтенанта Жесткова, — вылетевшие на поиск плавсредств на морских коммуникациях. Обнаружили в районе Балаклавы танкер противника водоизмещением тысяча пятьсот тонн в охранении шести сторожевых катеров, атаковали его. Сброшенные [75] торпеды прошли в десяти метрах от носа танкера, который успел застопорить ход. По торпедоносцам велся сильный огонь с кораблей охранения и «Гамбурга-140», прикрывавшего танкер с воздуха...

Призрачный частокол

На следующий день вечером получили задание произвести разведку погоды у побережья Крыма от Феодосии до Ялты и нанести бомбоудар по плавсредствам в порту Феодосия. Запасная цель — порт Анапа. Полет предстояло выполнить ночью.

Взлетели перед заходом солнца. Понимая, что от нашей разведки зависит вылет на бомбоудар группы самолетов, стараюсь точно выдержать заданный штурманом курс на мыс Чауда, чтобы немедленно по радио передать погоду в районе Феодосийской бухты.

Быстро спускается ночь, лишь впереди чуть просматривается полоска горизонта — последний знак угасшего заката.

С траверза Новороссийска погода резко ухудшается. Вскоре уже летим по приборам.

— Командир, проходим Чауду, — докладывает штурман.

Разворачиваюсь влево — посмотреть, что делается на подходах к Феодосии. Сплошная облачность. Увлекшись наблюдением за погодой, долго держусь на одном курсе.

Неожиданно перед самым носом самолета возникает слепящий огненный частокол...

Ничего не поняв, рву до отказа штурвал влево...

Снова кисельно-густая тьма. Чувствую слабость. Почудилось, что ли? Из-под шлемофона стекает пот.

Молчу. Молчит и экипаж.

— Командир, что будем делать дальше? — слышится наконец нерешительный вопрос штурмана. [76]

— Задание выполнять, Гриша! — пытаюсь овладеть голосом. — А что?

— Тогда курс на Ялту...

— Есть!

Значит, и штурман считает, что показалось. Но не могло ж показаться двоим? И вдруг вспоминаю: радары! Майор Конзелько, начальник разведки, на прошлой неделе предупреждал...

— Как самочувствие, Гриша? Понял, что это было?

— Не очень, командир...

— Наводка по радарам! Едва не влипли.

— Да? А я уж подумал, с ума схожу...

— Сойдешь тут! Хорошо, обошлись испугом. Наперед на носу зарубим: при любой видимости вести себя над противником так же, как солнечным днем!

— Да, засиделись на курсе...

— Зато и виражик дали! — первым из стрелков откликается

Коля Панов. — Как у тебя, Саша, косточки целы?

— Первое знакомство с новой техникой противника, — не очень бодро комментирует Жуковец. — Душа в теле, а кости дома проверим...

Ялта тоже была закрыта сплошной облачностью. Панов передал на землю вторую неутешительную радиограмму. Берем курс на Анапу — запасная цель.

По расчету она уж под нами. Сквозь редкие разрывы в облаках временами просматривается берег. Разворачиваюсь, делаю повторный заход. Штурман уточняет курс. По нам не стреляют. «Не точно вышли?» — мелькает мысль. В тот же момент голос Сергиенко:

— Бомбы сбросил!

Отворачиваю вправо. В разрывах облачности видны всполохи рвущихся бомб. Затем облака освещаются разрывами зенитных снарядов, пронизаются трассами автоматов...

— Проспали, голубчики! — смеется Гриша. [77]

Рад, что расчеты его подтвердились. И у меня гора с плеч. Бывает, что и вражеский огонь настроение поднимает. Не то что над Феодосией, до сих пор по спине мурашки...

В штабе после нашего доклада майор Колесин подвел итог:

— Значит, разведданные о радарах на зенитных батареях в Феодосии подтвердились. Надо ждать, что со временем и в других крупных портах установят эту новинку. Соответственно будет меняться и наша тактика. Первый вывод для себя сделали? Завтра предупредим остальных. Хорошо, что благополучно отделались...

И, как всегда, похвалил не нас — мы уже знали эту его манеру.

— Капитан Саликов молодец! Аккуратненько произвел съемку портов Болгарии. В Бургасе обнаружил плавсредства, в Варне... Семь часов в воздухе. И от истребителей сумел уйти в облачность...

Это нам для затравки. И тут же:

— Кстати, на завтра для вас уже есть задание. Приказано вновь произвести воздушную разведку с аэрофотосъемкой портов Феодосия, Ялта и Севастополь. В Севастополе сфотографировать полузатонувший крейсер «Червона Украина». Есть данные, что немцы решили поднять его. Ясно?

— Ясно.

— Вылет с рассветом. Завтра все уточним.

«Завтра» уже начиналось. По пути в городок Саша Жуковец рассказал о гибели «Червоной Украины» — он был тогда в Севастополе.

— В ноябре сорок первого это было, когда отражали первое наступление фашистов на Севастополь...

...Крейсер «Червона Украина» стоял в бухте на якоре и третьи сутки, не меняя позиции, вел почти непрерывный огонь по врагу, нанося ему большой урон. 12 ноября вражеская авиация совершала массированные налеты на [78] город и порт. Более двадцати самолетов атаковали крейсер. Шесть бомб попало в него, корабль принял около четырех тысяч тонн забортной воды. Около суток личный состав самоотверженно боролся за жизнь крейсера. Но повреждения оказались настолько серьезными, что по приказу командования экипаж вынужден был покинуть корабль. Вскоре он затонул...

К рассвету, успев поспать четыре-пять часов, наш экипаж был уже снова в машине. На этот раз мы решили изменить устоявшуюся схему разведки Крымского побережья: начать не с востока, с Керченского пролива, а с крайней западной точки. Над морем полетели прямо на Севастополь.

— Целесообразно взять курс на мыс Сарыч, — предложил штурман. — Ай-Петри и Роман-Кош наверняка возвышаются над облачностью, помогут точно выйти на цель.

— Согласен, уточни курс.

После полуторачасового полета вышли в район Севастополя. Город плотно закрыт облачностью. Решили снизиться, пробить облака и под ними выйти на севастопольские бухты. Однако облачность оказалась слишком низкой, дальнейшие попытки могли обернуться бедой: район изобилует возвышенностями.

Снова набрав высоту, долетели до Ялты. Видимости никакой. И так — по всему побережью.

Ничего не поделаешь, зима...

В роли Деда Мороза

Да, зима. Облачность, туманы, слякоть на аэродроме...

Зачастую полеты приходится переносить, отменять. Но есть такие, которые ни отменить, ни отложить невозможно.

С самого начала партизанской войны в Крыму полк [79] активно взаимодействовал с народными мстителями. В конце декабря 1942 года крымские партизаны оказались в крайне тяжелом положении. Собрав вместе все свои отряды, они укрылись высоко в горах, в густых заповедных лесах, где вскоре были окружены карательными войсками и полицаями. Фашистское командование не спешило с решительными операциями, надеясь, что без запасов продовольствия и боеприпасов партизаны продержатся недолго.

Помощи они могли ожидать только с воздуха. И летчики-гвардейцы делали все возможное, чтобы пробиться к ним. Летали при любой погоде, днем и ночью. Часами высматривали в тумане выложенные на земле опознавательные знаки. Снижались, рискуя врезаться в горы...

Первым удалось сбросить груз — три мешка с продовольствием и боеприпасами — экипажу старшего лейтенанта Бабия. Выход в партизанский район он выполнил по расчету времени от Алупки, сброс произвел из-за облаков.

На другой день этот же экипаж, уже с шестью мешками на борту, снова вылетел в Крым. Но в пути у одного мешка, подвешенного под фюзеляжем, раскрылся парашют. Скорость резко уменьшилась, самолету грозил срыв в штопор. Летчик сбросил груз с внешней подвески на аэродром Адлер, остальные мешки доставил к месту. И в тот же день вечером вылетел вновь. Еще четыре мешка со спасительным грузом были доставлены друзьям-партизанам...

Удачно совершали полеты с грузами для партизан экипажи лейтенанта Жесткова, капитана Василенко, капитана Саликова, старшего лейтенанта Дулькина, старшины Литвякова...

В те же последние дни декабря осуществлялись полеты самолетов-»охотников» на поиск кораблей противника у Крымского побережья, велась воздушная разведка портов и коммуникаций. [80]

Весьма удачной была, например, дальняя воздушная разведка старшины Литвякова. 27 декабря он вылетел на фотосъемку портов Констанца и Сулина. Восемь часов длился полет, экипаж настойчиво пробивался к цели на малых, сверхмалых высотах, под облаками, умело обходя районы дождей и туманов. Выйдя к

Констанце на высоте пятидесяти метров, экипаж с минимального удаления перспективно сфотографировал порт. На снимках видны были даже фигуры людей, находившихся в тот момент на молу...

Да, декабрь был тяжелым. Кисельная облачность, непробиваемые туманы, взлетная полоса — как размытый дождями проселок... Четырнадцать самолетов в строю полка...

Летали. Не пропускали ни дня. Регулярно поставляли штабам разведданные, наносили удары по кораблям и судам. Сделали практически невозможными для противника интенсивные перевозки военных грузов на важнейшей коммуникации Севастополь — Керчь — Анапа...

31 декабря после обеда за мной прибежал посыльный: приказано прибыть в штабной домик к комэску.

— Как воюется? — чуть улыбаясь глазами, спросил Чумичев.

— Нормально, товарищ майор.

— Как экипаж? Перегрузки не чувствуете?

— Готовы летать вдвое-втрое больше.

— Ну-ну, молодцы! Налетали вы много. А как насчет отдыха, а? На курорт не желаете съездить?

Что тут скажешь? Задание, что ли, какое имеет в виду? Но и для шуток ведь есть пределы...

— Ну вот, Минаков, ты и растерял-си, — весело рассмеялся комэск, кстати вспомнив слова из известного фильма. — Вполне серьезно! Решили мы вас всем экипажем отправить в дом отдыха в Хосту. Не возражаете? После Нового года, с 3 января. Отдохнете там две недельки. [81] А потом уж подумаем, удвоить вам боевую нагрузку или утроить. Договорились? Воюете вы по-гвардейски. Так и держать!

Смущенно поблагодарив командира, я поспешил к ребятам, поделиться необычайной новостью. Приятно быть Дедом Морозом, тем более фронтовым...

Вылетов в тот вечер не было. В столовой по-праздничному накрыли столы. Первым взял слово майор Аркадий Ефимович Забежанский. Коротко обрисовал обстановку на фронтах, рассказал об успехах наших войск под Сталинградом. Командир полка подвел итоги боевых действий части за истекший год.

Тостов, понятно, было немного. Но сколько было — все от души. Пожелали друг другу в новом году каждую бомбу, торпеду, ракету направлять точно в цель, еще беспощадней громить ненавистных фашистов...

Для меня минувший год был особенно памятным. В сорок втором я попал на фронт, меня приняли в партию. Вручили первую награду — орден Красного Знамени, присвоили звание

лейтенанта, я стал гвардейцем. Набрал личный счет — шестьдесят два боевых вылета...

Вспомнил старых друзей, с которыми начинал фронтовой свой путь и которых теперь здесь не было. Дима Никитин, скромный, застенчивый паренек с русым чубом, который никак ему не удавалось запрятать под фуражку, — отважный штурман, вернейший товарищ в бою... Светлоглазый весельчак Алеша Лубенец, с виноватой улыбкой в день расставания... Озабоченно-деловитый, серьезный не по годам техник Ваня Варваричев, латавший-перелатавший нашу заколдованную «семерку»...

Дима учится где-то в тылу и, конечно, мечтает о фронте. Может, встретимся, вместе еще полетаем, как понадеялись при прощании. Иван и Алеша остались в тридцать шестом...

Вспомнил Новый год перед войной, в родном доме в Минводах. Это был первый мой командирский отпуск. [82]

И последний, как оказалось. Вот бы где побывать сейчас! Вместо дома-то отдыха в Хосте. Хоть на денечек, далеко ли до Минвод. Мать, отец там, Тамара, с которой в тот памятный отпуск условились встретиться будущим летом, чтобы не разлучаться уже до конца жизни...

«До тебя мне дойти нелегко...»

Родные Минводы еще оставались под тяжкой пятой врага...

Из биографии доктора Челушкина

1 января наш экипаж заступил на дежурство — пятнадцатиминутная готовность к вылету на воздушную разведку. Накануне я, видимо, простудился, да как-то странно: затек левый глаз. В обычное время на стоянке дежурных самолетов появилась санитарная машина: начальник нашего базового лазарета капитан Челушкин был человеком пунктуальным и медицинское обеспечение полетов осуществлял, как правило, лично сам.

Душевный, общительный человек и бывалый: еще в тридцать девятом, окончив военно-медицинскую академию в Ленинграде, возглавлял полевой госпиталь на войне с белофиннами.

Наметанный взгляд его сразу остановился на мне.

— Что с глазом, Минаков?

— Не подумайте, что после праздника, — отшутился я.

Он подошел, пальцем приподнял распухшее веко.

— Воспаление...

И не успел я оглянуться, как его ловкие руки проворно обмотали мне голову бинтом — наискось, вроде пиратской повязки.

Как раз поступила команда на вылет: маршрут был указан заранее. Я натянул на повязку шлем, занял свое место в кабине. [83]

Челушкин тоже оглянуться не успел, как наша машина взлетела.

Да, непривычно вести самолет — то на приборы взгляд, то вперед. Будто раньше один глаз не отрываясь следил за приборами, другой — за воздухом и землей.

Штурман почувствовал мою неуверенность, оглядывается назад. Может, и в самом деле я поступил как мальчишка?

— Считай, что я ранен, Гриша, — подбадриваю его, как умею.

— В случае чего взять управление?

— Но-но, не балуй!

Вроде постепенно привык. Над целью и вовсе забыл про глаз. Нормально маневрировал между разрывами, менял направление, высоту. Можно было, конечно, сорвать повязку, но что толку: чувствую, глаз совершенно затек.

Выполнили задание, курс на аэродром.

— Смотри, не промажь, командир, при посадке: стереоскопичности-то ведь нет!

— Зато внимание не рассеивается!

И, как назло, едва успел зарулить, как возле стоянки появилась «эмка». Вместе и затормозила со мной.

Делать нечего, спускаюсь, докладываю.

— Ранены?

Вопрос явно ехидный: сам и перевязался, что ли?

— Нет, товарищ подполковник.

— Значит, в таком виде и вылетали?

— Доктор перевязал, и как раз...

Командир полка помолчал, пристально глядя в единственный мой натруженный глаз: «Ну что с тобой сделать за это?»

— Только не отстраняйте от полетов! — поспешил в откровенном расчете на то, что начальство подсказок не любит. [84]

— А если бы истребители?

— Естественно. Вступили бы в бой...

Взгляд подполковника сделался чуть не брезгливым. Будто он сам был тем асом, которому предстояло походя срезать меня.

— Марш в лазарет! За недозволенный вылет объявляю замечание.

Уф-ф, пронесло!

— И это благодарность за самоотверженность! — острил по дороге штурман. — И вдруг спохватился: — Курорт не отменят?

— Не думаю, — рассеянно ответил я. — В крайнем случае заменят арестом.

В лазарете не задержали. Сделали какую-то примочку и отпустили. Вечером в нашей «кают-компании» меня навестил Челушкин.

— Как дела, Минаков?

— Замечание.

— А мне выговор!

Все расхохотались — «кают-компания» была полна народу, полетов в тот вечер не было.

— Вылечил подполковник обоих!

— Доктору прописал дозу побольше!

— Ну, так аптека ж своя...

— Ничего, — не смутился Челушкин. — В жизни не то приходилось...

— Расскажите, Константин Александрович! — Все сразу забыли про выговор и про мой глаз: доктор в полку слыл незаменимым рассказчиком. Сгрудились вокруг самодельного стола, притихли так, что стало слышно потрескивание соли в «катюше» — ее насыпали, чтобы не вспыхнул бензин.

— Про выговор, — выдержал паузу доктор, — пожалуй, не стоит. Неинтересно, как понимаете сами. Да и не очень-то, знаете, справедливо. Я ведь только перевязал, а он, Минаков, вдруг как с места рванет и в машину... [85]

Как я мог его не допустить к полету? Разве что поступить, как с тем фрицем...

— С каким? — раздались голоса. — Вы что, доктор, и фрицев лечили?

— Приходилось, — виновато потупился Константин Александрович. — Одного. Я ведь в жизни не только выговора получал. Он-то, Канарев Виктор Павлович, человек у нас новый, может о том и не знать. А у меня благодарность есть!

— Да ну? От кого? За что? — изумленно загудели летчики, у многих из которых на кителях блестело по паре высоких боевых наград.

— От самого комбрига! — значительно поднял вверх палец рассказчик. — Правда, он был тогда еще командиром полка...

— Ну, так, значит, не от комбрига!

— Не будем спорить. Скажем так: от полковника Токарева.

— Так он же тогда и полковником не был!

— И это неважно. Важно, во-первых, что благодарность.

— А во-вторых?

— Во-вторых, что дана была взамен ордена.

— Как так? Не бывает! — запротестовали с самым серьезным видом, зная своеобразную манеру доктора вести рассказ.

— Ну, если не бывает...

— Бывает, бывает! Рассказывайте, Константин Александрович! А ты, Дулькин, молчи, доктор лучше тебя устав знает...

— Ну, правда, это когда еще было... Когда, помните, оставляли майкопский аэродром? Вы-то на крылышках перепорхнули тогда на Кавказское побережье, а нам пришлось ножками по земле.

— А почему не на самолете, доктор? [86]

— Да видите... нужно же кому-то было ваш драп обеспечить.

— И выбрали вас?

— Нет, до меня еще очередь не дошла. Сперва-то назначили тех, кто в самом деле должен. А уж потом пришлось мне.

— В медицинском отношении обеспечивать?

— Не совсем так. То есть по замыслу так, но вы помните Льва Толстого...

— Эрсте колонне марширен... Цвайте, дритте...

— Вот-вот. Так и пошло. Сначала наши «катюши» накрыли аэродром для верности — все ли, мол, там успели хозяева эвакуировать и взорвать. Поскольку, по картам судя, мы остались уже за передним краем. Ну ничего, разобрались вскоре. Кое-что помогли и правда нам подорвать. Ну, покончили мы с остальным, поспешили к своим, к реке Белой. Смотрим — там танки

фашистские на мосту, фрицев вокруг с полсотни...

— А вас?

— А нас человек, что ли, шесть оставалось. Не стоит рассказывать все, не в том дело. Переправились в другом месте, дальше двигались то у наших в хвосте, то в авангарде у немцев... Ну и разные обстоятельства складывались, как понимаете сами. И вот когда путь наш уже подходил к концу, старший группы решил уточнить обстановку. На разведку послал меня с одним краснофлотцем. Леском, по лощинке прошли мы туда, где, казалось, стреляли наши. Подползли к одному стрелку — вижу, фриц, никакого сомнения. Лежит, постреливает из автомата короткими очередями за овраг, где уж точно наши. Ну, задание, собственно, мы выполнили, можно было бы возвращаться назад. Но больно уж соблазнительно: лежит к нам спиной, ничего не подозревает. Дай, думаю, я его...

— Так ведь не ваша же специальность, доктор! — напомнил [87] кто-то, очевидно из слышавших эту историю раньше.

— Вот в том и дело. К тому же и шум подымать несподручно. Подкрался тихонько к нему вплотную, выбирая моменты, когда он стрелял, сдернул с его башки каску, да этой же каской по этой башке...

— А это по специальности?

— Ну все же ближе к ней. Временный шок, чтобы облегчить транспортировку пациента...

— Так вы же его пациентом и сделали!

Доктор взглянул, как бы не понимая.

— Ну... ну допустим. Но это уж тонкость. Некогда было там, знаете, ли, вникать...

— И транспортировали?

— А как же. Правда, фриц оказался тяжелый. Но личный был у меня интерес, понимаете, стимул. Слышал, что за «языка» полагается орден, если его в одиночку взять. Ну, краснофлотец, конечно, мне помогал, но ведь только при транспортировке...

— И получили? — раздалось хором несколько голосов.

Доктор печально покачал головой.

— Невнимательная аудитория. С того же и начал, что благодарность...

— А почему? — хохоча, возмущались летчики. — Вы бы требовали!

— Требовал, намекал. Подполковник так объяснил примерно. Видишь ли, говорит, Константин Александрович, дорогой. Подвиг, правда, ты совершил. Но посоветуй сам, как мне писать представление? Капитан медицинской службы такой-то, отступая... ну, скажем хоть, отходя...

— На заранее подготовленные позиции...

— Вот-вот. Я, говорит, благодарность пока тебе объявлю, в приказе. А орден за мной.

— Так за ним и остался? [88]

— Ну да, тут перевели его на бригаду...

— А преемник?

— Ну так опять же, с чего и пошел разговор. Преемник дал выговор.

— Хо!! — грохнула «кают-компания».

— Да, но прошу заметить — без занесения в личное дело, — значительно подчеркнул доктор. — А благодарность занесена. Хоть, понятно, травма... Минакову-то ладно, он на курорт собрался, оправится там...

Тем и закончилось наше с доктором приключение, в котором на самом-то деле виноват был, конечно, я.

Рай земной

Наш экипаж отправился в Хосту. Ехать предстояло через Гагру, Адлер, вдоль побережья. Пассажирские поезда не ходили, на товарный надеяться было нельзя. Двинулись на шоссе, чтобы поймать попутную машину.

Что тут творилось! Сплошной поток. Танки, орудия, пешие колонны, грузовики... Вся техника новенькая, с заводов, бойцы тоже в новом обмундировании. Все движется к фронту, в сторону Туапсе, Новороссийска...

Дело ясное. Наконец-то! Готовится наступление, большое, решающее. Вот на что намекал комэск, когда говорил: «Поезжайте, а потом подумаем, удвоить вам боевую нагрузку или утроить...»

До Хосты доехали весело. Поблагодарили лейтенанта, который нас подвез, пожелали ему и его бойцам успехов в предстоящих боях.

— Постараемся! А вы прикрывайте с воздуха нас получше!

Тоже и мы обещали постараться.

И вот — рай земной! Глазам не поверилось. Неужели еще сохранились такие места? Это в прифронтовой-то полосе, над которой мы столько раз пролетали? Стройные аллеи, кирпичной крошкой и перламутровыми ракушками [89] утрамбованные дорожки, клумбы. Внутри здания мягкие ковры, нарядные гардины, диваны, кресла, картины — роскошное довоенное убранство санатория «Эпрон». Бильярдная, шахматный зал, богатая библиотека, белоснежные постели, отличная сервировка в столовой...

Конечно, свою роль сыграло и то, что никому из нас четверых бывать в санаториях в жизни не приходилось.

— Да... — вздохнул Жуковец, — В такой обстановочке можно, пожалуй, расслабиться так, что...

— Гимнастикой занимайся, — мрачновато посоветовал Панов.

Похоже, что думали они одинаково. Как, впрочем, и мы с Сергиенко. Конечно, нервишки подправить бы не мешало, но потом — прямо из рая да в ад...

В столовой мы с Гришей оказались по соседству с известным на Черноморском флоте командиром транспортного самолета капитаном Малиновским. Последний раз я встречался с ним в октябре в аэродроме, где группа из разных частей авиации флота готовилась к высадке десанта на вражеский аэродром. Отчаянная была операция!

В оккупированном Майкопе на довоенном аэродроме сосредоточилось большое количество фашистских самолетов. Отсюда совершались налеты на наши базы и корабли, на позиции наземных войск. Все попытки ликвидировать базу с воздуха оканчивались неудачей: аэродром был хорошо защищен. Тогда командование решило высадить воздушный десант, чтобы уничтожить самолеты противника на земле. Дерзкая ночная операция 23 октября 1942 года увенчалась успехом: десятки «юнкерсов», «хейнкелей», «мессершмиттов» были уничтожены отважными десантниками.

Наш экипаж оказался тогда резервным, а Малиновский, действуя с исключительной отвагой, успешно высадил группу десантников в самое пекло боя... [90]

С этого и начались воспоминания. Слушать Павла Ивановича было одно удовольствие.

— Разные бывали передряги, — неторопливо вспоминал бывалый «транспортник». — Как-то, еще в первое лето войны, в августе, помнится, ночью попал я в грозу...

Гроза застала его на подходе к переднему краю, Павел Иванович возвращался с задания на свой аэродром. Стихия прижала самолет чуть не к самой земле, бросала его, как щепку. Отказало пилотажное и навигационное оборудование, компас сбивался от нещадной болтанки. Малиновский вел самолет почти наугад. А тут ударили зенитки, осколками пробило правое колесо, один из бензобаков. Кое-как перетянув за передний край, опытный летчик сумел посадить машину где-то на нейтралке...

С рассветом артиллерия врага открыла огонь по подбитому самолету. Малиновский запустил моторы и на одном колесе и диске второго сумел отрулить в безопасное место. А вечером, исправив повреждения, взлетел под носом у немцев...

— Представляете, они лупят, а я ковыляю по земле, как покалеченная стрекоза... По рытвинам, по воронкам... Наметил себе низинку, рулю туда. Черта лысого вы меня там достанете! Соображаю, что не просматривается там местность...

— И не явилось мысли оставить самолет? Ведь самому-то бы отползти ночью проще простого!

— Представляете, не явилось. Вполне здоровая машина, чего же ее оставлять? Ночью подумал, перед рассветом пополз, нашел эту низинку — не просматривается, соображаю, от них, ракет их на взлете не видно... Ну а позже подобная мысль и прийти не могла, поскольку нашелся выход...

С Павлом Ивановичем мы подружились. Постепенно появились и другие «курортные» друзья и приятели. Отдых налаживался. Настроение у всех окружающих было [91]

приподнятое: со дня на день ждали вестей о перекоде в наступление наших войск на Северном Кавказе.

И вот радио донесло долгожданные известия: 3 января освобожден Моздок, 4-го — Нальчик. За ними — Прохладное, Георгиевск...

Ясно было, что это не кратковременная, частная операция.

В последующие дни были освобождены Кисловодск, Ессентуки...

Пятигорск...

Минеральные Воды!

Это было 12 января. Тут же написал родным. И тут же понял, что оставаться здесь больше не могу. Отдых превратился в томительное ожидание, санаторий — в комфортабельную «губу».

Ребята разделяли мое нетерпение.

На другой день всем экипажем направились к начальству. Начальство поворчало, но что поделаешь — все равно сбегут.

Все, прощай тропки-аллейки, ковры и дорожки, шахматы и беседы и памятная до конца жизни поездка на довоенном автобусе в Сочи, на концерт изумительнейшей Любови Орловой, в которую все мы по самые уши успели влюбиться и которую, может быть, где-то, когда-то еще увидим...

Где-то, когда-то...

К вечеру мы уже были в полку.

На суше и на море

Вернулись мы вовремя.

В обстановке массового отступления немецко-фашистских войск с Северного Кавказа действия авиации 4-й и 5-й воздушных армий и военно-воздушных сил Черноморского флота приобретали особую роль. Необходимо было не только изгнать фашистов с занятой ими [92] советской земли, но и не позволить их войскам отойти организованно, сохранив силы, закрепляясь на промежуточных рубежах.

Авиация флота в этот период действовала в основном на новороссийском направлении, поддерживая наступательные операции сухопутных войск.

13 января шесть экипажей нашего полка во главе с подполковником Канаревым вылетели на бомбоудар по скоплению противника в станице Абинской. Выйдя в назначенный пункт, ведущий экипаж цели не обнаружил. Штурман полка майор Толмачев попросил командира сделать второй заход. Третий, четвертый. Ни живой силы, ни техники. Зенитная артиллерия также не подает признаков жизни. Ошиблась разведка? Противник успел отвести войска?

Толмачев упорно стоял на своем: надо искать.

И вот на одном из заходов обнаружили признаки движения на северо-восточной окраине станицы. Противник открыл огонь только тогда, когда бомбы стали рваться в центре его расположения...

15 января удар повторили. Шестерку вел майор Чумичев. Зашли с другой стороны, с юга. Однако на этот раз плотный зенитный огонь встретил бомбардировщики еще на подходе. Преодолев заслон, Чумичев с ходу вывел группу на цель. Более двухсот бомб обрушилось на скопление замаскированной и окопанной техники противника. Пожары, взрывы...

По выходе из зоны зенитного огня группу встретило звено вражеских истребителей. Дружным огнем экипажи отбили несколько атак, и с противоистребительным маневром комэск повел группу за линию фронта. «Мессеры» продолжали наседать, пытаясь разбить строй. Несмотря на то, что отдельные машины получили повреждения, строй удалось сохранить. Особенно сильно пострадал самолет Виктора Алексеева. Товарищи сумели прикрыть его огнем и довести до своего аэродрома. [93]

Тактика повторных ударов оправдывала себя: скованному в маневрах противнику приходилось надеяться на то, что «в одну и ту же воронку снаряд дважды не попадает», и ограничиваться

укреплением противовоздушной обороны своих войск.

Тем более это должно было касаться морских целей — из-за ограниченности и небольшого количества баз.

16 января звено, возглавляемое подполковником Канаревым, нанесло бомбоудар по плавсредствам в порту Керчь. Несмотря на интенсивный огонь трех зенитных батарей, экипажи вывели самолеты на цель и накрыли баржи и катера противника.

Ночью удар повторили экипажи Чумичева, Минчугова и Саликова.

Наутро восемь тяжело нагруженных бомбами самолетов вновь взяли курс к той же цели. Маршрут проложили над морем, что исключало встречу с истребителями противника, имеющими ограниченный радиус действия. Вел группу Канарев, ведомыми были Бесов, Литвяков, Лобанов, Беликов, Федоров, Алексеев и Дулькин. На подходе к цели группа была встречена огнем пяти зенитных батарей. Опытный ведущий умело пробился сквозь плотный заградогонь, вывел группу на боевой курс. Несмотря на то, что снаряды рвались между машинами, ни одна из них не уклонилась от цели. Фотообъективы зафиксировали прямые попадания в баржи и катера, весь порт был накрыт разрывами. Группа без потерь возвратилась с задания.

В тот же день четыре экипажа во главе с Саликовым нанесли бомбоудар по плавсредствам противника в Тамани.

За успешное выполнение боевых заданий по уничтожению вражеских плавсредств в Керчи и Тамани военный совет Черноморского флота объявил благодарность [94] личному составу 5-го гвардейского авиационного полка и поставил его в пример всем частям военно-воздушных сил флота.

* * *

20 января на «свободную охоту» вылетали два торпедоносца — капитанов Лобанова и Василенко. Первый к берегам Крыма, второй — Румынии.

На траверзе Саки летчик Евгений Лобанов и его штурман Иван Копенко обнаружили транспорт, движущийся под прикрытием берега. Лобанов с ходу направил самолет на цель. Штурман моментально произвел расчеты и, сблизившись на дистанцию залпа, сбросил торпеду. Она взорвалась в корпусе транспорта. Судно осело на корму и затонуло.

Экипаж капитана Василенко встретил на траверзе Вилково, в двадцати километрах мористее румынского побережья, конвой в составе четырех транспортов, трех барж и сторожевого корабля. С ходу был атакован головной транспорт. Торпеда, сброшенная при сильном противодействии зенитного огня, после входа в воду

дважды поднялась над поверхностью и затонула.

21 января экипаж Лобанова обнаружил южнее Евпаторийского мыса конвой в составе двух транспортов и двух тральщиков в охранении сторожевых кораблей. Условия для атаки были благоприятными: высота облаков — пятьдесят метров. Но экипаж поспешил сбросить торпеду, что позволило транспортам развернуться и пропустить ее в образовавшемся между ними свободном пространстве.

Оба экипажа сделали для себя выводы из этих неудач. И результат не замедлил сказаться.

22 января капитан Василенко вновь вылетел на «свободную охоту». Маршрут был дальний: аэродром — Севастополь — мыс Тарханкут — Одесса — Сулина. Самолет находился в воздухе девять часов. [95]

Ивана Никитовича Василенко я знал хорошо: перед войной мы вместе служили в 4-м минно-торпедном авиационном полку военно-воздушных сил Тихоокеанского флота. Ивану посчастливилось: осенью сорок первого года он в составе эскадрильи капитана Черняева участвовал в перегоне самолетов на Черноморский флот. Там летчикам-тихоокеанцам было разрешено совершить по нескольку боевых вылетов. В результате три отличившихся экипажа, по просьбе командующего ВВС Черноморского флота генерала Острякова, тоже в прошлом тихоокеанца, были отозваны в его распоряжение и назначены во 2-й минно-торпедный полк — впоследствии 5-й гвардейский. Среди этих трех был и лейтенант Василенко. Ко времени моего прибытия в полк это был уже опытный воздушный боец, прекрасно зарекомендовавший себя во всех видах боевой деятельности.

Василенко сам рассказал мне об интересном и исключительно трудном многочасовом полете.

Торпедоносец поднялся в воздух в первой половине дня — с расчетом пройти весь маршрут засветло. Погода не благоприятствовала дальнему рейду: частые дождевые заряды, низкая облачность, сильный ветер изматывали экипаж. Осмотрев район от Севастополя до мыса Тарханкут, направились через Каркинитский залив к Тендровской косе, затем к Одессе. Море было пустынно. Полет длился уже шесть часов, день подходил к концу. Штурман капитан Николай Андреенко напомнил командиру: до своего аэродрома около трех часов пути.

Все же решили дойти до Сулины. На подходе к Сулинскому гирлу Андреенко обнаружил конвой, который уже начал втягиваться в реку, направляясь в порт. Решение на атаку возникло мгновенно. Снизившись до двадцати метров,

торпедоносец устремился к транспорту. Экипажи фашистских кораблей вовремя заметили самолет и встретили его ожесточенным огнем. Ударила и береговая артиллерия. Торпедоносец окружили разрывы и [96] водяные столбы. Со стороны, вероятно, это выглядело как в страшном сне. Все решали секунды...

Дважды увернувшись от вспухших перед носом машины столбов, Василенко лег на боевой курс. Андреенко поймал цель в центр визира и, когда самолет приблизился к ней на дистанцию пятьсот метров, сбросил торпеду. Отворачивать было поздно: вокруг корабли охранения, и при развороте вся площадь самолета оказалась бы под прицельным огнем. Машина пронеслась на том же курсе над самым транспортом, поливая его очередями из трех бортовых пулеметов.

Торпеда разорвалась в корпусе транспорта, судно загорелось, к нему на помощь подошла баржа, но тоже загорелась. Очевидно, пожар перекинулся на нее. Все это было зафиксировано фотообъективами, и Василенко лег на обратный курс.

Самолет имел повреждения: штурманская кабина пробита в нескольких местах, правый мотор давал перебои. Прямо по курсу надвигалась низкая облачность, наступала ночь. Самолет летел сквозь дождь, его сильно болтало.

После двух часов полета стал с перебоями работать и левый мотор. Летчик всеми силами старался удержать высоту, штурман выбирал наикратчайший путь к дому.

Когда до аэродрома оставалось минут двадцать, правый мотор отказал совсем. Самолет начал терять высоту; видимость окончательно пропала. Вести подбитую машину вслепую было невозможно. Штурман дал курс на ближайшую посадочную площадку на мысе Пицунда, у поселка Алахадзе.

Дотянув до берега на высоте пятьдесят метров, летчик сумел посадить самолет, подсветив себе фарой.

По фотоснимкам и данным разведки, торпедированный транспорт «Колошвар» и баржа затонули.

За успешное выполнение боевого задания и проявленный [97] героизм капитан Василенко был награжден орденом Красного Знамени, штурман капитан Андреенко — орденом Отечественной войны I степени.

Позади акула!

Зима на Черноморском побережье выдалась на редкость неустойчивая. То снег, то ливневый дождь, то молочная пелена тумана. Грязища на аэродроме, на подъездных путях...

И в этих условиях с ограниченного горами и морем наскоро приспособленного летного поля ежедневно взлетали в воздух тяжелые боевые корабли, до предела нагруженные бомбами и торпедами.

25 января на исходе ночи в нашу комнату ворвался вечно бодрствующий и вечно бодрый адъютант эскадрильи Василий Матяш.

— Экипаж Минакова, подъем! Через час — на аэродром!

— Почти в рифму, — отметил, потягиваясь спросонок, Гриша Сергиенко. — И когда вы только спите, товарищ капитан?

— Если я буду спать, вы никогда и не позавтракаете перед вылетом. Привыкли жить на курорте!

Все расхохотались. На курорте мы жили неполных десять дней, а поминать нам его будут, видно, до самой победы.

После раннего завтрака отправляемся на аэродром. Экипажу приказано находиться в пятнадцатиминутной готовности к вылету на «свободную охоту» на коммуникации Крымского побережья — от мыса Меганом до мыса Тарханкут.

Самолет с подвешенной под фюзеляжем торпедой уже готов к буксировке на законченную недавно строителями бетонную полосу. Бетонка — длина восемьсот, ширина сорок. Взлетать с нее разрешается только в тех [98] случаях, когда старая полоса совершенно расквашена, садиться не разрешается вообще.

Миша Беляков — в кабине нашей «пятерки», «дирижирует» буксировкой, готов в любой момент с помощью мощных тормозов самолета замедлить или остановить движение тягача.

Мутные сумерки, моросит дождь. С моря наплывают рваные клочья тумана. Мы плетемся сзади машины, то и дело оскользаясь, проваливаясь по колено в хрустящую, с вечера прихваченную морозцем грязь.

— Ну и погодка! — вздыхает Панов.

— Скажи спасибо, что флотским авиаторам выдают сапоги, — пытается проявить оптимизм Жуковец.

— Знают, за что дают, — мрачно парирует Коля.

Самолет тяжело вспрыгивает на бетонку, тягач хитро маневрирует на коротком пространстве, отцепляется, прицепляется, наконец разворачивает крылатую махину с огромной подвешенной под ней сигарой вдоль полосы.

Тут же поступает команда на вылет.

Иду на взлет, тщательно выдерживая направление: бетон скользкий, сход с полосы в лучшем случае грозит серьезной поломкой, в худшем — капотом, то есть переворотом через кабину штурмана.

Все обошлось. Летим в сплошной полосе дождя, видимости никакой. Через час становится ясно: весь маршрут проходить не стоит. Моторы начинают чихать из-за переувлажненности воздуха. Еще через час ложимся на обратный курс. Кабину заливает дождем, высота облачности — пятьдесят метров. Заходя на посадку, открываю боковую форточку фонаря. Гриша в своей кабине ложится на живот, следя через нижний блистер за направлением и высотой.

Посадка, к моему удивлению, получается на редкость мягкой. Самолет буквально притерся к земле, я ее и почувствовал только когда машина начала вздрагивать на неровностях грунта. С торможением не спешу, [99] чтобы самолет не пошел юзом. Но вот пора замедлять пробег. Почти глажу подошвами сапог тормозные планки, и все-таки самолет начинает раскачиваться, рыскать. Отпускаю тормоза, чувствую непонятный и потому опасный боковой рывок. И тут же в наушниках раздается взволнованный до неузнаваемости голос Панова:

— Командир, нас догоняет торпеда!

Что за черт? Машинально нажимаю на тормоза...

— Командир, торпеда!

Понимаю, что происходит что-то невероятное сзади, за хвостом самолета, что может видеть только Панов. Резко отпускаю тормоза, машина делает рывок, выскакивает за границу аэродрома.

— Уф-ф! — облегченно вздыхает в наушниках Николай.

Отворачиваю в сторону, притормаживаю до скорости руления и вижу сбоку в лужах ползущую шестиметровую стальную рыбину...

Какой-то кошмар. Откуда она? Как очутилась позади самолета?

И только когда выключил моторы и спустился на землю, все понял. При торможении качалась поперечная раскачка машины, под весом торпеды согнулись боковые подкосы, был вырван замок... Наше счастье, что от той же раскачки торпеда свалилась в сторону, не под хвост самолета, а то бы наверняка — скоростной капот, и от экипажа мокрое место.

Оставалось обменяться впечатлениями.

Панов рассказал:

— Когда самолет коснулся земли, за ним поднялись фонтаны

воды, мы мчались, точно на глиссере... Потом из водяного каскада выскочила торпеда и принялась догонять нас. Я не сразу поверил глазам, но все-таки доложил вам. Вы, должно быть, притормозили, [100] она, как акула, рванулась вперед... Тут я, признаться, оторопел, опять вам крикнул...

Летчик-истребитель лейтенант Владимир Левин, дежуривший на бетонной полосе, наблюдал всю картину со стороны.

— Как сон дурной! Бежит самолет, а за ним, как живая, торпеда...

Начальник минно-торпедной службы полка капитан Терехов, разобравшись в случившемся, разъяснил:

— Торпеда двигалась после отрыва от самолета по инерции. К тому же при отрыве выдернулась запирающая чека, открылся кран подачи воздуха на машину торпеды и начали работать гребные винты, которые тоже помогали ей двигаться в жидкой грязи...

— А мог ли взрыватель стать в боевое положение?

— Мог, — со знанием дела ответил минер. — Если бы торпеда прошла двести метров в жидкой среде носовой частью вперед и со взрывателя свинтилась бы предохранительная вертушка.

— И взрыв мог быть?

— Берегите свои талисманы! — дал совет Терехов вместо ответа на этот излишний уже, очевидно, вопрос.

На очередном разборе случай был тщательно рассмотрен. Даны соответствующие рекомендации.

Мы с Сергиенко сделали для себя и еще один вывод. Ведь в той обстановке мы могли и не рисковать, а просто уйти на один из соседних аэродромов и произвести там более безопасную посадку.

Каждый полет — первый!

В конце января меня вызвали в политотдел авиабригады. Это был долгожданный день. Кандидатом в партию я стал в конце августа прошлого года, в самое [101] напряженное время оборонительных боев на новороссийском направлении. Теперь предстояло получить партбилет.

Начальник политотдела полковой комиссар Григорий Алексеевич Шилов поздравляет, жмет руку, желает боевых успехов. Поздравляют друзья в полку...

На другой день вылетаю на «свободную охоту» у южного берега Крыма. Очень хочется обнаружить корабль противника, торпедировать его и тем самым отметить свое вступление в семью коммунистов. Но многочасовой полет в сложных метеоусловиях не приносит желанной удачи — море словно вымерло.

Ничего, считайте — корабль за мной...

Вскоре в полк поступило важное задание: произвести тщательную ледовую разведку Азовского моря с целью выяснить, может ли противник предпринять эвакуацию своей кубанской группировки в Крым и Северную Таврию морским путем. При выполнении этой задачи экипажам Саликова и Лобанова каждый раз приходилось вступать в бой с «мессершмиттами». Умело маневрируя, отбиваясь огнем, гвардейцы уходили в недосягаемую для фашистских истребителей зону и продолжали разведку.

В начале февраля экипажи Черниенко, Козырина, Бесова, Лобанова, Бабия и мой доставляли крымским партизанам боеприпасы, оружие и продовольствие, нередко сочетая эту задачу с другой.

3 февраля, сбросив очередной груз, наш экипаж полетел на воздушную разведку. В Ялте мы обнаружили пять барж и шесть сейнеров. Появление самолета из-за гор ялтинской Яйлы для гитлеровцев оказалось неожиданным.

В Севастополе вражеские зенитчики не дремали, встретили нас интенсивным огнем. Маневрируя среди разрывов, мы пробились к Южной бухте и сфотографировали у причалов три транспорта, шесть барж, три [102] тральщика и три сторожевых корабля. В момент отхода от цели несколько снарядов разорвалось рядом с самолетом. Машина вздрогнула, послышались перебои в правом моторе, стрелка его оборотов быстро поползла влево. Тяга упала, самолет начал круто разворачиваться вправо вниз. До отказа отклонив влево руль поворота и элероны, я кое-как удержал самолет на курсе, до упора двинул сектор газа исправного мотора вперед. Мотор

взревел, падение высоты замедлилось...

Выкручиваю триммер руля поворота до конца, чтобы удержать левую педаль в крайнем переднем положении. Давление на ногу не ослабевает. Перевожу винт поврежденного мотора на большой шаг, чтобы уменьшить его лобовое сопротивление, когда он совсем прекратит работу. А если перебит бензопровод? Перекрываю пожарным краном доступ бензина. Знакомое чихание, мотор останавливается, винт замирает.

— Панов, передай на землю: «Имею повреждение, возвращаюсь на одном моторе».

— Есть!

Несмотря на все мои старания, самолет продолжает терять высоту. А лететь еще больше часа. Посоветовавшись со штурманом, решаю, насколько возможно, разгрузить машину, сбросить запасные боекомплекты, гранаты... Снижение продолжается. Медленно, но неумолимо.

Остается последняя надежда — на облегчение машины за счет выработки горючего.

— Гриша, попробуй рассчитать...

Через несколько минут штурман докладывает:

— На пятистах метрах снижение должно прекратиться.

Постоянно удерживать вытянутой ногой тугую педаль руля поворота становится не под силу. Чувствую [103] — больше не выдержу. Прошу штурмана откинуть аварийные педали и помочь мне.

Расчеты Гриши оправдались только отчасти: к аэродрому я подходил, едва удерживая высоту сто метров. Посадка с одним мотором тоже дело нелегкое. Однако все обошлось.

Миша Беляков моментально выяснил причину отказа мотора: осколком перебит выхлопной клапан одного из цилиндров. Были и другие повреждения.

На разборе майор Чумичев сказал:

— Что спасло экипаж и машину? Самообладание пилота. Воля, трезвый расчет. Ну и, понятно, умение, опыт.

* * *

Странно, но оказалось, что и похвала может заставить задуматься. Не меньше, чем выговор или упрек. Даже такой, как «открытки в киосках».

Да, самообладание, воля, расчет. Умение, опыт... Но вот Лобанов. Уж на что самообладание! А об умении вообще говорить смешно — не то слово. Один из лучших асов полка, из лучших лучший. А опыт? Хоть по числу вылетов — и каких! — хоть по личному боевому счету...

И вот случилось. И не где-нибудь над Констанцей, Сулиной, в неравном бою с «мессерами», в торпедной атаке на неприступный конвой. Здесь, на аэродроме! Элементарный просчет. Непростительный даже для курсанта.

В ночь на 4 февраля Евгений — один от полка — должен был вылететь на обеспечение высадки десанта в район Новороссийска. Ответственное задание, большое доверие...

Ну, положим, темная ночь, отсутствие видимости. Но дело-то ведь не в том. Неправильно установил самолет на створный огонь, начал разбег с отклонением чуть не на сорок пять градусов. Ясно, что взлетной полосы [104] не хватило. Машина вышла на капонир, Лобанов резко «подорвал» ее, перевел в набор высоты. Однако шасси задело за бруствер...

Падение на крыло, самолет сгорел. Лобанов ранен, обожжены лицо, руки. Ожоги лица получил и штурман Копенко.

Усталость? Или просто теория вероятности? Когда-нибудь должен, мол, ошибиться. Помнится, так и в учебнике называется — вероятность появления *ошибок* .

А может быть, что другое? И чем больше я думал, тем больше и повторял: залетался Женя. Словечко явилось само собой. Не скажешь же, в самом деле, — зазнался. Что-то в нем притупилось. Привык. Хоть к трудным, но к неизменным удачам. Утратил чувство первичности, новизны. Может быть, только на миг, на один этот взлет, и тут же...

И главное, знал человек! Сам же и говорил о привычке: «К черту!» Лежа в полыни на летном поле, сам же мне и внушал...

Жаль, нет места в кабине. Написать бы как лозунг, как непременный девиз...

Поделился раздумьями с Гришей. Договорились друг другу напоминать: «Каждый полет — первый!»

«Зайдите на цветы взглянуть...»

Гитлеровцы на нашем фронте продолжали откатываться назад, опасаясь оказаться отрезанными после разгрома их войск под Сталинградом. Для поддержки отступающей группировки сосредоточили на аэродроме Керчь-2 большое количество бомбардировщиков Ю-87, Ю-88, Хе-111.

С рассветом 4 февраля полку было приказано нанести удар по скоплению самолетов. Получив необходимые разведывательные данные, Чумичев поднял [105] в воздух шестерку бомбардировщиков, вооруженных осколочно-фугасными бомбами от двух с половиной до ста килограммов. Несмотря на сильный огневой заслон, группа пробилась к цели и точно накрыла стоянку. Часть бомб разорвалась на взлетной полосе. Все наши машины вернулись на аэродром. Летчик Бабий привел самолет на одном моторе и искусно посадил его.

Тут же поступило приказание нанести бомбовый удар по скоплению войск противника в районе станицы Борисовка, недалеко от Новороссийска. Закипела работа по подготовке новой шестерки. Под первые три самолета подвесили «сотки», каждый из остальных взял по три ротативно-рассеивающие бомбы.

Первое звено вел Канарев, с ним летели Саликов и Василенко, второе — Бесов, ведомыми у которого были Трошин и я. Бесов и Саликов только что вернулись из полета с майором Чумичевым.

Подполковник повел группу к цели на повышенной скорости: нужно было успеть накрыть «муравейник», пока он не расползся по дорогам — колонна направлялась, чтобы атаковать наш морской десант, высаженный под Новороссийском.

Миновав контрольный ориентир, Канарев вывел свое звено в голову вражеской колонны, с тем чтобы первым ударом создать на дороге пробку. Штурман полка майор Толмачев точно сбросил серию бомб, ведомые повторили его действия. Противник открыл бешеный огонь, но стрелял торопливо и беспорядочно.

Опытный штурман капитан Кравченко вывел наше звено в центр колонны. Разгрузившись, круто уходим в сторону. Разрывы накрывают технику и пехоту противника на протяжении двухсот — трехсот метров. Стрелки фотографируют результат. Канарев собирает группу и уводит на юг, в море, избегая возможного преследования истребителей... [106]

Внезапность, стремительность, точность. Чистая работа! Гвардейский, канаревский почерк!

В результате этого удара противник потерял много живой

силы и техники, моторизованное соединение было значительно ослаблено и его наступление на наш десант провалилось.

Отступая с Кубани, противник сосредоточивал свои войска в Тамани, а оттуда переправлял их через Керченский пролив в Крым.

Действия нашего полка перенацелили на этот район.

Утром 7 февраля поступило приказание нанести бомбоудар по плавсредствам и технике противника в порту Тамань. Шесть самолетов были вооружены бомбами различного калибра. В мою машину сверх того загрузили двадцать пять тысяч листовок, в которых рассказывалось о разгроме немецко-фашистских войск под Сталинградом.

Группу возглавил майор Арсеньев, с ним в звене летели капитан Саликов и старший лейтенант Трошин. Второе звено вел майор Чумичев, ведомые — Бесов и я.

Я любил летать с нашим комэском. Какое-то особое чувство надежности и спокойствия испытывал, находясь с ним в одном боевом строю. Почти как с отцом, когда брал он меня на свой паровоз в детстве. Ясно, что в напряженном бою, над целью, комэск не мог думать о каждом своем подчиненном. А чувство было такое, как будто он тебя видит, сочувствует, старается облегчить твое дело.

Именно это, наверно, и имел в виду командир полка, сказав на одном из последних разборов:

— Первая эскадрилья, которой командует майор Чумичев, по эффективности ударов занимает ведущее место в полку и имеет в несколько раз меньше потерь, чем другие. Нужно учиться у Федора Михайловича не только искусству ведения боя, но и умению [107] извлекать уроки из каждой удачи и неудачи, постоянной заботе о воспитании подчиненных ему воздушных бойцов...

К тому времени на личном счету Чумичева было уже более ста двадцати боевых вылетов, десятки рискованных заданий, выполненных в глубоком тылу врага. Он бомбил военные объекты в Констанце, Плоешти, Сулине, Бухаресте, участвовал в обороне Одессы, Керчи, Новороссийска. При обороне Севастополя в течение шести месяцев поднимал в воздух свою эскадрилью по нескольку раз в сутки, неизменно прорываясь сквозь мощные огневые заслоны, отбиваясь от истребителей врага...

Вот несколько эпизодов, скупо изложенных в первом его наградном листе:

«...23 июня 1941 года — ведущий шестерки, бомбоудар по порту Констанца. Отмечено прямое попадание по транспорту, разрушен мол. При отходе атакован тремя Ме-109, один

«мессершмитт» сбил. Возвратились без потерь;

— 11 июля 1941 года — ведущий шестерки. Бомбоудар по транспортам в порту Сулина. Двумя бомбами ФАБ-100 уничтожен транспорт. При отходе атакован девятью истребителями противника. Экипажем майора Чумичева сбит один, остальными — два...

— 23 августа 1941 года — ведущий девятки. Бомбоудар по войскам и технике противника на одесском участке фронта. Уничтожено четыре танка и до взвода солдат;

— 18 октября 1941 года — ведущий шестерки. Бомбоудар по живой силе и технике противника в районе Карт-Казак. Уничтожено 40 автомашин и до 20 танков;

— 9 сентября 1942 года — ведущий шестерки. Бомбоудар по порту Ялта. Уничтожено два тральщика, три торпедных катера, одна быстроходная десантная баржа, разрушен мол...» [108]

Это — кроме Севастополя, аэродрома у Херсонесского маяка, где майор Чумичев возглавлял легендарную шестерку бомбардировщиков 5-го ГАП и откуда пошло в полку это славное слово — «севастополец»...

* * *

Таманский полуостров закрыт облачностью. Выйдя на озеро Абрау-Дюрсо, звено берет курс к цели. В облаках появились окна, сквозь них просматриваются лиманы. Враг встречает нас сильным зенитным огнем. Несколько доворотов, и бомбы отделились от наших самолетов. Затем над улицами оккупированной Тамани будто закружились стаи белых птиц — Панов и Жуковец сбросили кипы листовок. Ведущий умелым противозенитным маневром выводит звено из зоны огня...

Едва приземлились — приказ. Налет на Тамань повторить. Самолеты быстро осмотрели, заправили, подвесили в кассеты осколочные бомбы. Но погода настолько ухудшилась, что пришлось задержаться. Так до вечера и просидели в пятнадцатиминутной готовности.

* * *

За ужином меня ждал сюрприз. В столовую вошел майор Стешенко и от всей эскадрильи тепло поздравил меня с днем рождения. А я и сам-то о нем не вспомнил! Дела... Оказывается, все было заранее подготовлено. Степан Афанасьевич провозгласил тост. Ребята подходили, чокались, жали руку...

Потом пели песни. Довоенные, фронтовые. О таланте своего штурмана я знал еще в тридцать шестом полку, но послушать его все как-то не доводилось. А оказалось, Гриша уже и тут —

знаменитость. И какой репертуар! Пел на заказ любое. А заказам не было конца: песни из памятных кинофильмов, довоенные танго, Утесов и даже Шульженко...

И баянист — стрелок-радист Жора Пешехонов — оказался под стать солисту. [109]

Задушевный получился вечер. Будто побывали в родных местах, в довоенной своей незабываемой юности...

Зайдите на цветы взглянуть —
Всего одна минута, —
Приколет розу вам на грудь
Цветочница Анюта...

После, когда освободили Крым, мы узнали, что эта песня служила паролем крымским партизанам...

На следующий день метеосводка обрадовала. Пять подготовленных самолетов ожидали команды на вылет. Возглавить группу решил сам командир полка.

Последние указания, напоминания о том, что противовоздушная оборона Тамани усилена противником. Бомбометание с ходу, противозенитный маневр...

— По машинам!

Вместо заболевшего Панова со мной опять летит Павел Лелеко из экипажа Бабия. Мое место в боевом порядке пятерки — правый ведомый, за мной капитан Козырин; в левом пеленге майор Черниенко и капитан Бесов. Опытнейшие летчики, отлично сколоченные экипажи. Со всеми я уже успел слетаться, понимаем друг друга с полуслова. Меньше других знаком летящий сейчас за мной Федор Козырин — заместитель командира третьей эскадрильи. В полк он тоже прибыл из другой части, 119-го морского авиаполка, вооруженного маленькими самолетами-лодками МБР-2, которым командовал Канарев. Серьезный летчик. Подтянут, суховат и этим похож на своего неизменного командира. Быстро переучился, уверенно овладел новой техникой и тактикой, завоевал уважение подчиненных.

Рассказывают о нем немало.

Однажды вылетел на разведку к вражеским берегам вдвоем со своим другом, начальником связи эскадрильи капитаном Некрасовым, который часто летал с ним в качестве [110] стрелка-радиста. На обратном пути их перехватила пара вражеских истребителей. Завязался неравный воздушный бой. Козырин маневрировал, Некрасов отбивался пулеметным огнем. Чудом ускользнули, но мотор самолета был поврежден. А на МБР-2 второго мотора нет. Машина катастрофически теряла высоту.

Перед экипажем стал выбор: повернуть к берегу и выброситься на парашютах или сесть на воду и ждать помощи. Берег был рядом, не вражеский, свой. Море опасно штормило...

— Будем спасать машину, — сказал Козырин. — Нельзя изменять ей — заслуженная старушка!

Некрасов молча согласился.

Собрав все свое мастерство, Козырин посадил самолет на вздыбленную в пенистых волнах воду. Некрасов выскочил из кабины и, взобравшись на плоскость, стал уравновешивать машину на очередной волне...

Многое пришлось пережить им. Штормило море, каждую минуту готовое опрокинуть утлое крылатое суденышко, пролетали вражеские разведчики и бомбардировщики...

Но помощь пришла. Через сутки плавающий самолетик был обнаружен нашими катерами.

«Заслуженная старушка» была спасена, оба летчика получили от командующего ВВС ЧФ скромную памятную награду — именные часы.

* * *

Безоблачное небо не предвещало хорошего: пятерка бомбардировщиков, летящих без прикрытия, рискует стать соблазнительной целью для вражеских истребителей.

После взлета и сбора группы Канарев круто повернул в море. Замысел ясен: лететь вне видимости берега, попытаться подойти к цели насколько возможно неожиданно.

К Тамани подошли со стороны моря на высоте около [111] пяти тысяч. Это помогло избежать встречи с «мессерами». Однако зенитчики противника успели поставить заслон на дальних подступах. Небо буквально вскипало от сотен разрывов. Казалось, немцы успели за ночь стянуть сюда крупнокалиберную зенитную артиллерию со всего побережья.

На этот раз Канарев открылся другой своей стороной — непреклонным упорством. Опытный тактик, он сразу смекнул, что противозенитный маневр позволит выйти из зоны массированного огня на большой площади лишь на минуту, и продолжал вести группу прямо на цель. Время в такой обстановке играло большую роль, чем любые маневры. Расчет на высоту, на рассеивание снарядов, на то, что зенитчики не успеют как следует пристреляться. Конечно, риск. Но... другого выхода нет.

Взглядываю на Гришу: сброс — по сигналу ведущего. Прижимаюсь к машине Канарева настолько, что вижу: командир одобрительно кивает мне головой. Держись, Минаков, все идет как надо!

Гриша стоит на коленях, не отрывая взгляда от бомболюков головной машины... И вдруг с немыслимым грохотом валится набок! Самолет вздрагивает. От падения его тела?.. Возвращаю себя в реальность, оглядываюсь: справа по курсу отдаляется черный букет разрывов...

— Штурман, ранен?

Гриша приподнимается на локтях — перекошенное лицо, руки в крови, правая нога неестественно вытянута...

Из бомболюков ведущего сыплются бомбы. Ну!.. Гриша, родной... Самолет вздрагивает, «вспухает»... Слегка отжимаю штурвал и вижу: Гриша окровавленной рукой поворачивает рукоятку, дублируя сброс по-аварийному...

Канарев левым разворотом уводит группу в сторону моря, вокруг продолжают сверкать разрывы. Я отстаю. [112]

Увеличиваю обороты до максимальных, перевожу винты на малый шаг. Кричу Грише, чтобы закрыл бомболюки.

Вижу, как из последних сил он крутит штурвальчик — створки люков подняты, самолет вырывается вперед.

— Гриша, что с тобой?

— Ранен... в ногу...

— Командир! — голос Жуковца. — И Лелеко ранен. Я перевязал...

Грише совсем плохо. Лежит на полу кабины — бледное лицо, глаза закрыты. Помочь ему я ничем не могу: кабина штурмана наглухо отгорожена от моей, да все равно и штурвал бы нельзя было бросить ни на секунду. Самое страшное в жизни, наверно, — видеть, как друг истекает кровью, и не иметь возможности сделать хоть что-нибудь...

На траверзе Новороссийска докладываю ведущему о происшедшем. Запрашиваю разрешения выйти из строя и следовать на повышенной скорости на аэродром.

— Действуйте! — получаю немедленно ответ.

Увеличиваю обороты и со снижением иду напрямик вдоль берега. На землю радирую: «Имею раненых. К посадке пришлите санитарную машину с врачом».

И тут только замечаю, что в правом борту моей кабины зияет рваная дыра...

На взлетно-посадочной полосе нас догнала «санитарка». Я видел, как изменилось лицо капитана Челушкина: из нижних отверстий штурманской кабины, служащих для слива воды, струйками стекала кровь. Сергиенко был без сознания.

— Осколочные ранения в правое бедро и голень, — на ходу определил врач. — А главное, большая потеря крови...

Лелеко был ранен в руку и ступню левой ноги. При осмотре

самолета выяснилось, что большой осколок, продырявивший мою кабину, перед тем пробил [113] капот мотора и всасывающий патрубок, перебил два троса толщиной в мизинец. Это меня и спасло.

— Одиннадцать пробоин, — доложил пунктуальный Беляков. — Есть серьезные повреждения...

— Латай! — расстроенно махнул я рукой.

Вспомнился вчерашний вечер. Чистый, проникновенный голос:

«Зайдите на цветы взглянуть...»

* * *

Во второй половине дня две группы самолетов, ведомые майорами Чумичевым и Арсеньевым, нанесли еще удар по Тамани. Прорвались сквозь огневой заслон, отбомбились по цели и без потерь вернулись домой. Правда, не обошлось без конфуза: один из штурманов, растерявшись под ураганным огнем, забыл сбросить бомбы и привез их обратно на свой аэродром.

А Гриша Сергиенко... Потерять такого штурмана! Из памяти не выходила напряженно приподнявшаяся надломленная фигура, перекошенное лицо, окровавленная рука, тянущаяся к рукоятке аварийного сброса... Скромный, веселый паренек, певец... Каким оказался человеком! Нашел в себе силы даже и продублировать сброс. И потом, уже почти в беспамятстве, — закрыть бомболюки... Не сделай он этого, и самолет, потеряв скорость из-за сопротивления створок, выбился бы из строя, отстал и почти наверняка был бы расстрелян вражескими истребителями...

С Гришей мы сделали двадцать боевых вылетов. Молодой штурман быстро овладевал мастерством, неустанно накапливал знания. Был уже награжден первым орденом — Красной Звезды. Любимец молодежи эскадрильи, комсорг...

Мне не раз приходилось наблюдать, с какой придирчивостью мой штурман принимал у техников свое заведование. Может быть, кой-кому это и не нравилось, но иначе нельзя. В штурманском деле малейшая [114] небрежность может привести к роковым ошибкам. Тут важно все, начиная от тщательной проверки приборов, оборудования и кончая хорошо заточенным карандашом, четко нанесенной линией на карте.

Кого назначат ко мне теперь? Полк пополняется готовясь к новым боям. Из тыла перегоняются самолеты, прибывают новые люди из запасного полка. От штурмана зависит эффективность всей боевой работы экипажа — точность бомбометания, торпедирования кораблей. Лоцман неба. А летать приходится в любых погодных условиях, по незнакомым маршрутам...

* * *

Вскоре поступило печальное известие: при перегонке самолетов потерпел катастрофу экипаж Артюкова. В тумане, при полном отсутствии видимости врезался в гору в районе Махачкалы. Сергей был моим товарищем по тридцать шестому, не раз приходилось вместе летать. Смелый, волевой летчик. За умелые удары по войскам и технике противника в летних боях был награжден орденом Красного Знамени. Его штурман Сергей Одинокое — орденом Красной Звезды, стрелок-радист Александр Троицкий — медалью «За боевые заслуги».

Все трое погибли. Жаль ребят. Столько раз избегали смерти в бою.

На войне маршруты — не торные воздушные дороги.

Не выходя из боев, пополняется полк. Накал на фронте усиливается. Машины по два-три раза в день поднимаются в воздух. Тут же идет учеба, сколачиваются экипажи, даются провозные полеты новичкам. Учиться им есть чему у гвардейцев. Командиры эскадрилий майоры Чумичев, Минчугов, Черниенко лично водят их в бой, показывая примеры храбрости, мастерства, тактической изобретательности. Командирам помогают ветераны полка — летчики высокого класса.

Настроение у всех боевое: наши войска наступают... [115]

Тамань

На другой день, 9 февраля, мы с Жуковцом приехали на аэродром сразу после раннего завтрака. Самолет был уже отремонтирован: технический экипаж трудился всю ночь. Подошел Панов, доложил о прибытии из лазарета.

Светало. Подъехал Чумичев.

— Машина в порядке? Экипаж в сборе?

— В порядке. В сборе, кроме...

— Полетите с майором Стешенко. Бомбоудар по порту Тамань. Через полчаса взлет. Пойдете в группе командира полка правым ведомым.

— Есть!

Я знал, что Степан Афанасьевич в прошлом боевой штурман. Летал с аэродрома Херсонесский маяк в Севастополе. Награжден орденом Красного Знамени. Летал и потом, будучи комиссаром и замполитом. Понятно, эпизодически. «Немножко проветриться, — говорил при этом. — А то засидишься, забудешь, чем пахнет небо...»

Понюхать небо его тянуло, как правило, вместе с новичком или с тем летчиком, который сам по какой-то причине давненько его не нюхал.

— Поотвык, надо думать, от старой профессии, — объяснил чуть смущенно, залезая в кабину. — Потренироваться на месте, освоиться с оборудованием...

Однако не забыл и прямую свою обязанность: за четверть часа до взлета вылез, обошел экипажи, спросил, как и что, пожелал успеха.

Первым взлетел подполковник Канарев, за ним я, за мной Трошин. Затем левый пеленг — Чумичев, Бесов, Козырин. Сразу построились: выйти на высоту не позволяла сплошная облачность.

— Видимость ненадежная, — посетовал Степан [116] Афанасьевич. Похоже, он в самом деле чувствозал себя не очень уверенно. — Как бы удар не сорвался...

— Есть запасная цель — Анапа. Бомбы обратно не повезем!

Спустя час вынуждены были снизиться до восьмисот. Видимость еще более ухудшилась. Вскоре стало ясно: Стешенко был прав, метеоусловия не позволят выполнить задачу.

Ведущий взял курс на Анапу.

— Проходим мыс Утриш, — по всем правилам доложил майор. — До цели двенадцать минут.

— Вас понял. Бомбить по сигналу ведущего.

По сигналу намного легче. И на боевой курс выведет штурман полка Толмачев. Только не пропустить момента...

Последний ориентир. Шестерка выполняет доворот, ложится на боевой курс. Створки бомболюков открыты. Самолеты с ревом проносятся на небольшой высоте над портом, черными струями прошивая пристань, корабли, скопившиеся в городском парке автомашины...

— Это вам завтрак! — кричит Жуковец так, будто немцы могут его услышать. — А теперь проведем «политинформацию»...

Его обязанность. Высовывает в отверстие нижнего люка одну за другой пачки листовок, встряхивает так, что шпагат разрывается и рассыпавшиеся листки белым шлейфом тянутся за самолетом.

Удар оказался внезапным. Лишь на отходе вдогонку нам потянулись трассы «эрликонов». Достать нас фашисты уже не могли, лупили впустую, чтоб оправдаться перед своим начальством.

Отворот в море. Форсирую моторы, но тяги еле хватает, чтобы держаться в строю.

— Штурман, люки! — кричит Панов.

— Понял! — спокойно отвечает Стешенко. [117]

Отгоняю воспоминание о Грише. В прорезь приборной доски вижу, как Степан Афанасьевич возится с тем самым штурвальчиком: не может найти стопор. Ну да, ведь летал на другой машине. Жду, найдет сам. Нашел.

— Каков результат удара? — спрашиваю у стрелков: разрывы бомб им виднее.

— В порту и у пристани три больших взрыва, пять очагов пожара. На окраине парка накрыли технику...

— А не лучше было действовать звеньями? — делится мнением Степан Афанасьевич. — Чем захватывать парк, дважды отбомбиться по порту.

— Пожалуй. Но ведь тактика разрабатывалась для основной цели. В Тамани порт шире по фронту.

— А почему бы не разработать и для запасной?

В самом деле. С уважением взглядываю сквозь прорезь. На минуту становится стыдно за мимолетное чувство превосходства, из-за стопора, люков... Умеет человек думать. А я только о своем экипаже, своей задаче. А надо за всех! Все в одинаковом ответе — за каждый успех, неуспех, за общую нашу победу...

Подумал так и вдруг почувствовал себя выше. Будто по должности поднялся.

— Через десять минут посадка, — оторвавшись от карты, доложил замполит.

Не успели остановиться винты, как поступил приказ приготовиться к повторному вылету. Группу возглавляет майор Арсеньев, заместитель командира полка.

— Надо пробиться, мы же гвардейцы! Сообщают: погода на трассе улучшилась.

У машин закипела работа: подвешивали бомбы, заправляли баки...

Через полчаса над аэродромом взвились зеленые ракеты. Первым взлетел Арсеньев, за ним Чумичев, я, Трошин, Бесов — пятерка. Строем клина легли на курс.

Полет над морем. Из-за скверной видимости приходится цепко держаться в строю. Умело обходим мощную [118] кучевую облачность. Группу ведет штурман полка Толмачев.

Взглядываю на Стешенко. Усердно трудится над картой, производит расчеты. Так и положено: в любой момент мы должны быть готовы самостоятельно продолжать полет.

— Сколько до цели, товарищ майор?

— Пятнадцать минут, командир.

Немного смущаюсь. Но командир здесь действительно я. Он — подчиненный.

Таманский полуостров просматривается в разрывах облаков. На головной машине открываются бомболюки. И тут же вокруг возникают разрывы.

— Средний калибр, — спокойно определяет Стешенко. — А вот и «эрликоны»...

С противозенитным маневром выходим на цель.

— Бомбы сбросил! — докладывает мой штурман.

Вслед за ведущим ложусь в разворот.

— Все как по нотам, Степан Афанасьевич!

В ответ его голос, четкий, спокойный:

— Два «мессера», командир! Справа, со стороны Керчи.

Быстро нахожу высоко в небе два характерных крестика.

— Панов, доложи ведущему...

«Мессеры» развернулись, понеслись вниз. Загрохотал крупнокалиберный пулемет Панова. Слева мелькнула огненная струя, простучала по крылу градом. Сейчас вторая — по бензобакам...

Сжавшись в комок, ощущая всей кожей наведенные пушки и пулеметы, вжимаюсь в бронеспинку. Но огонь открыла уже вся группа. Истребители не рискуют приблизиться, пучки трасс проносятся, не задев нас.

Спасение — в облаках. Ведущий дает полный газ, мы следуем за ним в плотном строю. «Мессеры» пристроились сзади и, выбирая моменты, стреляют короткими [119] очередями. Панов

просит чуть довернуть машину, чтобы они попали в сектор его огня. Ближайший фашист отваливает. Атакует другой. Используя преимущество в скорости и маневре, пытается зайти в хвост. Но наш ведущий уже в облаке. Проскочив в небольшое «окно», группа прижимается к нижней кромке облачности и уходит в море.

— Все правильно, — невозмутимо подытоживает Стешенко.

— Каков результат удара, Степан Афанасьич?

— Бомбы рвались в порту. По многочисленным очагам пожаров можно судить, что удар был эффективным.

Как по книжке читает. Ну и нервишки у моего штурмана!

На аэродроме узнали еще об одном успехе. Экипаж майора Черниенко, вылетев на «свободную охоту», обнаружил в порту Ялта стоящую у наружной стенки мола баржу водоизмещением полтысячи тонн. Торпедоносец с ходу атаковал ее. Точно сброшенная штурманом капитаном Ильей Корнеевым торпеда попала в середину баржи и отправила ее на дно.

* * *

Утром следующего дня нас с Трошиным вызвал комэск:

— Через час полетите на Тамань. Ведущий — майор Черниенко. — С минутку подумал, пощурился на меня. — Штурманом к вам назначается старший сержант Ерастов.

Володю Ерастова я знал давно. В мае прошлого года нам довелось вместе перегонять на фронт самолет, полученный на заводе в Сибири. Парень веселый и симпатичный, но боевого опыта нет, был в резерве полка. А тут — Тамань... Ясно, что немцы встретят неласково.

— Разрешите еще раз слетать с майором.

— Ишь ты, — улыбнулся глазами комэск, — приглядел себе подчиненного. У майора свои дела, полетит с Пашуном [120] сегодня. И вообще... Надо же все равно тебе вводить в экипаж постоянного штурмана. Лучше это делать в групповых полетах.

Володя ждал на стоянке. Высокий, грузноватый двадцатидвухлетний парень. Красивые серые глаза с девичьими ресницами...

— Опробуй пулемет.

— Есть!

Ловко вскарабкался по стремянке в кабину, снял фуражку, положил на сиденье, повернул пулемет вверх стволом, дал три короткие очереди.

— Исправен, товарищ командир!

— Проверь подвеску бомб, оборудование. Через полчаса выруливаем...

Получив все необходимые указания, тройка взлетела. Я пристроился к ведущему справа, Трошин — слева. Летим на высоте сто — сто пятьдесят. Сплошные свинцовые тучи нависли низко над морем. Метеоусловия — хуже некуда. Надежда одна: малой, маневренной, группе легче найти «окно».

В районе Лазаревской облачность снижается до пятидесяти — семидесяти метров. Летим над самой водой.

— Погодка! — в первый раз подает голос штурман.

— Ничего! Главное — не потерять ведущего.

Напоминание своевременное, облачность начинает сливаться с туманом. Разворачиваемся на юг, летим на бреющем десять, пятнадцать минут. Просветов не видно. Долго лететь так опасно, можно врезаться в воду.

— Возвращаемся домой, — принимаю радио ведущего.

С малым креном, осторожным «блинчиком», Черниенко разворачивается в сторону аэродрома. Мы повторяем его маневр.

Нашему возвращению не удивились, знали, что, если Черниенко вернулся, значит пробиться к цели невозможно. [121]

— Как впечатление? — спрашиваю у штурмана.

— Пятьдесят шансов поцеловаться с водой, пятьдесят — с ведущим, — коротко отвечает Володя, стирая со лба пот.

— Итого — сто? Но ведь вернулись!

— Вопреки теории вероятности.

— Значит, и на теорию есть теория. Вероятность ее нерушения.

Володя на минуту задумывается.

— Открытие, командир! После войны...

— После войны не пройдет. Открытие — для военного времени.

Ничего держался парень. Может, и выйдет толк.

На другой день, 11 февраля на рассвете, — то же задание. Четверка — Арсеньев, Черниенко, Бесов и я — взмыла в воздух.

Пошли над морем с набором высоты, пытаясь пробить многоярусные облака. В районе Туапсе — мощные кучевые. Арсеньев принимается их обходить. В густом киселе на одном из разворотов отстаю от группы. Попытка найти ее ни к чему не приводит.

— Что будем делать? — спрашиваю Ерастова.

— Проверим твое открытие, командир?

— Тогда курс на цель!

Маневрируем по высоте, по направлению. На траверзе Новороссийска оказываемся между двух ярусов облачности. Западнее Анапы облака внизу разрываются.

— Отбомбимся визуально?

— Выводи, штурман!

Два отворота для замера угла сноса.

— Готово! Курс на цель, командир!

Впереди хорошо просматривается Тамань, за ней порт.

— Открываю бомболюки! — докладывает Ерастов, контролируя свои действия. [122]

— Включи фотоаппарат, сфотографируем станицу.

По его командам делаю небольшие довороты.

— На боевом!

Впереди возникают разрывы снарядов. Когда грязно-черные шапки обкладывают машину со всех сторон, слышу радостный голос Володи:

— Бомбы сбросил!

Резко маневрирую в одну сторону, в другую. Наконец разрывы остаются позади.

— Командир, истребители! — Это Панов.

— Доложи точнее!

— Тысяча метров ниже нас два «мессера»...

К счастью, над нами облака. Форсирую моторы, предельно задирая нос самолета.

— «Мессеры» в пятистах метрах...

Машину окутывает ватная мгла.

— А еще ругали облачность, — шутит Володя, когда оказываемся уже далеко над морем.

Жуковец докладывает: наши бомбы рвались в порту у причалов, где скопились десятки автомашин.

Благодарю штурмана за выдержку и меткость, стрелков — за внимательное наблюдение за воздухом.

На аэродроме нас радостно встречает наш технический экипаж — Беляков, Петров, Ястребилов...

— А мы уже думали — беда! Все вернулись, а вас нет...

Командир эскадрильи, мрачно выслушав мой доклад, сказал:

— Инициатива — хорошо. За отставание от строя — строго предупреждаю!

Однако настроение его скоро переменилось.

Когда проявили наши пленки, их срочно доставили командиру полка. Оказалось, включенный нами при маневрировании плановый фотоаппарат зафиксировал всю противовоздушную оборону Тамани. Четко был [123] виден полевой аэродром, стоящие на нем истребители, девять зенитных батарей крупного и среднего калибра, скопления автомашин, артиллерии, танков...

В тот день четырежды наносился удар по Тамани. На разведанные цели обрушивались сотни бомб, в небо взмывали

черные столбы дыма, взлетали обломки, полыхали пожары.

Каждую нашу группу встречали «мессершмитты». Но командование уже приняло меры: бомбардировщики сопровождались к цели истребителями прикрытия.

При этом имел место любопытный эпизод. Группа капитана Бесова, подойдя к Геленджику, откуда должны были подняться наши истребители, получила ответ:

— Высылать нечего!

После некоторого молчания тот же голос запросил:

— Укажите свое место!

Опытный Бесов сообразил: работает рация противника.

После этого случая командование дало строгие указания по соблюдению бдительности, дисциплины радиопереговоров, установило отзывы и пароли.

В конце дня командир полка собрал летные экипажи и объявил задачу: ночью нанести бомбоудары по скоплению живой силы и техники в порту Анапа. Отвлечение зенитного огня и сковывание действий вражеских истребителей возлагалось на наш экипаж. Нешуточное дело!

— Давай прежде всего подумаем, как мы отыщем аэродром и помешаем взлету «мессеров».

Володя развернул карту. Вид у него был скучноватый: один бомбардировщик — на целый вражеский аэродром...

— И еще на зенитки, — не стал я его утешать. — Если, конечно, останемся целы. [124]

Выполнять такую задачу мне уже приходилось в прежнем полку. Тогда повезло, хоть и изрешетили машину так, что едва до своих дотянула.

— Кому-то ведь надо?

Штурман кивнул. Через четверть часа он уже был с головой увлечен делом. Аэродром, который нам предстояло атаковать, располагался у самой береговой черты. Попробуй найди его ночью, когда любой пляж может показаться посадочной площадкой!

— Ничего, возьмем за ориентир вот этот изгиб берега... Справа город, слева — два озера. Зайдем со стороны моря, оттуда виднее... Между озерами ляжем на боевой курс...

Когда план разработан, настроение обычно повышается. Чуть не с нетерпением дождались темноты.

По сигналу поднимаю самолет в воздух. Спустя десять минут должны взлететь Канарев, Саликов, Черниенко, Козырин...

Ночь темная. На борту тишина. Вдали проплывает Кавказское побережье, затем уходим в море. Горизонт не просматривается, веду машину по приборам. Стараюсь как можно точнее

выдерживать заданные штурманом скорость и курс. От этого зависит все. Летим уже час. Кажется, расчеты не подвели, выходим к береговой черте. Характерный изгиб суши, блестят два озерца...

— Молодец, штурман!

— Видишь аэродром, командир?

На вражеском аэродроме оживление. Мелькают огни, в воздух взлетают сигнальные ракеты. Прибыли в самое время: «мессеры» выруливают на старт...

Приглушаю моторы, перехожу в планирование. Зенитки молчат. Штурман улучает момент, сбрасывает три бомбы с внешней подвески. Внизу полыхают взрывы, аэродромные огни разом гаснут, будто их задувает взрывной волной. Взметываются лучи прожекторов, ножницами стригут небо. Фосфорически сверкают разрывы. [125] Вверху, внизу... Пока не поймали прожектора — не страшно.

С приглушенными моторами уходим в сторону Витязевского лимана. Набираем высоту, идем на второй заход вдоль окраины Анапы. Бомболюки открыты.

— Боевой курс! — докладывает Володя.

Открыли огонь зенитки. Светящимися цепочками тянутся к самолету трассы малокалиберных скорострельных пушек, серпантином рассыпаются разрывы. Оглядываюсь вокруг. Стреляют — по нашему самолету? Надо, чтобы по нашему! А группа? Еще не подошла?

— Сбросил четыре бомбы! — докладывает штурман.

Фугаски рвутся в районе аэродрома. Применив противозенитный маневр и снижение, обманываю прожектора. Вновь всматриваюсь в горизонт — прилетела группа? Вспышек в порту не видно.

Идем на третий заход. С севера. После всплесков огня от шести бомб зенитный огонь накрывает все небо над аэродромом. Беснуются прожекторные лучи. Кажется, удалось «задействовать» все батареи. По нам! Вот чему приходится иногда радоваться в жизни... Однако долго не продержаться. Где группа? Вот она, вот!..

Над портом заполыхали огромные зарева. Взметываются искристые взрывы, в небе высвечиваются рваные облака...

Бомбардировщики подошли к городу на разных высотах. Противник опомнился только тогда, когда в порту уже рвались бомбы. Лучи прожекторов потонули в гигантских вольтовых дугах разрывов. Беспорядочный огонь врага не смог помешать нашему сокрушительному удару. Боевая задача была выполнена блестяще. Все машины благополучно вернулись на свой

аэродром.

Летали не только на Тамань.

В труднейшей обстановке находились в эти дни крымские [126] партизаны. Готовились к прорыву блокады. Летчики полка делали все возможное, чтобы облегчить их положение, и не раз получали радиограммы со словами сердечной благодарности. Особенно интенсивно совершались полеты с грузами продовольствия и боеприпасов с 4 по 12 февраля. Экипажи Бесова, Бабия, Андреева, Жесткова, Трошина, Саликова неизменно пробивались в заданные районы и точно сбрасывали грузы. К партизанам летали и наш комэск Чумичев, и командир полка Канарев, и его заместитель майор Арсеньев.

13 февраля по тревоге взлетел самолет на уничтожение подводной лодки противника, обнаруженной юго-западнее Туапсе. Экипаж, возглавляемый майором Арсеньевым, несмотря на сложные метеоусловия, нашел вражескую субмарину в надводном положении и с ходу атаковал ее. Затем еще дважды бомбил противолодочными бомбами. На поверхности воды появились масляные пятна — признак попадания.

Днем и ночью, в сложных зимних условиях экипажи гвардейцев поднимались в воздух, чтобы, поддерживая свои наступающие войска, громить врага на море и на суше.

Бесов есть Бесов

Вот уже несколько дней все мы жили под впечатлением разгрома немецко-фашистских войск в районе Сталинграда. Ясно было, что эта победа положила начало новому этапу войны. Четвертую часть сил, действующих на советско-германском фронте, потеряли фашисты на Волге. Впервые с начала войны жители германских городов и сел вместо бравурных маршей и победоносных речей услышали панихидный звон с колоколен...

Полным ходом шло наступление и на нашем фронте. [127]

12 февраля — освобожден Краснодар.

14 февраля — Ростов-на-Дону. Город, где шесть месяцев назад началась битва за Кавказ.

Фашистские войска оказались прижатыми к Таманскому полуострову и отчаянно сопротивлялись.

Противовоздушная оборона противника в Тамани была значительно усилена. Каждый раз, когда наши группы бомбардировщиков появлялись над позициями вражеских войск, их встречал ожесточенный зенитный огонь, атаковали истребители.

16 февраля три экипажа под командованием капитана Козырина получили приказ нанести удар по вражеским войскам и технике в таманском порту. Справа от ведущего летел я, слева — капитан Саликов. Путь довольно долгий. На высокой ноте гудят моторы тяжело груженных машин, километр за километром остается позади. Люблю лететь с Козыриным, есть чему поучиться. Могучим дальним бомбардировщиком он владеет так, как когда-то владел своим вертким МБР-2. Летает со штурманом старшим лейтенантом Михаилом Шильченко. Этот невысокий крепыш с озорными искорками в глазах способен мгновенно принимать решения, метать бомбы, ловя промежутки между маневрами, и поражать цель при любом противодействии противника. Они очень подходят друг к другу — Козырин и Шильченко, разница в темпераментах только внешняя: и Шильченко может быть собран и сжат, и Козырин — азартен и весел. Узнав их поближе, я даже начал подозревать, что это различие между ними содержит в себе элемент игры: что только ни помогает нам в нашем деле...

Отличная пара, завидные мастера снайперских бомбовых ударов!

Пересекаем береговую черту у мыса Железный Рог. Впереди отчетливо видим порт. [128]

— И нас, вероятно, им видно не хуже, — без надобности

отмечает Володя.

— Логика, штурман.

Потребность услышать голос, свериться с чувством друга. Неприятный момент — подлетать вот так, на виду, кожей ощущая, как к тебе поворачиваются десятки щупающих стволов...

Во! Как по единой команде. Стена! Здорово сострелялись, надо отдать справедливость. Есть тут, конечно, и наша заслуга — каждый день «тренируем» их, даже и по ночам... Бах, тр-рах! Справа, слева... Вот где цены нет козыринскому маневру! Пробился сквозь стену, стремительно изменив высоту, пошел обходить батареи. Будто все они у него на доске приборной нанесены. Это Шильченко, его востроглазый штурман... Нам с Саликовым одна забота — предугадывать их молниеносные виражи. Посыпались бомбы — черным, тяжелым дождем...

Я даже и не заметил, когда нас прошил снаряд.

Разорвался метров на двести выше. После Панов доложил: дистанционный взрыватель...

И — звено «мессеров». Ждали, издали наблюдая, как нас крошили зенитки. Навалились, как только мы вышли из зоны огня. Ни облачка в небе, одно спасение — море. Не разбивая строя, отчаянно маневрируя, захлебываясь пулеметным огнем, тянем к нему — наша стихия. Недаром на нас морская форма...

На аэродром вернулись все. Доложили. И начальнику разведки майору Конзелько — что видели при отходе сплошную колонну автомашин на пути от Ахтанизовской на Вышестеблиевскую. Это — сверх задания.

— Спасибо! — поблагодарил Николай Александрович. — Как раз туда вылетели штурмовики. Если их удара окажется мало — поможем! Попрыгали, значит, на сковородке?

Скрывать не стали. Разведчик должен знать все. [129]

— Да, — посочувствовал. — На рогах у черта. Ничего, добавят еще истребителей для прикрытия, батя звонил в бригаду. Твердо обещали — дадут!

На следующий день трем экипажам нашей эскадрильи та же задача — Тамань. Ведущий Бесов, ведомые — Трошин и я. Для обеспечения наших действий с аэродрома Геленджик должны вылететь четыре истребителя Як-1.

Штурман звена капитан Кравченко развернул карту, указал маршрут, район встречи с истребителями прикрытия, направление захода на цель. Кравченко — мой старый знакомый, вместе служили на Тихоокеанском флоте. Ему повезло: с первых дней войны попал на фронт. Участвовал в обороне Севастополя, Керчи, Новороссийска. Хладнокровный, расчетливый штурман, один из лучших в полку.

Я с удовольствием наблюдал, с каким уважительным вниманием выслушивает его указания Володя. Внешне, пожалуй, даже немного похожи они друг на друга, оба высокие, плотные. Будут похожи. У Володи еще много лишнего — в движениях, в лице. Весь на виду. У капитана чуть серебрится уже седина в смоляных волосах — результат Севастополя. В движениях — основательность, экономность.

— Напрямик пойдем. Врасплох все равно их уже не застанешь...

— По самолетам! — раздается команда Бесова.

Застегивая на бегу шлемофоны, устремляемся к машинам.

Точно в назначенном районе к звену присоединяются «яки». Становится веселее. Летим вдоль берега, занятого врагом. Береговую черту пересекаем у западной оконечности Кизилташского лимана и прямо берем курс к объекту. Издали виден столб дыма — в порту пожары. Встречным курсом пролетает отбомбившаяся пятерка [130] наших Ил-4. Спешим им на смену — во как дело пошло! Какая уж тут внезапность...

Сквозь вражеский огонь прорываемся напрямую. Не слишком ли смело? Не начинаем ли пренебрегать опасностью?

Сеть разрывов становится все плотней.

— Снаряды разорвались у хвоста самолета. Пробоины в киле и стабилизаторе, — докладывает обязательный Панов.

Самолет Трошина то отстает от моего, то выдвигается вперед. Кто нервничает, я или он?

Без противозенитного маневра продолжаем лететь по прямой.

— Скоро сброс? — в нетерпении спрашиваю Ерастова.

— Сейчас, командир! Идем точно на цель!

Соображаю: все внимание штурмана приковано к прицелу, не видит, что творится вокруг.

Самолет чуть «вспухает», бросаю взгляд вниз. Вижу прерывистую цепочку бомб, отделившихся от машины ведущего.

— Сбросил? Почему не докладываешь?

— Сбросил, командир!

Уходим с разворотом в сторону моря.

— Ну банька! — облегченно восклицает Жуковец.

Хорошо еще, не надо опасаться «мессеров». Истребители прикрытия носятся высоко над нами, просматривая воздушное пространство. Не слишком ли высоко?

Едва успел подумать, в наушниках голос Панова:

— Два «мессершмитта» атакуют со стороны солнца!

И дробный стук крупнокалиберного пулемета.

От самолета Трошина тоже потянулась огненная трасса. Смотрю по ее направлению: в двухстах метрах от нас — тощий

самолет с черными крестами на обрубленных крыльях. Трасса упирается прямо в него. «Мессер» отворачивает, поспешно ныряет вниз... [131]

Защищая друг друга огнем, отбиваем первую атаку. В эфире голос радиста экипажа Бесова:

— «Яки», «яки», нас атакуют «мессера», прикройте! Не видят, черти! Слишком высоко забрались, опасаясь зениток...

Но вот четверка «яков» и пара «худых» закружились в смертельной карусели. Бесов отворачивает в сторону солнца. Что-то мелькает справа... Падающий самолет косо перечеркивает горизонт. «Мессер»? Свой? Ничего не видно. Только черный шлейф дыма...

Когда все четыре наших истребителя пристраиваются к нам, в наушниках раздается дружное «ура» всего экипажа.

— Будут знать, гады!

— Не видели наших, сунулись!

— Однако и наши их тоже не видели, — охлаждает Володя общий восторг.

На глазах взрослеет парень.

— Учтут у себя на разборе. Как результат?

— Наблюдал при отходе от цели два новых очага пожара. Бомбы рвались в порту, в центре скопления автомашин. Меткий удар! Ну так Кравченко ведь...

Похоже, мой штурман выбрал себе героя. Что ж, это на пользу. У Кравченко есть чему поучиться.

На траверзе Геленджика «яки», помахав на прощанье крыльями, уходят в сторону берега. Нам лететь еще час. Настроение хорошее. Спрашиваю Панова, кто первый заметил вражеские истребители — он или Попов, стрелок Трошина.

— Со стороны солнца зашли... Я их заметил, когда уже были метрах в трехстах. Ну, сразу врезал... Тут и Попов...

— Молодцы! Первого отшили с ходу. А ты что молчишь, Александр?

Жуковец отвечает не сразу. [132]

— Думал, каюк... Осколки-то рядом со мной обшивку пробили. Натыкали гады пушек... А почему противозенитного маневра не делали, командир?

Ссылаюсь на ведущего: строй есть строй.

На земле после положенного доклада обращаюсь с тем же вопросом к Бесову.

— А что, отбомбились же...

Киваю на Белякова — тот лазает по хвосту машины, осматривая пробоины.

Бесов щурится. Сплевывает небрежно. Похоже, раздумывает,

стоит ли отвечать. Он старше меня не только по званию, но и по возрасту, и по стажу, известный на флоте летчик.

— Могли ведь и в ящик сыграть, — говорю что попало.

Он неожиданно улыбается:

— Это свободно! Такое, брат, дело. А что до маневра... Еще как сказать. Может, и больше бы дырок тебе насажали с маневром...

С невольным уважением оглядываю его. Будто и не было трехчасового полета, бешеного огня. Смотрит с «бесовским» своим прищуром из-под крылатых бровей. Крупный орлиный нос, твердые даже в улыбке губы. Своенравный, о нем говорят, упрямый. Вспоминаю первый полет с ним в группе, неуверенно ковыляющую машину... Вряд ли бы кто другой после тех передряг, что ему довелось испытать, так смог говорить про «ящик». И так летать — без оглядки, отчаянно смело! После тяжелого-то ранения, трехмесячного лечения, когда и не знаешь, вернешься ли в строй...

Делюсь своим сомнением с Трошиным.

— Черт его знает, может, он прав, — раздумчиво говорит Алексей. — Ведь огонь — на большой площади. И время... Время же все решало. Как бы то ни было, выиграл он!

— Выиграл, — соглашаюсь. [133]

— А что до характера... Бесов есть Бесов!

На том и сошлись. Посмеялись, дали указания техникам к вечеру залатать дырки. Их и в машине Бесова оказалось не меньше.

Неожиданный почерк

— Ночью будем наносить удары одиночными самолетами, — сказал подполковник.

Определил время, последовательность взлетов.

— Первому эшелону — двадцать минут на уточнение задания.

Посоветовавшись с Ерастовым, решил выйти на цель с тыла, со стороны Азовского моря. С этого направления противник менее всего ожидает появления бомбардировщиков...

В наступивших сумерках первым взлетает Бесов, за ним Трошин, Канарев, Чумичев, Василенко...

Набираю высоту. На борту, как всегда в ночных полетах, настороженная тишина. Справа смутно белеет берег.

Длительный полет ночью над морем требует сам по себе большого напряжения. Ни ориентиров, ни звезд. Летим в безжизненном темном пространстве.

Наконец начинает просматриваться Мысхако. На Малой земле — ночной бой. Чем ближе подлетаем, тем ясней: бой ожесточенный, тяжелый. С двух сторон, чуть не вплотную друг к другу, вспыхивают орудийные выстрелы, полыхают разрывы, скрещиваются пулеметные трассы, взлетают ракеты. С левого берега Цемесской бухты, со стороны Кабардинки, беспрерывно бьет наша тяжелая артиллерия...

Бой идет и в воздухе. Электрическими искрами мерцают разрывы зенитных снарядов, режут густую тьму ножницы прожекторов, на земле вспухают разрывы бомб... [134]

— Наши лодочки, МБР-2, из Геленджика, — определяет Володя. — Трудновато ребятам, того и гляди врежешь по своим...

Да, окопы наших десантников в десятках метров от вражеских. Сверху кажется — пулеметы бьют друг по другу в упор...

— Учись у них точности!

— Я и учусь, — вполне серьезно отвечает Володя.

Снова темнота. Мерно гудят моторы.

— Командир, пересекаем береговую черту. Впереди Кизилташский лиман.

Есть хоть на чем остановиться глазу, убедиться, что не летишь головой вниз: черта берега просматривается и в темную ночь, если нет тумана. Позади остается и Ахтанизовский лиман. Летим над Темрюкским заливом, затем разворачиваемся на юг, проходим вблизи станицы Фонталовской. Справа по курсу — песчаная коса Чушка, уходящая в Таманский залив и отделяющая

его от Керченского пролива.

— Впереди порт Тамань, — голос Володи чуть громче и напряженней.

— Понял, Тамань.

Повторяю испытанную тактику. Сбавляю обороты, планирую... Но что это? Впереди взметываются в небо десятки огненных лучей! Качаются из стороны в сторону. Не сразу соображаю, что ищут не нас: кто-то заходит навстречу, со стороны Черного моря. Догадки строить некогда, счастливый момент!

— Выводи на боевой!

— Боевой! — почти сразу откликается штурман.

«Замораживаю» курс, высоту, скорость.

И как раз впереди засверкали зенитки. Навстречу неизвестному самолету, как огромный рой разноцветных пчел, устремились трассы «эрликонов». Схваченная прожекторами машина летела в сплошной сетке огненных трасс — такое приходилось встречать лишь при торпедных [135] атаках. Казалось, в самолете уже не осталось живого места...

Но вот на земле под ним полыхнули мощные зарницы, выхватили из тьмы взлетевшие вверх обломки портовых сооружений, в панике мечущиеся машины...

— Ну и дал! — заорал Жуковец, забыв, что мы сами на боевом курсе.

Встречная машина ярко блеснула крылом и моментально исчезла во тьме.

— Ну парень!.. — не выдержал и я. — Как рыбка...

— Сброс! — раздался доклад Володи.

В следующую минуту все лучи и все трассы перекинулись на нас. Резко разворачиваюсь влево, белый слепящий свет окатывает кабину. Во рту становится сухо, не хватает воздуха, будто и в самом деле накрыло волной. Сейчас страшный удар — и все... В отчаяньи выжимаю педаль, до отказа отталкиваю штурвал...

— Командир, врежемся...

Но уже темнота. Спасение! Выравниваю самолет, оглядываюсь. Не задел стволы зениток? Сплевываю сбежавший на губы пот, запрашиваю у штурмана курс. Вскоре уже летим над морем.

— Бомбы куда положил, Володя?

— Не видел, командир! Только сбросил, а тут...

— Панов, а ты?

— Бомбы рвались в порту на берегу. В северной части порта.

— Молодец, не промазал, штурман!

— Учусь у «лодочников»! — Оказывается, может еще шутить.

— Вдвойне молодец! Не забываешь критики. А здорово помог

нам тот отчаянный!

— Но и наследство оставил... Думал, уже капут! Кто бы это мог быть, командир?

Сам гадаю. Предположение есть, но не хочется почему-то делиться. [136]

— А как думаешь, почему он так прямо зашел? — не отстает Володя.

Молчу. Наивно было бы думать, что просто так, по беспечности...

На земле спрашиваю, кто приземлился перед нами. Бесов. Стоит, привалившись к столбику у капонира, небрежно опустив на колено руку со шлемофоном. С усмешкой щурится на техника, с фонариком обследующего самолет. Переводит взгляд на меня. «Ну что, Минаков, не сыграл в ящик?» — почти наяву слышится в ушах голос.

Но Бесов молчит.

* * *

Раннее солнечное утро. Снова летим. Первое звено поведет майор Чумичев, второе — капитан Козырин.

Опять Тамань. Обстановка понятна. Противник отводит войска с Кавказа, чтобы избежать окружения. Чтобы их сохранить — войска. Наша задача — не дать сохранить. Не дать отвести в порядке.

Сколько для этого надо, столько и будем летать. Днем и ночью и при любой погоде...

Первым взлетает комэск. За ним я, за мной Бесов.

Сразу берем курс в море. Тройку ведет флагманский штурман нашей эскадрильи майор Сергей Прокофьевич Дуплий. Известный мастер бомбовых ударов.

По внешнему виду не скажешь. Мягкий как будто бы человек. И ростом не высок, и черты лица никакие не «волевые». В глазах покой, доброта. Вот ведь как бывает. А сколько усилий на крайнем пределе возможностей, и физических, и моральных, сколько преодолений... Водил девятки бомбардировщиков на самые отдаленные цели, бомбил корабли, портовые сооружения, нефтехранилища в Констанце, наносил удары по нефтепромыслам в Плоешти, уничтожал военные объекты в Бухаресте; скопления войск и техники, артиллерийские позиции, самолеты на аэродромах, склады боеприпасов и горючего, [137] минометные батареи, мотопехоту и танки противника — при защите Одессы, Керчи, Новороссийска. В Севастополе был флагманом в группе Чумичева...

Штурман-снайпер, настоящий ветеран гвардейцев!

С траверза Геленджика погода ухудшается. Группа поворачивает к берегу, чтобы точнее взять курс на цель, В разрывах облачности проглядывается мыс Утриш. Ведущий разворачивается на северо-запад, звено устремляется к объекту удара. Идем без прикрытия: истребителей не хватает.

— Усилить наблюдение за воздухом! — приказываю стрелкам.

Видимость над целью отличная.

— Впереди по курсу — порт!

И, словно в ответ на доклад Ерастова, в небо взлетают десятки черных шапок.

Ведущий маневрирует, то и дело меняя курс. Мы — как привязанные.

— Володя, люки...

На мгновение машины как бы замирают — все три как одна. Боевой курс, секунды...

— Сброс!

Резкий отворот с потерей высоты сразу же выводит звено из огня.

— Здорово обвели! — отмечает Володя. — Как на футбольном поле!

— Следите за воздухом! — передает комэск. — Не отставать!

На повышенной скорости, прижимаясь к верхней кромке облаков, уходим в море...

— Как завороженные! — комментирует Жуковец.

На аэродроме Беляков удивляется:

— Праздник, что ли, сегодня у них, командир? Ни пробоины! В кои-то веки!

— Тихо, тихо, Миша, не сглазь. Праздник — у нас. Знаешь, как им влепили! [138]

Чумичев жмет нам с Бесовым руки, поздравляя с очередным боевым вылетом.

— Спасибо! — вырывается у меня, — Вам, товарищ майор, надо зачесть все три вылета.

— Ну-ну, сочтемся славою...

Разбирать, собственно, нечего — все как по нотам. Так бы всегда...

После обеда — вылет на ту же цель. Ведущий Бесов. Трошин и я — ведомые.

За нами взлетает группа курсом на Феодосию — бомбоудар по плавсредствам.

У Геленджика встречаемся с четверкой «яков». Вот теперь в самом деле праздник!

На цель заходим от мыса Такил — кратчайшим путем от

берега. Замысел верный: вряд ли отсюда нас ждут. Плюс к тому — сзади солнце. Маскируясь в его лучах, ложимся на боевой курс. Под нами рваная облачность, но штурман Кравченко уверенно ведет звено, ориентируясь, как дома.

— Еще неделька, и сможем вслепую бомбить, — шутит Володя. — И куда столько бомб лезет!

— Разговоры! Следи за ведущим.

Небольшие довороты, и цепочки бомб устремляются к цели.

Огня нет, однако Бесов резко меняет курс. Издевается? После вчерашнего разговора?

В тот же момент за хвостом самолета вспухают разрывы.

— Вспышки заметил! — с восхищением поясняет Володя. — Вспышки выстрелов, на земле!

Ну и глаз у Бесова! Вот что значит — ас.

— Как бомбы?

— Нормально! Облачность помешала как следует посмотреть.

Нормально. Хоть и не наблюдал. Действительно, уж как дома... [139]

Истребителям не нашлось дела. Помахали крылышками, ушли.

— Похоже, сдает фриц, — угадывает Жуковец мои мысли.

— Приманивает, — острит неговорливый Панов.

— Ну-ну, не избалуйтесь! Не хватало нам бдительность потерять.

Техник Миша, облазав машину, буквально расцвел, залился румянцем, словно ему привезли подарок.

— Что, Михаил? Наконец-то придавишь жука на всю ночь!

— Не жука. Хоть моторы проверить, а то все недосуг. С каких пор уж работают сверх ресурса.

— Все мы работаем сверх ресурса, — не может не вставить словцо Жуковец.

— Ну, вы-то...

— Во, Коля, видал? Железо больше людей жалеет!

Но Беляков уже не слышал. Давал указания, какой инструмент приготовить, как замаскировать свет.

После доклада подошел Трошин:

— Фокус! Противозенитный маневр без огня! Учел твою критику Бесов!

— Не до конца, — ответил я тоже шуткой. — На цель-то все же зашел кратчайшим.

— Ну, ты уж хочешь все сразу! — Он проводил взглядом неторопливо удаляющуюся сутуловатую в толстой меховой куртке фигуру, вздохнул, не скрывая зависти: — Почерк! Бесовский, свой! Неожиданный для врага...

— Не только, — то ли возразил, то ли подтвердил я.

Вспомнил вчерашний ночной полет, представил машину в скрещении белых лучей, в озарении огненных вспышек... «Ну что, не сыграл в ящик?»

Вполне мог сыграть. Не я, так другой, а то двое. Если б один *неожиданно* не решил зайти на цель привычным для врага курсом... [140]

Спасибо за самолет

Зашел в штабной домик — узнать, не было ли письма.

— А, Минаков, — раздался из-за открытой двери знакомый голос.

Степан Афанасьевич сидел за столом в своей комнатушке. Поднял усталые глаза, внимательно вгляделся.

— Нет письма?

— Нет...

— Тогда садись, торопиться некуда. Помечтаем.

Я присел на неизменный его табурет. Не очень охотно, признаться. Помечтаем? О чем? Мечтать принято было в то время лишь о победе. Но сейчас мне не до того.

— Знаешь, что бы я сделал, будь моя власть?

С минуту ждал — угадаю? Я, конечно, и не пытался.

— Дал бы на день тебе самолет. Твою же «пятерку»! Долетел бы ведь до Минвод? Нашел, где сесть?

— Нашел бы, — я улыбнулся, чуть ли не наяву увидев с детства знакомый аэропорт, нашу мальчишескую мечту и гордость.

— Дал бы! Но... не моя на то власть. Даже не командира полка, не комбрига... Сам знаешь, чья. Жестокая власть войны!

Помолчал, потер подбородок ладонью.

— Подожди, потерпи, Василий Иванович. Почта-то вон как ходит... И то сказать — чуть не все близкие люди друг с другом разлучены. Какая тут справится почта? Надо надеяться, все там живы. Дома-то у тебя. Надо надеяться, понял? Долго ли были у вас оккупанты? А на Украине, подумай-ка, в Белоруссии...

Все это я понимал. И надеялся. Терял надежду, вновь обретал... Ничего нового сказано не было. И тем не менее теплая волна благодарности к этому усталому и участливому человеку вдруг подкатила к сердцу. [141]

— Спасибо, Степан Афанасьевич! — И неожиданно для себя добавил: — За самолет.

— За самолет? Но ведь не дал.

— Тем более.

Замполит подумал, пощурился на коптилку.

— Спасибо тебе, брат, что меня понял. Дать-то ведь легче куда бы, чем...

* * *

19 февраля меня вызвал в штаб командир полка.

— Срочное задание, — развернул карту. — В порту Тамань

готовится к отправке груженный войсками и техникой транспорт водоизмещением около тысячи тонн. Необходимо уничтожить! В крайнем случае повредить, задержать его выход. Погода сложная, но пробиться надо!

На аэродроме уже готовилась машина, подвешивались двухсотпятидесятикилограммовые бомбы.

Ставлю задачу экипажу, уточняю с Ерастовым все детали выхода на цель, варианты дальнейших действий.

— Так и полетишь? — замечаю вдруг, что на нем нет меховой одежды.

— Не успел, командир, вызвали срочно... Ничего, ведь на большой высоте при такой облачности не полетим.

— Ну смотри!

Отсылать его переодеться времени нет. Уйдет транспорт, ищи потом в море...

— По местам!

Взлетаем. Горизонтальная видимость ограничена. Поднявшись до нижнего края облаков, решаю пробить их. Снова облачность — второй слой. Пробиваю и его... Таким образом, сама погодная обстановка незаметно вынуждает набирать высоту. Две, три... Три с половиной тысячи. Дальше подниматься нельзя — на остеклении кабины появляется изморозь. [142]

И только тут вспоминаю об экипировке штурмана. Бросаю взгляд в прорезь приборной доски — посинелое лицо, обледеневшие грязные сапоги...

— Чего же молчишь? Замерзнешь!

Володя виновато улыбается непослушными губами.

— Хоть бы унты захватил, недотепа!

Резко снижаюсь, пробивая вновь слой за слоем.

— Кто же знал, что здесь такой пирог, — подает наконец голос штурман.

— Торт «наполеон». Но и ты хорош тоже.

— Учту, командир.

Через полчаса в разрывах облаков проглядывается Таманский залив. Видимость никудышная, идет снег. Володя лежит на ледяном полу кабины, прилип к переднему блистеру, высматривает цель.

— Командир, проскочили!

— Обозначь себя ракетами, быстро! Может, обманем...

Две красные ракеты остаются за хвостом.

Разворачиваюсь. Зенитки огня не ведут: то ли принимают нас за своих, то ли еще не видят. Вновь выходим на берег, берем курс на цель. Транспорт — у восточного причала.

— Хорошо идем! — прильнув к прицелу, докладывает

Володя. — Так держать... еще влево немножко... Пошла!

Разворачиваюсь на повторный заход. Открывают огонь зенитки. Значит, ракеты помогли, действительно принимали за своего...

— Командир, бомбы разорвались метрах в ста пятидесяти от причала, в портовых сооружениях...

— Нам нужен транспорт! Исправляй ошибку!

Снова на боевом. Зенитки неистовствуют, снаряды рвутся рядом.

— Сбросил!

Резко отворачиваю, маневрирую, уходя от огня. [143]

— Недолет тридцать — пятьдесят метров, — вновь огорченный голос Володи.

Неужели так и не достанем?

— Уточняй, последний заход, — -говорю как можно спокойней.

Спускаюсь на триста метров — расстроить пристрелку зениткам. Выхожу на прямую, пунктуально выдерживаю заданный курс. Снаряды опять рвутся рядом, но сейчас не до них.

— Сбросил!

Бомб больше нет. Противозенитный маневр, разворот в сторону Черного моря.

— Разорвалась в воде метрах в пяти от борта! — радостно докладывает Володя.

Ну, это уже кое-что! Если даже и в десяти — пятнадцати, то потребуется время на ремонт. А может, и наберет воды, перевернется.

Летим над Таманью. Докладывает Панов:

— С полевого аэродрома взлетают два «Ме-сто десятых!»

Поздно взлетают. До моря рукой подать, и облака рядом. Самолет окутывает мгла. Почти до самого дома летим вслепую.

На аэродроме узнаем, что вслед нам на ту же цель вылетели еще три бомбардировщика во главе с Козыриным, но вскоре вернулись из-за погоды.

Подполковник Канарев, выслушав доклад, сказал:

— За настойчивость благодарю, а что касается удара...

Оправдываться не стал: видимость, огонь зениток... Об этом командир знал. Но и сами мы знали: до снайперского искусства в бомбометании нам еще далеко.

— Будем тренироваться, — сказал Володе. — На полигоне. И унты больше не забывай! Думаешь, не влияют на точность? [144]

В тот день с боевого задания не вернулся один из истребителей, прикрывавших наш аэродром. Летчик — старший лейтенант Владимир Михайлович Клюков...

Утром мне жаловался:

— Скучища у вас тут, Вася! Вы-то работаете, а мы... Скорее бы обратно в Геленджик, с «мессерами» подраться...

Я смеялся:

— Жди, прилетят! Сразу парочку «юнкерсов» срежешь.

Вместе учились в училище в Ейске. Он окончил на год позже меня. А на фронт попал на год раньше. Дрался над Севастополем. Начинал не на истребителе — их не хватало, — согласился летать на ночные штурмовки на УТ-1.

— Самая верная машина! — утверждал с серьезным видом. — Когда пересел на «ястребок», веришь, почувствовал себя неуютно. Пушка, пулеметы, скорость — все это так. А сто пробоин выдержит? А «уточка»...

Шутил, ясно. Мечтал об истребителе, а пока висел над вражескими окопами, высматривал дзоты и батареи, штурмовал эшелоны, «гасил» прожектора...

А насчет ста пробоин — точно. Как-то попался в клещи прожекторов, обслуживающих «эрликоны». Вертелся и так и сяк, все искусство высшего пилотажа продемонстрировал, как на воздушном параде. В конце концов вырвался. А когда посадил свою «уточку» на аэродром, инженер эскадрильи глазам не поверил.

— Невозможно! Как ты мог долететь? Ведь она вся сквозит, как решето!

— Ограниченные по размеру отверстия на аэродинамические свойства подобной машины влияния не оказывают, — серьезно пояснил Володя. — Понимаешь, воздушный поток...

И принялся развивать свою «теорию». Закончил тем, [145] что посоветовал инженеру обосновать эту идею и представить в качестве изобретения после войны.

Получив «ястребок», летал в паре с прославленным летчиком Черноморского флота Иваном Белозеровым, впоследствии Героем Советского Союза. Отражение налетов на осажденный город, прикрытие кораблей в море, штурмовка войск противника, сопровождение штурмовиков, пикировщиков, тяжелых бомбардировщиков...

За боевые дела в Севастополе был награжден орденом Красного Знамени. Дважды ранен и оба раза, едва подлечившись, возвращался на свой аэродром Херсонесский маяк и в тот же день взмывал в продымленный, пронизанный трассами вражеских зениток воздух.

И всегда оставался веселым, неунывающим шутником.

Вот как рассказывает о нем в своих воспоминаниях Иван Павлович Белозеров — друзья летали вместе и после

перебазирования полка из Севастополя на Кавказское побережье.

«Мы с Володей Клюковым не расстаемся ни на минуту. Крепнет наша дружба. Очевидно, на это оказывают влияние воспоминания о совместных схватках с врагом, о живых и погибших товарищах, которых сегодня нет рядом с нами. Сближают нас и разговоры о прочитанных книгах, просмотренных кинофильмах, о взглядах на жизнь. Порой же не сходимся в оценке событий, людей и тогда спорим, незлобиво, спокойно, убедительно. Как-то Володя и я вели учебно-тренировочный бой. Атаковали друг друга яростно, настойчиво. А когда закончили, я услышал в наушниках голос Клюкова: «Я, Павлыч, мог бы раз пять уничтожить тебя. Пожалел только...»

В тот день — 19 февраля 1943 года — Володя дежурил на аэродроме на самолете ЛаГГ-3. Поступил сигнал: над побережьем замечен вражеский разведчик Ю-88. Клюков тотчас взлетел, понесся на перехват. Что произошло дальше, осталось неизвестным. Ясно одно: коммунист, [146] отважный истребитель Владимир Михайлович Клгаков до конца выполнил свой воинский долг...

* * *

После очередного ночного вылета нашему экипажу до обеда был предоставлен отдых.

Утром сквозь сон я услышал громкий разговор в комнате. Открыл глаза и увидел группу офицеров, незнакомого генерала, комбрига полковника Токарева...

Мгновенно оделся, представился генерал-лейтенанту. Он внимательно посмотрел на меня. Немного помолчав, спросил:

— Скажите, Минаков, какой самолет лучше — «Ю-восемьдесят восемь» или «Ил-четвертый»?

Вопрос был неожиданным. Но трудности не составлял: «юнкерс» мы знали почти так же, как свой «ил», и не раз сравнивали их боевые и технические данные.

— И тот и другой имеют свои преимущества, — ответил, уже догадавшись, что разговариваю с начальником Главного политического управления Военно-Морского Флота генералом Роговым.

— А все же?

Я секунду поколебался.

— Наш более живуч, имеет большие радиус действия и высоту полета, универсален по применению подвесного вооружения. «Юнкерс-восемьдесят восемь» обладает большей скоростью у земли и вооружен четырьмя пулеметами вместо трех на «Ил-четвертом».

— Ну-ну, — кивнул Рогов, явно довольный ответом. — Сколько вы сделали боевых вылетов?

— За восемьдесят, — ответил за меня подполковник Канарев.

— Значит, можно считать вас ветераном?

Я немного подумал над малознакомым в то время словом.

— В гвардейском полку я недавно. Большую часть вылетов сделал в тридцать шестом минно-торпедном... [147]

— А почему на вас форма смешанная?

На мне была армейская гимнастерка, подпоясанная ремнем, и морские брюки, заправленные в сапоги. На выручку пришел комбриг.

— Приказано переодеть весь летно-технический состав в общевойсковую форму.

— Чепуха! — возмутился Рогов. — Кто это приказал? Вы же летаете над морем, служите на флоте! Это недоразумение. Немедленно доложу народному комиссару! А пока прекратите переодевание и восстановите традиционную морскую форму.

— Есть! — отчеканил комбриг. И добавил, не сдерживая радостной улыбки: — Сразу у летчиков настроение поднимется!

— Не надо было его и опускать, — строго заметил Рогов. — Впрочем, это зависело не от вас.

— Молодец, Вася, спас наши клеши! — бурно благодарили меня ребята, когда генерал уехал.

Будто и в самом деле это я их спас.

Урок

22 февраля во второй половине дня наш экипаж выполнял разведку погоды в интересах групп бомбардировщиков, готовившихся нанести удар по скоплению войск в районе Тамани.

Погода по всему маршруту оказалась неблагоприятной: низкая облачность, дождь. Ясно, что видимость не позволит выполнить задуманный удар.

На стоянке меня ожидал Степан Афанасьевич Стешенко.

— Ну вот, Минаков, пришло письмо! Не знаю, обрадует оно тебя или огорчит.

Издали узнал почерк матери на конверте. Жива родная! Забыв обо всем, впился глазами в крупный, до боли знакомый рисунок букв... [148]

«Дорогой сынок, немцы, недавно изгнанные из нашего города, принесли нам много лишений и горя. Фашистские изверги истребили много безвинных людей, за связь с партизанами убит и твой двоюродный брат Анатолий... Отец в последние часы перед занятием города увел железнодорожный эшелон в Астрахань. Где он? Жив ли? Не знаю. Твой брат Николай, бабушка Марина Демьяновна, невеста Тамара живы, но многое им пришлось пережить...»

И, после обычных в войну пожеланий: «Нам тяжело, но я все думаю, чем бы помочь Красной Армии? Что бы такое сделать? По просьбе женщин, работающих на полях пригородного хозяйства, решила создать детский сад, облегчить их нелегкий труд...»

Еще раз перечитал письмо, боясь найти что-то скрытое. Нет, все так и есть. Ясно представился разоренный, осиротевший город, развалины, терпеливые очереди у хлебных лавок, исхудавшая, постаревшая мать с кошелкой в руке... С Анатолием мы вместе провели детство, веселый был парень, добрый. Жаль его. Но все остальные живы. Отец — опытный машинист и смелый, вырвался, наверно, в последний момент из-под носа у оккупантов. Еще в гражданскую, будучи помощником машиниста, вот так же спас эшелон от захвата белыми...

Задумавшись, совершенно забыл о майоре. Оказывается, он не ушел, стоял в стороне, у капонира, что-то разглядывая под самолетом.

— Ну как? — обернулся, словно спиной увидев, что я поднял голову от письма.

Участливо выслушав мой рассказ, задал несколько вопросов об отце, о Тамаре.

— Ну, старик у тебя, вижу, бравый. Вернется скоро. И мать

молодец! Все наладится, Вася! — в первый раз меня так назвал. — А за брата ты им еще всыплешь...

Обычные, простые слова.

— Постараюсь, товарищ майор! За всех наших... [149]

На другой день, 23 февраля, еще до рассвета экипаж был на аэродроме. Пятнадцатиминутная готовность. Под самолет подвешена торпеда, машина отбуксирована на бетонированную полосу.

Стало светать. Хмурое небо, серые низкие облака. Поеживаясь от ледяного ветра, с нетерпением поглядываем в сторону штабного домика, обмениваемся новостями о последних вылетах. Да, погода сегодня не за нас.

Как всегда неожиданно появляется капитан Матяш. Нам предстоит произвести разведку морских коммуникаций у южного берега Крыма. При обнаружении плавсредств противника торпедировать их.

— По местам! Приготовиться к запуску!

Торпедоносец выруливает на линию старта, на миг замирает на месте. Мощно взревывают моторы, и тяжело нагруженный самолет отрывается от бетонной полосы.

Выйдя к Феодосийскому заливу, начинаем разведку. Сплошная облачность высотой двести-триста метров. И дальше так. Вдоль всего побережья.

Два с половиной часа полета позади. В районе мыса Сарыч обнаруживаем на горизонте силуэты. Противник, сомнений нет. Сближаемся, уточняем: танкер водоизмещением шестьсот — восемьсот тонн в сопровождении тральщика и двух сторожевых кораблей.

Решаю с ходу атаковать танкер.

— Курс шестьдесят, — докладывает Ерастов.

Ложусь на боевой курс, снижаюсь до двадцати метров. Машина несется над седыми волнами, танкер растет на глазах. Вокруг вспыхивают черно-багровые разрывы, с кораблей охранения протягиваются огненные шнуры. Зенитки нацелены горизонтально, бьют, как по танку, в лоб. В лоб целят, сволочи! Штурман, милый...

— Залп! — кричит Володя.

Торпеда соскальзывает вниз, зарывается в воду. Оставляя за собой пенистую дорожку, устремляется к [150] цели. Танкер круто разворачивается на нас. На палубах кораблей сверкают молнии — бьют пушки, «эрликоны», пулеметы...

Бросаю машину влево, штурман строчит из носового пулемета, Панов и Жуковец — из башенного и люкового...

След торпеды прочерчивается вдоль левого борта танкера.

— Промахнулись, командир! Сманеврировал, гадина, так его...

На развороте увидели: торпеда дошла до берега и, уткнувшись в него, взорвалась.

Сфотографировав корабли, берем курс на аэродром. Экипаж молчит, удрученный неудачей.

— В следующий раз, как бы ни лупили, буду сближаться до четырехсот, — клянется Володя.

— Слишком рано увидели нас, облачность бы пониже....

— Ну, облачность не закажешь.

— Рано заметили, говорю. Стал бы додерживать до четырехсот, наверняка со снарядом поцеловались!

— Верткая, гадина!

— Малая цель...

— И надо же, День Красной Армии...

— Ладно, не плачь. Постараемся учесть. Отрицательный результат — тоже результат, как говорил старик Пересада.

— Ну, это о разведке...

— Всего касается, коли с умом...

Несмотря на неблагоприятную погоду, в тот день над аэродромом допоздна не смолкал гул моторов. Бомбардировщики упорно пробивались к цели. Группу из пяти самолетов при отходе от Тамани атаковали два «мессершмитта». Самолет Бесова, шедший ведущим, получил несколько тяжелых повреждений. Опытный летчик сумел дотянуть до аэродрома Геленджик. [151]

На следующий день удары по кораблям, технике и войскам в портах Тамань и Ак-Бурну совершали экипажи Литвякова, Митрофанова, Беликова, Алексеева, Чумичева, Бабия, Саликова, Трошина, Черниенко, Василенко. Мы снова производили разведку погоды.

25 февраля ночью наш экипаж получил приказ провести разведку коммуникаций южного берега Крыма. Под самолет подвесили торпеду — на случай встречи с вражескими кораблями. Взлетели в предрассветных сумерках. Оставив позади шестьсот километров, вышли на мыс Херсонесский. В течение пяти часов тщательно обследовали заданный район, то приближаясь к берегу, то вновь уходя в море. Заглянули в порты Ялта и Феодосия, но подходящих целей для торпедирования не обнаружили. Пришлось и на этот раз удовлетвориться отрицательным результатом.

А вообще, к разведке я проникался все большим и большим уважением. Удивляясь себе, вспоминал, как в первые месяцы на фронте огорчался, когда посылали в разведывательный полет.

Нет, серьезное это дело. И польза от одиночного полета

разведчика может порой оказаться большей, чем от активных действий целой большой группы.

По всему Черноморскому флоту прославились экипажи замечательных разведчиков: Ивана Белозерова, Александра Карпова, Андрея Кондрашина, Дмитрия Лебедева, Евгения Лобанова, Василия Лобузова, Василия Мордина, Александра Рожкова, Владимира Скугаря, Владимира Василевского...

Нам было с кого брать пример.

* * *

После неудачи с торпедным ударом по танкеру я попросил комэска дать экипажу возможность потренироваться. Нам запланировали тренировочный полет на торпедный полигон. [152]

И вот под самолет подвешена учебная торпеда, отработаны варианты атак. С нами в штурманской кабине в качестве инструктора летит начальник минно-торпедной службы полка капитан Василий Иванович Терехов.

Полигон был расположен рядом с аэродромом. Это во многом облегчало задачу. По известным ориентирам проще определить высоту полета, дистанцию до цели. С катером-целью поддерживалась устойчивая связь. Казалось, трудностей не должно возникнуть.

Получив разрешение, запустил моторы, взлетел. Набирая высоту, вдруг почувствовал легкий рывок самолета. Посмотрел на высотомер — сто пятьдесят. Заглянул в штурманскую кабину. Возле электросбрасывателя возился Терехов, Володя спокойно наблюдал за его работой. Видимо, они ничего не заметили.

— Срочно проверь, висит ли торпеда под самолетом!

Сквозь прорезь щитка вижу недоуменное лицо.

— Выполняйте команду, штурман!

Развернув на сто восемьдесят градусов оптический бомбардировочный прицел, Ерастов взглянул и ахнул.

— Вот теперь удивляйтесь, — не выдержал я. — А команды надо выполнять немедленно!

— Нет торпеды-то, командир...

— Доложи Терехову!

Закладываю вираж, принимаюсь искать место падения торпеды. Первым масляное пятно на воде заметил Панов.

— И это все, что осталось от шестиметровой летучей рыбки? — невесело пошутил Жуковец.

На земле выяснилось, что Терехов вставлял щетки в электросбрасыватель, не проверив, включены ли тумблеры на сброс. Влетело всем троим — и Терехову, и Ерастову, и мне.

В последующие дни мы сделали несколько вылетов на полигон, отработали все элементы низкого торпедометания. [153] Это помогло нем вновь обрести уверенность в себе, продолжать боевые вылеты в качестве экипажа торпедоносца.

Еще урок

26 февраля после полуночи полк подняли по тревоге.

— Разведка установила, что противник усилил перевозку своей техники в Крым через Керченский пролив, — коротко ознакомил с обстановкой Канарев. — Из Крыма в Тамань доставляются боеприпасы, горючее, снаряжение, продовольствие. Нам приказано произвести минные постановки в Керченском проливе. Первым взлетает Чумичев, затем Беликов, Василенко, Черниенко, Саликов, Трошин, Андреев, Минаков, Бабий. Обратите внимание на противовоздушную оборону пролива и особенно — на пилотирование самолета в лучах прожекторов на малых высотах. Остальное укажет майор Колесин.

Начальник штаба полка, начальники разведки и минно-торпедной службы дали свои указания, и мы приступили к расчетам и прокладке маршрута.

Мне было приказано лететь на самолете второй эскадрильи, только что полученном с завода. Летчики всегда с осторожностью относились к незнакомым машинам. Даже каждый автомобиль имеет свой индивидуальный «характер». А тут — самолет. Новый. И предстоит взлетать в темную ночь с тяжелой миной, едва не касающейся земли...

Предполетную подготовку проводил минер эскадрильи капитан Леонид Лебедев. Накануне войны он закончил минные классы, был влюблен в свою профессию.

— Начнем с истории, — обратился сначала ко всем. — Вот хотя бы один примерчик. К весне двадцатого года Красная Армия очистила от белогвардейцев все побережье Азовского моря — от Геническа до Керченского пролива. Но в апреле враг высадил десант и захватил [154] Геническ. Красная Азовская флотилия в ту пору только еще создавалась, серьезного сопротивления на море оказать не могла. Но ей была по силам другая задача — перекрыть длинными заграждениями море от Белосарайской косы до Долгой. Флотилия выставила более двух тысяч мин, на которых погибло шесть кораблей противника и четыре получили серьезные повреждения. Белые так и не сумели прорваться в Таганрогский залив и высадить десант в тылу наших войск...

Тщательно проверив знание экипажами мест предстоящей минной постановки и напомнив все необходимые инструкции, закончил более свежим примером:

— По данным разведотдела флота, на наших минах в Керченском проливе с декабря по февраль подорвались и затонули три десантные баржи противника.

После чего и отправились на аэродром.

Самолет, на котором мне предстояло лететь, стоял в стороне от капониров эскадрилий, почти у самого берега. Незнакомый техник доложил о готовности машины. Я проверил общее состояние самолета, заправку горючим и маслом. Каждый член экипажа осмотрел свой пост.

— При подвеске мины проверяли ее на отцепку? — спросил Володя Ерастов.

— Точно не знаю, — пожал плечами техник. — Специалисты из минно-торпедной сказали: принимай, порядок. Мне ничего не оставалось, как расписаться за подвешенную мину...

— Что будем делать, командир?

Что тут делать?

— Сам знаешь, Володя, штурман обязан участвовать в подвеске мины и расписываться за нее. Но уже время выруливать. Выходит, и нам ничего не остается...

Первые машины уже взлетели. Выруливаю в самый конец поля и направляю самолет в сторону морского маяка, на створный огонь. Взлет на перегруженной машине [155] проходит благополучно. Берем курс к цели. На высоте около тысячи — сплошная облачность. Решаем лететь под ней вдоль побережья, на удалении пяти — восьми километров, затем сразу выйти в заданный район.

— Хоть глаз коли, — вздыхает Володя.

— Не уверен, что выйдем?

— Ориентироваться трудно. Будем надеяться на расчеты.

Пролетая возле Туапсе, где наша противовоздушная оборона особенно отлажена в ожесточенных боях с вражеской авиацией, даю указание штурману сигнализировать ракетой: самолет свой. Не успевает он этого сделать, как попадаем в лучи прожекторов. Меня ослепляет, приборная доска сливается в пятно. Штурман суетится, заряжая ракетницу. Открывает боковую форточку, слышится свист воздуха, врывающегося в кабину. Тянет руку к форточке, взводит курок, выстреливает. Яркая вспышка, сноп искр, фейерверк...

Не сразу понимаю, что произошло. Ракета носится по кабине, как бешеная. Оказывается, Володя не попал в форточку. Придя в себя, он бросился на ракету, чтобы загасить ее, но промахнулся. Хвостатая комета продолжает крутиться по стенкам конусообразной кабины. Вот-вот возникнет пожар...

Меня по-прежнему ослепляли прожекторы. По курсу появились разрывы снарядов: зенитчики приняли наш самолет за чужой. Наконец Ерастову удалось броситься на догорающую ракету, кабина наполнилась дымом. Я сделал противозенитный

маневр с разворотом в море. Разрывы остались в стороне, затем отстали и прожекторы.

— Ну штурман!..

— Понимаешь, не рассчитал, командир... Прожектора ослепили...

— Не слишком ли часто приходится тебе каяться, [156] штурман, в последнее время? — уже не стесняюсь стрелков. — Уточни как следует курс!

Ерастов молча утыкается в карту, подсвечивая себе бортовым светильником.

К Керченскому проливу подходим с юга. И сразу же впереди вспыхивает несколько прожекторов. Лучи качаются, прощупывая тьму над проливом.

— Учуяли фрицы! — хмуро констатирует Панов.

Да, уж не повезет, так...

Штурман доворотами выводит самолет на цель. Высота двести метров. Вдруг один из голубых ножей, черкнув по горизонту, натыкается на нас. Спустя мгновение мы уже в перекрестии нескольких лучей.

Противовоздушная оборона оживает. Скорострельные «эрликоны» тянут трассы вдогон лучам...

— Сейчас, сейчас... — голос штурмана. И наконец: — Мину сбросил!

Готовлюсь резко отвернуть в сторону. И вдруг осознаю: характерного рывка самолета не ощутил.

— Продублируй аварийно!

— Продублировал, командир!

Нет, сброса не было. Потеря тысячекилограммового груза не может не ощутиться летчиком.

Маневрирую, вырываясь из огненных клещей. Нет, и по маневренности машины ясно: груз на борту. После нескольких виражей резко бросаюсь к воде. «Фокус» лучей остается вверху...

Крутым разворотом уходим в Азовское море.

— Так что с миной?

— Черт ее знает, — неуверенно отвечает Ерастов. — Сейчас уточню.

— Мина не падала, командир! — подтверждают оба стрелка. — Мы все время следили за задней полусферой.

Штурман пытается разглядеть место подвески мины через оптический прицел. Но в едва занявшихся рассветных сумерках ничего различить не может. [157]

На помощь пришел Панов. Попросил штурмана слегка приоткрыть створки бомболюков, спустился в них, посветил фонариком в щель. Мина висела под фюзеляжем.

— Что будем делать, командир?

— Вернемся в пролив, штурман. Не везти же ее обратно на аэродром!

Разворачиваемся.

— В чем, по-твоему, причина?

— Что-то неладно с держателем. А может, в электроцепи...

К цели заходим со стороны Азовского моря. Лучи прожекторов еще шарят по небу. Ложусь на боевой курс, пытаюсь освободиться от мины, резко беря штурвал на себя, создавая перегрузку самолету. Все попытки бесполезны. Светает, вот-вот могут появиться истребители. Делать нечего, надо уходить.

Весь обратный путь думал о посадке. Если мина зависла на замке, то при касании самолетом земли непременно сорвется и попадет под хвост. Чем это грозит, ясно всем. С тех пор как покинули Керченский пролив, никто не произнес ни слова.

Перебрав все возможные варианты, предложил экипажу покинуть самолет на парашютах. Ребята категорически отказались. Погибать, так всем.

Показался аэродром. Передаю на землю, что буду садиться с миной. Заход на посадку — со стороны гор, по длинной посадочной полосе. Приземляться на минимальной скорости с полуопущенным хвостом. Только на основные колеса, без торможения. Как можно мягче коснуться земли. Зайти с наибольшим запасом пробега...

До земли остаются считанные сантиметры. Буквально глажу штурвал. Колеса касаются полосы у самой кромки аэродрома. Настолько плавно, что даже сам в первый момент не ощущаю скольжения. Легкое потряхивание, самолет катится по земле. В конце пробега начинаю [158] слегка притормаживать. Машина останавливается на границе поля.

— Пятерка, командир! — кричит Коля Панов. — Притерли, как миленькую!

Выхожу из оцепенения.

— Можно вылезать.

Через минуту весь экипаж и подбежавший техник сгрудились под фюзеляжем.

Мина висела на кончике крюка.

— Ух ты! — первым нарушил молчание штурман. — Вот уж правду говорят — в рубашке родились!

Встретив мой взгляд, опустил глаза. Я не стал напоминать ему, что в рубашке родились сегодня мы дважды.

Вскоре подъехали полковник Токарев и подполковник Канарев. Я доложил командиру о всех происшествиях в полете. Осмотрев подвеску мины, комбриг приказал командиру полка

расследовать причину несброса и произвести тщательный разбор этого случая со всем летно-техническим составом.

Перед отъездом Николай Александрович Токарев подошел ко мне.

— Везучий ты, Минаков! Уж как там решит командир полка, а от меня за посадку спасибо. Надеюсь, что урок пойдет всем нам впрок.

В результате расследования оказалось, что был неисправен замок-держатель. На разборе детально проанализировали ошибки летно-технического экипажа и минеров.

Досталось и нам и им.

Одесские орлы

На другой день мы с Виктором Беликовым с утра заступили на боевое дежурство. Беликов — ведущий пары. Его штурман, капитан Овсянников, одобрительно щурил [159] свои васильковые глаза, наблюдая за Володей Ерастовым — тот уже третий раз проверял подвеску торпеды под самолетом.

— За битого двух небитых дают, — кивнул, улыбаясь. — Выйдет из парня штурман!

Василию Пантелеймоновичу Овсянникову можно было верить. Воюет с первых дней войны и до войны налетал стаж солидный. Надежный штурман, душевный, общительный человек. Невысокий, русоволосый, с синими, как весеннее небо, глазами.

Володя закончил прием торпеды, подошел к нам. Достали карты, разработали и проложили маршрут на случай вылета. Беликов доложил в штаб полка о заступлении звена на дежурство, о готовности экипажей.

Потянулось время в ожидании.

— Василий Пантелеймонович, расскажите что-нибудь, — попросил Володя.

— Самый памятный бой? Академия?

Это у нас уже как бы вошло в распорядок — во время дежурства рассказывать о самых памятных днях войны. В полк прибыло много новичков, и таким образом они знакомились с его историей, с боевой биографией новых своих командиров. Инициатива, кстати, принадлежала нашему замполиту майору Стешенко, а первыми слушателями «академии мужества» была наша восьмерка экипажей из тридцать шестого.

— Ну, что такое была оборона Одессы, вы знаете, — начал неторопливо Овсянников. — Весь город в дыму. Такой город! На земле — взрывы снарядов, бомб, пожары... И в небе тесно и душно: разрывы, шнуры «эрликонов», пулеметные трассы... То и дело вспыхивают короткие и жестокие воздушные бои, тянутся вниз черные хвосты падающих самолетов... Словом, не соскучишься. В начале сентября было. Фашисты терпение потеряли, решили идти на штурм. Пятого утром на аэродром, где базировалась наша эскадрилья, прибыл замкомполка [160] майор Токарев, нынешний наш комбриг. Поставил боевую задачу:

«Немцы сосредоточивают к станции Фрейденталь танки и пехоту, готовясь перейти в наступление. Нашему полку приказано бомбовым ударом уничтожить скопление войск врага, помочь героическим защитникам города!»

«Истребители прикрывать будут?» — спрашиваем с понятным

беспокойством: «мессеры» в небе посменно висят. «Будут! С одесского аэродрома. Золотые ребята! Орлы!»

С одесского? Переспросить не решился. Подумал, чего-то не понял. А оказалось, на самом деле... Век буду помнить этих орлов золотых, хоть имен и не смог узнать, почему — из дальнейшего будет понятно.

Ну, взвилась ракета, взревели моторы. Нашей эскадрильей, как и сейчас, командовал Чумичев, тогда еще капитан. Тремя остальными — капитаны Арсеньев, Скориков, Острошапкин. Взлетели с разных аэродромов, в назначенном пункте соединились. Все четыре девятки повел майор Токарев, штурманом был у него Толмачев.

Прошли Тарханкутский маяк, Тендровскую косу, показалась Одесса. Ну, картину я описал. Вдобавок эсминцы наши на внешнем рейде — все в дымных вспышках, как в ожерельях, палят в сторону города, по наседающему врагу. И, вижу, взлетают один за другим И-16, слева, с окраины, где у них, значит, аэродром... Ну, знаете, братцы... Не до чувств, разумеется, но чуть не расплакался, вот ей-ей! Два месяца город бомбят фашисты, со всех сторон осаждают, считай, уже месяц, орудия достают до любой точки... А они — нам навстречу оттуда, чтоб нас защитить...

Вышли в район цели. Собственно, сплошь по дорогам — цель. Колонны танков, автомашин, артиллерия. И сразу — «мессеры». Сначала-то отвернули, не рискнули напасть с ходу, знали, значит, одесских орлов. Уступили [161] небо зениткам. Ну те пошли молотить! Все кругом в крапинку стало, как ситец. Группа большая, маневрировать трудно и строй нельзя разбивать: «мессеры» в стороне караулят, только того и ждут. Летим, держим девятки железно. Снаряды между машинами рвутся, встряхивают нас, как грибы в корзине. День-деньской, солнце, все — как на картине... Ясно, что на большие потери идем.

Вот наконец доворот на колонну. Ложимся на боевой. И рядом с нашей машиной — трах... Щелкнуло по руке меня будто палкой, разом рука онемела, как не своя...

«Ранен», — докладываю командиру. Лейтенант Беспалов был, крепкий парень. — «Бомбы сбросить сумеешь? Я дам команду, сам буду за ведущим следить». — «Сброшу, — говорю, — командуй».

И как раз «мессеры» налетели. С первой атаки — в мою кабину снаряд. Здесь же и разорвался, ногу изрешетил мне осколками, трос бомбосбрасывателя перебил.

Очнулся, смотрю — машина носом вниз летит, с правым креном. К летчику обернулся — бледный сидит, лицо судорогой

сведено и в крови, но руки лежат на штурвале. «Бомбы... — слышу в наушниках. — Штурман, давай цель... сбросим по цели, ни черта по-ихнему не выйдет...»

И правда, выровнял самолет. «Давай цель, слышишь, штурман...» Огляделся я, все вокруг перебито в кабине, ветер сквозь дыры свищет, сам на полу лежу. Повернулся кой-как на живот, вижу — почти не сошли с боевого курса, высоту потеряли только. «Доверни чуть вправо», — передаю. Довернул. «Сбрасываю, — говорю, — по-аварийному». Пошли родимые, хорошо пошли...

Тут пулеметы застрекотали, «мессеры» навалились на раненую машину. Стрелки отбиваются, у Беспалова одна забота — удержаться на высоте.

И вот тут-то пришли нам на помощь орлы одесские. Вся группа наша уже отбомбилась, развернулась в сторону [162] моря, мы отстали, и с нами остались три «ястребка». «Мессеров» было намного больше, мелькали, как черные молнии, нужно им было хоть как отыграться, колонну-то мы разбомбили в пух. Но «ястребки» показали класс! Такого пилотажа и на воздушных парадах мне видеть не приходилось. Во всем обставляли их, даже и в скорости, поскольку умели набрать высоту. Не до того мне, казалось, было, лежу на полу весь израненный, но, еще раз повторю: незабываемый бой! Чудеса творили ребята, никак не давали стервятникам к нам подойти.

Так и провожали. Летели мы в центре их карусели, с каждой минутой теряя высоту.

Метров двести уже до земли осталось. Внизу окопы мелькают. Оттуда палят, град бьет по крыльям. «Ну... ну, немного еще...» — помогаю словами Беспалову, хоть вряд ли он мог слышать. — «Все! — выдыхает. — Выключаю моторы...»

Цепляясь за проволочные заграждения, спланировали через окопы своих, чудом каким-то не скапотировали в изрытом поле.

«Ястребки» покружились еще над нами, и только когда стрелки вытащили нас с Беспаловым из кабин и оттащили в окоп, улетели в свою Одессу...

Овсянников помолчал.

— Такие ребята. Имен их узнать не довелось, очнулся уже в медсанбате. Потом — госпиталь, тридцать два осколка извлекли из меня. А когда вернулся, полк уже был на другом участке. Детям своим, коли буду жив, накажу помнить тех трех безымянных...

* * *

Во второй половине дня мы вылетели на «свободную охоту» у

Крымского побережья. Осмотрели все коммуникации, но плавсредств не обнаружили. Возвращались уже ночью. Я решил лететь в строю с Беликовым, для тренировки. Отстав от ведущей машины на двадцать пять — тридцать метров, летел более двух часов. [163]

На аэродроме Виктор с удивлением оглядел меня.

— Молодец! Ишь какой цепкий! Держался как привязанный.

Когда ужинали, раздались хлопки зениток. Заходила ходуном наша летняя курортная столовая, послышались взрывы. Бомбили аэродром. Все выскочили на улицу.

— Юнкерсы! — прислушавшись к гулу моторов, определил Беликов.

Лучи прожекторов, расчертив небо, выхватили из темноты поблескивающий крестик.

— Попался, голубчик!

Пойманный в огненные клещи самолет вилял из стороны в сторону, но за ним неуклонно следовали слепящие голубые мечи. Разрывы зенитных снарядов, покрывшие огненной рябью ночное небо, сошлись к фокусу прожекторных лучей.

— Чего же он не маневрирует? — не выдержал Трошин.

— Еще подскажешь! Видимо, на боевом курсе, гад! Вот влепит в наши капониры...

— Смотри, смотри!

Сверкающий крестик превратился в комок пламени, кометой скользнул вниз...

— Отлетался!

— Севастопольский вариант! Молодцы зенитчики!

Гул моторов не смолкал. Прожектора вновь разбежались по небу, не умолкая били зенитки...

— Однако нужно глядеть в оба, — сказал Чумичев. — Здорово, значит, им досаждаем, если в такой обстановке нашлись у них самолеты для нас!

Техник Миша Беляков

Технический состав полка жил на аэродроме, в землянках возле капониров. Приехав утром на стоянку, мы были немало удивлены: механики и мотористы как ни в [164] чем не бывало занимались своими делами, а их начальник Миша Беляков, дав задание каждому и присев на две сложенные вместе колодки из-под колес, сосредоточенно вникал в какую-то замасленную схемку, аккуратно разглаженную на коленях. На вопрос о ночной бомбежке только рукой отмахнулся.

— Шой-то с фрицем зробилось неладное, командир, — озабоченно, как о заболевшем родственнике, сообщил Жуковец, успевший узнать все подробности у механиков. — Як тильки кокнули одного, так уси и злякались. Покидали свои гарбузы як прийшлось, и драпу...

— Не паясничай, — одернул Володя, еще не освоившийся с забавной привычкой Саши: по-русски он говорил чисто, даже почти без акцента, пока дело не доходило до фрица. Тут непременно переключался на несуразную смесь, считая, должно быть, что с ее помощью сможет почти без ущерба избегнуть тех выражений, которые могли бы поставить начальство в ложное положение. В самом деле, не очень решишься на замечание, если неуставной оборот адресован общему ненавистному врагу.

— Та я ж и говорю, не той вже фриц пийшов, не севастопольский!

Беляков оторвался от схемки, услышав не к месту употребленное слово, презрительно сплюнул.

— Во, видали? — кивнул на поле, где краснофлотцы аэродромной команды, разбившись на пары, заравнивали разрозненные, не причинившие никакого вреда воронки. — Стоило жечь бензин...

Я невольно поморщился. Не слишком ли легко судят...

Чуткий к мнениям о своем друге и бывшем начальнике Жуковец, видимо, угадал мои мысли.

— О Севастополе это я так, какое, конечно, сравнение... Вот курорт так действительно был курорт! Расскажи, Миша, как к фрицу за запчастями ходили...

В самом деле, сколько нам слышать пришлось о легендарной [165] в полку эпопее. И все от других. Как-то и в голову не приходило, что вот же свои севастопольцы в экипаже!

— Миша, он страсть какой жадный до железяк! — пытается Жуковец раскачать друга подначкой.

— Как ты до дырок, — спокойно парирует Беляков. — С тех

пор как в летуны записался. — Надо ж иметь, чем заткнуть...

Саша делает отчаянную рожу, косит взглядом на нас с Володей. Михаил с ходу прикусывает язык. Мы хохочем. Здорово повезло нам на этих ребят!

— Правда, Михаил, расскажи, — пользуется смущением техника Володя. — Время ведь есть, командир?

Многое мы уже знаем. На Херсонесский маяк группа Чумичева перелетела 9 февраля сорок второго года. Под Севастополем кипели ожесточеннейшие бои, линия фронта проходила рядом. Случалось так, что к концу дня на аэродроме не оставалось ни одного неповрежденного самолета. Однако к следующему утру все они неизменно бывали отремонтированы и снова поднимались в огненное небо. Технический состав работал, не зная отдыха, не обращая внимания на рвущиеся снаряды.

Примером всем был командующий авиацией Черноморского флота Николай Алексеевич Остряков.

— Во генерал был! — в один голос восклицают Жуковец с Беляковым. — С нами вместе и жил...

В помещении маяка были устроены двухэтажные матросские койки, и на одной из них спал генерал. Вставал чуть не раньше всех, еще до рассвета. Обходил летное поле — в комбинезоне, шлем в левой руке, — с этого начинал свой день. Подходил к одному капониру, к другому, здоровался с техниками, спрашивал, как дела. Затем направлялся в другой конец поля, к своей боевой машине. Вылетал с истребителями на прикрытие действий бомбардировщиков. В воздухе его узнавали все летчики: остряковский «почерк» отличался рассчитанной дерзостью, [166] высочайшим летным мастерством. Узнавали — и дрались с удвоенной силой...

Каждая встреча с этим замечательным человеком оставляла впечатление на всю жизнь. Мне доводилось не раз с ним встречаться. Перед войной Николай Алексеевич был командиром нашей авиабригады на Тихоокеанском флоте, затем заместителем командующего ВВС. Мы много слышали о нем еще в училище, курсантами: Остряков прославился как герой Испании, командовал там эскадрильей, совершил более двухсот пятидесяти боевых вылетов, заслужил два ордена Красного Знамени.

С начала войны Николай Алексеевич рвался на фронт. В октябре сорок первого был назначен командующим авиацией Черноморского флота. В Севастополь прибыл накануне первого штурма, когда гитлеровцы пытались взять город с ходу. Со всей присущей ему энергией взялся за подготовку флотской авиации к длительным действиям в условиях обороны. В короткий срок ознакомился с положением дел в частях, побывал на всех

аэродромах. По его указаниям стали срочно расширяться летные поля, строились капониры, КП, рылись подземные склады, надежные убежища для личного состава. В дни отражения первого наступления фашистов Остряков умело организовывал боевые действия авиации флота, лично участвовал в боях.

Бывший народный комиссар ВМФ Николай Герасимович Кузнецов так отозвался о нем в своей книге «Накануне»: «Если бы меня попросили назвать самого лучшего командира и человека среди летного состава ВМФ, я назвал бы генерал-майора Острякова. Героизм, скромность, умение, хладнокровие и беззаветная преданность — вот это Остряков».

Примером остроумных решений командующего авиацией Черноморского флота может служить способ борьбы с артобстрелами аэродрома у Херсонесского маяка. [167]

Каждый раз, когда снаряды начинали падать на город или на территорию маяка, один из наших самолетов с полной боевой нагрузкой взлетал и уходил барражировать над районом возможного расположения артиллерии противника. Увидев вспышку выстрела, заходил на нее и сбрасывал несколько бомб, а затем, кружась на небольшой высоте, продолжал поиск. Пока самолет висел над артиллерийскими позициями, орудия, как правило, не решались открывать огонь. Израсходовав все горючее, самолет возвращался на аэродром. На смену ему уходил другой.

Разумеется, летать приходилось под интенсивным зенитным огнем, начиная со взлета и до посадки. Но это было совершенно необходимо. Дело в том, что при взлете машин с едва приспособленного аэродрома в воздух поднималось огромное облако коричнево-желтой пыли. Чтобы исключить артобстрел во время подъема групп наших бомбардировщиков и истребителей, «дежурный» самолет высылался заранее.

Генерал-майор авиации Николай Алексеевич Остряков погиб 24 апреля 1942 года во время массированного налета фашистской авиации на город и его окрестности. Его смерть потрясла всех. Плакали закаленные в боях воздушные бойцы. Клялись отомстить ненавистному врагу за гибель любимого командующего...

24 мая Николаю Алексеевичу Острякову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

* * *

— Пришлось прогуляться и к фрицу, — не очень охотно начал рассказ Михаил. — Бывало же, в день по три раза латали машины. Ладно — после полетов, а то... Только починишь ее, отладишь, а тут артобстрел. Машина не человек, в щель, в блиндаж никакой не втиснешь, залечь не прикажешь — стоит.

Сам к земле жмешься, на нее смотришь с тоской — хоть грудью своей прикрывай! Ну, стихнет обстрел, подбежишь к ней — мамочки, [168] больше работы, чем до того было! И то маслопровод осколками перебит, то продырявлен насос... Где его новый достанешь? Хоть плачь! Тут командир бежит: «Ну как, Миша, готова машина?»

Беляков замолчал, отер лоб ладонью. Жуковец завозился, поправляя чурбак под собой. Я знал, кто был Мишиным командиром там, в Севастополе. Сергей Пашун! Живо увидел его у бескрылой машины...

— Хоть плачь, — повторил Михаил, как бы с трудом оторвавшись от невеселой картины. — Ну вот в такой-то момент и прознали про эти запчасти у фрица. Не помню уж, кто там разведал, что наш «Ил-четвертый», сбитый давно, лежит за траншеей, в низинке. Ну сговорились техники все вшестером — такой случай! Инженера уговорили. Тот с пехотой связался, хорошие люди попались, согласились в случае чего огоньком прикрыть. Проводили через свои заграждения, указали в немецких минных полях проходы, как посты охранения обойти. Ночью ключами работать мы были привычны, машину знали, как собственную ладонь. Фрицы ракетами нам светили... Сняли, что кому надо, договорились не жадничать, обратно ведь предстояло без провожатых идти. Стоит кому оступиться, завалиться в воронку с грузом-то, загреметь... После жалели, конечно. Как недостанет чего, так и ругаешь себя на чем свет: вот ведь в руки само просилось...

— Тебе дай волю, ты бы и весь самолет прикатил! — сквитался за дырки Саша. — Ладно, кончай про железо, расскажи про того старичка в музее...

— Ну в музей-то и сам ты катался, — в свою очередь не остался в долгу Михаил.

— Так то ж на серьезе треба. А я бильш про фрица... Узкая специальность!

Михаил, однако, не торопился. Вынул кисет, закурил.

— Здорово выручила нас та прогулка. Теперь-то жить можно, снабжают кой-чем, слава богу, а там... Так [169] ведь бывало, что если пробоины все замерить на плоскостях, то и как бы не больше по площади их оказалось, чем самого дюраля...

Это для нас с Володей. Загладить нечаянный свой упрек. Не от Жуковца же зависят пробоины, в самом деле...

— Что за музей? — торопливо перебивает Володя.

Михаил еще ждет с минуту. Проверяет, дошло ли его извиненье до нас.

— Ну это вначале, только что прибыли на маяк... Комиссар

рассказал нам в порядке политбеседы о Севастопольской обороне. Той, что со школы известна еще. Ну и, должно быть, проговорился, что и сейчас там работает знаменитый музей. Это под носом у фрица! Как же не побывать, если здесь оказались, тем более что не придется, может, уж никогда... Пристали к начальству — нож к горлу. И комиссар наш, Стешенко, поддержал. Выбрали день, когда на ночь планировались полеты. Боеприпасы к нам подвозились исключительно в темное время, строжайший приказ. А тут днем надо. Добились. И ничего, два раза всего обстреляли. Шофер молодец попался, между воронок крутился ужом! Целы остались все и машина... Приехали рано, музей пустой. Один старичок, сторож, что ли. Сухонький, седенький, сам вроде как экспонат. Нет, смотрим, не сторож, — указку берет. Интеллигентный дедок, очкастый. А как рассказывать принялся... Ну точь-в-точь будто сам между ядрами теми крутился, штурмы те страшные отбивал... Не могло быть, по хронологии соображаем, в крайнем случае мог лишь родиться тогда. И все равно впечатление сбить не можем. Прямо какой-то гипноз! Не то что Нахимова там или Тотлебена, но и матросов всех в лица, по именам... И нас вместе с ними — братишки. Словно и мы там участвуем... «Отстоите, — кричит, — братишки, наш героический город?» Ну, мы...

Михаил задержался, чтобы передохнуть. [170]

— Вернулись, я заявление в партию подал, — неожиданно оборвал рассказ.

* * *

Вот ведь казалось, что знаю своих подчиненных. На деле знал. И по работе, и по анкете. О Севастополе, что Беляков там обслуживал самолет Пашуна. Знаменитый на флоте летчик! Как и штурман его — Алексей Зимницкий. Унаследовать техника из такого экипажа — большое дело.

Летчик и техник.

Есть поговорка: крылья у нас одни. Броско сказано и красиво! И убедительно — для ума. Но у меня о душе тогда мысли возникли. Как и теперь вот, когда пишу эти строки, под влиянием тех же, разбуженных памятью, чувств. Единодушие — слово есть. Тоже, впрочем, холодноватое, от слишком частого употребления, не всегда к делу.

Сколько с тех пор миновало лет, сколько людей прошло сквозь душу! А он и сейчас в ней, мой техник Миша. И в памяти — как живой. Невысокий, но ладный, в неизменном, в любую погоду, комбинезоне, с гаечными ключами в карманах, с какой-нибудь непослушной деталью в бесчувственных к стуже

руках...

Как бы ни был уверен в себе пилот, а в воздухе только тогда может быть спокойным, когда техник не знает покоя, ожидая его на земле. Беспокойство, которое разве с родительским можно сравнить. С материнским, если бы речь шла не о мужчинах. И та же преданность, гордость, вера, даже и нежность — и этого слова не побоюсь.

Говорят, что, уходя в воздух, летчик оставляет в залог технику свою жизнь. Но кому из них легче? Вспоминая о Мише, могу с уверенностью сказать: самое большее, чего он желал бы тогда попросить у судьбы, — это чтобы он сам мог вручить уходящим в небо друзьям свою жизнь как гарантию безотказной работы машины. [171]

И так понимая несправедливость судьбы, он не мог никогда знать покоя.

Вечная озабоченность, где-то на самом дне глаз, даже когда все мы были вместе. А как жаль, что нельзя было видеть это лицо в те часы, когда не было нас на земле, в те секунды, когда в появившемся над горизонтом крестике Михаил узнавал по каким-то ему самому неизвестным признакам свою родную «пятерку», летящую ровно и с ровным гулом обоих моторов, и с выпущенным благополучно шасси...

Зато сколько раз приходилось мне видеть, как в глазах этих вспыхивали благодарные огоньки, как сквозь каленый загар на щеках проступал по-девичьи счастливый румянец.

«Материальная часть работала безотказно, Миша!»

Сколько я себя заклинал, чтобы не упустить, не забыть сказать эти слова при очередном возвращении из полета — как бы ни был измотан, какие бы огорчения в себе ни держал...

Неужели забыл хоть однажды?

Михаил Беляков в юности мечтал летать. Но получилось иначе: не прошел, пришлось поступить в авиатехническое.

— Не жалеешь? — как-то спросил я, не очень подумав.

Но, оказалось, вопрос был решен.

— Уже нет, — ответил Михаил спокойно. — Тут нашел свое место.

С того дня всякий раз, подруливая к стоянке, я так и видел его — стоящим на своем месте. В ладном комбинезоне, с ключами в карманах, с пытливым взглядом вечно озабоченных глаз...

Под комбинезоном у Михаила скромная, но весьма почетная награда — медаль «За отвагу». Не так легко было заслужить ее в первые годы войны на его должности. Подготовленные им машины около двухсот раз поднимались [172] в воздух, экипажи

обрушивали смертоносный груз на врага в Констанце, Сулине, Плоешти, Бухаресте, громили технику и живую силу на подступах к Одессе, Керчи, Новороссийску...

* * *

И самое незабываемое — Севастополь...

Третий штурм врага был особенно яростным. Грохотала артиллерия, ревели моторы, пушечные и пулеметные очереди раздирали воздух, свистели и рвались снаряды и бомбы, с громом обрушивались здания, стонала сама земля...

— В одну из ночей в первых числах июня, — рассказывал Михаил, — закончили работу пораньше, легли с расчетом отдохнуть часика три-четыре. Вдруг крики, сигналы тревоги... Все выбежали на смотровую площадку маяка. Видим, на месте города — море огня. «Гады! Подожгли Севастополь!» Горела земля по всему горизонту. «Термитные бомбы!» — догадался кто-то. Побежали тушить. К счастью, самолеты не пострадали. А на рассвете смотрим — и город как был! Прямо глазам не верим, казалось — все погибло...

Херсонесский маяк мы оставили в самый последний момент. Вся площадка была усеяна воронками. Все же взлетали... В последнее утро у меня страшно ломило голову после очередной контузии. Пришли Пашун с Зимницким. «Как, Миша, машина?» Молча показываю. Вся топливная система разворочена — баки центральные, трубопроводы, патрубки... Только обшивку да тросы успели восстановить. «Спасибо, — Пашун говорит. — Через два часа взлететь сможет?» Ну ясно, больше времени, значит, нет. Исправные машины уже на Кавказ улетели. «Сможет», — не веря себе, говорю. Посмотрел он в глаза мне, я понял: иначе бросать самолет придется, вернее, сжечь. «Лишь бы взлететь, — говорит, — а, Миша? — И такая тоска в глазах. — Родная машина, сколько раз выручала...» [173]

Вылил я на больную башку последнюю воду, что оставалась, полезли с механиком под капот. Перевязали трубопровод изолентой с резиновыми пластырями, дыры в консольных баках с обеих сторон заложили кусками протектора, подперли клиньями. Центральные баки залили топливом меньше чем наполовину, чтобы в полете подпитывать их из консольных, тоже худых, залитых тоже до половины...

Через два часа приходит Пашун. «Сможет, — докладываю, — взлететь, командир». Ну и сам полез в нее первый.

Еще две отремонтированные машины взлетали с нами. Первую тут же сбили «мессеры». Мы немного обождали, взлетели, без набора высоты ушли в море, прижимаясь к самой воде. За

нами — Беликов. Догнал нас, полетели парой. И ничего, дотянули. «Ну вот, — говорит на земле Пашун, — прав я был, Миша? Нам только взлететь...»

Летчик Иван Арсеньев

На войне люди гибнут не только в бою. Но, как правило, все потери считаются боевыми. А как бы иначе назвать, например, гибель летчика Пашуна, если бы не дотянула до побережья Кавказа наспех залатанная машина? Ясно, что смертью храбрых.

Война — напряжение всех человеческих сил. Перенапряжение. И возможностей техники тоже. Без потерь тут не обойтись. Особенно в авиации, где и в мирное время жизнь экипажа порою зависит от состояния самолета.

Все это так. И все же...

Все же хочу еще раз выразить вечную благодарность Мише Белякову и Ивану Варваричеву — моему технику в тридцать шестом, и другим беззаветным труженикам, истинным побратимам моим, которым — пусть не так [174] явно, как это бывает в бою, но не менее несомненно — обязан я жизнью.

Перенапрягаются люди, перенапрягаются самолеты. У тех и других есть предел. Предел самолета определенней и прямо зависит от человеческого предела. Так что если и говорил Пашун: «Родная машина, сколько раз выручала», — то выручал его все-таки человек. Тот, что вот вылил последнюю воду на гудящую от контузии, как он выразился, башку и нашел в себе на два часа еще сил.

И Пашун долетел.

А Арсеньев...

Не помню, кто готовил к полету машину младшего лейтенанта Ефимовича, летчика-новичка, с которым Арсеньев летел инструктором.

Это случилось 2 марта. Ранний весенний рассвет. Погода в районе аэродрома — лучше не придумаешь. Под ногами похрустывает прихваченная ночным морозцем земля, солнце еще за горой, но вот-вот выкатится, ослепит...

Мы готовились заступить на дежурство. Проверили самолет, подвеску торпеды. Затем я построил экипаж, поставил задачу, дал указания по готовности к вылету. И потянулись часы...

Около полудня на стоянку приехал заместитель командира полка по летной подготовке майор Иван Васильевич Арсеньев. Приняв мой доклад, порекомендовал:

— Уж больно хороша погода. Если скомандуют вылет, иди к цели на малой высоте. Внезапная атака — твой союзник.

Затем направился к машине Ефимовича, у которого должен был проверить технику пилотирования. Младший лейтенант заметно волновался, вид у него был неважный. Заняли места,

инструктор летел в штурманской кабине. [175]

Самолет вырулил на старт, стал по центру бетонной полосы. Дежурный взмахнул белым флажком, задержал его в направлении взлета. Ефимович взял разбег. По звуку моторов чувствовалось: пилот робко выводит обороты на полную мощность. Машина рыскала по сторонам. Было заметно, когда в управление вмешался Арсеньев: самолет уверенно оторвался от земли, пошел в набор высоты.

Проводив его взглядом, я отвернулся.

— Смотри, командир! — тут же услышал крик Володи.

Самолет резко снижался, накренившись вправо. Внизу было море. Через мгновение, задев крылом воду, машина врезалась в нее и разломилась на части. Когда опал фонтан брызг, на поверхности остался только горящий островок бензина...

Мы буквально остолбенели. Что произошло? Никто не стрелял, прекрасная погода, опытнейший инструктор...

Через несколько минут к месту падения подскочил катер, долго бороздил воду вокруг, но кроме одного всплывшего колеса ничего не обнаружил.

Случилось несчастье. Погибли заслуженный боевой летчик майор Иван Васильевич Арсеньев, воздушный стрелок-радист старший сержант Василий Ильич Гришин и молодой пилот младший лейтенант Алексей Григорьевич Ефимович.

В результате расследования было определено, что причиной катастрофы явился отказ правого мотора и ошибка пилота, выполнявшего разворот в сторону неработающего мотора.

Погибших похоронили близ аэродрома. Друг Арсеньева, инспектор военно-воздушных сил Черноморского флота, майор Николай Александрович Наумов выполнил над похоронной процессией каскад фигур, отдавая последнюю почесть замечательному летчику... [176]

Едва ли кто в полку пользовался таким авторитетом, как Иван Васильевич Арсеньев. Талантливый летчик с большим опытом, он еще до войны был назначен командиром второй эскадрильи 2-го минно-торпедного авиационного полка. Эскадрилья была укомплектована молодыми летчиками, окончившими Ейское училище в 1939 году, и большими успехами не отличалась. Люди привыкли к этому — твердая середина, о чем еще беспокоиться.

Новый командир был иного мнения. Как и комиссар эскадрильи старший политрук Аркадий Ефимович Забежанский, внимательный, вдумчивый воспитатель молодежи.

Началось с того, что капитан Арсеньев первым в полку освоил бомбардировщик ДБ-3Б. Командир понимал, что надо добиться

психологического перелома в коллективе, и мобилизовал на это своих помощников, инструкторов. Комиссар, в свою очередь, нацелил на ту же задачу коммунистов и комсомольцев эскадрильи.

Наметив конкретный план действий, Арсеньев трудился с утроенной энергией. Тщательно разобрался в планировании учебы, изучил индивидуальные качества и уровень подготовки летчиков, поставил перед каждым конкретные задачи.

Финская кампания прервала начатую работу. Экипаж капитана Арсеньева вместе с тремя другими наиболее подготовленными экипажами полка был направлен на фронт. Безупречное летное мастерство командира, отличная слаженность его группы проявились в первых же боевых вылетах. За отвагу и мужество в боях с белофиннами капитан Арсеньев был награжден орденом Красного Знамени.

Вернувшись в родной полк, продолжал совершенствовать боевое мастерство подразделения. На предвоенных маневрах Черноморского флота его эскадрилья продемонстрировала [177] высокую выучку и организованность, значительные успехи в овладении новой машиной.

Всегда спокойный, немногословный, чуточку ироничный, комэск завоевывал сердца молодых летчиков постоянным дружелюбным вниманием к ним, умением в каждом найти его сильную сторону и тем самым внушить уверенность в успехе.

С первых дней войны Арсеньев почти ежедневно водил свою эскадрилью в бой, громил военные объекты в Бухаресте и Плоешти, был активным участником обороны Одессы, Севастополя, Керчи, Новороссийска. Бомбоудары возглавляемых им групп по скоплениям вражеских войск и техники, аэродромам и кораблям, железнодорожным узлам и переправам вошли в историю полка как примеры высокой организованности и тактического мастерства.

О некоторых из них мне рассказал Петр Иванович Буданов, бывший в начале войны штурманом эскадрильи и летавший вместе с Арсеньевым.

Однажды над Констанцей, при подходе к цели, эскадрилья была встречена шестеркой «мессершмиттов». «Держать строй!» — последовала команда ведущего. Завязался неравный бой. Не сумев разбить строй бомбардировщиков, «мессершмитты» сосредоточили огонь на головном самолете. Одна из очередей срезала киль, повредила элерон. Командир продолжал вести эскадрилью. Плотным огнем экипажи отбивали одну атаку за другой. По всему чувствовалось, что за штурвалами «мессеров» сидели матерые пилоты. Арсеньев ровным Голосом повторял одну

и ту же команду: «Держать строй!»

Один из обнаглевших гитлеровцев неосторожно вышел из атаки над боевым порядком группы. Несколько очередей, и «мессер» перевернулся, потянув за собой черный хвост. Такая же участь постигла второго. Истребители [178] отвернули в сторону, их атаки сменились ожесточенным зенитным огнем.

Маневрируя и упорно идя к цели, Арсеньев повторял: «Держать строй!»

Перед носом его самолета сверкнула молния, в кабину ворвался едкий тротиловый дым. Выровняв машину, Арсеньев продолжал идти к цели.

— На боевом, — доложил после нескольких доворотов Буданов.

По ведущему отбомбилась вся эскадрилья.

Удар фугасными был исключительно эффективен: бомбардировщики уничтожили транспорт, повредили док.

Все самолеты возвратились на свой аэродром...

* * *

Памятными были вылеты на Плоешти — нефтепромышленный центр Румынии, основной источник снабжения германской армии горючим. Город был хорошо замаскирован и прикрыт мощным заслоном зенитной артиллерии; в воздухе круглосуточно барражировали истребители. Пробиться к объекту казалось невозможным.

В июле 1941 года Арсеньеву было приказано первым нанести удар по Плоешти и обозначить цель. Летный состав эскадрильи тщательно готовился к дальнему ночному рейду.

Наконец поступила команда на вылет.

Напутствуя группу, комиссар полка Иван Алексеевич Водянов сказал:

— Вам доверено самое ответственное задание из всех, которые выполнял до сих пор полк. Возвращайтесь только с победой!

Арсеньев вел группу на высоте более семи тысяч метров. В кабине — тридцать семь градусов ниже нуля. Буданову то и дело приходилось засовывать руки в унты, работая с картой и приборами. Полет над морем прошел благополучно. Когда до цели осталось пятьдесят минут [179] лету, слева по курсу показались огромные вспышки огня, в небе замелькали сполохи. Наши самолеты бомбили Констанцу под интенсивным зенитным огнем и лучами прожекторов...

Дальнейший маршрут над сушей прошли, непрерывно наблюдая огонь зениток. Они били в разных направлениях, по небу то и дело шарили прожектора. Но вот все утихло. Внизу

проплыла чуть поблескивающая лента Дуная...

Машина перешла на планирование, медленно теряя высоту. Моторы работали на малых оборотах, почти бесшумно, без выхлопов пламени из патрубков.

— Вижу барражирующие истребители, — доложил начальник связи эскадрильи лейтенант Покревский, летевший в качестве стрелка-радиста. — Мелькают фары...

Один вражеский самолет подошел совсем близко. Покревский сунулся к пулемету, но тут же услышал спокойный голос Арсеньева:

— Огня не открывать!

Пройдя некоторое время параллельным курсом, истребитель отвернул.

Затем мимо на большой скорости несколько раз проносился истребитель-перехватчик с включенными фарами. Арсеньев маневрировал, избегая лучей. Еще более приглушил работу моторов. Ведомые следовали за ним как тени.

Буданов нашел цель, вывел на нее самолет. Тринадцать «соток» обрушились на завод и нефтесклады. Горизонт осветили вспышки, разгорелся пожар. Штурманам остальных самолетов было легче. Освещенная пожаром южная часть города была как на ладони. Каждый выбирал свою цель и наносил удар. Взрывы и пожары на нефтепромыслах оказались для врага неожиданностью, прожекторы и зенитная артиллерия явно запоздали. Огромное зарево, осветившее небо, долго было видно легшим на обратный курс экипажам... [180]

13 июля 1941 года дерзкий по замыслу и эффективный по результатам удар по нефтеперегонным заводам Плоешти нанесла группа из шести Пе-2 40-го авиационного полка под руководством комэска капитана Александра Пехувича Цурцумия.

В последующих налетах на Плоешти, которые с небольшими перерывами производились до 18 августа, как правило, группы водил Арсеньев.

Противник установил зенитные батареи вдоль оси маршрутов наших самолетов. Огонь встречал и сопровождал бомбардировщики задолго до подхода к цели. Непрерывно барражировали ночные истребители.

Тем не менее налеты продолжались.

Противник построил ложный Плоешти в двадцати километрах севернее истинного, осветил его, прикрыл зенитной артиллерией, прожекторами. Стянул к городу несколько зенитных полков, перестал включать прожекторы, чтобы не демаскировать настоящую цель.

Все замыслы врага разгадывались, налеты продолжались.

22 июля 1941 года газета «Известия» сообщала: «21 июля (ТАСС). Анкарский корреспондент «Нью-Йорк Таймс», ссылаясь на сведения из иностранных военных источников в Анкаре, передает, что в результате налетов советской авиации на Плоешти в течение недели уничтожено 200 тысяч тонн различных нефтепродуктов. Разрушены и повреждены нефтеочистительные заводы, крекинговые установки, различное оборудование нефтеисточников, железнодорожные линии, подвижный состав и автотранспорт...»

* * *

Не раз приходилось отважному летчику встречаться со смертью лицом к лицу.

Как-то в начале сорок второго Арсеньев получил приказ во главе группы самолетов нанести бомбоудар по скоплению вражеских войск под Севастополем. [181]

Девять бомбардировщиков вылетели под вечер. Над кубанскими степями шли на бреющем. Низкая облачность, моросящий дождь, туман затрудняли пилотирование самолетов в строю. Над морем погода не улучшилась. Больше часу пришлось идти в условиях почти полного отсутствия видимости.

Почти то же было и в районе Севастополя. Выйти на основную цель мешали горы, закрытые облаками. Арсеньев принял решение бомбить запасную. Зайдя со стороны моря, вывел группу на боевой курс. Вражеские зенитки открыли мощный огонь, их дополнял частокол «эрликонов». Арсеньев упорно пробивался к цели. Едва Буданов успел сбросить бомбы, как в машину попал снаряд. Заклинило один мотор. Самолет потерял скорость. Еще два снаряда «эрликонов» попали в бензобак. Машина загорелась. Пламя бушевало на плоскости. Высота быстро падала. Внизу — территория, занятая противником...

С трудом удерживаясь в горизонтальном полете, Арсеньев пытался дотянуть до своих. Буданов увидел окопы, затем отыскал площадку, показал летчику. До предела погасив скорость, Арсеньев посадил объятый пламенем самолет на изрытую воронками поляну. Экипаж выскочил из кабин. Вокруг рвались снаряды, мины, свистели пули. Рядом были окопы противника. Летчики отползли от горящего самолета во тьму, укрылись в большой воронке.

Вскоре к ним подползли наши морские пехотинцы, вывели к своим окопам, обогрели, угостили фронтовым ужином. С попутной машиной отправили в Севастополь. Несколько дней спустя на боевом корабле экипаж был доставлен в Новороссийск, а оттуда благополучно добрался в свой полк.

Так воевал Арсеньев, талантливый, неукротимый воздушный

боец, наш общий наставник по летному делу. [182] И вдруг эта гибель — солнечным весенним днем, без боя, вблизи своего аэродрома...

Нелепость? Так мне казалось в тот момент.

Но прошли дни, прошла первая боль. И постепенно я понял: Арсеньев погиб на своем боевом посту. Ведь главным делом и главным призванием этого человека было воспитание молодых боевых летчиков. Этому он посвятил свою жизнь с довоенных лет. И отдал ее за это.

Вспоминался последний полет с ним, несколько дней назад. Вот он появился у наших стоянок — сдержанный, энергичный, с твердым, всевидящим взглядом глубоко посаженных глаз. Менее получаса — и все готово: поставлена задача, выработан маршрут, закончены штурманские расчеты, определены очередность взлета и место каждого экипажа в боевом порядке, опробованы моторы, бортовое оружие. Все четко, последовательно, без лишних слов, каждый на своем месте. Все бодры, чтобы не сказать — веселы. Летим с Арсеньевым, значит будет все в порядке! Краткие доклады командиров, два теплых слова напутствия. Без излишних напоминаний, с полным доверием к каждому.

Один за другим взревывают моторы. Гвардейцы уходят в ночной боевой полет...

Я взлетел третьим. Круто набрал высоту. Здесь, наверху, ночь еще не настала. Полет совершался в условиях полного радиомолчания. Панов и Жуковец неослабно наблюдали за воздухом.

Все ближе цель. Бомбардировщики сосредоточивались для удара. Вот и решающий момент: вовремя опознать цель, уточнить расчеты, точно выйти на боевой курс. А внизу — кромешная тьма...

— Вправо пять градусов... Два градуса влево... — принимаю команды штурмана.

Серия бомб полыхает внизу. Взрывы, пожары...

— Молодцы! — вырывается у Володи.

Бомбы Арсеньева. Цель обозначена, теперь нам действовать [183] просто. Рвется серия экипажа Бабия, на земле становится совсем светло.

— Бомбы сброшены, — докладывает и мой штурман.. Взгляды стрелков устремлены вниз.

— Легли в цель, командир!

Разворачиваемся на обратный курс. Все четко, слаженно, определенно.

Да, хорошо летать с Арсеньевым!

Хорошо было с ним летать...

Панов и Жуковец

28 февраля 1943 года начались наступательные операции Северо-Кавказского фронта в районе Крымской и Неберджаевской, которые продолжались затем почти до июня. Противник, сдерживая натиск наших войск, продолжал подтягивать силы из Крыма через Керченский пролив на Тамань и, наоборот, эвакуировать часть своей техники в Керчь. Главной целью авиации Черноморского флота стала опять Тамань.

...В тот день погода с утра была нелетной. Потом посветлело, сквозь серые тучи пробились робкие лучи. Над крышей нашего эскадрильского домика обозначились контуры гор.

Аэродром оживился. Уходят на боевые задания одиночные самолеты, получают задачу две группы бомбардировщиков. Недавно прибывшие из запасного полка лейтенанты Дурновцев и Приходько готовятся выполнить учебное торпедометание на полигоне...

Я лечу в тройке Виктора Беликова. Второй ведомый — Митрофанов. Другую группу возглавляет Бесов, с ним Трошин, Бабий и Федоров. Бомбардировщики поочередно выруливают на старт, руководитель полетов белым флажком разрешает взлет...

В синей дымке подстраиваюсь к ведущему. Несемся над облаками, в разрывах мелькает море. Справа [184] горы, покрытые лесом. Ветра нет, штурманам работы мало. Идем тесным строем. Временами сквозь плексиглас видны лица и силуэты товарищей, летящих рядом. Белокурый, круглолицый младший лейтенант Николай Митрофанов. Хороший летчик, спокойный, надежный. В носовой кабине его машины, склонившись над картой, «колдует» капитан Виктор Жулай, серьезный, опытный штурман. Иногда виден и сам ведущий, капитан Виктор Беликов, голубоглазый гигант, косая сажень в плечах. В полку любовно прозвали его Добрыней Никитичем. Штруманом у него капитан Василий Овсянников. Это один из надежнейших экипажей в полку.

Замечаю: в последнее время везет мне и на ведущих, и на соседей в боевых группах. Да нет, не в везении дело. Идет война, растут люди. Ох и плохо придется гитлеровцам, недолго этого ждать!

Подходим к Тамани. Понятно, встречают. Строем прорываемся сквозь заградогонь. Овсянников быстро и точно выводит звено на цель. Бомбы рвутся на стоянке автомашин, стрелки успевают сфотографировать результат удара.

— Командир, справа два «мессера», — голос Панова.

Приказываю приготовиться к бою. Ведущий тянет вверх, к облакам. Когда истребители заходят в атаку, маневром выводит звено из-под огня. На втором заходе фашисты решают бить с коротких дистанций. Но мы и тут успеваем сманеврировать. Мастер противоистребительного маневра капитан Беликов. Чего стоят одни эти резкие отвороты в сторону атакующих! Мы с Митрофановым — как привязанные.

И дружный огонь стрелков. Их длинные прицельные очереди быстро отбивают у гитлеровцев охоту подходить к нам на близкое расстояние.

Но вот и облака. Без команды рассредоточиваемся, чтобы избежать столкновения друг с другом. Дальше летим в одиночку. Через полчаса выхожу из облаков — [185] под крылом пустынное море. Самостоятельно приходим на аэродром. Беликов уже приземлился, вскоре прилетел и Митрофанов.

— Грамотно повоевали, — хлопает нас с Митрофановым по плечам богатырь Беликов.

Подзываю Панова и Жуковца, объявляю им благодарность за умелое отражение атак вражеских истребителей. Николай отвечает на рукопожатие серьезно. Жуковец улыбается, в черных горячих глазах — неостывший азарт.

Отходят, переговариваясь, присаживаются на корточки, принимаются что-то чертить на земле. Жуковец оживленно размахивает руками, пишет в воздухе замысловатые вензеля...

В автобусе перехватываю вдумчивый взгляд Панова в сторону своего ученика. Читаю в нем что-то новое. Похоже, Жуковец догнал своего наставника, а может, и превзошел уже в чем-то. Если так, то Панов вдвойне доволен. Не зря просиживал с ним часами, тренировал на быстроту прицеливания, подбрасывая за хвостом самолета консервную банку или старую рукавицу: «Цель слева! Цель справа!..»

Получился из Жуковца воздушный стрелок.

Вот ведь, казалось бы, что человеку надо? Служил оружейником на аэродроме, исполнял свое дело сил не жалея, потребовалось — и под снарядами побывал, в том же и Севастополе, совесть, как говорится, чиста. Нет, потянуло в воздух! Может быть, летчиком стать мечтал? «Фюрера кончим, в колхоз свой вернусь, под Ахтырку, выучусь на тракториста...» Все и мечты.

Захотел бить врага своими руками. Не щадя жизни! А кто бы сказал? Весельчак, жизнелюб, в автобусе только его и слышно. Любому готов уступить, услужить... И вот — сам Панов озадачен. «Видели бы за пулеметом его, командир! От одного взгляда фашист задымится...» [186]

Хоть сам же и подтолкнул меня перед строем тогда: «Берите, командир, черноглазого...»

Чутье на людей у Панова. Старше всех в экипаже, лет на восемь старше меня. Но дело, конечно, не в этом. Где только не успел побывать до войны! Радистом, начальником радиостанции на Эльбрусе, в Сибири, в Средней Азии, в Заполярье... Человек переднего края! И в воздухе доброволец, как Жуковец. «Измаялся, пока бронь пробил... Никакой не возьмешь торпедой! Думал, думал, придумал маневр. Подобрал паренька себе подходящего, тем же самым его и завел. «Хочешь на фронт?» Ну конечно. «Так вот учись, пока я здесь, только пока ни гу-гу!» Ну понятно, пришлось потрудиться, подготовил радиста как бы не лучше себя. Через месяц-другой атакую начальство: «Говорите, незаменимый? Присылайте комиссию!» Ну деваться им некуда, отпустили...»

Вот и тут подготовил «как бы не лучше себя». А Панова и по одной из двух его специальностей догнать не просто: сбитый «мессер» на личном счету и в групповом бою — еще один. Зато парень попался — и «заводить» не надо. (Забегая вперед, скажу: в сорок четвертом, уже неоднократно награжденный, Александр Жуковец стал первым на Черноморском флоте кавалером солдатской Славы.)

А по другой специальности, как радисту, Николаю едва ли найдется равный во всем полку. Здешним командирам-связистам он известен еще по майкопскому рейду, когда общими усилиями нескольких авиачастей высаживали знаменитый десант на вражеский аэродром. Для общего руководства операцией на одном из четырнадцати самолетов был организован воздушный «командный пункт». Возглавлял его начальник штаба 63-й авиабригады подполковник Петр Григорьевич Кудин. А связь с землей и со всеми машинами держали два стрелка-радиста — Николай Панов и Иван Куевда, Панов был [187] старшим. Работа связистов получила высокую оценку командования...

Да, повезло мне на ребят! Мы с Володей гордились своими стрелками. В экипаже нет второстепенных должностей, в воздушном бою бывают даже моменты, когда стрелок управляет маневрами самолета. В таких случаях я мог полностью положиться на Панова. А теперь и на Жуковца.

Вечером, на разборе боя, проведенного группой Беликова, им обоим довелось выслушать похвалу из уст комэска.

— Отлично действовали стрелки экипажа Минакова. Мне уже не раз приходилось ставить в пример старшего сержанта Панова... — Майор сделал паузу, добавил с уважением: — Николая Сергеевича.

И я увидел, как засветились гордостью глаза Жуковца.

А через минуту на темных скулах Панова зарделся счастливый румянец — хвалили его ученика...

Сквозь заслоны

В начале марта командование фронта получило известия о том, что противник усилил переброску своих войск в район Крымской и Неберджаевской. Сведения требовали срочной проверки. Нашему экипажу приказали произвести разведку порта Тамань и прилегающего к нему района, а также дорог, ведущих из Тамани на восток.

Подвесив под фюзеляж три бомбы по двести пятьдесят килограммов, мы поднялись в воздух. Пробив облачность, пошли с набором высоты. Замысел был прост: подойти к району разведки на большой высоте, с приглушенными моторами, со стороны солнца выйти на цели и сфотографировать их. Но надежды не оправдались. Сплошная облачность закрывала Таманский полуостров. Решили снизиться. [188]

После яркого солнца белая вата окутала самолет. На высоте двух тысяч метров выскочили из облачного плена. Под нами был Кизилташский лиман.

— Командир! Слева по косе на Благовещенскую идут машины, — доложил Володя. — Довернем влево?

— Не стоит себя обнаруживать. Фотографируйте перспективно! Посчитайте, сколько машин.

— Сорок семь! — через минуту доложил Панов.

Автомашины, тягачи с пушками, бронетранспортеры двигались и справа, по дороге на Вышестеблиевскую, на Сенную.

— Считайте и фотографируйте! Панов, немедленно передавай результаты на землю!

Летим под самой кромкой облаков — на случай встречи с «мессершмиттами». Над Таманью машину окутывают разрывы зенитных снарядов. Сманеврировав, выходим на боевой курс, сбрасываем бомбы на скопление автомашин невдалеке от причала.

— Плановые фотоаппараты включены?

— Все! Фотографирую и перспективным... Готово! Отворачивай, командир!

Резким маневром вывожу машину из зоны огня. При развороте в сторону Черного моря Панов замечает двух Ме-110, барражирующих над Керченским проливом. Через минуту доклад Жуковца:

— Командир, «мессеры» догоняют!

Беру штурвал на себя, чтобы нырнуть в облака. Некоторое время летим в сплошном молоке.

— Отстали фашисты?

— Отстали!

— Что видел в порту, Володя?

— Скопления техники у причалов. Снимки покажут!

На земле подробно доложили о результатах разведки, указали на карте места расположения целей. Вскоре принесли и фотоснимки. Сведения о переброске и сосредоточении войск противника полностью подтвердились. [189] На Таманский полуостров было направлено несколько групп бомбардировщиков и штурмовиков, которые нанесли эффективные удары по колоннам вражеских войск и порту.

На другой день в полку был зачитан приказ: за успешно выполненную воздушную разведку командующий Северо-Кавказским фронтом объявил нашему экипажу благодарность.

* * *

Неся большие потери от ударов нашей авиации, противник усиливал прикрытие своих войск истребителями и зенитной артиллерией.

Этот заслон мы ежедневно испытывали на себе.

...Хмурые облака клубились над аэродромом. Порывистый ветер-низовик гнал сухую поземку, валил с ног. И если в такую погоду фронт потребовал авиацию, значит, была в том особая необходимость. Полевой телефон на КП эскадрильи возвестил об этом короткой фразой: «Летчикам срочно явиться в штаб полка».

Командирский карандаш очертил порт Тамань:

— Противник сосредоточил здесь двенадцать быстроходных десантных барж. Срочно приказано нанести удар.

Затем последовали фамилии летчиков.

— Минаков, ваш экипаж резервный. В случае неисправности какого-либо самолета будьте готовы его заменить.

Короткие указания ведущего, все расходятся по самолетам.

Замены не понадобилось. Взлетела вся пятерка. С ходу построившись в клин, повернула на запад, растаяла в низкой дымке...

Вел группу наш замкомэск капитан Бесов. Слева летел Алексеев, справа — Андреев. Капитан Лобанов и младший лейтенант Митрофанов замыкали строй. Так было [190] заведено в полку: в хвосте группы шли опытные летчики.

Линия фронта в районе Новороссийска осталась справа, облачность немного поднялась. Бомбардировщики прижались к тучам, перестали «скоблить» море. Высота все же оставалась небольшой, берега не видно, полет выполнялся по расчету времени.

По мере того как группа приближалась к цели, погода

улучшалась, все более позволяя набирать высоту.

Вот и порт. Снизу хлестнул ураганный огонь. Экипажи не дрогнули. Боевой курс. От фюзеляжей оторвались бомбы, устремились вниз сквозь трассы «эрликонов». Пятьдесят две «сотки» обрушились на скопление барж у причалов...

При отходе от цели группа была внезапно атакована двумя «мессершмиттами». Фашисты подкрались сзади, свалились из-за облаков, вовремя обнаружить их было невозможно. Однако в первой атаке они промахнулись — видимо, потому, что бомбардировщики резко пошли на снижение.

За первой атакой последовали вторая, третья, четвертая... Очевидно, это были матерые асы. Заходили то сверху, то снизу, то с одной стороны, то с другой. Из атак выходили на дистанции двадцать-тридцать метров, чего почти не случалось в прошлых воздушных боях. Стрелки умело отбивались. В конце концов один «мессер» вспыхнул. В десяти километрах мористее станицы Благовещенской врезался в воду.

Но и наши понесли тяжелую утрату. В результате одной из атак на машине Митрофанова загорелся левый мотор. Летчик пытался сбить пламя скольжением. Но через некоторое время самолет резко развернулся влево, пошел вниз и взорвался у воды.

Погибли наши боевые друзья: летчик младший лейтенант Николай Васильевич Митрофанов, штурман капитан Виктор Афанасьевич Жулай, стрелок-радист сержант [191] Александр Иванович Балябин и воздушный стрелок сержант Алексей Николаевич Гаранников.

Вечером зашел к воздушным стрелкам, чтобы поговорить о пережитом ими бое, обсудить в деталях схватку с «мессершмиттами». В большой комнате было светло, кто-то тихонько наигрывал на баяне. Баян был один на полк, порядочно потрепанный, но звонкоголосый. Он уже сменил не одного хозяина.

Сегодня им владел младший сержант Иван Сызранцев. Взял пару аккордов, запел негромко: «После боя сердце просит музыки вдвойне...» Я впервые заметил латунную планочку на баяне. Нагнулся, разобрал надпись. Инструмент был подарен авиаторам колхозниками. Спросил, за что, по какому случаю.

— Точно не знаю, — приглушил мелодию Сызранцев. — Говорят, когда полк базировался в Крыму, наши парни в колхозе пожар потушили. До войны еще было, откуда знать...

Да, откуда. Около двух лет длится война, сколько людей в полку сменилось. Вот и сегодня...

Отогнал печальную мысль.

— Ну ладно. Но сегодняшний-то бой не забыли?

— Не скоро забудешь...

Попросил рассказать поподробней. Сделал кое-какие выводы для себя. Да, сколь бы многочисленной ни была группа, а без противоистребительного маневра не обойтись. Идет война, меняется тактика. Отстать от противника — значит погибнуть.

* * *

На другой день — вновь Тамань. Небо голубое, чистое. Тишина. Никак не верится, что через час-другой можешь ввязаться в ожесточенный, смертельный бой...

Группу из семи бомбардировщиков возглавил командир третьей эскадрильи майор Черниенко. Задача — бомбоудар по быстроходным десантным баржам в порту. Мне приказано сфотографировать результат. Ведомые [192] у Черниенко — Лобанов, Беликов, Андреев, Алексеев, Трошин и Соловьев. Соловьев на задание летит впервые: первым допущен к боевым вылетам из группы летчиков, прибывших из запасного полка в конце февраля.

Георгий Георгиевич Черниенко — смелый и опытный летчик. Коренастый, с тяжелыми покатыми плечами, с цепким взглядом испытанного бойца. На флоте его знают, воюет с первых дней. Его самолет не раз появлялся над Констанцей, Сулиной, Галацем, Браиловым, Плоешти, Бухарестом и другими дальними объектами. Участник обороны Одессы, Перекопа, Керчи, Севастополя, Новороссийска, перевалов Главного Кавказского хребта. Одним из первых в полку награжден орденом Красного Знамени.

Его беззаветной смелостью восхищались все. Если Черниенко получал задание, то можно было с уверенностью сказать, что оно будет выполнено. Твердая воля, точный расчет, непреклонная решимость, богатый боевой опыт в сочетании с личной отвагой обеспечивали ему неизменный успех. Тщательно изучая тактические приемы немецкой авиации и зенитной артиллерии, Черниенко постоянно искал свои приемы и способы борьбы с ними.

Было чему поучиться у этого человека.

Черниенко первым уверенно поднял тяжело нагруженную машину. Я стартовал последним. При подходе к цели мне надо иметь почти минутный интервал, то есть идти на расстоянии пяти-шести километров от бомбардировщиков. При встрече с истребителями такой самолет легко может стать их добычей.

Решаю над морем лететь вместе с группой, а при подходе к берегу снизиться и отстать. Вряд ли «мессеры» станут распылять свои силы, действуя на разных высотах. К тому же наши

истребители прикрытия наверняка свяжут их боем. [193]

В десяти — пятнадцати километрах от Таманского полуострова выхожу из строя и на крутой спирали теряю две тысячи метров. Это позволяет набрать необходимый интервал. Затем направляю самолет на цель по кратчайшему пути от берега к порту — через мыс Железный Рог. Небо впереди усеивается сотнями зенитных разрывов. Зная, что артиллерия бьет гораздо выше нашего эшелона, иду с дальнейшим снижением на повышенной скорости прямо к цели. Ерастов выводит самолет на боевой курс для бомбоудара и готовится к аэрофотосъемке.

Акватория порта, причалы, портовые сооружения накрываются клубами дыма — работает основная группа.

— Пошли и наши! — докладывает Володя. — Включаю фотоаппарат!

— Панов, Жуковец, фотографируйте перспективно! — приказываю стрелкам.

Неистово бьют зенитки. Становится невтерпеж.

— Съемку окончил, — докладывает штурман.

Резко кладу самолет на крыло и со снижением, с противозенитным маневром выхожу из зоны обстрела.

— В оба смотреть за воздухом!

На малой высоте уходим в спасительное море. Высота десять — пятнадцать метров. Истребителям не найти нас в этой пустыне, да и атаковать не решатся у самой воды.

— Вроде все удачно, Володя?

— Порядок, командир!

На фотопленке оказались зафиксированными не только результаты удара, но и новые цели — более восьми десятков автомашин, тягачи с прицепами, зенитная батарея. По этим данным на бомбоудар вылетела вторая группа во главе с капитаном Осиповым.

Ночью экипажи полка продолжали минирование Керченского пролива. [194]

Летчик Сергей Пашун

7 марта день на аэродроме начался обычно. Погода стояла хорошая, со взлетной полосы один за другим в небо взмывали машины. Блеснув на солнце радужными дисками вращающихся винтов, растворялись в утренней дымке. А техники долго смотрели им вслед...

Наш экипаж заступил на дежурство в варианте торпедоносца. Рядом стояли пять самолетов в готовности к вылету на Тамань. Среди летчиков я увидел своего старого знакомого Сергея Пашуна.

Капитан Пашун готовился лететь после длительного перерыва. В октябре прошлого года, возвращаясь с боевого задания, он при посадке задел крылом за дерево. Самолет разбился, экипаж отделался ушибами. Пашун заходил на посадку со стороны гор. С этого направления ночью почти никогда не садились: подходы к полосе сложные, препятствия не ограждены огнями.

За аварию летчика строго наказали. Пять месяцев Пашун не летал. И вот вернулся в боевой строй полка.

Вид у него был неважный, чувствовалось, что пережитое не прошло бесследно. Старый его боевой друг Миша Беляков сразу это заметил. Подошел, тронул за плечо.

— Как настроение, командир? — обратился по старой памяти.

Пашун рассеянно пожал ему руку и, ничего не ответив, зашагал к машине.

Беляков озабоченно поглядел вслед.

— Ничего, сейчас сядет в кабину, запустит моторы, и всю хмарь как рукой снимет! — утешил Володя.

Поступила команда. Взлетел Осипов, за ним Дулькин, Соловьев, Федоров. Двинулся с места и самолет Пашуна. Набрав скорость, оторвался от земли и вдруг резко взмыл вверх, грозя опрокинуться. [195]

Все оцепенели.

Самолет с ревущими моторами летел вверх почти вертикально.

Триммер! — мелькнула мысль.

Набрав пятьдесят метров, машина накренилась на крыло и устремилась к земле...

Спустя мгновение воздух потряс взрыв тринадцати стокилограммовых бомб...

Когда подбежали к месту катастрофы, в огромной воронке

увидели только дымящиеся обломки искореженного металла.

И это Пашун! Опытнейший летчик, командир звена, севастополец...

Всем, кто наблюдал взлет, было ясно: причиной катастрофы явился до отказа выбранный на себя триммер. Небольшая металлическая пластинка на задней кромке руля глубины — действие аэродинамических сил на нее облегчает управление тяжелым самолетом. Но при полностью отклоненном вниз триммере усилий летчика не хватает, чтобы вернуть самолет в горизонтальное положение. «Коварная пластинка!» — говорят пилоты и перед вылетом тщательно проверяют ее положение на руле.

Элементарнейшая ошибка...

Нельзя не считаться с состоянием души человека, идущего в воздух, тем более — в бой.

В катастрофе погиб замполит эскадрильи майор Степан Афанасьевич Стешенко. Верный своему обычаю и долгу — сопровождать каждого летчика, который почему-либо может быть не уверен в себе, он занял в экипаже место штурмана...

Большая потеря для всей эскадрильи. Невосполнимая — для меня. Многое воспринял я от него, по-новому научился смотреть на себя. И как было теперь не вспомнить ту давнюю нашу беседу о психологической подготовке, о ее роли в снижении вероятности подобных ошибок. [196] Именно триммер и брался в пример... Сколько усилий, мучительных долгих раздумий посвятил Степан Афанасьевич борьбе за жизнь боевых друзей, скольких из них уберег...

Так и погиб — спасая. На своем боевом посту.

Погиб стрелок-радист младший сержант Иван Степанович Сызранцев, отличный воин, любимый всеми товарищ, очередной эскадрильский баянист...

Погиб воздушный стрелок сержант Виктор Алексеевич Жуков, давно зарекомендовавший себя умелым, бесстрашным бойцом...

Многое сделали они для победы и многое бы еще совершили, если бы не досадный случай, вину за который остро переживали мы все...

* * *

О славном боевом пути этого замечательного летчика мне рассказывал штурман Алексей Петрович Зимницкий, который долгое время летал вместе с ним.

— Когда мы познакомились, Пашун был уже опытным боевым летчиком, известным в авиации Черноморского флота. Каждый день поднимался в воздух и ни разу не возвращался, не поразив

цели. Действовал дерзко, решительно, вызывая восхищение у товарищей. Старые друзья звали его пограничником. Мы пропускали это мимо ушей: мало ли как рождаются прозвища. Но оказалось, что понимать его надо в самом буквальном смысле.

В тридцать пятом году, по окончании Харьковской школы военных летчиков, Пашун был направлен в Одессу, в отряд морской пограничной охраны. На вооружении здесь состояли гидросамолеты, пилотирование которых молодому летчику пришлось осваивать заново. Исключительная настойчивость и добросовестность помогли ему в короткий срок стать настоящим мастером пограничной службы. [197]

— И сколько же нарушителей вы поймали? — спросил его как-то Зимницкий. В шутку, конечно: как с самолета можно схватить нарушителя?

Оказалось, ловил, и не раз.

Однажды туманным утром, в обычном патрульном полете его штурман Иван Боровских заметил подозрительную шлюпку. Снизившись до предела, разглядели сидящего в ней человека — тот изо всех сил налегал на весла.

— Штурман, ракету! — скомандовал Пашун.

Это не остановило гребца. Дали предупредительную очередь из пулемета. Шлюпка продолжала уходить. Тогда Пашун приводнился и, разбрасывая веером брызги, стал догонять нарушителя. Убедившись, что от крылатого преследователя не уйти, тот поднял вверх руки и, не сопротивляясь, перелез на борт самолета. Выяснилось, что он имел намерение добраться до нейтральных вод, где его поджидал быстроходный катер.

За смелость и решительность, проявленные при этом задержании, Сергей Степанович был награжден именными часами.

В другой раз задержал катер, нарушивший границу наших территориальных вод. Погода стояла ветреная, волна исключала возможность посадки самолета на воду. На бреющем Пашун пошел наперерез катеру, но тот сманеврировал и продолжал уходить на предельной скорости. Расстояние до нейтральных вод быстро сокращалось. Конечно, Пашун мог бы попросту расстрелять явного нарушителя, не подчинившегося приказу. Но взять живым — куда важнее. Выручила находчивость. Перед носом катера была сброшена бомба. Суденышко подбросило на волне, залило фонтаном брызг. Сверх того, Боровских дал очередь из пулемета. Нарушитель был остановлен, и вскоре его задержали вызванные по радио моряки. [198]

В пограничной авиации Пашун вырос до командира звена. Эти годы стали для него отличной школой мужества, идейной и

моральной стойкости.

...В один из сентябрьских дней сорок первого года, когда немецко-фашистские войска рвались к Одессе, три девятки бомбардировщиков вылетели на удар по вражеской колонне. Старший лейтенант Сергей Пашун летел на это задание с особым чувством: он был одессит...

Самолеты приблизились к городу. Осенние парки Одессы, площади, приморье, знаменитая лестница... Прошло уже три месяца, как из города выехала жена Сергея и две маленькие дочурки...

Но вот и цель — вражеская колонна застыла на пыльной дороге, растянувшись на два километра.

— Видишь, Алексей? — сдавленным от волнения голосом шепчет Пашун штурману. — Целься точнее! На Одессу прут, гады...

Вражеская колонна была буквально разметана массированным ударом наших бомбардировщиков. Разобрать, где чьи бомбы легли, было невозможно, но на аэродроме Пашун со слезами на глазах расцеловал своего штурмана:

— Спасибо, Алеша! Постояли за мою Одессу!

С не меньшим боевым азартом стоял он и за Керчь, и за Новороссийск, и за Севастополь...

Экипаж Пашуна был в составе той знаменитой шестерки, которая сражалась в осажденном Севастополе, базируясь у Херсонесского маяка. В первом же боевом вылете с маленького аэродрома его звено поразило весьма важную цель. Тяжелая гаубичная батарея противника давно досаждала нашим обороняющимся войскам. Расположенная на обратном скате одной из высот, с хорошо оборудованной в инженерном отношении огневой позицией, она была практически неуязвима для нашей артиллерии. [199]

Преодолев ожесточенный заградительный огонь, звено безошибочно отыскало цель и высыпало на нее тридцать девять стокилограммовых осколочно-фугасных бомб. Все заняло не более получаса.

На стоянке летчиков встретил командующий ВВС Черноморского флота генерал Остряков. Тепло поздравил с первым боевым вылетом с нового аэродрома, поблагодарил за успешный бомбоудар.

* * *

Запомнился Зимницкому групповой вылет в ночь на 3 апреля. Бомбили аэродром Саки, затем Сарабуз. Экипаж Пашуна взлетел первым и направился со стороны моря на бомбоудар по складам

боеприпасов на Сакском аэродроме. Стояла лунная ночь, с высоты восьмисот метров хорошо просматривалась земля, все постройки. Зимницкий точно вывел самолет на большое складское здание на окраине аэродрома, сбросил бомбы. Прошли секунды, и вдруг взрыв небывалой силы тряхнул уже отошедший от цели самолет. Пашун с Зимницким долго гадали, в чем дело...

Потом стало известно, что в ту ночь на аэродроме Саки в результате бомбоудара взорвался склад, в котором хранилось около двухсот торпед. Кроме того, было сожжено восемь «юнкерсов» и четыре «мессершмитта»...

А наутро, 3 апреля, весь личный состав севастопольской группы был собран на командном пункте, где узнал радостное известие: 2-му минно-торпедному авиационному полку присвоено почетное звание, и он переименован в 5-й гвардейский минно-торпедный авиаполк.

— Расскажите о «вашей» пушке, — попросил я Зимницкого.

Об этой истории мы знали еще в тридцать шестом, теперь предоставилась возможность услышать ее из уст непосредственного участника.

...Группа летала в основном ночью, и целые дни летный состав проводил на аэродроме, на командном пункте. [200] Артиллерийский обстрел немцы вели постоянно, все к нему привыкли. Но вот раздается далекий, явственно слышный выстрел.

— Наша! — безошибочно отмечает кто-нибудь.

Звук у нее особый: сдержанно-мощный, с отзвоном, с дальним раскатом эха в горах.

Команды подавать не надо, все прыгают в щели, не очень и торопливо: снаряд «нашей» запаздывает от звука выстрела более чем на полминуты. Скрежет, переходящий в густой, трубный свист, толчок земли под животом, в уши надавливает сгустившийся жаркий воздух, затем уже взрыв.

«Нашей» была не одна пушка, а двухорудийная батарея типа «Карл» особой мощности — калибра 600 миллиметров. Но начинала всегда одна.

Тяжелые снаряды с замедленным взрывателем выворачивали на летном поле целые глыбы каменистого, спекшегося грунта, аэродромной команде такие воронки доставляли немало хлопот. Не говоря уж о том, что никакие капониры и перекрытия не смогли бы спасти ни личный состав, ни боеприпасы от прямого попадания снаряда. Тем более — самолеты...

Батарея досаждала не только авиаторам. Перед майскими праздниками фашистские артиллеристы усиленно обстреливали Севастополь, не только днем, но и по ночам.

Батарею искали. Во время ее «работы» неоднократно вылетали истребители. Но она была отлично замаскирована и при приближении наших воздушных разведчиков своевременно прекращала огонь: служба оповещения была организована четко.

Тогда командование приняло решение: трем экипажам нашей группы каждый день с наступлением темноты поочередно барражировать над предполагаемым районом расположения батареи, выслеживая вспышки выстрелов. [201]

Первым на это задание вылетел экипаж Пашуна. Штурман вывел самолет в указанный район, Пашун приглушил моторы и стал, планируя, кружиться над ним. Шло время. Опытный летчик умело сохранял высоту на малых оборотах моторов. И вот — вспышка, другая... Зимницкий сумел заметить место, ориентируясь по пулеметным трассам с переднего края. Затем сбросил туда три бомбы. Экипаж собрался уже уходить на свой аэродром, когда снова блеснул выстрел орудия. Зимницкий сбросил еще две бомбы, батарея затаилась...

Закончилось время дежурства, штурман израсходовал оставшиеся бомбы на запасную цель. Вернувшись на аэродром, передал уточненные данные следующему экипажу.

Но батарея молчала.

Молчала она и все время дежурства третьего экипажа, и все последующие дни...

— Да, такой летчик! — вздохнул Алексей Петрович. — — С самого начала войны не выпускал из рук штурвала. Устал, измотался, должно быть. Отсюда и первая та ошибка с посадкой, с которой все и началось... Больше нам надо беречь друг друга! Сколько войны еще впереди...

Один, другой, третий...

С каждым днем усиливалось противодействие противника в районе Тамани. «Мессершмитты» стали вылетать не только для перехвата групп самолетов, но и охотиться за одиночными машинами. Усилилось и противодействие зенитной артиллерии — за счет увеличения количества батарей.

При ведении воздушной разведки в этом районе самолет Саликова был перехвачен двумя Ме-109. Только большой боевой опыт и мастерство позволили летчику оторваться от преследователей и уйти в облака. [202]

Тем не менее наши удары по вражеским войскам не ослабевали. Ночами производились постановки мин в Керченском проливе.

Погода стояла неустойчивая, на маршрутах то и дело встречалась низкая облачность, туманы опускались до воды.

11 марта было приказано нанести бомбоудар по плавсредствам противника в порту Гадючий Кут. В воздух поднялась пятерка во главе с Бесовым. Справа летели Беликов и Федоров, слева — Соловьев и Дулькин.

Полет над морем прошел спокойно. В районе Геленджика группу встретили «яки» из 6-го ГИАП, быстро заняли свои места в боевом строю. Но тут произошла авария: у Бесова отказал мотор. Он вынужден был сесть в Геленджике. Ведущим группы стал Беликов. Четверка вышла на цель со стороны солнца. Противник открыл сильный огонь, но не смог помешать экипажам отбомбиться прицельно. Прямое попадание в быстроходную десантную баржу, разрывы бомб между понтонами...

При отходе от цели группу атаковали два Ме-109. Истребители прикрытия шли слева на одной высоте с бомбардировщиками: по их расчету, «мессеры» должны были появиться со стороны берега. Почти так и случилось: они зашли слева сзади, но выше на двести метров. Ведущий штурман Овсянников выпустил в их сторону три красные ракеты. Но «яки» не поняли целеуказания и почему-то отклонились вправо. В это время один из «мессеров» атаковал самолет Дулькина. Левое крыло бомбардировщика задымилось, машина стала терять высоту. Видно было, что летчик напрягает все силы, пытаясь не отстать от группы. Однако спустя две минуты все было кончено: машина, охваченная огнем, перешла в пикирование и упала в воду...

Погибли летчик лейтенант Павел Павлович Дулькин, штурман младший лейтенант Георгий Антонович Саноцкий,

стрелок-радист старший краснофлотец Степан Архипович [203] Максимович, воздушный стрелок младший сержант Николай Мефодьевич Вовк.

С Павлом мы подружились еще в 36-м минно-торпедном. Много раз летали вместе. Летом сорок второго бомбили войска и технику врага, переправы, железнодорожные узлы в задонских, сальских, ставропольских, кубанских степях. Совершали налеты на порты и аэродромы.

Это был смелый, решительный летчик. Не раз приходилось ему и его экипажу встречаться вплотную со смертью. Вот недавний пример.

Как-то в середине зимы, уже в гвардейском полку, Дулькину поставили задачу разведать вражеский аэродром, выявить расположение зенитных батарей, стоящих на его охране. Полет совершался ночью. Ночь была светлая, лунная, небо — без единого облачка. Вышли в район аэродрома. По разведчику не стреляли: по-видимому, противник не хотел демаскировать свои огневые точки. А экипажу хорошо были видны самолеты на стоянках: в стороне от взлетной полосы стояли бомбардировщики, ближе — истребители. Штурман Саноцкий быстро наносил на схему условные значки и цифры. Его наблюдения дублировали радист и воздушный стрелок.

А огневые точки врага по-прежнему молчали. Дулькин решил растревожить осиное гнездо, чтобы засечь средства противовоздушной обороны. На стоянку самолетов сбросили несколько фугасных бомб. Тут-то и началось! Машину окружило плотное кольцо разрывов, лететь с бомбами стало опасно. Штурман сбросил оставшийся груз. В тот же момент его ослепило. Машину резко швырнуло вверх, у летчика вырвало из рук штурвал. Стрелок-радист ударился лицом о пулемет, воздушный стрелок — головой о борт самолета...

Когда Павел убедился, что моторы работают нормально и машина слушается рулей, он сделал перекличку экипажу. Стрелок ответил, что он невредим, пулемет [204] исправен. Радист доложил: «Сам цел, кабина имеет много пробоин». Штурман долго не отвечал, затем с трудом выговорил несколько слов, из которых можно было понять, что он еще не пришел в себя. Несколько позже доложил, что разбито остекление кабины, вырван люк, разбиты приборы. Командир без его помощи вернулся на аэродром, посадил машину...

Утром окружившие самолет техники и инженеры поражались: «Как он долетел? У машины совершенно нарушена аэродинамика». В штурманской кабине не осталось ни одной целой стенки, из фюзеляжа и крыльев вырваны большие куски

обшивки, с кабины стрелка сорван колпак... Проанализировав все происшедшее, установили: в момент отделения бомб от самолета во взрыватель одной из них попал осколок зенитного снаряда...

В этих условиях экипаж не растерялся, не поддался панике. Оценив обстановку, летчик нашел в себе силы привести почти неуправляемый самолет на свой аэродром. Осматривая искалеченную машину, инженеры не переставали удивляться ее живучести: «Танк, а не аэроплан!» Восхищались ее создателями.

Летчики с уважением бросали взгляды на Дулькина: «Молодец!»

У каждого своя специальность, свой взгляд...

* * *

Улетают на задание самолеты, и на аэродроме воцаряется тишина. Но это не покой. Все, кто остается на земле, долго смотрят вслед улетевшим. Потом расходятся по своим местам, делают какое-нибудь дело, но разговаривают мало. И все время поглядывают на небо. И вот кто-то кричит:

— Идут!

— Один, другой, третий... — вслух считает каждый.

— Двоих нет, — вырывается вздох. И все стихают. И еще напряженнее смотрят в небо — может, появятся? Может, отстали? [205]

— Бесов сел в Геленджике, — хмуро говорит первый из приземлившихся летчиков.

А Дулькин? О нем не спрашивают. Ждут. Ждут еще. Потом кто-то молча снимает фуражку... Идет война. И как бы ни был умел и хладнокровен летчик, точен и сообразителен штурман, смекалисты и искусны стрелки, а гибель в бою может постигнуть любой экипаж. Война неумолима, и единственной гарантией жизни каждого может быть только победа всех!

Так я примерно думал в тот день.

Так, вероятно, думали и все мои товарищи. [206]

Часть вторая. Идет война…

Продолжение одной записи

«С боевого задания не вернулись...»

Такая запись в журнале боевых действий полка означала, как правило, то же, что и «сбит в воздушном бою», «сгорел в воздухе», «взорвался от попадания снаряда»... Разница в том, что свидетелей не было: или вылет был одиночный, или самолет отбился от группы и уже после взорвался, сгорел, упал...

В наземных войсках этой записи соответствовало «пропал без вести». Горькие слова, оставляющие каплю надежды. До сих пор еще ждут «пропавших» во многих семьях, во многих домах.

Были случаи, возвращались...

Были случаи и у нас.

Ранее я рассказал об экипаже одного из лучших летчиков полка капитана Федора Клименко. 19 декабря 1942 года в журнале боевых действий против его фамилии и фамилий его товарищей появилась эта печальная запись: «С боевого задания не вернулись...» Их считали погибшими. Но оказалось не так.

Расскажу все по порядку, как рассказали мне они сами, в частности штурман Михаил Гордеев, с которым я был знаком ближе всех.

* * *

Это был их двести пятьдесят седьмой боевой вылет. Вечером Клименко и его штурман были по тревоге вызваны в штаб. [207]

— Что бы это значило? — гадал по пути Гордеев. — Ведь мы только что прилетели с боевого задания.

— Потерпи, Миша, — отвечал спокойный Клименко. — В замыслы начальства все равно не проникнешь. Во всяком случае, думаю, спать нам сегодня с тобой не придется.

Вот и штаб.

— Как себя чувствует экипаж? — с порога спросил подполковник Канарев.

— Готовы исполнить любой приказ! — в один голос ответили Клименко с Гордеевым.

— Хорошо, — внимательно оглядел их командир. — Необходимо срочно выполнить специальное задание. Свободных экипажей, подготовленных к ночному полету в сложных метеоусловиях, сейчас нет. Придется лететь вам. Подойдите к карте...

Задание заключалось в том, чтобы сбросить парашютиста на территорию, занятую противником, в строго определенном районе. В целях маскировки нанести бомбовый удар по

железнодорожной станции Мелитополь. Маршрут предоставлялось выбрать самим. Высоту для выброски определить на месте в зависимости от погоды, но не менее четырехсот метров. Вылетать немедленно на уже подготовленном самолете другого экипажа.

— Есть! — уточнив район выброски, ответил Клименко.

Тут же в штабе Гордеев проложил маршрут, произвел все расчеты.

— Порядок, штурман? — спросил Клименко.

— Карта мелковата, командир. Трудно выйти по ней на эту деревню, много их там...

Пошли к начальнику штаба. Тот без разговоров отдал свою крупномасштабную карту. На ней Гордеев без труда наметил характерные ориентиры на подходах к деревне Троицкое, в восьмидесяти километрах восточнее Мелитополя. [208]

На аэродром приехали уже ночью. У самолета стояли парашютист и начальник парашютно-десантной службы бригады капитан Соломашенко.

— Самолет к полету готов! — доложил техник.

— Все данные для связи и опознавательные «свой-чужой» имею! — отрапортовал стрелок-радист Гусев.

Клименко вопросительно обернулся к пассажирам. Соломашенко молча кивнул.

— По местам!

Майор с парашютистом заняли кабину воздушного стрелка: его в этот полет не взяли.

Погода была скверная, видимости почти никакой. Резкий, порывистый ветер.

Взлетели. Сплошная облачность высотой триста — четыреста метров. Самолет приходится вести вслепую, по приборам. Клименко не привыкать. Опытный летчик, воюет с первых дней войны. Гордеев — тоже.

— Будем надеяться, командир, что в районе Керченского полуострова погодка разгуляется.

Но этого не случилось. Дальше меж облаков лететь было нельзя: впереди горы.

— Что будем делать, Миша?

— Нужно пробиваться вверх, командир!

Моторы загудели с натугой. Стрелка высотомера отсчитывала одну сотню метров за другой. Вышли за облака. Пройдя Керченский полуостров и часть Азовского моря, стали снижаться: впереди в двух десятках километров должна находиться цель.

— С какой высоты будем бомбить? — посоветовался Клименко со штурманом.

— Держи пятьсот!

Земля здесь просматривалась хорошо. Слева тянулась железная дорога на Мелитополь. На станцию зашли С юга. Гордеев увидел товарные эшелоны, решил бомбить с ходу.

— Ложимся на боевой! [209]

Зенитного огня не было. Очевидно, появление бомбардировщика оказалось для противника неожиданностью.

— Сброс.

Тут же засверкали разрывы зенитных снарядов. Один блеснул совсем близко, машину тряхнуло. Правый мотор стал давать перебои, в кабине запахло маслом. Клименко вывел машину на основной курс — к месту выброски парашютиста. Оглянувшись назад, увидел: на станции горели вагоны...

Штурман все чаще сличал свою крупномасштабную карту с местностью. Надо было обеспечить наиболее точное приземление разведчика, чтобы, не теряя времени, он вышел к условленной явке. В стороне осталось село Троицкое. Михаил подал команду стрелку-радисту Гусеву:

— Приготовить пассажира к прыжку!

— Все готово!

— Прыгать! — скомандовал штурман спустя полминуты.

Но парашютист не выпрыгнул. Клименко и штурман подумали, что он замешкался. Еще дважды заходил на цель поврежденный самолет, но парашютист так и не покинул кабины. Наконец Гусев доложил, что у разведчика плохо с сердцем.

На последнем заходе правый мотор заклинило полностью.

На землю полетела радиограмма: «Имею неисправность, возвращаюсь!» Командир решил в темную ночь, в сложных метеорологических условиях добраться на израненной машине до своего аэродрома.

Вскоре самолет стал заваливаться на крыло. Клименко передал Гордееву, что у него не хватает сил удерживать машину в горизонтальном полете. Штурман поставил в своей кабине ручку в рабочее положение, откинул педали. Еще некоторое время они вдвоем кое-как [210] удерживали самолет в нормальном положении. Но машина катастрофически теряла высоту, А внизу было море....

Через полчаса стрелка высотомера подошла к нулю. Дальше лететь было нельзя: машина неизбежно врежется в воду. Летчик включил крыльевую фару: до воды оставалось метров десять — пятнадцать. Остановил мотор и, высоко подняв нос самолета, пошел на посадку.

Самолет коснулся поверхности воды хвостовой частью. От удара хвост отвалился. В тот же момент Гордеев услышал крик.

Кричал парашютист: он вывалился через образовавшееся в фюзеляже отверстие. Спасательного жилета не нем не было...

Самолет продолжал скользить, а когда погасла скорость, опустился всей тяжестью на воду. Кабина штурмана стала быстро заполняться водой. Гусев и Соломашенко с резиновой шлюпкой выскочили на левое крыло. Ударив по клапану баллона с газом, быстро надули шлюпку. Третьим выскочил на крыло Клименко.

Гордеев открыл астролюк, но вгорячах забыл выдернуть из переговорного устройства шнур от шлемофона. Исправлять ошибку было некогда: ледяная вода заполнила кабину до половины. Штурман сбросил с головы шлемофон, вспрыгнул на крыло и едва успел сесть в шлюпку.

Спустя несколько секунд самолет ушел под воду...

Экипаж напряженно вслушивался: не раздастся ли голос парашютиста. Ясно было, что в ватных брюках и телогрейке, в сапогах и с двумя парашютами он мог продержаться на воде недолго. Все же ждали. Убедившись в бесполезности поисков, стали думать, что делать дальше...

Азовское море со всех сторон было окружено территорией, оккупированной фашистами. Посоветовавшись, решили пробиваться в Крым, к партизанам, район действия которых был известен капитану Соломашенко. [211]

Своего точного местонахождения экипаж не знал. Не было ни компаса, ни карты: в спешке покидая самолет, Гордеев даже не успел снять парашют. Учтя время полета по курсу и отклонение самолета в сторону вышедшего из строя мотора, штурман определил, что наиболее близкой к ним частью суши является Арабатская стрелка. По ней и надеялись выйти в Крым.

В полной темноте идти на шлюпке без компаса не имело смысла. Решили подождать, когда взойдет луна. Собрали весла, установили на места.

Через полчаса в небе прорезалась светлая полоска. Промокший и продрогший Гордеев первым схватился за весла, направил шлюпку на запад. Поочередно гребли всю ночь. С рассветом убедились, что курс держат правильный. Но вокруг было только пустынное море.

Гребли.

В полдень в направлении на север пролетел немецкий самолет. Экипаж шлюпки замер. Гитлеровские летчики, вероятно, не заметили ее.

К вечеру Гусев различил впереди длинную темную полоску. Земля! Арабатская стрелка!

Причалили в темноте. Пройдя несколько шагов в глубь суши, уткнулись в густые заросли камыша. Из них с криком вылетела

стая каких-то птиц. Ночь сгущалась, двигаться в этих джунглях, не растеряв друг друга, было невозможно. Вернулись обратно к берегу.

— Пойдем вдоль воды, — решил Клименко.

Вскоре наткнулись на вытащенный на берег баркас, Дождавшись луны, разглядели невдалеке силуэты строений. Подошли к ближайшему дому, постучались в окно, В ответ услышали испуганный голос женщины, что-то кричавшей о полицаях...

В другом доме открыл дверь старик. Клименко сказал ему прямо:

— Мы — советские летчики.

Дед кивнул: [212]

— Я ж в окно вас бачив...

Оказалось, это остров Бирючий. Немцев здесь нет, только два полицая из местных. С Арабатской стрелки гитлеровцы тоже ушли.

— Перекусить не найдется, дедусь?

Старик без слов принес немного вяленой рыбы и хлеба.

— Извиняйте, хлопцы, бильш ничого нема...

Попросили лодку, чтобы перебраться на стрелку.

У старика лодки не было. Он отдал летчикам свой береженый старенький компас и посоветовал воспользоваться баркасом, который они видели.

Поблагодарив гостеприимного хозяина, вернулись к берегу.

Делать нечего, пришлось воспользоваться советом старика. Перевернули баркас, подтащили к воде. Наскоро осмотрев, спустили на воду.

Луна вскоре скрылась, ночь была темная. Отойдя от берега, убедились, что компас, подаренный стариком, неисправен. Пришлось бросить якорь и ждать утра. Как только начало рассветать, двинулись в путь, ориентируясь по светлой полоске на востоке.

Через некоторое время увидели Арабатскую стрелку. Что делать? Высадиться или двигаться морем и дальше? Решили идти вдоль берега, в сторону Керченского полуострова. К вечеру поднялся шторм, плыть стало опасно. Дождавшись сумерек, подошли к берегу, высадились. Баркас столкнули в море. Зарыли в землю парашют, с которым не расставался Гордеев, надеясь соорудить из него парус.

Немного передохнув и оглядевшись, пошли по Арабатской стрелке в сторону Крыма.

Поздно вечером на пути показался поселок. Зашли в один из крайних домов, попросили хозяйку заменить им одежду.

Женщина, побегав по соседям, поменяла кожаные регланы на ватные фуфайки и пиджаки. [213]

Шли всю ночь. К утру набрели на одинокое строение, в нем жила рыбацкая артель. Летчики сильно устали, хотелось спать. Рыбаки устроили путников на отдых, ни о чем не спрашивая. По тому, как приняли, было понятно: догадались, что перед ними свои. Вдобавок Гусев в забывчивости расстегнул фуфайку, а укладываясь на отдых, выронил из кармана брюк пистолет.

Отбросив уже бесполезную маскировку, разговорились. Рассказали хозяевам о положении на фронтах. У Соломашенко даже нашлась сравнительно свежая газета.

Разбудили их к вечеру. Сказали, что в артели был один ненадежный, брат полицая, сейчас отправился на своей лодке в поселок. Посоветовали до темноты укрыться в плавнях на одном из островов.

В полночь на лодке, подаренной рыбаками, двинулись через Гнилое море. Утром уже были на крымском берегу. Двигаясь дальше на юг, дошли до деревни Каратубель. Соломашенко и Клименко пошли в деревню за продуктами, Гордеев с Гусевым остались их ждать в стогу сена.

Ждали долго. Ждали и после того, как поняли: с друзьями случилось неладное.

После полудня к стогу деревенский мальчишка подогнал двух коров. Увидев летчиков, испугался. Потом спросил:

— Вы не с теми, которых в деревне схватили полицаи?

Средь бела дня выйти было нельзя. До сумерек просидели в стогу, не спуская глаз с пастушонка. Когда он погнал коров в деревню, ползком и перебежками перебрались в другое укрытое место, откуда был виден стог. И лишь когда окончательно стемнело, решили, что ждать больше нечего. Надо продолжать путь.

И опять шли всю ночь. И весь следующий день — [214] избегая дорог, обходя населенные пункты. Они были уже в Крыму, вот-вот на горизонте покажутся горы...

К вечеру, выбившись из сил, решились приблизиться к жилью. Постучались в крайний дом. Дверь отворил подросток лет пятнадцати. Кроме него, дома никого не было. Сметливый парнишка сразу догадался, что имеет дело со своими. Накормил летчиков, устроил на ночлег.

— Я комсомолец! — сказал, провожая их на рассвете.

И опять шли на юг. К вечеру достигли района Крымских гор. Переночевали в укромном месте, прямо на снегу: не хотели рисковать, когда почти уже достигли цели.

Утром сориентировались, пошли дальше в горы. По их

расчетам, они уже находились в районе действий партизан. К вечеру, измученные и голодные, набрели на какой-то горный поселок, попросились переночевать. Узнали, что находятся в Карасубазаре...

Ночью проснулись от окриков, толчков прикладами. На них были наставлены дула винтовок...

Немец в комендатуре кричал, угрожал.

— Куда спрятали рацию? Где партизаны? Чье задание выполняли?..

Летчики поняли, что их принимают за других. На вопросы не отвечали.

На другой день, 28 декабря, Гордеева и Гусева посадили на грузовую машину и вывезли из поселка. Летчики попрощались друг с другом...

Но машина не останавливалась. Час, другой...

Их доставили в Симферополь. Начались изнурительные допросы, пытки. Ясно было, что их принимают за партизан. Или за связных, посланных к партизанам с Большой земли. И тех и других в плен не брали — расстреливали после нечеловеческих пыток...

Гордеев и Гусев молчали.

В карцере встретили Новый год — 1943-й. [215]

Под пьяный гомон орущих за стеной фашистов еще раз поклялись друг другу — молчать!

На другой день их отвезли в симферопольскую тюрьму. Допросы продолжались...

Из Симферополя перевезли в Ростов-на-Дону. Вновь допросы, избиения, пытки.

Ничего не добившись, гестаповцы отправили их в концлагерь. Появилась надежда на побег.

Лагерная охрана, однако, постаралась поскорее избавиться от быстро оправляющихся от увечий, ни с кем не общающихся заключенных. Под усиленной охраной, с овчарками, их перевезли в другой лагерь, бросили в здание с наглухо забитыми железом окнами. Помещение не отапливалось, спать приходилось на голом цементном полу. Рацион состоял из ста граммов перемешанного с опилками хлеба и миски баланды из неободранного овса...

Ясно было, что долго здесь не выдержать.

Им удалось познакомиться с пленным стрелком-радистом со Сталинградского фронта. Тот хорошо знал лагерь, режим охраны. Втроем разработали план...

Дождавшись слепой, ненастной ночи, выбрались из барака, перерезали колючую проволоку, незамеченными выползли за

ограду. Отбежав с полкилометра, услышали сзади неистовую стрельбу. Оказалось, их побег заметили другие заключенные и тут же последовали примеру храбрецов. Метель была настолько густой, что прожектора не могли пробить ее. Не помогли и овчарки: следы тотчас заметались толстым слоем снега, собаки в нем увязали...

Это было в ночь на 18 января.

И снова шли. Учтя горький опыт, избегая селений, ночуя в пустых сараях, в оврагах, в стогах. Питались тем, что могли добыть сами. Однажды Гордеев от голода потерял сознание, упал. Придя в себя, поднялся и продолжал путь... [216]

Шли в сторону Кавказе, к своему полку. Хоронясь в убежищах, прислушивались к разговорам. Узнали, что немцы бегут. Издали наблюдали отступающие колонны, слышали отдаленный артиллерийский гул...

Это были уже кубанские степи.

2 февраля дошли до хутора Восточный Чалбосский. Решились зайти.

— Фашисты давно разбежались, линии фронта здесь нет, — сказали им жители. — Наши гонят врага уже далеко...

Летчики обнялись, на их глазах показались слезы. Они свободны! Могут заходить в любой дом, громко говорить, смеяться...

От встречных красноармейцев узнали, что в станице Архангельской находится крупный штаб. Миша Гусев еле передвигался. Его палил жар, временами покидало сознание. Решив, что заболел тифом, он попросил оставить его в ближайшей деревне.

К счастью, их догнал крестьянин и на санях подвез до Архангельской.

Здесь находился штаб 58-й армии. Гусева сразу положили в госпиталь, Гордеева после проверки направили через Краснодар в родной полк.

Пока Гордеев шел пешком до Краснодара, затем ехал по еще не полностью восстановленной железной дороге, Гусев успел выздороветь и раньше него прибыть в полк.

Вскоре — это было уже в марте — в полк вернулись Клименко и Соломашенко. Рассказали, что их схватили в той деревне — Каратубель — полицаи. Дальнейшая история их скитаний была почти точным повторением того, что пришлось пережить Гордееву и Гусеву. Концлагерь в Таганроге. Побег. Переход по льду через Таганрогский залив. На Кубани перебрались через линию фронта... [217]

Весь боевой экипаж оказался в сборе. Вот какое продолжение

имела запись в журнале боевых действий полка от 19 декабря 1942 года.

Миноносцы уходят в ночь

С первых дней Великой Отечественной войны на Черноморском флоте широко применялось такое грозное морское оружие, как мины. Особое место в «минной войне» отводилось флотской авиации: она могла ставить мины в местах, недоступных для наших кораблей — в проливах у занятых врагом берегов, на фарватерах вблизи баз и портов, на судоходных реках...

С 1942 года и до конца боевых действий на Черном море самолеты были основными постановщиками мин.

Скрытность этого оружия, практически неограниченная «живучесть», опасность встречи с ним в любом районе моря оказывали на противника сильное моральное воздействие, заставляя его уклоняться от плавания в миноопасных районах. Да и потери от мин он нес довольно значительные.

В марте 1943 года полк продолжал интенсивные минные постановки в Керченском проливе. Затрудняя и сковывая движение кораблей противника в этом районе, авиация флота оказывала неоценимую помощь наступающим войскам Северо-Кавказского фронта.

Разумеется, и противник всеми возможными средствами противодействовал нам: район был буквально утыкан наблюдательными постами, прожекторными установками, зенитными батареями всех калибров, днем и ночью охранялся истребителями.

12 марта было приказано готовиться к ночному вылету. Для прикрытия действий группы выделялось три самолета, пилотируемых опытнейшими летчиками — майорами Черниенко и Минчуговым и капитаном Василенко. Их задача: на большой высоте несколько раз [218] выйти на цель и, сбросив бомбы, отвлечь на себя прожектора и огонь противника.

Экипажи самолетов-миноносцев тщательно готовились к выполнению задания: мины требовалось сбросить точно в заданных районах. Значит, с малой высоты. И при выходе на цель приходилось надеяться только на строгое выдерживание режима полета и точность расчетов штурмана: погода не баловала.

В условиях ночного полета каждый экипаж действует самостоятельно. После работы над картой мы обменялись мнениями.

— Самое неприятное, братцы, — малая высота, — вздохнул Трошин. — Попадешь под прожектора...

— Ну, на малой-то ненадолго... — нерешительно возразил

штурман Коршунов.

— Хватит, чтоб ты промазал. Времени на прицеливание тоже ведь кот наплакал.

— Промажем — пойдем на второй заход...

— Если на первом не врежут!

— А ты как думаешь? — спросил я у Димы Бабия.

— Дело покажет, — философски заметил он.

Пришлось с ним согласиться. Все будет зависеть от обстановки. Одно дело тактика, разработанная на земле, другое дело — бой. Зачастую предварительные решения служат лишь одному: вылететь на задание с уверенностью в успехе. Однако и это немало. Даже и опытный летчик не очень-то любит, чтобы команда на вылет застала его врасплох. Моральная подготовка...

— Все будет хорошо! — заверил наш эскадрильский минер Леонид Лебедев. — Вы жуки опытные!

Майские, надо думать, жуки. Что летают ночью. Но и они натыкаются сплошь да рядом на автомобильные фары.

Да, лишь бы не прожектора...

Подошло время вылета. Тяжело нагруженные машины [219] с трудом отрываются от земли. Первым стартует Бесов, за ним Лобанов, Трошин, Минчугов, Беликов, Черниенко, Саликов, я. За нами — Бабий и Василенко.

Дождь, едва накрапывавший при взлете, заметно усиливается, шрапнелью хлещет по кабине, по плоскостям. Полная тьма, полет вслепую.

На борту размеренный рабочий ритм. Каждый занят своим делом, чутко прислушивается к командам и докладам. Штурман озабоченно выверяет курс, я стараюсь с абсолютной точностью выдерживать заданный режим полета. От этого зависит все. Незаметно проскочить вход в Керченский пролив, не попасть прежде времени под обстрел зениток, а то и под огонь истребителей. Первые атаки их ночью всегда неожиданны...

Смотрю на часы. Одиннадцать.

— Командир, впереди пролив!

Начинаю снижение. Машина проваливается во тьму. Осторожно планирую. Каждый полет надо выполнять так, будто летишь впервые...

В руках штурмана крупномасштабная карта района постановки мин. Дает доворот. Боевой курс. Сколько раз приходилось вести машину по этой короткой прямой, когда вокруг искрятся разрывы, крутятся огненные нити...

Последняя перед целью прямая. Может быть, последняя в твоей жизни...

Нет, все спокойно. Зенитки молчат. Изредка тьму рассекает

луч прожектора.

Самолет вздрагивает, будто подброшенный сильным разрывом. Но — тишина. Облегченно выдыхаю воздух. Громадный, свинцовой тяжести шар — контактная мина, оторвавшись от фюзеляжа, устремляется вниз. Мысленно представляю, как она всколыхнет воду, хоть и на парашюте, — Тунгусский метеорит...

— Докладывать надо о сбросе, штурман!

— Извини, командир. Тишину спугнуть побоялся... [220]

В самом деле — гипнотизирующая тишина. Невольно и сам продолжаю беззвучно планировать, не нарушая ее. Но ведь должны заметить? Не мы же одни над проливом...

И — как ответ — заполыхала тьма! Ножи прожекторов, всплески разрывов...

Форсирую моторы, маневрирую, чуть не ложась на крыло.

— Усилить наблюдение!

Впереди высвечивается серебряный крестик, другой... Спустя минуту неистовый свет заливает и нашу машину.

— Командир, над проливом носятся вражеские истребители...

Это Панов заметил — за миг до того, как попали в луч. Сейчас никто ничего не видит.

Спасенье — нырнуть во мрак. Выручай, родная! До отказа выжимаю рули, моторы ревут на пределе...

Срываюсь с лезвия ножа, окунаюсь в небытие. Нет, во тьму, в спасенье...

— Экипаж, целы все?

— Ну, командир! Нагрузочка...

— Мы-то ладно, машина как не развалилась!

— Отставить разговоры! Следить за воздухом!

— Над проливом на одного из наших навалились, похоже...

Во, Панов! В такой передряге успел заметить.

— Правильно положил мину, Володя?

— В «десятку»! Как раз на траверзе Чушки. Чушку-то я признал и во тьме.

— Молодцы все!

— Вы молодец, командир!

На земле узнали: два «мессера» навалились на Бабия. Дима сумел уйти. Все экипажи выполнили задачу и возвратились на аэродром. Однако перехитрить противника не удалось: на отвлекающий удар он не клюнул. Надо менять тактику. [221]

Мины в ту ночь сбрасывались парашютные и беспарашютные, донные и якорные. Якорные контактные мины ставятся с различным углублением, это затрудняет противнику траление и делает заграждения более надежными. Донные неконтактные

имеют различную кратность и сроки взрыва. Мина может пролежать на дне десять, пятнадцать, двадцать и более суток и лишь затем, прийти в боевое положение. Или над миной — магнитного действия — проходит десять, пятнадцать кораблей, а одиннадцатый или, к примеру, шестнадцатый подрывается.

Результат сказался немедленно. Противник начал траление, его плавсредства скопились в портах Камыш-Бурун и Керчь. Этим воспользовалось наше командование. На другой же день несколько экипажей совершили успешный налет на Камыш-Бурун. Удар повторили ночью.

В следующую ночь нанесли бомбоудар по плавсредствам в Керчи. Несмотря на ожесточенный огонь зениток, все экипажи прорвались к цели и отбомбились успешно.

Затем бомбардировщиков над проливом сменили самолеты-миноносцы. Для обеспечения их действий было выделено шесть машин. На одной из них летел командир авиационной бригады подполковник Сучков, прибывший к нам с Тихоокеанского флота на боевую стажировку. Это уже был не отвлекающий маневр, а комбинированные действия бомбардировщиков и миноносцев.

Кроме осколочных, фугасных и зажигательных бомб в ту ночь, впервые в боевой практике полка, с самолета капитана Козырина было сброшено более двухсот ампул с зажигательной смесью КС. Вместе с бомбами они сделали свое дело. Удар наносился по аэродрому Багерово, откуда взлетали ночные истребители противника. В районе ангаров возникло пять больших пожаров, сопровождаемых сильными взрывами. [222]

Комбинированный удар удался. Как бомбардировщики, так и миноносцы успешно выполнили свою задачу и благополучно возвратились на аэродром.

Тактическая новинка полностью себя оправдала.

* * *

В следующую ночь для обеспечения минных постановок в Керченском проливе было выделено четыре самолета: три с бомбами и один с ампулами КС. Бомбардировщики пилотировались Сучковым, Минчуговым и Беликовым, с КС летел я.

Задачу поставили днем, у нас было достаточно времени как следует подготовиться.

— Может, покажете ваши шарики в действии? — обратился Володя к начхиму полка капитану Богданову. — Все-таки посмотреть нелишне.

— Очень нелишне, — согласился капитан. — Ну-ка, — кивнул одному из оружейников, — принесите...

Повел нас за капониры, где в колхозном саду на поляне валялось несколько отслуживших свой срок подвесных самолетных баков для горючего. Подошел краснофлотец с ведром, наполненным серыми металлическими шарами величиной с детский мяч. Оболочка «мячей» разделялась на дольки канавками, как у ручных гранат Ф-1 — «лимонок».

Капитан взял один шарик, прицелился в бак.

— Отойдите назад, пожалуйста...

«Мяч» вписал в воздухе порядочную дугу, стукнулся в землю, не долетев до бака. Над местом падения взвился столб яркого пламени, нас опалило жаром.

— Недолет, — извинительно улыбнулся начхим.

Второй шар угодил прямо в бак. Снова вспышка, волна палящего жара. Не дождавшись, когда погаснет огонь, подошли, посмотрели. На месте первого костра — черный, метра полтора в диаметре, круг выгоревшей земли, в серых сединках, будто присыпанный солью. Вместо [223] бака — искореженный жаром, бесформенный, не больше рукавицы, комок перегоревшего железа...

— Да, теперь мне понятно, как горят танки и самолеты, — первым нарушил молчание Панов. — А то думал — металл...

— Именно, и самолеты, — нажал на последнее слово начхим. — Очень прошу запомнить! Особенно в воздухе, где и одного костерка бы хватило с излишком, а если их, скажем...

— Двести шестьдесят, — подсказал услужливый Жуковец.

Я почувствовал, как спину щекотнуло противным холодком. Багажик...

— Еще и на дольки на кой-то их поделили! — искренне возмутился Володя. — Как шоколад! Того и гляди сами развалятся!

— Развалятся — вспыхнут, — со знанием дела заверил капитан. — Самовозгорающаяся жидкость. При малейшем соприкосновении с воздухом...

— Ну так на кой?

— Не стоит преувеличивать, — невозмутимо отвел его руку начхим. — Сами собой не должны развалиться. А без насечки не развалились бы и при ударе о землю у цели. На кой тогда их бы, по вашему выражению, и везти. Кстати, в пехоте эту же смесь перевозят в пивных бутылках. Слышали о бутылках с горючей смесью для борьбы с танками? Та же КС. А фронтовые дороги — не то что асфальт, скажем, от пивзавода хоть и до самого отдаленного ресторана.

— Ну наши тоже дорожки... — Жуковец комично потер ребра, вспомнив вчерашний вираж над проливом. — Шоферу хоть

выпрыгнуть можно!

— Значит, надо поосторожней, — все так же невозмутимо обернулся ко мне начхим, будто дело шло в самом деле о перевозке пива.

— А если пуля, осколок? [224]

Это Панов. Для Жуковца тут вопрос был ясен. Жуковец в Севастополе знал Ермолаева. Прекрасный был летчик, один из шестерки чумичевцев. Вылетел с этими «мячиками» с Херсонесского маяка на «выжигание орудий» за линией вражеских окопов, над передним краем попал под пустячный обстрел. На глазах у друзей вспыхнул огромным огненным шаром... «Как солнце средь ночи», — сравнил Кравченко, штурман и друг Ермолаева, по какой-то причине не назначенный в этот полет...

— Ну что ж, все ясно, — решил я закончить не очень-то вдохновляющую беседу. — Пойдемте-ка лучше еще раз проверим подвеску кассет. Постараемся в целости довезти ваше пиво, — кивнул на прощанье начхиму.

По дороге встретил Федора Козырина.

— Скажи, пожалуйста, как ты себя чувствовал в прошлую ночь с этими КС?

— Откровенно говоря, Минаков, неважно. Семь потов сошло, пока сбросил...

* * *

Сначала взлетела обеспечивающая четверка. Потом ушли в непроглядную тьму Минчугов, Сучков, Беликов. Осторожно разбегаюсь, плавно отрываюсь от земли. Порядок! Можно считать, первый этап миновали благополучно....

Три бомбардировщика направились наносить удар по плавсредствам в Керченском порту, мне предстояло «выжигать скопления артиллерии и автомашин» в северо-восточной части Тамани. Основная цель всех — отвлечь внимание противника от группы минных постановщиков, которые шли вслед за нами.

Полет над морем протекал в деловитой сосредоточенности. В течение всего времени Жуковец не спускал глаз с бомболюков. Каждые четверть часа докладывал:

— Порядок, командир, не шевелятся... [225]

Снижаюсь, планирую на окраину Тамани. В небо вскидываются прожектора, открывают огонь зенитки. Эх, не могли подождать, пока сбросим...

— Штурман, на боевой!

Молчание.

— Штурман!

— Сбросил! Ампулы сбросил! — кричит Володя.

— Не вытерпел? В белый свет?

— Вытерпел, командир! Сбросил по цели! Хоть, признаться, и мокрый, как мышь...

— Не снизу, надеюсь?

— Ну что ты, командир! Плохо думаешь о своем штурмане...

Да, теперь весело. Даже огонь не страшен. Все еще машинально избегая нагрузки, плавно разворачиваюсь в сторону моря.

— Результат?

— Все горит, командир! Вся северо-восточная часть Тамани!

— Дали жару фрицам! — восхищенно орет Жуковец.

Дали. В буквальном смысле. Однако температурка и у самих... Только сейчас ощущаю, что и у меня спина взмокла, из-под шлема стекает пот...

* * *

После разбора столпились у капонира.

— Не увлекательная работенка! Стараешься, дырки привозишь, а толку? Когда еще кто там на них подорвется... Мы бросаем, они достают. Как в футбол, в одни ворота...

Соловьев, новичок недавний. Летчик толковый, с первых полетов себя зарекомендовал. Теперь наравне со всеми летает.

— Да, орденов тут не нахватаешь, — усмехается Лебедев, эскадрильский минер.

Щеки младшего лейтенанта вспыхивают.

— А я об орденах? [226]

Не в них дело, конечно. Но из разведки и то — хоть привезешь фотоснимки. Привыкли же: поразил цель — честь тебе и хвала; промазал, ни с чем вернулся — глаза в землю до следующей удачи. А тут... Даже и в перспективе, хоть и линкор подорвись — так на чьей мине?

— А, собственно, почему бы и не о них? — вмешался уверенный голос.

Все обернулись. Майор Забежанский, замкомполка по политчасти. Будто случайно приостановился, застегивая на колене планшет. Щелкнул кнопками, выпрямился, приложил к козырьку руку. — Здравствуйте, товарищи! Извините, подслушал ваш разговор. Почему не об орденах? — положил на плечо Соловьеву руку.

— Так не о том разговор... — тот еще пуще зарделся.

— Ну-ну, а о чем же?

— Мины недооценивает, — безжалостно брякнул Лебедев.

Соловьев возмущенно обернулся:

— А я о минах?

— Так о чем все-таки? — оглядел всех майор. — Может быть, вы объясните мне, Минаков? Кто из них прав, по-вашему?

— Оба, наверно, товарищ майор, — тоже и я не нашелся.

Замполит подумал.

— Выходит, я не по делу вмешался?

— Да нет... и вы...

— И я прав? Ну дипломат, Минаков! Не знал за тобой таланта!

Все с облегчением рассмеялись, решив, что на том и закончился разговор.

Однако майор не спешил. Прикинул, решил про себя что-то.

— А знаете, Минаков? Напрасно я вас в дипломаты зачислил. Пожалуй, действительно правы все. И о наградах — к слову пришлось не случайно. Ведь речь-то о [227] стимуле, так? Не только же для отчета рискуем, идем на второй заход, чтобы сфотографировать пораженные цели... Трудная наша работа, вот дело в чем! Ну и, естественно, хочется результат увидеть. Так я понял вас, младший лейтенант?

Соловьев смущенно кивнул.

— И ордена — тоже стимул. Чего ж тут стесняться? Издревле солдат считал честью их заслужить. От рядового до главнокомандующего! Если, конечно, он настоящий солдат. А в наших условиях, в нашей войне... Признание воинской доблести самим народом...

Прервал себя, что-то припоминая, пытливо оглядел всех поочередно.

— Только вот... Ну-ка, кто вспомнить поможет? Полк-то у нас какой?

Все молчали. Майор терпеливо переводил глаза с одного на другого.

— Ну гвардейский... — не вытерпел кто-то.

— Пятый гвардейский, правильно! А еще?

— Минно-торпедный...

— Во! А я уж подумал — забыли. Собственно, и не мудрено! Все лето чуть не за штурмовиков летали. Что делать, жал немец на суше... Теперь война входит в нормальное русло. И нас возвращает к законному ремеслу. А что до видимого результата... Найдется способ оценки и тут. Фамилию, правда, на мине писать бесполезно. Но и теперь уже видно, на кого положиться можно в этом нелегком деле. Наша работа, никто нас на ней не заменит! Стимул стимулом, но ведь и долг...

Поправил планшетку, взглянул на часы. Задержал взгляд на Соловьеве.

— Вот с этой точки советую посмотреть. А в остальном вы, конечно, правы...

* * *

«Наша работа» оказалась едва ли не самой сложной. Выполнять ее требовалось ночью и только с ходу, имея [228] лишь координаты точки, где нужно освободиться от груза, — ограниченный участок морской акватории, как правило, лишенный ориентиров и хорошо защищенный средствами противовоздушной обороны противника. Требовался точный выход на цель в любых погодных условиях. Поэтому минные постановки выполнялись экипажами, в составе которых были наиболее подготовленные, опытные штурманы.

Если бы не огромные карты, расстеленные на столах, то класс, где мы готовились к боевым вылетам, можно было бы принять за помещение конструкторского бюро. Листы ватмана, схемы, кальки, линейки, транспортиры и... обычные канцелярские счеты. Здесь рассчитывались таблицы для работы экипажа в воздухе, на боевом курсе. Нужно было скрупулезно учесть любую неожиданность, разработать все варианты...

После подготовки в классе отправлялись на аэродром. На самолетных стоянках тоже кипела работа. Подвеску мин организовывал начальник минно-торпедной службы полка капитан Терехов. Минеры тщательно проверяли их исправность.

Авиационные мины лежали на специальных тележках. Толстые, двухметровой длины, как стволы черного дерева, отполированные до блеска и слегка заостренные в носовой части. Замок держателя цепко захватывал их за подвесные ушки, огромное тело легко отрывалось от удобного ложа с помощью ручной лебедки, лоснящаяся на солнце мина, поддерживаемая бережно руками, аккуратно подводилась под фюзеляж...

Наступает вечер. Вот и сигнал. Взлетают Бесов, Бабий, Василенко, за ним я, за мной — Саликов. Действия миноносцев обеспечивают бомбардировщики Сучкова и Козырина: им приказано нанести удар по порту Керчь.

В районе постановки мин ожидается ухудшение погоды, но откладывать вылет нельзя: корабли противника должны быть заперты в порту. Несколько раз приходится [229] менять профиль полета. Однако к назначенной точке выходим в расчетное время.

Впереди Керченский пролив. Исходный рубеж. Штурман принимает решение осуществлять сброс визуально, с помощью оптического прицела: дымка и облака еще не успели закрыть пролив, хотя ветер усиливается с каждой минутой.

Над Керчью мечутся прожектора, во всю мощь бьют зенитки.

Это работают Сучков и Козырин...

Мгновенно выполняю команды штурмана, строго выдерживаю курс и скорость.

Переключатель в боевом положении. Машина идет по прямой...

— Мину сбросил! — голос Володи несколько звонче обычного.

В небе у нас спокойно. Зато справа, над Керчью — лес прожекторов, сотни мгновенно вспыхивающих и гаснущих звезд...

Невольно вспоминаю последнее сообщение начальника разведки: в районе Керченского пролива противник имеет до пятидесяти прожекторных установок...

* * *

Самолет подполковника Сучкова вернулся на аэродром сильно поврежденным. В плоскостях зияли две огромные дыры от прямых попаданий снарядов, техники насчитали еще около сорока пулевых и осколочных пробоин. Над целью на него напал Ме-110. Успел дважды зайти в атаку: первый раз с передней полусферы, второй — с задней. При заходе на третий напоролся на меткую очередь стрелка-радиста старшины Александра Журавлева, загорелся и упал в районе завода Войкова...

Этим эпизодом закончилась боевая стажировка нашего гостя. Ему было приказано вернуться на Дальний Восток, к своему месту службы. За три успешных боевых [230] вылета комбриг был награжден орденом Красного Знамени.

В штабе мы узнали, что капитан Василенко при возвращении потерял сознание. Неуправляемый самолет стал терять высоту, а затем беспорядочно падать. Штурман старший лейтенант Михаил Кизилов взял управление на себя и вывел машину в горизонтальный полет в двухстах метрах от воды. Василенко очнулся через четверть часа, снова взялся за штурвал, довел машину до аэродрома и благополучно посадил ее.

Сказалась усталость. Ветеран полка, отважный, умелый летчик не выходил из боев с сорок первого, совершил уже более ста вылетов...

* * *

Минные заграждения, выставленные нашим полком, резко понизили возможность перевозок через Керченский пролив. Противник вынужден был ежедневно тралить проходы для своих кораблей. По тральщикам наносили удары наши бомбардировщики и штурмовики.

Сложная минная обстановка заставила фашистов еще больше

усилить противовоздушную оборону этого района. Очередной вылет на минирование встретил ожесточенное сопротивление врага. В качестве миноносцев летели экипажи Осипова, Бесова, Минчугова, Козырина, Саликова, Андреева. Обеспечивал их действия майор Черниенко.

По возвращении штурман экипажа Андреева, капитан Степан Гудзь, рассказал:

— Как только снизились и направились в пролив, нас встретил лес прожекторов и массированный огонь зениток. Лететь к месту постановки мин пришлось беспрестанно маневрируя. Андреев резко бросал машину из стороны в сторону, уклоняясь от трасс «эрликонов» и лучей прожекторов. Никогда, еще так не встречали... Всю душу вытрясло, пока сбросил мину... [231]

В их самолете техники обнаружили более тридцати пробоин. С повреждениями вернулись и остальные машины. Все считали, что им повезло.

Накануне очередного вылета в эскадрилье состоялось партийное собрание.

— Экипажам приходится испытывать огромное напряжение, — сказал комэск. — Но как бы ни складывалась обстановка, летный состав успешно решает поставленные боевые задачи. Мы уже основательно заминировали Керченский пролив и, несмотря ни на какие трудности, должны продолжать это дело...

Выступающие поделились опытом подготовки к вылету, разобрали несколько примеров успешных тактических действий, вскрыли причины отдельных неудач. Особое место было уделено моральной и физической подготовке личного состава.

К очередному вылету экипажи до мелочей продумали свои действия на каждом этапе, а технический состав сделал все от него зависящее, чтобы матчасть работала безотказно.

* * *

Незамеченными прорваться в пролив не удалось и на этот раз. Но, несмотря на сложнейшую обстановку, все экипажи сбросили мины в заданных местах.

Тщательно проанализировав опыт последних вылетов, командование полка сделало вывод о необходимости выделения большего количества бомбардировщиков для отвлекающих ударов.

Минирование Керченского пролива с воздуха значительно облегчило действия наших наземных войск. На минах, выставленных полком, подорвалось несколько десантных

кораблей. Противник был морально подавлен. По данным разведки, имели место случаи отказа гитлеровских моряков от рейсов из Крыма на Таманский полуостров. [232]

Торпедоносцы

Весной 1943 года враг широко использовал плавсредства для перевозки войск и техники из Румынии в Крым и на Таманский полуостров.

Боевые действия 5-го гвардейского авиаполка, с начала года нацеленные на поддержку войск 47-й, а затем 18-й армии, в марте были перенесены на коммуникации Черного моря. Вновь к месту было вспомнить название — «минно-торпедный», но уже во второй его части.

В прошлом торпедоносцы действовали, как правило, способом «свободной охоты». Это не всегда давало эффект, так как конвои противника старались совершать рейсы в ночное время, а отдельные корабли ходили ломаными курсами, то и дело меняли маршруты, что затрудняло их поиск. Вновь сформированный на Черноморском флоте 30-й разведывательный авиаполк быстро набирал темпы боевой работы, и мы все чаще вылетали на удары по его данным. Однако «свободной охоты» это отнюдь не исключало.

Если опросить морских летчиков — участников войны, какой вид боевых действий они считали самым сложным и опасным, то ответ будет один — торпедная атака.

Мне много раз приходилось участвовать в бомбоударах по войскам и технике противника в местах сосредоточения и на переходах, бомбить переправы, аэродромы, железнодорожные узлы, корабли в портах, ставить мины на фарватерах, вести воздушную разведку...

Но каждый торпедный удар памятен на всю жизнь.

Торпедоносец уходит от своих берегов на сотни и сотни километров, в продолжение многочасовой «охоты» под его крылом только вода. Но вот — цель! Летчик снижается до двадцати — тридцати метров и направляет свою машину в самый центр вражеского конвоя, на окруженный боевыми кораблями огромный транспорт. Навстречу — буря огня, водяные столбы, пулеметные трассы, [233] разрывы... Секунды нечеловеческого напряжения, сближение с вооруженной до зубов целью на самолете, не имеющем броневой защиты, почти лишенном возможности маневрировать на предельно малой высоте...

Обнаружить цель — только часть дела. Для успеха атаки необходимы точные данные: курс корабля, скорость движения, расстояние до него, поправки на метеорологические условия... И это еще не все. Под огнем противника надо лечь на боевой курс, сбросить торпеду под определенным углом к поверхности воды,

учесть ее инерцию при малейшем изменении курса самолета...

И все — за секунды. Успех решает внезапность удара! Высочайшая точность, моментальность расчетов...

Многое требовалось от экипажа торпедоносца: выдержка, мужество, мгновенная оценка обстановки, сообразительность, глазомер, искусный пилотаж... И самое главное — слаженность. Слаженность, доведенная до автоматизма! Когда весь экипаж — как один организм.

* * *

10 марта в паре с экипажем командира звена Алексея Трошина вылетали на «свободную охоту» к дальним коммуникациям противника. Многочасовой поиск не принес результата. Кораблей противника встретить не удалось, пришлось возвращаться домой с торпедами.

На другой день, действуя отдельным экипажем, производили поиск плавсредств у берегов Крыма.

Осмотрев западные коммуникации и не обнаружив целей, решили пройти вдоль южного берега. Плавсредств и там не оказалось. Ни в коем случае не желая и на этот раз возвращаться ни с чем, решили заглянуть в Ялту.

Снижаюсь до тридцати метров и вдоль берега, от Ливадии, направляю самолет к порту. С суши бьют «эрликоны». Трассы проходят то впереди, то сзади машины. Маневрирую. Открывается акватория порта. Прямо по курсу — баржа у причала. [234]

— Приготовиться к торпедной атаке! — командую штурману.

Небольшой доворот...

— Сброс!

Чувствую легкий рывок машины — торпеда оторвалась. Резко отворачиваю вправо от стены огня, поднявшейся со стороны города и порта.

— Пошла! — докладывают стрелки.

Обогнув порт, оборачиваюсь. На месте, где стояла баржа, — огромный клуб дыма...

— Как результат? — уточняю у стрелков и штурмана.

— Точно врезали! — отвечают все в один голос.

— Не велика добыча, — охлаждаю их неумеренный восторг.

Впрочем, и сам доволен. Добыча добычей, однако атака-то удалась...

Докладывать о результате полета пришлось в присутствии начальника штаба ВВС Черноморского флота генерал-майора авиации Павла Павловича Квадэ, который как раз прилетел на аэродром. Генерал подробно расспросил об атаке,

порекомендовал изучить глубины моря на подходах к портам: не дойдя до причала, торпеда может зарыться в грунт. Разговор велся непринужденно, Павел Павлович любил откровенность, умел сразу расположить к себе собеседника шуткой.

Через день вместе с Беликовым вновь вылетели на «свободную охоту». Несмотря на дождь и низкую облачность, на малых высотах, временами почти задевая крылом волну, достигли района поиска. Сначала осмотрели предполагаемые маршруты вражеских конвоев на переходе из Констанцы в Севастополь. Затем — западное и южное побережье Крыма. Заглянули в порты Евпатория, Ялта, Феодосия, но подходящих целей для торпедного удара не обнаружили. Шесть часов напряженного [235] полета, тысяча семьсот километров в сложных метеорологических условиях...

Раздосадованные неудачей, возвратились на аэродром.

Но настоящая неудача постигла не нас.

14 марта два самолета — ведущий капитан Бесов, ведомый старший лейтенант Трошин — вылетели на поиск плавсредств противника в отдаленном районе моря. С Трошиным летел проверяющий — заместитель начальника штаба полка капитан Мартышкин. Маршрут не был пройден из-за сильной болтанки и наступления темноты. Частые обходы грозовых зарядов усложняли расчеты. На обратном пути штурман капитан Кравченко вывел пару в район Туапсе, где неожиданно появившиеся машины были приняты за самолеты противника и обстреляны нашими зенитками. Кравченко, в свою очередь, не сумел опознать город, на который вышел, — принял Туапсе за Поти и развернулся на девяносто градусов влево с надеждой взять курс на свой аэродром. На самом же деле полетели в сторону Новороссийска. В конце концов опознали Геленджик. Горючее было на исходе. Приняли решение садиться на неосвещенную и неподготовленную площадку геленджикского аэродрома.

Бесов хорошо знал этот район, уже не раз совершал здесь вынужденные посадки. Он приземлился благополучно. Трошин зашел с недолетом, преждевременно потерял высоту, исправляя ошибку, развернулся вправо и врезался в деревья...

Погибли старшие лейтенанты Алексей Петрович Трошин и Василий Васильевич Коршунов, капитан Алексей Андреевич Мартышкин. Стрелки отделались ранениями.

* * *

Хороший летчик был Трошин. Скромный, внешне ничем не приметный, он прибыл к нам осенью сорок второго и сразу вступил в бои. Так же незаметно стал одним из надежнейших

летчиков эскадрильи, командиром звена. [236] Вскоре при планировании любого ответственного задания в штабе полка почти непременно упоминалась фамилия Трошина.

До этого Алексей воевал в 116-м морском разведывательном авиаполку. О своих подвигах не рассказывал. Но разве возможно жить в тесной семье и оставаться для всех загадкой? Тем более что Алексея любили. А разной глубины и формы шрамы на его скромном лице безошибочно утверждали, что человек побывал в переделках. Притом не раз.

...Однажды при отходе от вражеского конвоя (который был аккуратно сфотографирован, несмотря на ожесточенный огонь зениток) на одиночный самолет-разведчик МБР-2 навалились два Ме-109. Первая очередь ударила по кабине командира. Острые осколки плексигласа брызнули в лицо, ослепили...

«Мессершмитты» заходили на повторную атаку.

— Не торопись, дай им приблизиться, — командовал Трошин стрелку-радисту. — Бей короткими, следи за трассой!

Спокойный голос командира вселил уверенность в растерявшегося необстрелянного парня.

Получив отпор, «мессеры» отвалили. Когда снова пошли в атаку, одна из очередей стрелка достигла цели. Ведущий «мессершмитт» задымил и сорвался в штопор. Второй развернулся и исчез. От появившейся справа по курсу другой пары вражеских истребителей удалось скрыться в спасительные облака...

— Как, командир, — с тревогой спросил штурман на подходе к аэродрому, — сможешь посадить машину?

И тотчас услышал спокойный голос:

— Идем на посадку.

В память об этом бое на лице Алексея остались многочисленные мелкие рубцы. Происхождение глубокого шрама на правой щеке мне так и не удалось выяснить. Но прошлой осенью, в октябре, всем стал известен случай, [237] в который едва ли кто бы поверил, если бы не произошел он тут же, в нашем полку. Над перевалом Санчаро под самолетом Трошина зависли бомбы, причем со взрывателей свернулись вертушки. Посадка в таких обстоятельствах — верная гибель. Командир посоветовал своим стрелкам попробовать вывернуть взрыватели с бомб, зависших на внешней подвеске. Стрелки Смоленский и Фадеев пробили ломиком дыры в створках бомболюков и сделали невозможное — обезвредили бомбы в воздухе...

Отличный был экипаж!

И вот погиб командир. Погиб и его верный друг — штурман Василий Коршунов, ветеран полка, участник всех его славных

сражений...

* * *

Ночью прошел обильный дождь, аэродром развезло. Даже колеса командирской «эмки» оставили на взлетной полосе глубокие колеи. А с узкой бетонки взлетать нельзя из-за сильного бокового ветра.

Мы с Димой Бабием — дежурная пара торпедоносцев. Первым выруливает на старт Дима. Тяжело нагруженная машина, неуклюже перевалившись с крыла на крыло, застывает на расквашенной полосе. Все свободные техники, механики, мотористы выстраиваются у капониров, затаив дыхание, устремляют взгляд на сигнальный флажок...

Разбег длинен — вязкая земля долго не отпускает машину. Наконец Дима взлетает.

Взлетаю и я.

Круто развернувшись над аэродромом, соединяемся в пару. Курс — к румынскому побережью, в надежде на то, что там погода лучше.

Долгий полет над бескрайним бушующим морем. У побережья снижаемся до двухсот метров. Море, и правда, здесь гораздо спокойнее — два-три балла. Идем [238] в видимости противника, просматривая прибрежные коммуникации.

Плавсредств нет.

Возвращаемся на большой высоте, чтобы избежать болтанки, изматывающей экипаж. В штаб полка едем молча: сказывается усталость. Да и настроение не ахти. Прибавили к своим летным биографиям по одному боевому вылету, а толку?

— Не надоели тебе пустые полеты? — первым нарушает молчание Дима.

— А что делать?

Бабий с минуту молчит.

— Севастопольские бухты... — мечтательно произносит, решившись.

Только теперь понимаю, что думал об этом и сам.

— Там горы, Дима, — напоминаю. Будто возможно о них забыть. Где там успеть набрать высоту после низкой торпедной атаки?

— Посоветуемся с комэском, Дима...

Чумичев понял нас с полуслова. С сомнением покачал головой. Но тоже, похоже, не первый день думал об этом.

— Посоветуюсь с командиром полка, — решил в свою очередь. — Пока изучайте карты, ищите подходы. Может быть, что и выйдет... Кстати, Минаков, не пора ли вашему экипажу

овладеть эрэсами?

Почему — кстати?

— Мы готовы. Зачеты по теории сданы, можно приступить к практическим пускам.

— А знаете, для чего это нужно?

— Бить фашистов! — Что еще скажешь.

— В общем правильно, — согласился комэск. — А в частности — для обеспечения тех же торпедных атак. Эрэсами будем подавлять огонь зениток и топить корабли охранения. Завтра с утра седлайте самолет, оборудованный подвесками под реактивные снаряды. Разрешаю [239] сделать тренировочный полет. После четырех холостых заходов произведете практический пуск двух снарядов по щиту...

* * *

Перед тем как забраться в кабину, обвожу взглядом полированные головки нового грозного оружия: «Не подведите». Снаряды с одушевленной уверенностью смотрят с крыльевых реек: «За нас не волнуйся, сработаем, если пошлешь в цель».

В воздухе удивляюсь спокойной деловитости штурмана: обретает парень свой почерк.

— Правый разворот, курс сто восемьдесят, удаление...

С шестисот метров ввожу самолет в крутое планирование, прицеливаюсь, произвожу имитацию пуска. Выполнив четыре тренировочных захода, делаю разворот на боевой.

Внизу по-весеннему синее море, кабину заливает яркий солнечный свет. Лишь отдельные белые облачка млеют у горизонта. Но любоваться долгожданной весной некогда: я на боевом курсе. Новое оружие нацеливается и выпускается самим летчиком.

— Цель уверенно держится в перекрестии, — сообщаю штурману для самоконтроля.

— Порядок! — подтверждает Володя.

Нажимаю на кнопку. Самолет вздрагивает, словно с разбегу наткнулся на невидимое препятствие. Слева возникает огненная стрела, за ней — хвост... Впечатление такое, будто самолет остановился и мимо него пронеслась комета. Мгновение — и она уже неразличима...

Ищу разрыв. Недолет! Вспоминаю: в последний момент щит пополз вверх от перекрестия прицела. Остановить движение руки не успел, понадеялся — сойдет. Нет, тут обмануть можно только себя, точность — как при стрельбе из винтовки.

Захожу еще раз, мобилизую все свое терпение.

Снаряд рвется у самого щита. [240]

— Это уже кое-что, командир! — констатирует Володя.

Да, снайпером сразу не станешь.

— Будем считать, начало есть, — подытожил комэск, выслушав мой подробный доклад. — В свободное время продолжайте тренироваться, пока не отработаете все элементы до автоматизма.

26 марта с утра заступили на дежурство две пары низких торпедоносцев — экипажи Саликова и Лобанова, Бабия и мой. Ведущий группы — Саликов. Пятнадцатиминутная готовность. Взлетать по сигналу с самолета-разведчика — он с раннего утра обшаривает морские коммуникации.

Флагманский штурман группы капитан Аглотков уточнил детали возможного вылета, убедился в подготовленности экипажей.

Отличный штурман Федор Николаевич Аглотков. И обаятельный человек. Неизменно спокойный, скромный. Под стать своему командиру. В который уж раз мне приходится удивляться подобному сходству — в экипажах, воюющих с первых дней. Вот и эти...

Не раз приходилось им вместе смотреть в глаза смерти. Прилетали с заданий на сплошном «решете», на одном моторе... Как-то в сорок втором Николай Александрович Саликов чудом дотянул до своего аэродрома и тем самым спас жизнь истекающему кровью штурману...

Приказание на вылет поступило только в полдень. Танкер в охранении четырех сторожевых катеров и двух самолетов обнаружен на траверзе Евпатории.

Впереди длительный полет. Чтобы прежде времени не утомить себя пилотированием машин в плотном строю, немного растянулись. Впереди Саликов с Лобановым, метрах в ста от них — наша пара. В машине тишина: каждый думает о предстоящем бое. Приказываю стрелкам проверить пулеметы; в ответ — четкий звук коротких очередей. [241]

— Внимательно следите за воздухом! Патрулирующие самолеты могут встретить нас на подходе.

— Есть, командир!

Крымский берег обходим вне видимости.

— По расчету, пролетаем траверз Херсонесского маяка, — докладывает Володя.

— Усилить наблюдение за морем и воздухом!

Ведущий продолжает идти тем же курсом. Решил зайти с запада? Постепенно понимаю: опытный и хладнокровный Аглотков строит маршрут так, чтобы не проскочить мимо цели, преждевременно выдав себя.

— Траверз озера Донузлав, — голос штурмана. И тут же: — Справа вражеские корабли!

Вся группа, развернувшись, со стороны берега понеслась в атаку. Четверка шла почти фронтом. Со сторожевых катеров и танкера открыли яростный огонь автоматы и крупнокалиберные пулеметы. Танкер проворно стал разворачиваться носом к нам. Первая торпеда вошла в воду на дистанции тысяча двести, последняя — в шестистах метрах от цели. С противозенитным маневром выходим из зоны огня. Атаки двух самолетов «Гамбург-140» отбиваем дружным огнем пулеметов.

Но результата нет.

Танкер успел сманеврировать, и торпеды, сброшенные с больших дистанций, не смогли поразить узкую цель. Может быть, стоило атаковать судно с обоих бортов? Впрочем, ведь все равно бы оно развернулось. Да и «гамбурги» помешали бы перестроиться...

Весь обратный путь прошел в раздумьях о причинах досадной неудачи. Четыре самолета, заранее разведанная цель...

Подполковник Канарев произвел тщательный разбор наших действий со всем летным составом полка. Главный вывод: необходимо своевременно реагировать на изменения тактики противника. В частности — на сопровождение конвоев самолетами... [242]

На следующий день мы с Димой заступили на дежурство с другой парой: Федоров — Алексеев. Опять ждали данных от самолета-разведчика.

Штурманом к Бабию вместо заболевшего Лебедева был назначен старший сержант Иван Локтюхин. Молодой, но испытанный воздушный боец из экипажа Жесткова.

Перед обедом на стоянку прибыл командир бригады полковник Токарев в сопровождении подполковника Канарева.

— Кто из штурманов дежурит сегодня? — спросил комбриг у капитана Федорова, приняв его рапорт.

— Младшие лейтенанты Малышкин, Кондрашов и старшие сержанты Локтюхин, Ерастов.

Нетрудно было догадаться, что полковнику мало что сказали эти фамилии. Однако непроницаемое лицо его оставалось спокойным.

— Постройте дежурные экипажи!

Оглядев строй, комбриг отдал приказ:

— У мыса Лукул воздушной разведкой обнаружено два транспорта водоизмещением по три тысячи тонн. Идут в охранении двух тральщиков, четырех сторожевых катеров и двух самолетов «Гамбург-140». Курс конвоя двести семьдесят градусов,

скорость десять-двенадцать узлов. Приказываю потопить транспорты. Паре торпедоносцев, ведомой капитаном Федоровым, атаковать транспорты с правого борта, паре старшего лейтенанта Бабия — с левого. Вылет по готовности. По самолетам!

Летный состав бегом устремился к машинам.

— Локтюхин, Ерастов!

— Есть!

— С торпедометанием справитесь? Не подведете гвардейцев?

— Оправдаем ваше доверие, товарищ полковник! — в один голос ответили молодые штурманы. [243]

— Желаю удачи! Торпеды сбрасывайте с малой дистанции!

В воздухе я раздумывал над тем, что заставило комбрига самому ставить нам боевую задачу. Важная цель? Или это следствие вчерашней неудачи?

Погода была безоблачной, видимость хорошая. Летели на высоте две тысячи. Это позволяло обнаружить конвой на максимальном удалении и своевременно снизиться для захода в атаку.

— Если корабли идут прежним курсом, то зайдем как раз со стороны солнца, — дополняет мои соображения Ерастов.

Да, кажется, все складывается в нашу пользу. Лишь бы не прозевать цель. Как правило, первым замечает корабли летчик: из его кабины шире обзор.

Так и получилось. Вот они! Транспорты шли на запад кильватерным строем, вокруг них по эллипсу растянулись шесть кораблей охранения.

Ведущий нашей пары Бабий заметил цель одновременно со мной. Подал сигнал «Атака». Развернулся, начал резко снижаться. Убрав обороты моторов до минимума, я устремился за ним.

Первая пара пошла вправо, в обход конвоя для атаки со стороны берега.

Противник не замечал нас. Корабли не меняли курс, транспорты не маневрировали. Мы с Бабием заходили на цель со стороны солнца, метрах в двухстах друг от друга.

Высота тридцать метров, все внимание на прицеливание. Слева по курсу — сторожевой катер. Заметил нас, когда поравнялись с ним. Огонь из крупнокалиберных пулеметов. Мы неслись прямо на головной транспорт, над самой водой. Поток пулеметных трасс устремился вдогонку. Небольшие довороты, необходимые для прицеливания, вывели нашу машину из-под огня. Но уже начали стрелять и с транспортов... [244]

Первым с дистанции пятьсот метров сбросил торпеду Локтюхин. За ним — мы...

Самолет «вспухает», торпеда оторвалась. Из атаки выхожу влево, по носу транспорта...

Облегченный самолет становится маневренней. Бросаюсь из стороны в сторону, прижимаюсь к гребням волн. Время от времени маневрирую и по вертикали. Сверху наседают «хейнкель» и «Гамбург-140». Стрелки отбиваются пулеметным огнем...

— Взрыв, командир! Попали! — радостный крик Панова.

Не сразу соображаю — кто попал, во что? Поворачиваю голову — носовая часть транспорта окутана клубами дыма.

— Володя, ты?..

Штурман пытается зафиксировать результат удара. Над тонущим транспортом столб черного дыма. Стрелки продолжают отстреливаться от летящего чуть не вплотную «хейнкеля». Смолкает крупнокалиберный пулемет...

— Панов! Коля! Жив?

— Заело, командир... Обрыв гильзы...

Ободренный вражеский летчик уверенно приближается к нам. Секунды делятся на считанные доли. Рву штурвал на себя, командую Жуковцу — стрелять из люкового ШКАСа. Накрениваю самолет так, чтобы стрелок мог видеть цель...

Секунды... минуты...

Торжествующий рокот крупнокалиберного пулемета.

— Задержка устранена, командир! — это Панов.

«Хейнкель» отваливает от борта. За ним тянется хвост дыма. Отстает. Врезается в воду. Взрыв...

Наших не видно. Возвращаемся на аэродром в одиночку.

— Как удалось устранить задержку, Николай? [245]

— Трос лебедки приспособил. Крючком зацепил обрывок гильзы, крикнул Саше, чтобы крутнул лебедку...

— А ты как успел, Жуковец? Сам же стрелял в это время из ШКАСа!

— Пока вы кренились, командир...

— Молодцы, ребята! Ювелирная работа!

Обычно такая неисправность устранялась лишь на земле.

— А ты, Володя? Влепил, что ли, в транспорт?

— Взрывом ему оторвало нос!

— А что со вторым?

— Взрыва не было...

На аэродроме все экипажи доложили, что атаковали головной транспорт. Чья торпеда попала? Общая победа...

Пару Федорова при выходе на цель атаковал «гамбург». Помешал нанести удар по второму транспорту, и они перенацелились на головной.

Майор Чумичев горячо поздравил меня с двумя

знаменательными в моей жизни событиями: потоплением транспорта и сотым боевым вылетом. А стрелков — со сбитым вражеским самолетом.

Подполковник Канарев распорядился всем четырем экипажам выдать двойную норму водки.

— Минакову в связи с сотым вылетом разрешаю тройную. Как имениннику!

— Жертвую в общий котел, — отшутился я.

Вечер получился веселый. Отмечать сотый вылет стало уже традицией. А тут еще транспорт...

* * *

На следующий день — дежурство в том же составе.

Над аэродромом гудели моторы: шли тренировочные полеты экипажей, прибывших в полк в конце февраля и в марте. Летчики прибыли из разных мест: из полка, вооруженного МБР-2, из запасного, из училища... В небе [246] их сразу можно было отличить от опытных боевых летчиков, которые буквально писали свой замысел полета.

Вскоре поступили данные воздушной разведки: обнаружены транспорты противника в Евпаторийском заливе. Через пятнадцать минут мы были в воздухе. Группу вел Бабий, я летел справа, слева шли Федоров и Алексеев. Погода была облачной, над морем висела жидкая дымка. Пилотирование в этих условиях несложно, но поиск кораблей затруднен.

Выйдя в указанный район, дважды пересекли залив. Тщетно. В чем дело? Ошибочно приняты данные разведчика? Или корабли ушли из района поиска?

Группа легла на обратный курс. От траверза Херсонесского маяка решили пройти вдоль южного берега Крыма. Возможно, на прибрежных коммуникациях обнаружим что-то.

У мыса Сарыч заметили четыре самоходные баржи. Они шли в кильватерной колонне, одна за другой. Ведущий стал круто снижаться. Я на какой-то миг задержался, Бабий был уже метров на двести ниже. Чтобы не отстать, резко отдал штурвал. Но что такое? Справа от кабины какой-то фонтан...

Бросаю взгляд на крыло и обмираю: от резкого перевода машины в пикирование из бензобака вырвало пробку. Из открытой горловины толстой струей хлещет бензин. Сейчас он попадет на выхлопные патрубки, и самолет превратится в факел...

Начинаю плавно выводить машину из пикирования. Фонтан уменьшается, пропадает. Под небольшим углом продолжаю снижение, сближаясь с кораблями противника. Бабий уже устремился на замыкающую баржу. За ним иду в атаку и я. Вторая

пара атакует третью баржу.

Противник открывает бешеный огонь. Навстречу тянутся прерывистые трассы «эрликонов», вспухают серые клубки. Мы маневрируем, но, кажется, все пространство [247] заполнено огненными мячами. К «эрликонам» присоединяются пулеметы, на правой плоскости нашей машины появляются рваные дыры...

От самолета Бабия отрывается торпеда. Пролетев метров двести в воздухе, входит в воду...

Небольшой доворот, команда штурмана:

— Так держать!

Чувствую момент отделения торпеды от самолета.

— Пошла!

С усилием беру штурвал на себя и одновременно ввожу машину в разворот. Все время помню об открытом баке. Несемся вверх. За нами тянутся дымные шнуры, огненные трассы. Перекладываю рули, со скольжением иду вниз. Сделав несколько энергичных разворотов, выхожу из зоны огня. Увеличиваю обороты, пристраиваюсь к ведущему.

— Как результат?

— Похоже, не попали, — удрученно отвечает Володя.

— В чем дело?

— Видел, что торпеды пошли в цель, а взрыва почему-то не было. Возможно, углубление велико, прошли под баржей...

Конечно, в такую посудину трудно попасть торпедой. Мелкосидящие плавсредства нужно топить реактивными снарядами или бомбами. И все же... Знали ведь заранее, что за цель. Поставить минимальное углубление. Сблизиться на предельно малую дистанцию...

Не было взрывов торпед и второй нашей пары.

На основании докладов экипажей и снимков крыльевых фотоаппаратов был подготовлен подробный разбор этого удара. Начальник минно-торпедной службы полка капитан Терехов на специально вычерченных схемах проанализировал весь ход наших атак. Да, действительно следовало до минимума сократить дистанцию. И углубление — Терехов предложил устанавливать метровое на [248] всех торпедах, исходя из возможности встречи с судами малого водоизмещения.

Командир полка согласился с ним и, сверх того, сделал вывод, что в случаях раннего обнаружения малых судов надо посылать вместе с торпедоносцами самолет ты обеспечения, вооруженные бомбами и реактивными снарядами. Они должны подавлять огонь зенитной артиллерии, сковывать маневр кораблей, а при возможности и топить их.

Образцовый удар

28 марта 1943 года экипаж Виктора Беликова выполнил полет в море на дальнюю воздушную разведку. В порту Одесса он обнаружил два транспорта, в бухтах Севастополя — семь транспортов, двенадцать барж, десять катеров и другие плавсредства. Такого сосредоточения транспортных судов здесь никогда еще не наблюдалось. Народный комиссар Военно-Морского Флота адмирал Кузнецов приказал разгромить сосредоточенные в Севастополе плавсредства противника. В то время из-за трудностей базирования нашей авиации достичь Севастополя могли только самолеты Ил-4. 5-му гвардейскому авиаполку и была поставлена эта ответственная задача. Содержание ее до определенного времени оставалось известным лишь командованию 63-й авиационной бригады и нашего полка.

Днем 29 марта в нашем городке на небольшой поляне рядом с нашим общежитием были собраны девятнадцать экипажей. Летчиков немало удивило, что должных мер секретности при постановке боевой задачи командование на этот раз почти не принимало. Командир бригады во всеуслышание объявил, что восемнадцати экипажам в составе двух девяток приказано 30 марта нанести бобмоудар по кораблям в порту Констанца. Запасная цель — плавсредства в Севастополе. Первую девятку [249] поведет он сам, вторую — подполковник Канарев. Определив состав групп, обратил внимание на то, что порты Констанца и Севастополь хорошо защищены, возможна встреча с истребителями противника и, чтобы выполнить задачу по-гвардейски, нам нужно тщательно подготовиться к вылету.

Закипела большая, ответственная работа.

Отлично действовали воздушные разведчики. Несколько раз вылетали в район предстоящего удара, тщательно фотографировали его. Снимки изучались до мельчайших подробностей. Что касается запасной цели — скопления кораблей в Севастополе, — то внимание штурманов было обращено на обнаруженные на берегу крупные склады боеприпасов: если зайти с суши, серия разрывов накроет и их.

Флагманский штурман бригады майор Николай Иванович Нестеров и исполнявший обязанности штурмана нашего полка майор Дуплий разработали навигационный план. Штурманы звеньев и экипажей сидели над картами, изучали маршрут, порядок подхода к цели, проверяли и уточняли расчеты. Стрелки-радисты, убедившись в исправности средств связи, вместе с воздушными стрелками пристреливали пулеметы, осматривали

ленты. Командиры вникали во все мелочи подготовки экипажей. Инженеры, техники и младшие авиаспециалисты с особой тщательностью готовили материальную часть. Инженер полка осмотрел каждую машину. Трудились все, трудились самоотверженно. Не уходили с аэродрома политработники. Майор Забежанский лично беседовал с каждым экипажем, разъяснял поставленную задачу, внимательно вникал в нужды воздушных бойцов.

Завершающим этапом подготовки явился розыгрыш полета. Было проверено в комплексе все: расхождение групп перед целью, выход каждого звена на свой объект удара, расчет точек прицеливания, противозенитный маневр при подходе к объекту и над ним. Детально разбирались [250] возможные варианты атак вражеских истребителей и защиты от них.

Вечером в эскадрильях состоялись открытые партийные собрания. Коммунисты заверили командование, что с честью выполнят боевой приказ, к этому призвали комсомольцев и беспартийных.

* * *

Ясное мартовское утро предвещало хороший день. Воздух чист, на небе ни облачка. Бомбардировщики с полкой бомбовой нагрузкой в готовности застыли у своих капониров. Одна за другой прибывают на аэродром автомашины с летным составом.

Прилетел разведчик. Последние данные: в порту Констанца и в бухтах Севастополя все без изменений.

И вот приказ: удар нанести по транспортам в Севастополе! Значит, вся подготовка к налету на Констанцу была проведена с целью дезинформации противника.

Сигнал. На старт выходит машина комбрига. Как по линейке, скользит по полосе, неуловимо срывается в воздух...

Нашу группу возглавляет Канарев. Быстро взлетаем, строимся в боевой порядок, плотной девяткой берем курс на запад. Синее небо, синяя гладь родного моря...

Заход на цель — самый ответственный момент полета. На земле было решено: группы заходят одновременно с разных сторон — это даст возможность нанести концентрированный удар и рассредоточить зенитный огонь противника.

Сигнал подтвердил: бомбить группами.

Мыс Фиолент — заданная точка для рассредоточения. Девятки расходятся в разные стороны. Высота небольшая, видимость прекрасная. Четко определяются цели: у пристани три транспорта, хорошо видны склады на берегу...

Точно определили момент сброса ведущие штурманы

Нестеров и Дуплий. На разных высотах, строго в назначенное [251] время пройдя над Южной бухтой, группы обрушили на фашистские транспорты около двухсот бомб. Прямые попадания были видны совершенно ясно. Дымом окуталась вся бухта...

Замысел оправдался. Фашисты не ожидали такого дерзкого дневного налета. Даже не успели поставить заградительный огонь и поднять в воздух истребители. Зенитчики опомнились только тогда, когда первые бомбы уже рвались в порту. Обе отбомбившиеся девятки без труда вышли из зоны огня и в том же сомкнутом строю ушли в море...

На разборе командир полка сказал:

— Бомбили, как на полигоне! Вот что значит тщательная подготовка удара. Трудно назвать имена отличившихся, все сработали отлично. Блестяще справились с задачей и наши молодые летчики Соловьев и Дурновцев...

Все экипажи вернулись на аэродром без потерь в личном составе и без особых повреждений матчасти.

Фотоснимки показали: в порту и у причалов — многочисленные взрывы. В южной части порта, где располагались склады боеприпасов, — сплошная туча черного дыма. На месте транспорта, стоявшего у причальной стенки, — огонь и дым. На станции взрывы накрыли эшелон с грузами...

Вечером московское радио передало: «Авиация Черноморского флота наносила удары по транспортам и десантным средствам противника в районе Севастополя. В результате ряда атак были потоплены и повреждены три транспорта, две десантные баржи и много малых судов».

Удар по кораблям в Севастополе 30 марта 1943 года вошел в историю полка как показательный и долго служил образцовым примером при выполнении подобных заданий.

Не удивительно, что раздосадованные фашисты решили [252] нам отомстить. В ту же ночь полк был разбужен глухими взрывами, неистовым хлопаньем зениток.

Быстро одевшись, мы выскочили во двор.

Все небо над городом и аэродромом было увешано «люстрами», как называли мы светящие бомбы на парашютах. Хоть газету читай! Всегда прерывистый звук моторов немецких бомбардировщиков сливался в сплошной гул. Слышался нарастающий свист бомб. В лучах прожекторов метались два «юнкерса», вокруг них густо мерцали звездочки разрывов...

В несколько прыжков мы оказались на дне высохшего ручья. Вздрагивала земля, сверху сыпались осколки зенитных снарядов...

Постепенно все стало стихать. Гасли «люстры», перестали грохотать бомбы. Зенитки стреляли вслед уходящим

«юнкерсам»...

Утром узнали, что ночной налет фашистов большого ущерба полку не нанес. Потерь в личном составе не было ни в городке, ни на аэродроме, матчасть пострадала незначительно.

Немедленно около штаба и жилых корпусов были отрыты глубокие щели.

На дальних коммуникациях

В то же утро 31 марта нам зачитали телеграмму командующего Черноморским флотом. От имени военного совета вице-адмирал Октябрьский благодарил за мощный бомбоудар по вражеским судам и ставил нас в пример всем соединениям, частям и кораблям флота.

День начался как обычно. Четверка торпедоносцев заступила на дежурство. Пятнадцатиминутная готовность к вылету. Ведущий группы — замкомэск Бесов, ведомые — Беликов, Федоров, я. В десять часов поступило приказание — уничтожить транспорт противника. Конвой обнаружен воздушным разведчиком в районе Евпаторийского [253] залива. Транспорт прикрывается двумя миноносцами, двумя быстроходными десантными баржами и сторожевым кораблем, а с воздуха — двумя «Дорнье-24». По составу охранения можно предполагать, что на транспорте весьма важный груз.

Группа в воздухе. Бесов и его штурман капитан Кравченко повели нас через восточную часть моря. Пройдя траверз Керченского пролива, ведущий неожиданно повернул вправо на тридцать градусов.

— Что это значит? — спрашиваю Володю.

— Сам не пойму...

— С земли нашей группе что-нибудь передавали, Панов?

— Нет, командир.

Выскочили к Алуште. Группа летела вдоль берега на виду у противника. Что заставило Бесова принять такое решение?

Вдруг пара Беликова круто отвернула в сторону моря и быстро скрылась за горизонтом. Вторая неожиданность! Виктор Беликов, прославленный летчик, дисциплинированный, отважный боец...

Наша пара продолжала полет под наведенными стволами зениток. Очевидно, Бесов решил осмотреть прибрежные коммуникации. После прохода Херсонесского маяка вздохнули с облегчением: на некоторое время оторвались от берега, занятого врагом.

По времени должны были выйти в район цели. Усилили наблюдение. Вскоре я увидел справа на горизонте корабли противника. Ведущий тоже обнаружил конвой, стал разворачиваться в его сторону. Снизившись до тридцати метров, пара понеслась на цель. Транспорт с нашей стороны прикрывали два миноносца, с противоположного борта — две быстроходные десантные баржи. Направление явно невыгодное. Но ведущий

решил атаковать с ходу. Нас заметили издали, открыли ураганный огонь. Бесов пытался маневрировать, но выйти из [254] зоны огня не удалось. Плотность его все усиливалась. Подключились зенитные автоматы и крупнокалиберные пулеметы. Сверху наседали два До-24, поливая наши машины огнем из пулеметов. Воздушные стрелки вели ответный огонь. Ведущий сбросил торпеду с дистанции шестьсот метров. Следом — и мы.

Резкими маневрами по вертикали и горизонту выходим из зоны действительного огня. «Дорнье» не отстают, но атакуют уже с опаской, с больших дистанций.

— Мимо! Торпеды прошли по носу транспорта, — докладывает Панов.

— Успел развернуться на нас, — — с досадой добавляет Ерастов.

Снова та же ошибка!

Приближаюсь к самолету Бесова. Поведение его непонятно: то резко набирает высоту, то снижается. Запрашиваю, в чем дело.

— Что-то случилось с рулями... — отвечает Панову его радист.

Иду рядом. Вижу, что он с трудом справляется с управлением. «Дорнье» отвернули, мы вышли в открытое море...

На земле выяснилось, что на машине Бесова перебит трос триммера. Были и другие повреждения. На нашем самолете техник насчитал более двух десятков пробоин.

Вскоре приземлился самолет Федорова. Беликов не вернулся.

— После ухода из района Алушты наша пара направилась к мысу Тарханкут, — рассказал Федоров. — Обойдя его морем, прошли до Ак-Мечети. Не обнаружив там плавсредств, Беликов решил лететь через сушу к Евпатории. Выскочили в море между мысом Лукул и Евпаторией и сразу обнаружили конвой. С ходу, со стороны берега атаковали. Но корабли открыли такой огонь...

От прямого попадания в бензобак правого крыла факелом вспыхнул самолет Беликова. Сделав горку, перескочил [255] через быстроходную баржу, сбросил торпеду, а затем сам устремился горящей стрелой на транспорт...

Так погибли наши боевые друзья, верные сыны Родины — командир звена капитан Виктор Николаевич Беликов, штурман капитан Василий Пантелеймонович Овсянников, стрелок-радист младший сержант Григорий Никифорович Зыгуля, воздушный стрелок старший сержант Григорий Павлович Северин...

Потрясенные печальной вестью, мы еще находились на аэродроме, когда прибыл командир полка. Выслушав наши доклады, приказал собраться у крайнего капонира при въезде на

аэродром: сейчас должен подъехать командующий ВВС флота генерал Василий Васильевич Ермаченков.

— Будьте готовы доложить ему обо всем.

Через несколько минут показалась «эмка». На переднем сиденье Ермаченков, на заднем — генерал Петр Николаевич Лемешко, прибывший на стажировку с Тихоокеанского флота.

— Подробности могут доложить экипажи, участвовавшие в этом вылете, — закончил Канарев свой доклад командующему.

Генерал подошел к нам. Расспросив обо всем, сказал: — Нужно проверить, достиг ли горящий самолет цели...

За ужином я спросил Кравченко, почему они с Бесовым повернули к Алуште.

— Решили осмотреть и южный берег Крыма.

— А в результате их служба воздушного наблюдения заранее оповестила корабли!

— Хотели как лучше... Две атаки...

Да, две атаки, а результат...

На следующий день по тревоге поднялись в воздух четыре торпедоносца и два бомбардировщика. Вылетели по данным разведки, которую вел на дальних коммуникациях экипаж Бесова: на обратном маршруте он обнаружил [256] в районе Гурзуфа плавсредства противника, сбросил по ним шесть бомб.

Радиограмма разведчика на земле была расшифрована так: обнаружены два транспорта в охранении барж.

Группу торпедоносцев повел Лобанов. С ним Литвяков, Бабий, я. Бомбардировщики — Дурновцев и Соловьев.

Полет над морем прошел благополучно, не считая встречи с До-24. Увидев нашу группу, он быстро развернулся в сторону крымского берега и со снижением скрылся за горизонтом.

В виду горы Аю-Даг обнаружили цель. Транспортов в конвое не оказалось! Две быстроходные баржи шли в сторону Феодосии, таща на буксире еще одну. Охранение — два сторожевых катера. Лобанов принял решение: торпедоносцам не атаковать. Бомбардировщики сделали по два захода, сбрасывая каждый по пяти «соток». Бомбы рвались недалеко от барж, но прямых попаданий не было.

Возвращались в недоумении: неужели такой опытный штурман, как Кравченко, мог ошибиться в определении состава конвоя? Кто-то пошутил:

— Да сегодня же первое апреля!

Оказалось, радист в штабе напутал.

Вечером состоялся разбор обоих вылетов. Гвардейцы почтили память героически погибшего экипажа минутой молчания.

* * *

На Черноморском флоте широко применялось взаимодействие авиации с подводными лодками. Смысл его заключался в следующем. Подводные лодки заранее занимали позиции вдоль коммуникаций противника. Самолеты непрерывно вели поиск на этих путях. В последние десять минут каждого часа лодки подвсплывали для прослушивания эфира, и авиаторы передавали им данные [257] о месте, составе и элементах движения обнаруженных вражеских кораблей.

Бывало и наоборот — подводники вызывали авиацию для удара. Такая необходимость возникала обычно при встрече с крупным конвоем противника, когда после торпедной атаки подлодки результат не бывал достигнут, а дальнейшее преследование становилось бессмысленным или невозможным.

Особенно часто приходилось вылетать в северо-западную часть Черного моря, на дальние коммуникации у румынского и болгарского побережий. Именно там, в районах интенсивного движения вражеских кораблей и судов, наше взаимодействие с подводным флотом оказывалось необходимым и давало наибольший эффект.

В апреле, с улучшением погодных условий, такие полеты значительно участились. Почти ежедневно один или два экипажа полка производили поиск в районе дальних коммуникаций. Особенно отличался в разведке экипаж Лобанова. Когда не было возможности вывести на удар подлодки, данные передавались на аэродром.

* * *

10 апреля комэск Минчугов повел четыре самолета на удар по танкеру, обнаруженному воздушным разведчиком на переходе Констанца — Евпатория. Экипажи двух торпедоносцев и двух бомбардировщиков вышли на цель в западной части моря. Танкер водоизмещением в пятьсот тонн шел в охранении трех сторожевых катеров. Бомбардировщики Жестков и Андреев первыми нанесли удар. Бомбы разорвались с небольшим недолетом. Следом зашли в атаку торпедоносцы Минчугова и Соловьева. Танкер отчаянно маневрировал, катера вели интенсивный огонь. Торпеды были сброшены с дистанции пятьсот — шестьсот метров. Танкер сумел уклониться от них.

— Злость охватила меня! — рассказывал по возвращении штурман Иван Локтюхин. — У нас еще оставалось [258] пять бомб. А танкер, маневрируя, потерял скорость. Для бомбометания — находка! На высоте тысяча триста вышли на удар. Командир у меня — во, железо! Держит курс, как по

рельсам. Рассчитываю упреждение, снос... Рассказ продолжил сам «командир-железо» — лейтенант Жестков:

— Смотрю, Иван прилип к плексигласу, распластался, как бабочка на стекле... Даже пожалел его — малая цель, скорей всего, бомбы пошли мимо. Вдруг как закричит: «Попали! Прямо в танкер, командир!» Я как раз выполнял противозенитный маневр. Накренил машину, смотрю — точно, фугаска разорвалась в носовой части танкера! И сразу вспыхнул пожар. Должно быть, везли горючку...

Следующий день, 11 апреля, был в полку праздничным. На аэродром прибыл командующий Черноморским флотом вице-адмирал Октябрьский, его сопровождали генерал Ермаченков и полковник Токарев. Один из пустых капониров был забит людьми до отказа, непоместившиеся стояли снаружи у входа.

Из-за стола, сплошь уставленного заветными красными коробочками, поднялся командующий флотом.

— Товарищи гвардейцы, воины отважной флотской авиации! Сегодня на мою долю выпала честь вручить вам заслуженные награды...

Затем был зачитан приказ. Орденом Красного Знамени награждался полковник Токарев, майоры Минчугов, Буданов, капитан Покревский. Подполковник Канарев — орденом Отечественной войны I степени. Ордена Красного Знамени и Отечественной войны I степени были вручены капитану Андриенко...

Один за другим летчики подходили к столу и, приняв награду, взволнованно произносили: «Служу Советскому Союзу!»

Получая второй орден Красного Знамени, капитан Бесов от имени летчиков полка заверил командование [259] в том, что гвардейцы будут и впредь наращивать удары по ненавистному врагу, совершенствовать боевое мастерство, сражаться так, чтобы каждый день приближал победу...

Прославленный, отважный летчик! Двести восемьдесят один боевой вылет, из них сто пятьдесят — ночных. Сколько бомб он обрушил на головы фашистов, сколько раз бесстрашно глядел в глаза смерти...

Вслед за Бесовым со словами благодарности выступили штурман старший лейтенант Шильченко и инженер-капитан Новак.

Филипп Сергеевич Октябрьский поздравил награжденных, пожелал всему личному составу полка дальнейших боевых успехов.

— Работаете вы, товарищи, хорошо. Руководят вами такие видные командиры, как Токарев, Канарев. Но, смотрите, не

зазнавайтесь. Враг еще не разбит и готовится к новым боям. Поэтому больше бдительности. Изучайте тактику врага. Повседневно повышайте боевую выучку. У нас неплохие машины. Материальную часть вы обязаны знать образцово. Предстоят, товарищи, серьезные бои. Ваши удары по противнику должны быть крепкими. Бейте врага по-севастопольски![2]

Проникновенные слова видного военачальника, организатора и руководителя героической обороны Севастополя глубоко запали в душу каждого воздушного бойца.

* * *

Постоянной задачей полка оставалась помощь крымским партизанам. Во второй половине апреля, почти ежедневно, направлявшиеся в дальние рейсы экипажи попутно сбрасывали им продукты, оружие, боеприпасы. Народные мстители тепло благодарили нас за помощь в их героической борьбе с фашистскими оккупантами.

Регулярное обследование дальних коммуникаций [260] противника ложилось тяжелой нагрузкой на плечи летного состава полка. Но что поделаешь, для этой цели были пригодны исключительно самолеты Ил-4: их тактический радиус позволял достигать побережья Румынии и Болгарии и в течение двух-трех часов вести там поиск кораблей противника. Сначала к ведению дальней разведки привлекались лишь наиболее опытные экипажи. Однако потери, понесенные за последнее время полком, вынуждали командование втягивать в эту работу и новичков. На первых порах некоторые из них по недостатку опыта испытывали затруднение в опознавании типов вражеских кораблей. Это, в свою очередь, приводило к ошибкам при определении состава ударных групп и их назначения.

17 апреля экипаж Киценко (это был его второй боевой вылет в нашем полку) передал, что обнаружил в удаленном районе моря конвой в составе транспорта, баржи и четырех сторожевых катеров. На удар по тревоге вылетело пять самолетов: три бомбардировщика и два торпедоносца. Группу вел майор Минчугов, с ним в тройке бомбардировщиков летели Жестков и Алексеев. Торпедоносцы — Андреев и Литвяков.

Издали заметив корабли, Минчугов с ходу повел на них группу бомбардировщиков. Замысел был ясен: расстроить систему зенитного огня противника, отвлечь на себя его внимание. Андреев и Литвяков тут же ринулись вниз. Каково же было разочарование, когда они увидели, что в составе конвоя нет транспорта. Две быстроходные десантные баржи и четыре сторожевых катера. Значит, разведчик ошибся. Ничего не

поделаешь, решили попытать счастья в атаке на верткие баржи.

С кораблей открыли сильный огонь из зенитных автоматов и пулеметов. Но рядом с баржами уже рвались бомбы. Тридцать соток буквально огородили их столбами воды. Казалось, что там не могло остаться ничего живого... [261]

Осели фонтаны. Баржи, как ни в чем не бывало, продолжали маневрировать. Весь огонь конвоя сосредоточился на торпедоносцах. Андреев и Литвяков отважно неслись на сближение. Торпеды сбросили с четырехсот метров. Однако обе баржи остались невредимыми.

Перескочив через них в сплошном частоколе огня, самолеты с маневром покинули район цели. Литвяков резко уменьшил скорость и шел с набором высоты. Затем стал снижаться. Скорость упала до минимальной...

— В чем дело? — запросил Андреев.

— Повреждения... — поступил ответ.

Самолет неумолимо терял высоту. Четыреста метров, триста...

— Держись, Саша, тяни к своему берегу, — повторял ни на метр не отстававший Андреев.

Но до берега оставалось еще два часа лету.

Андреев неотлучно кружил над аварийной машиной. Сквозь плексиглас было видно, как отчаянно боролся Литвяков за высоту. Вскоре стало ясно: вынужденной посадки на воду не миновать. Пятьдесят метров, двадцать... Самолет фюзеляжем коснулся воды. Проглиссировав немного, остановился. Через минуту море поглотило его. На поверхности остались четыре человека. Они плавали на спасательных поясах: почему-то не смогли выбросить шлюпку...

Андреев моментально передал по флоту радиограмму: «Аварийная посадка самолета, экипаж на воде...» Затем приказал своему экипажу сбросить терпящим бедствие средства спасения. Снизившись, выбросили резиновую шлюпку, четыре спасательных пояса, снятых с себя, бортовой паек, бочонок воды. Сделали над местом аварии несколько кругов. Видели, как один из потерпевших плыл к шлюпке. Больше задерживаться было нельзя: горючего оставалось только до аэродрома. Сделав последний, прощальный круг, взяли курс на восток... [262]

По радиограмме Андреева были немедленно посланы из Геленджика две летающие лодки МБР-2. Из нашего полка на поиск вылетел экипаж Приходько. Самолеты встретились в районе катастрофы. Но сколько ни осматривали море, кроме больших масляных пятен от потонувшей машины, ничего на воде не обнаружили.

Еще одна запись в журнале полка: «С боевого задания не вернулись...»

С Сашей Литвяковым мы вместе воевали в 36-м полку. Смелый, самоотверженный летчик. Не раз отличался в дерзких ударах по скоплениям вражеских войск, не раз возвращался на искалеченной, чудом доковылявшей до аэродрома машине...

На этот раз надежды на возвращение не оставалось.

Вместе со старшиной Александром Георгиевичем Литвяковым навечно выбыли из строя полка штурман лейтенант Вадим Мирославович Миллеров, стрелок-радист старший сержант Петр Сергеевич Карелин, воздушный стрелок младший сержант Иван Лукич Пятуха.

* * *

В конце второй декады апреля полк посетил народный комиссар Военно-Морского Флота СССР Николай Герасимович Кузнецов.

Наш экипаж находился в готовности к вылету с торпедой, когда на аэродроме появились две «эмки». Нарком сразу направился к стоянке, за ним поспешили сопровождающие. Я доложил адмиралу о готовности к вылету.

— Сколько времени требуется экипажу на вылет после получения сигнала? По каким данным вылетают экипажи на задания? Какими группами наносится торпедный удар? Выделяются ли самолеты для обеспечения действий торпедоносцев?

Я едва успевал отвечать.

Нарком внимательно выслушал все ответы, обернулся к полковнику Токареву. [263]

— В мае запланировано перегнать с заводов еще партию машин. Необходимо активизировать удары авиации по кораблям противника в море и базах, а также увеличить количество минных постановок на его коммуникациях.

Затем спросил у подполковника Канарева, какими средствами прикрывается аэродром, были ли налеты противника. И в заключение попросил передать гвардейцам пожелание новых боевых успехов.

Проучить пиратов!

На Кавказском побережье весна была в полном разгаре. Синее чистое небо, спокойное море, зелень, цветы...

В эти апрельские дни в полк поступила новость: к нам на пополнение прибывают девять экипажей с Тихоокеанского флота. Вместе с этой вестью пришла другая: группа наших ветеранов отбудет на Дальний Восток. Предстояло расстаться с нашим комэском Федором Михайловичем Чумичевым, замкомэсками Федором Дмитриевичем Козыриным, Михаилом Андреевичем Бесовым, командиром звена Иваном Никитовичем Василенко. Прославленные воздушные бойцы должны передать тихоокеанцам свой богатый боевой опыт.

Трудно представить полк без этих надежнейших командиров, способных водить на любые задания большие группы экипажей, вселять в них уверенность в непременном успехе...

Уезжали и штурманы звеньев Николай Федорович Андриенко, Михаил Михайлович Шильченко, Николай Сидорович Крыхтин и воздушные стрелки Петр Федорович Болонкин, Владимир Сергеевич Ганич, Павел Петрович Ещенко.

Суровая необходимость войны.

Прибывающие в полк новички с первого дня рвались [264] в бой, но гвардейский порядок оставался железным: прежде чем подняться в воздух с боевым вооружением, необходимо пройти всю программу ввода новых экипажей в строй.

Тем временем ветераны продолжали дальние полеты на разведку плавсредств, наведение подлодок на обнаруженные цели.

Активизировалось противодействие врага. Фашистские истребители с аэродрома Анапа нередко перехватывали группы бомбардировщиков и штурмовиков, направлявшихся на Тамань и в Крым. Одновременно из прифронтового порта Анапа усилились набеги катеров на наши корабли и катера, действовавшие на коммуникации Сочи — Туапсе — Геленджик.

— Надо проучить пиратов! — сказал подполковник Канарев при постановке задачи большой группе бомбардировщиков.

Около пятисот бомб различных калибров и типов предстояло обрушить на аэродром и порт в Анапе. Взлет назначался на вторую половину ночи, удар — перед рассветом.

Экипажи тщательно изучили цели по фотоснимкам, выбрали наиболее благоприятные боевые курсы с учетом расположения зенитных средств противника.

На стоянках мелькали тени. Люди торопились закончить

последние приготовления...

Первым ушел в небо разведчик погоды. Он принес добрую весть: видимость хорошая. С двухминутным интервалом стали взлетать бомбардировщики: Саликов, Лобанов, Чумичев, Андреев, Бесов, Бабий, Осипов. Поднял в воздух свою машину я. За мной Минчугов...

В небе темнота. Приходится полагаться на «глаза» приборов. Пока что обычный ночной полет. А что ждет впереди?

— Через двадцать минут цель, — определил Владимир. [265]

Но уже через десять впереди показалось зарево. А затем и белые лучи прожекторов, оранжевые трассы. Наши передовые экипажи обрабатывали порт и аэродром.

По команде штурмана уменьшаю обороты, снижаюсь до заданной высоты. На цель заходим со стороны моря. Ерастов озабочен боковой наводкой самолета.

Уже просматривается береговая черта. Очередная серия бомб с летящего впереди самолета четко обозначает порт. Враг разгадал направление атак, поставил огневой заслон. Один из прожекторов лизнул нашу машину, но проскочил дальше.

Ночное небо расписано пунктирами автоматов. Зловеще мерцают зеленоватые звезды разрывов...

— Сбросил!

Штурман лег на пол кабины, стараясь разглядеть, где разорвутся бомбы. И как раз в этот момент самолет потонул в ослепительном свете...

Изо всех сил стараюсь сохранить режим полета. С каждой секундой в машину упирается все больше лучей.

— Зенитки пристрелялись, — предупреждает Панов. — Ведут прицельный огонь!

— Снаряды рвутся рядом! — Жуковец.

В прежнем режиме лететь — смерть. Делаю несколько отворотов вслепую. Каким-то чутьем удается уйти в сторону моря.

Всё, спасены!

— Штурман, как результат?

Володя отвечает не сразу. Еще не верит, что вырвались из огненных клещей.

— Видел разрывы на пирсе, у стоянки катеров... Ну и картина, командир! Жив буду — после войны напишу. Где только взять таких красок....

Володя — художник. Правда, пока что больше в душе. Где их тут и буквально взять — красок. [266]

— И на аэродроме пожары, — дополняет «картину» Жуковец. — Дали прикурить пиратам!

Курс — домой. Ветер усиливается, похоже, скоро заштормит.

Звезды уже потускнели, летим навстречу занимающейся заре. Трудно поверить, из какой огненной круговерти удалось вырваться всего полчаса назад...

* * *

Вечером налет повторили. Экипажи Саликова, Андреева и Осипова наносили удар по аэродрому, Бабия, Бесова и мой — по плавсредствам в порту.

Под самолет Андреева были подвешены три РРАБ-3. Объемистые, эллипсоидной формы ротативно-рассеивающие авиабомбы создавали дополнительное лобовое сопротивление и влияли на устойчивость машины в полете. Но были незаменимым оружием для поражения целей на большой площади. Каждое из этих устройств заключало в себе тридцать восьмикилограммовых осколочных бомб. При сбросе РРАБ-3 вращалась в воздухе, раскрывалась под действием центробежных нагрузок и рассеивала свою начинку на значительном радиусе.

В фюзеляжи всех остальных самолетов погружено по четыре мешка с продуктами и оружием для крымских партизан.

Сначала курс в Крым, к горе Чатыр-Даг. Погода благоприятствует точному выходу в нужный район и обнаружению сигнальных костров. Один за другим вываливаются мешки из люков. Как огромные хлопья снега, неторопливо спускаются на парашютах во тьму...

Затем над морем направляемся к цели. При подходе к Анапе издали замечаем три очага пожара — работа Андреева. По небу шарят прожектора.

Решаю зайти на цель с ходу. С высоты трех тысяч на приглушенных моторах планирую к причалу. Там уже рвутся бомбы. Одну из наших машин схватили голубые мечи. Вокруг сверкают разрывы.

— Прицельно бьют гады! — сквозь зубы цедит Панов. [267]

— Внимательнее следите за воздухом, ребята! Полагаю, истребители не станут ждать, когда их разбомбят на аэродроме.

По курсу — кнуты «эрликонов». Достигнув верхней точки, цветные шары взрываются, рассыпаясь огненными брызгами...

— Горизонт!

Значит, лететь под огнем еще сорок — пятьдесят секунд. Выдержка, выдержка...

— Бомбы пошли!

Резко кладу самолет на крыло, отворот в море.

— Рвутся у причала! — звонко докладывает Жуковец.

— Наши? Хорошо видел цель, штурман?

— Спасибо, пожары подсветили! А вообще недурно и нам бы

вывешивать фонарики...

— Поделимся идеей с начальством.

— Идея не новая, командир. Правда, напомнить нелишне...

На аэродроме меня ждала радость: Миша Беляков бережно вручил мне письмо. Из Минеральных Вод, от Тамары, моей невесты! Первая весть от нее с тех пор, как в город вошли оккупанты...

Уединившись в землянке, нетерпеливо оборвал кромку самодельного конверта. Милый ученический почерк, наивно скуповатые от застенчивости слова... Работает на заводе, все подруги охвачены единым стремлением помочь фронту... желают боевых успехов доблестным воинам...

И только в конце: «Я знаю, на фронте идет тяжелая война с лютым врагом. Но, если будет возможность, приезжай. Буду рада. Жду...»

Будет рада! Ждет!

Снаружи давно уж гудела машина, проголодавшиеся ребята не понимали, куда пропал командир. Извините, друзья, милые, дорогие, меня... меня там жду-у-ут!.. [268]

В тот день узнали о подвиге прославленного на флоте летчика-истребителя Константина Алексеева.

В ночь на 20 апреля фашисты решили заминировать с воздуха Геленджикскую бухту, чтобы затруднить морякам перевозки оружия, техники и живой силы на Малую землю, где героически сражался наш десант. Одиночные самолеты противника под покровом ночи просачивались к бухте. Дул сильный ветер «бора», истребителям действовать было почти невозможно.

Командир полка «яков», базировавшегося по соседству, Герой Советского Союза Константин Степанович Алексеев решил вылететь сам.

Рискуя попасть под огонь своих же зениток, он неожиданно атаковал схваченный лучами прожекторов «хейнкель» и быстро расправился с ним. Затем продолжал барражировать над бухтой. Вскоре сбил второй вражеский самолет-миноносец, а за ним и третий. Замысел фашистов был сорван.

Костю Алексеева я знал хорошо. Простой, скромный парень. Вместе со своими товарищами он часто сопровождал нас на удары по Тамани. Издали узнавая его самолет, бомбардировщики радостно восклицали: «Костя!» Раз Костя с нами, значит, можно надеяться: «мессеры» не пройдут...

На следующий день вечером налет на Анапу был повторен. Семь экипажей наносили удар по порту, восьмой — капитана Козырина — по аэродрому, для отвлечения внимания противника. Дневная воздушная разведка вновь обнаружила у

причалов торпедные катера, хотя их и стало гораздо меньше.

Опытнейшему экипажу Евгения Лобанова было поручено осветить порт светящими авиабомбами. «Фонари» послужат и средством целеуказания для ударной группы. Сверх того, Лобанов должен был сбросить несколько манекенов-»парашютистов» — имитация десанта для дезориентации противника. [269]

В составе нашей, основной, группы летел Михаил Иванович Буркин, инспектор ВВС флота. Он был мне знаком еще по совместной службе на Тихом океане. С тех пор успел стать одним из известнейших флотских летчиков. Командуя звеном бомбардировщиков, был грозой немцев при обороне Севастополя, заслужил орден Ленина.

Пролетая около Новороссийска, мы наблюдали напряженную артиллерийскую перестрелку. Бои здесь не прекращались ни днем ни ночью. Враг изо всех сил старался сбросить наш героический десант в море. Мужественные моряки и пехотинцы стояли насмерть...

Еще до подхода к цели увидели результат работы Лобанова: «люстры» висели как раз над портом. К ним тянулись трассы «эрликонов», по небу метались лучи прожекторов. Вскоре в их перекрестие попали двое «парашютистов». Огонь автоматов перенесся на них...

Бомбардировщики зашли на порт с разных направлений. Удар был стремительным и метким. Бомбы рвались на стоянке кораблей у причалов и на пирсе. Сразу возникло несколько очагов пожара. Запоздалый беспорядочный огонь вражеских зениток никакого ущерба атакующим самолетам не нанес.

Во второй половине следующего дня наш экипаж был срочно направлен на разведку погоды в район Керченского пролива. Метеоданные необходимы для принятия решения на очередной ночной удар по порту Анапа.

Передав сводку и попутно произведя поиск плавсредств у побережья, мы уже под вечер легли на обратный курс. Проходя траверз Туапсе, обнаружили подводную лодку: она находилась в надводном положении. Спускавшееся к закату солнце резко выделяло ее на воде...

— Фашистская? — усомнился Володя.

— О своих предупреждения не было. Стреляй!

Штурман припал к носовому пулемету, я перешел на [270] планирование. Лодка, стоявшая к нам бортом, стала вдруг быстро уменьшаться, хоть мы и шли прямо к ней. Вскоре и палуба и надстройка исчезли под водой. Пулеметная очередь Володи запоздало прострочила полоску бурлящей воды...

— Эх, бомб не было!

— А что бы ты сделал? Ведь погрузилась раньше, чем мы оказались над ней. Если бы противолодочные...

Надо отдать справедливость: экипаж фашистской субмарины оказался расторопным и слаженным.

— Радиограмму передал, Николай?

— Разумеется, командир!

На земле от начальника штаба узнали: в указанный нами район послан самолет с глубинными бомбами. Если лодка находилась в надводном положении из-за неисправности, она вновь всплывет...

Ночью экипажи Саликова, Осипова, Бесова, Лобанова и Чумичева бомбили плавсредства в Анапе. Противодействие зениток не помешало успешно выполнить задачу. Более двухсот бомб различного калибра было сброшено на цель. У восточного мола и в центре порта возникло три пожара.

В рубашке родился

Поиск плавсредств противника в отдаленных южном и северном секторах Черного моря с целью наведения на них подводных лодок продолжался непрерывно. Утром вылетали два самолета, после обеда их сменяли два других.

Как-то в третьей декаде апреля мы должны были принять эстафету на коммуникации от Сулины до пролива Босфор. Многочасовой полет над морем навстречу шквалистому ветру, сквозь нескончаемую пелену облачности, проливные дожди. Для экономии горючего шли на высоте семь тысяч. Высотный полет сопряжен с рядом [271] сложностей. Особенно трудоемким делом становится наблюдение. Когда тело спеленуто привязными ремнями, шлемофон плотно прижимает к шее ларинги, а кислородная маска обхватывает нос, рот, подбородок, для расширения обзора приходится использовать маневренность самолета.

Вообще разведка дальних коммуникаций предъявляла высокие требования к экипажу. Задания приходилось выполнять, как правило, в одиночку. Экипаж должен обладать развитым тактическим мышлением, уметь самостоятельно преодолевать противовоздушную оборону врага, сноровисто работать с фотооборудованием, хорошо знать вероятные цели и точно определять их координаты и элементы движения в морском пространстве. Все делать точно и в кратчайший срок — от этого зависит успех последующих действий ударной группы.

Три часа под крылом пустынное море. Затем более часа — поиск. И вот — успех! Транспорт в охранении четырех сторожевых катеров идет курсом на Бургас. Быстро радируем нашим подводным лодкам о конвое противника...

Поиск продолжается. Не раз меняем курс и высоту полета. Трижды встречаемся с истребителями противника и успеваем уйти от них в море...

Восемь часов полета над водным пространством, более двух тысяч километров позади.

Только на земле по-настоящему почувствовали усталость. Длительное напряжение внимания, нервная нагрузка, отсутствие физических движений...

Но — не зря. Цель отыскали, задание выполнили.

* * *

29 апреля экипаж Скробова обнаружил в бухтах Севастополя три транспорта, девять сухогрузных барж, двадцать катеров.

После дешифрирования фотоснимков было принято решение: нанести бомбоудар по двум транспортам в Южной бухте. На другой день утром девятка [272] бомбардировщиков во главе с Осиповым взмыла в воздух.

Экипажи Лобанова и мой заступили в пятнадцатиминутную готовность к вылету на торпедный удар. У нашей «пятерки» заменялись моторы, предстояло лететь на чужой машине.

Накануне я уже вылетал на ней. По возвращении дал указание технику выверить точность бензомеров. При полетах на полный радиус приходится возвращаться буквально на последних литрах бензина; неточность в показаниях приборов может привести к роковым последствиям — ведь летаем над морем.

Техник доложил, что бензомеры проверены. Само собой — и о готовности машины вообще.

Расположившись в разных позах на брезентовых чехлах под крылом самолета, мы лениво перебрасывались словами, вспоминали мирное время, кто чем занят был вот в такие весенние дни в последний год перед войной. Здесь, на Кавказе, уже почти наступило лето, было жарко, солнце слепило глаза...

— Дежурные экипажи, к командиру эскадрильи! — послышался голос неутомимого капитана Матяша.

Воспоминания как рукой сняло. Бежим со штурманом в эскадрильский домик, неподалеку от нашей стоянки.

— По данным воздушной разведки, — чеканит майор Чумичев, — сегодня в тринадцать часов тридцать пять минут из Севастополя вышел транспорт в сопровождении четырех быстроходных барж и трех тральщиков. Направляется на Констанцу. Дежурной паре самолетов-торпедоносцев — потопить транспорт! Вопросы есть?

— Все ясно!

— По самолетам! Вылет немедленный.

Взлетаем. С ходу пристраиваюсь к машине Лобанова, ложимся на курс. После жары на земле с удовольствием ощущаю прохладную свежесть. Телу возвращается [273] бодрость, движениям — легкость и быстрота. Машина чутко послушна рулям, ровно гудят моторы...

И вдруг — перебой в левом. Еще перебой...

— Командир, слышишь? — с беспокойством оборачивается Володя.

Перебои становятся все чаще, длительней. Изменяю режим. Не хочется возвращаться, такая цель...

Но мотор продолжает барахлить. Ничего не поделаешь, докладываю ведущему. Лобанов разрешает выйти из строя и вернуться на аэродром.

На обратном пути мотор продолжает капризничать, возникает опасение, как бы не заглох совсем. В этом случае пришлось бы сбросить в море дорогостоящую торпеду. Да и после разгрузки пилотирование самолета на одном моторе над морем представляет порядочный риск.

И вдруг мотор заработал ровно. Ровно и сильно, будто с ним ничего не случалось!

— Как нарочно! Перед посадкой... Что будем делать, командир?

— Будем садиться, Володя. На земле разберемся.

Когда были выпущены шасси и закрылки и оставались считанные минуты до земли, поступил доклад Панова:

— Наша кабина наполнилась дымом!

Быстро окидываю взглядом моторы, крылья. Огня нигде не видно.

— Скоро приземлимся, потерпите!

— Нечем дышать! — поступает приглушенный кашлем ответ.

Но машина уже коснулась земли. Энергично торможу. В конце короткого, сокращенного чуть не вдвое пробега раздается взрыв. Самолет встряхивает, левого крыла как не бывало. Пламя на капоте, на фюзеляже, бензин горит и вокруг на земле...

Моментально выключаю моторы. Открываю кабину. [274]

Вижу, как Володя через астролюк спрыгивает с пятиметровой высоты. Закрыв лицо полой реглана, вываливаюсь на центроплан, перекатываюсь через огонь, падаю на землю. Вскакиваю, выбегаю из огненного кольца, бушующего вокруг самолета. Подбегают Панов и Жуковец, перчатками сбивают пламя с моей одежды...

Потом все трое бежим обратно к самолету. Метрах в десяти от него находим лежащего на земле Володю.

— Что с тобой?

— Ноги... Должно быть, сломал...

От стоянки к нам спешат люди. Приказав Панову и Жуковцу оттащить штурмана в сторону, бросаюсь вместе с техниками к горящему самолету: надо сбросить торпеду и откатить ее, рядом капониры...

Первый подбежавший к машине техник дотянулся отверткой до механизма сброса, торпеда рухнула на землю. Несколько человек принялись откатывать ее. Вдруг крик:

— Торпеда работает!

Техники, мотористы, оружейники бросились врассыпную. К счастью, появился минер полка Терехов, успокоил:

— Ничего страшного!

Торпеду покатили к ближайшему капониру. Подоспевшие пожарники сбили пламя с самолета. Его трудно было узнать:

почерневший, с одним крылом...

Прибывший на аэродром командир полка, выслушав мой доклад, сказал коротко:

— В рубашке родился, Минаков!

Это мне было не вновь. Как и самому Канареву. Кто на войне остается жить, тот родился в рубашке. Только до коих пор...

Было расследование. Предполагалось замыкание электропроводки крыльевого бензобака. В предыдущем вылете нас интенсивно обстреляла зенитная артиллерия. Не исключено, что один из небольших осколков повредил электропроводку, и от встряски при выпуске шасси [275] и закрылков она замкнулась. Что касается перебоев мотора, то причина была установлена точно — неисправность магнето.

Счастье, что замыкание не произошло минутами раньше. Тогда бы гибели не избежать.

Володя отделался трещиной кости голени и разрывом голеностопных связок. Это вывело его из строя на полтора месяца.

Расставаться было грустно: с ним мы сделали вместе сорок пять боевых вылетов. После госпиталя ему предстояло направиться в другой полк...

Пока мы выступали...

На другой день, 1 мая, меня вызвал командир полка.

— Как себя чувствуете после вчерашнего?

— Нормально.

— Завтра в составе группы из пяти экипажей полетите за новыми машинами в Иркутск. Старший — капитан Саликов. Штурманом к вам назначаю капитана Кравченко.

— Есть!

В тот же день мы попрощались с отбывающими на Тихоокеанский флот Чумичевым, Бесовым, Козыриным, Василенко, Андриевским, Шильченко, Крыхтиным... Командиром нашей эскадрильи назначили капитана Осипова.

Утром 2 мая командир Ли-2 полковник Кошелев подал нам команду занимать места. Майкоп, Куйбышев, Челябинск, Новосибирск, Иркутск... Мы удивлялись неутомимости нашего пилота. На каждом аэродроме, едва успевали остановиться моторы, он кричал:

— Где бензозаправщик? Срочное задание...

На его кителе красовались два ордена Красного Знамени и знак «Открывателю воздушного пути Якутии». [276]

По слухам нам было известно, что еще в годы гражданской войны он отличился в боях против врангелевцев и иностранных интервентов в Крыму.

В Иркутске мы тепло распрощались с прославленным летчиком — он спешил на очередные перевозки...

К вечеру вернулся с завода Саликов.

— За самолетами очередь. Придется ждать.

Старинный русский город жил напряженнейшей трудовой жизнью. Самолеты и много другого вооружения посылали иркутяне защитникам Родины. Фронт и тыл сжались в могучий кулак, страна стала единым боевым лагерем, жила одной мыслью: «Все для победы!»

Нас, фронтовиков-орденоносцев, приглашали выступить перед рабочими разных заводов и фабрик. Мы, понятно, смущались: какие из нас ораторы... Но, оказалось, ораторами быть и не требуется. Достаточно было нам появиться в цехе, как беседа завязывалась сама собой. Нас буквально засыпали вопросами, и думать об агитаторском мастерстве становилось некогда. Да и некого было агитировать, дело зачастую оборачивалось так, что агитировали нас самих.

— Бейте фашистских гадов! А мы вас не подведем. Будем работать хоть вовсе не уходя из цеха...

Особенно интересно было с мальчишками-ремесленниками — в некоторых цехах они занимали едва ли не половину рабочих мест. Ребята застенчиво поджидали нас на выходе, спрашивали, как попасть на фронт, иногда прямо просили помочь. Пожалуй, только тут нам и приходилось мобилизовывать все агитаторские способности.

Но вот подошла наша очередь. Ровный ряд грозных «илов» выстроился на заводском аэродроме. Трудно было поверить, что они более чем наполовину созданы трудом женщин и этих подростков...

Из осторожности администрация настаивала, чтобы [277] машины перегнали на большой аэродром заводские летчики-испытатели, а уж оттуда взлетали мы.

Мы возмутились. Саликов отправился в дирекцию, чтобы рассказать, с каких аэродромов нам приходилось взлетать на фронте. Не знаю уж, какой агитаторский талант он там проявил, однако вопрос был решен в нашу пользу.

Проводить нас пришло много рабочих. Один за другим выруливаем, поднимаемся в воздух. Над аэродромом выстраиваемся, заходим пятеркой на прощальный круг. Проносимся на малой высоте, покачивая крыльями.

Нам приветливо машут руками снизу...

Перелет на Черное море прошел благополучно. Под крылом проплыли тайга, сибирские степи, седой Урал, Поволжье, Кубань, Кавказские горы. Пять с половиной тысяч километров позади, мы на своем аэродроме. Двадцать дней прошло с тех пор, как улетели.

И в первые же минуты после посадки — печальные вести. Погиб экипаж командира второй эскадрильи Дмитрия Михайловича Минчугова. Не возвратились с боевого задания экипажи Александра Зайцева, Аркадия Соловьева, Анатолия Шевченко.

Всего двадцать дней...

Постепенно узнавались подробности. То, что возможно было узнать.

* * *

К маю 1943 года для группировки противника на Тамани сложилась тяжелая обстановка. Немцы стали подтягивать войска. Морские перевозки производились в основном на быстроходных десантных баржах. Они обладали хорошим ходом и отличной маневренностью, были сильно вооружены зенитной артиллерией, пулеметами. С горизонтального полета бомбить их было трудно, они буквально вертелись на воде, уклоняясь от прицельных

ударов. [278]

14 мая шесть бомбардировщиков заступили на дежурство. Ведущим был назначен Минчугов со штурманом Будановым. Вскоре комэска вызвали в штаб полка. Возвратившись, он собрал экипажи.

— В районе мыса Меганом обнаружены плавсредства противника. Приказано нанести бомбоудар по трем быстроходным десантным баржам, которые следуют в сторону Феодосии в охранении пяти сторожевых катеров. Штурманом со мной полетит майор Бениваленский. Буданов — с заместителем командира полка майором Корниловым.

Корнилов и Бениваленский прибыли в прошлом месяце с Тихоокеанского флота. У обоих это был первый боевой вылет, чем и объяснялась замена.

Задание разработали так: на первом заходе с каждого самолета сбрасываются по две бомбы, пристрелочные, на втором — все остальные.

Корабли были обнаружены на траверзе Судака. Ведущий пошел на сближение сразу, без противозенитного маневра. Противник встретил его интенсивным огнем.

О дальнейшем Буданов рассказывал так:

— Сбросив две бомбы, я наблюдал, куда они упадут. Однако не упускал из виду ведущего. Перед ним вспыхивали разрывы. Трассы «эрликонов», пересекая друг друга, неслись прямо к машине. Мы шли в правом пеленге, почти рядом. Вдруг — взрыв страшной силы! Меня ослепило. Кабина вся разбита, изрешечена осколками... Очнувшись, я понял, что ранен в руку. Ранило и Корнилова. Машина Минчугова исчезла, строй распался. Я дал летчику курс на аэродром, и мы дотянули...

Из всех рассказов было ясно: один из вражеских снарядов попал в бомболюк ведущей машины, и она взорвалась на своих бомбах...

Так погиб один из отважнейших ветеранов полка, заслуженный боевой летчик флота, опытнейший командир и воспитатель воздушных бойцов майор Дмитрий Михайлович [279] Минчугов. Погибли штурман майор Александр Николаевич Бениваленский, начальник связи эскадрильи капитан Лев Антонович Покревский, воздушный стрелок сержант Алексей Дмитриевич Горбоконь.

Эскадрилью Дмитрий Михайлович принял в конце 1941 года. С тех пор под его руководством воспитались десятки умелых воинов, такие замечательные летчики, как Жестков, Василенко, Федоров, Андреев...

Трудно перечислить все подвиги, совершенные им лично и

группами под его командованием.

В октябре 1942 года экипаж Минчугова вместе с другими участвовал в обеспечении высадки воздушного десанта на аэродром Майкоп. В течение часа самолет находился над целью, отвлекая на себя огонь вражеских зениток. Бомбы, метко сброшенные Петром Будановым, уничтожили на аэродроме два самолета противника...

Майор Минчугов одним из первых в полку начал осваивать полеты на «свободную охоту» с торпедой. В конце ноября 1942 года звено низких торпедоносцев, выведенное им на цель, нанесло меткий удар по транспорту в порту Феодосия...

Боевые дела Дмитрия Михайловича Минчугова были высоко оценены командованием. Он был дважды награжден орденом Красного Знамени, ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

В тот же день, 14 мая, с боевого задания не возвратился экипаж в составе летчика младшего лейтенанта Аркадия Федоровича Соловьева, штурмана младшего лейтенанта Александра Григорьевича Кабяшина, воздушных стрелков старшего сержанта Петра Лаврентьевича Давыдкина и младшего сержанта Владимира Дмитриевича Сергачева.

Это был девятый боевой вылет молодого экипажа. Аркадий Соловьев с первых полетов зарекомендовал себя как храбрый и умелый боевой летчик. Его брали на самые ответственные задания, он с честью их выполнял. [280]

Экипаж старшего лейтенанта Зайцева не вернулся с задания еще раньше — 3 мая. Он вылетал на фотографирование удара бомбардировщиков по миноносцу в порту Констанца и, по всей вероятности, был сбит истребителями противника. Вместе с Александром Алексеевичем Зайцевым погибли штурман старший лейтенант Михаил Абрамович Зимин, воздушные стрелки старшие краснофлотцы Владимир Николаевич Гулик и Сергей Николаевич Курасов. Это был их седьмой боевой вылет в западную часть Черного моря. Экипаж всегда доставлял ценные разведданные, успешно наводил наши подводные лодки на вражеские конвои и корабли...

21 мая экипажу Анатолия Шевченко поставили задачу: произвести воздушную разведку морских коммуникаций у южного берега Крыма. Одновременно он должен был через каждые тридцать минут сообщать на землю сводку погоды. Первое сообщение поступило из района мыса Пицунда. Второе должно было последовать из района Лазаревской. Но прошел час, второй, третий... восьмой... Связи не было. Вероятно, самолет был сбит вражескими истребителями над Лазаревской: там, как стало

известно после, как раз завязался воздушный бой между «мессершмиттами» и «яками»...

По-разному складываются судьбы людей на войне. Один на протяжении лет ежедневно глядит в глаза смерти и остается неуязвимым. Другой погибает в первом бою. И тот и другой — доблестные сыны Родины и в равной мере достойны ее благодарности и признания.

Летчик старший лейтенант Анатолий Тимофеевич Шевченко, штурман лейтенант Павел Петрович Иванов, воздушные стрелки сержанты Алексей Кузьмич Рассихин и Николай Павлович Компанеец только начинали свой боевой путь. И начинали отлично. Первые их вылеты характеризовались самоотверженностью, высокой эффективностью ударов по врагу. Хорошие были ребята, веселые, [281] прямодушные. Быстро сдружились между собой, как-то сразу вошли в боевой коллектив эскадрильи...

* * *

Война не позволяет долго предаваться печали.

В те же дни, когда мы находились в командировке, в полк поступил приказ произвести минирование реки Дунай. Противник интенсивно использовал ее как внутреннюю водную коммуникацию для перевозки оружия, нефтепродуктов, различной техники. Узловым центром служил порт Сулина, здесь производилась перевалка с речного транспорта на морской.

20 мая пять экипажей нашего полка перелетели на аэродром подскока вблизи Геленджика. Здесь провели тщательную подготовку. Два самолета взяли по две мины, три — по одной мине и по четыре стокилограммовые фугасные бомбы. Бензобаки были заправлены под пробку. Тяжело нагруженные машины пилотировали Осипов, Бабий, Андреев, Бубликов, Корбузанов. Предстоял многочасовой ночной полет в глубокий тыл противника.

Пролетая над Румынией, экипажи были немало удивлены: города и села освещены, никакой маскировки. По-видимому, враг чувствовал себя здесь в полной безопасности.

Поставив мины на Дунае в районах Килии, Тульчи и Сулины, экипажи отбомбились по порту Сулина. Бомбоудар был нанесен для маскировки: минные заграждения эффективны лишь тогда, когда противник о них не подозревает. Обратный путь был осложнен метеорологическими условиями. Несмотря на то, что аэродром и подходы к нему были закрыты туманом, все самолеты приземлились благополучно.

Результат не заставил себя ждать. 26 мая в районе Килии

подорвался и затонул пароход «Измаил» водоизмещением тысяча триста тонн. 27-го в районе Тульчи та же участь постигла речные пароходы «Михаил Витемитцу» [282] и «Кароль», а 28-го отправился на дно лихтер «Крити» водоизмещением около полутора тысяч тонн.

Первые выполненные полком минные постановки на Дунае были высоко оценены командующим Черноморским флотом. Члены всех пяти экипажей удостоились правительственных наград.

Чуть позднее теми же экипажами были поставлены мины в Днепровско-Бугском лимане в районе Очакова и на реке Днепр у поселка Войсковое.

Напряженная минная обстановка резко сократила перевозки на этих речных коммуникациях. Противник вынужден был подтянуть тральщики для расчистки фарватеров и проводки судов.

Военный совет Черноморского флота поздравил воздушных минеров с успехом и поставил их в пример всему личному составу флота.

Такие были новости. Горькие и радостные. К сожалению, горьких на войне всегда больше...

Мы, в свою очередь, поделились с однополчанами впечатлениями от наших встреч в тылу. Рассказали, с какой самоотверженностью работают люди, как радуются каждой победе на фронте, с какой гордостью вручали нам грозные боевые машины, созданные их золотыми руками...

Опять — в рубашке...

Да, много ли времени прошло с тех пор, как прибыли мы к гвардейцам, а в полку уже сменилось чуть не две трети летного состава. Боевые потери, откомандирование опытнейших ветеранов на Тихоокеанский флот...

Новые имена, новые лица...

Многие из новичков уже успели отличиться в боях, другие только становятся в строй.

Поредела и наша восьмерка из тридцать шестого. [283]

Нет Артюкова, Беликова, Дулькина, Трошина, Литвякова... Те, что остались, чувствуют себя ветеранами.

2 июня. Дежурю в ожидании вылета на бомбоудар. Вроде бы привычное дело, но... Впервые мне предстоит лететь ведущим шести самолетов. Правда, штурмана дали опытного — Василия Кравченко. До этого он летал с Бесовым и много раз водил большие группы. Мы с ним почти сдружились за время иркутской командировки. Но одно дело — на земле, другое — в воздухе. У Бесова свой почерк, который не всем был понятен, в том числе и мне...

К середине дня грозовые облака, скатившись с гор, придвинулись вплотную к аэродрому. Мощной полосой прохлестал дождь. Как раз последовала команда на вылет. Задание — уничтожить две баржи противника, идущие в Румынию в охранении сторожевых катеров. На подготовку — считанные минуты. Кравченко развернул карту, коротко указал маршрут. Я согласился.

У мокрой взлетной полосы стоял командир эскадрильи капитан Осипов. Напутственно помахал рукой. Я взлетел первым. Подождал остальных над аэродромом. Шестерка в сборе. Справа от меня Ковтун, слева — Приходько. Затем звено Валерия Федорова из второй эскадрильи.

Летим над морем, набирая высоту. На двух с половиной тысячах команда штурмана:

— Горизонт!

Выравниваю машину, спрашиваю Кравченко, почему он выбрал именно этот эшелон полета.

— Посмотри направо. Вдоль берега на этой высоте до самого горизонта — облака. Пройдем в район Херсонесского маяка незамеченными.

Резонно. Бросаю взгляд вправо, влево. Ковтун и Приходько — как привязанные.

— Как звено Федорова? — спрашиваю стрелков.

— Идет на нормальном интервале. [284]

— Не забывайте: мы ведущие!

— Помним, — заверяет Панов.

Советуюсь со штурманом, с какой высоты будем бомбить.

— По обстановке... Через двадцать минут можно приступать к поиску.

Рассредоточив звенья, начинаем прочесывать море. Кравченко прильнул к носовому остеклению кабины.

— Вижу цель! Слева впереди два корабля в охранении трех сторожевых катеров. Будем бомбить с ходу!

Передаю целеуказание Федорову, приказываю наносить удар самостоятельно, звеном. По командам штурмана вывожу самолет на боевой курс.

Распахиваем створки бомболюка. Ковтун и Приходько повторяют все наши действия.

Кравченко прильнул к прицелу. Изредка дает небольшие довороты. Вражеские корабли держатся на курсе, надеются, что промахнемся. С них тянутся автоматные трассы...

— Сброс! — докладывает Кравченко.

— Ведомые бомбы сбросили! — вторит ему Панов.

Отворачиваю вправо, выводя звено из зоны обстрела.

— Цель накрыта! — кричит Жуковец.

— Фотографирую результат, — Панов.

Кравченко молчит, прильнув к плексигласу. В море — стена воды, дыма...

Вот уже видно: бомбы накрыли головной корабль, баржу.

— Федоров добавит, — сквозь зубы цедит Кравченко.

Среди кораблей — новая серия разрывов.

— Вот так! — вполголоса констатирует штурман. — Курс на аэродром — восемьдесят, командир.

Ишь ты, как просто! А у меня на душе — праздник.

— Панов, передай на землю: задание выполнено! [285]

Разворачиваюсь на обратный курс.

— «Гамбург»! — следует неожиданный доклад Жуковца.

Но Панов, мгновенно прервав передачу, уже успел оценить обстановку:

— Спешит спасать из воды фрицев! Ему сейчас не до нас...

— А ты как думаешь, штурман?

— Согласен с Пановым. Впрочем, снимки покажут...

Снимки показали: потоплен морской буксир, повреждены баржа и сторожевой катер.

Да, ничего не скажешь, отличный штурман Василий Кравченко! Теперь ясно, какую пару составляли они с Бесовым...

* * *

После почти месячного перерыва в полетах из-за командировки я попросил Осипова предоставить нашему экипажу возможность потренироваться в районе аэродрома. Выполнили бомбометание по щиту, торпедометание по подвижной цели, воздушную стрельбу. Я отработал упражнения в «слепой» кабине. Более часа вел машину по приборам. Нелегко столько времени находиться под шторкой, держать все стрелки на заданных делениях и верить только им. А чувства обманчивы. Поддашься иллюзиям — потеряешь пространственную ориентировку. Требуются большие усилия воли, чтобы подавить ложные ощущения.

— Тебе приходилось когда-нибудь ставить дымовую завесу? — спросил комэск.

— Приходилось. Давно, еще в мирное время...

— Потренируйся-ка заодно, возможно, скоро пригодится.

Чтобы возобновить навык, потребовался лишь один полет. Все искусство заключалось в точном выдерживании заданной высоты и недопущении разрывов между полосами дыма. [286]

Постоянным штурманом в наш экипаж был назначен мой старый сослуживец лейтенант Николай Прилуцкий. С ним мы не раз летали в тридцать шестом, вместе совершили и памятный перелет к гвардейцам. Николай в совершенстве знал штурманское дело, обладал выдержкой, мог своевременно подсказать летчику нужные действия в сложной обстановке. Высокий, плечистый здоровяк, неторопливый и обстоятельный в движениях, он умел целиком подчинить себя делу, сосредоточить внимание на главном. Был добр, общителен, любил шутку, не обижался на острое слово.

Разумеется, я был доволен.

Вскоре выяснилось: постановка дымовой завесы планировалась для прикрытия удара наших торпедных катеров по порту Анапа. Однако новое событие заставило отложить подготовку к выполнению этой задачи.

Одному из самолетов-разведчиков на обратном пути из глубокого тыла противника удалось с моря сфотографировать аэродром Анапа. Около семидесяти самолетов запечатлелось на снимках. Сведения первостепенной важности!

В тот же день было принято решение. Одиннадцать экипажей, в том числе и наш, должны были нанести массированный ночной бомбоудар по аэродрому.

Ночью каждый экипаж действует самостоятельно. Мы с Прилуцким решили зайти на цель со стороны гор, с востока. Тщательно разработали и рассчитали маршрут. Стало известно,

что для отвлечения внимания противника экипажем Лобанова вновь будет применена имитация выброски парашютистов.

Быстро темнело. Облака, наплывающие с моря, гасили последние краски заката, обволакивали аэродром. Самолеты один за другим выруливали на старт, разбегались, взмывали в небо.

Наша очередь. Все как всегда: контрольный осмотр самолета, доклад, запуск, выруливание, взлет. В небе [287] еще светло, однако плотная облачная мгла надолго берет в плен машину.

— А если и над побережьем не будет погоды? — -делюсь опасением со штурманом.

— Тогда зайдем с запада, со стороны лиманов. Если и там не выйдет, уйдем в море, пробьем облака и выйдем на цель на малой высоте.

Все предусмотрено, хорошо летать с таким штурманом.

В кабине становится совсем томно. Лишь от приборной доски струится голубоватый отсвет. Сейчас самое главное — точно выйти в район мыса Утриш.

— Вправо десять, — уверенно корректирует курс Прилуцкий.

Легкий качок, машина снова в горизонтальном полете. Внимательно слежу за приборами.

— Пересекаем береговую черту, скоро цель!

— Усилить наблюдение, — приказываю стрелкам.

Ночью в районе цели можно столкнуться даже и со своим самолетом. Ведь каждый сам выбирает курс и высоту.

Над Анапой мечутся прожектора, яростно бьют зенитки. По команде штурмана приглушаю моторы, планирую до заданной высоты. На вражеском аэродроме уже рвутся бомбы.

Вот и наши бомболюки открыты. Веду самолет строго по прямой. Трассы «эрликонов» частоколом преграждают путь. Нас не видят, но плотность огня такая, что опасность — как во время прицельного обстрела. Видимо, маневр с «десантниками» на этот раз не помог.

— Бомбы пошли!

Самые желанные слова в жизни! Бросаю самолет из стороны в сторону, взмываю вверх...

— Рвались на стоянке самолетов!

Это Панов. Вместе со мной радовался, что к нам в [288] экипаж назначили Прилуцкого. Может быть, видит то, что желает?

— А ты, Саша? Видел разрывы?

— Точно, командир! Куда надо влепили, — горячо подтверждает Жуковец.

В следующую ночь налет повторили. Из поступившей впоследствии разведсводки узнали: в результате двух

бомбоударов было уничтожено семнадцать самолетов противника. А сколько повреждено?..

* * *

Днем 12 июня меня вызвал командир полка.

— Особое задание. Вот здесь, — очертил на карте кружок между Джанкоем и Владиславовкой, — надо сбросить парашютиста. Предварительно для маскировки отбомбиться по железнодорожному узлу Джанкой.

Лететь я должен был на чужом самолете, который обслуживался техником Сезоненко.

За час до наступления темноты к стоянке подошла автомашина. Из нее вышли капитан Соломашенко и человек в форме вражеского фельдфебеля. Капитан объяснил, что это действительно пленный. Больше нам ничего знать не полагалось.

Взлетать предстояло в сторону строящейся бетонной полосы. Зарулив в самый конец аэродрома, поднимаю тяжело нагруженный самолет. На высоте пятьдесят метров, над морем, вдруг замечаю, что правый мотор заработал неровно. Штурвал заходил в руках, на приборной доске задрожали все стрелки. Бросаю взгляд на мотор: капот приподнят, сорвана головка верхнего цилиндра.

Авария...

Сбавляю обороты и выключаю поврежденный мотор. Разворачиваюсь обратно к аэродрому. Пытаюсь удержаться на высоте тридцать метров.

— Сбросить бомбы? — советуюсь с Прилуцким.

— Высота мала, можем на них подорваться...

Лихорадочно перебираю все возможности. Сесть на [289] воду? Но при ударе бомбы тоже могут взорваться. С огромными усилиями выхожу на прямую, тяну к аэродрому, едва не задевая за крыши домов. Закрылки не выпускаю: скорость и так упала до минимума, самолет начинает проваливаться. На границе аэродрома цепляюсь колесами за кусты. Земли все же касаюсь на повышенной скорости. Жму на тормоза, но толку мало. Машина стремительно приближается к недостроенной бетонной полосе, там кучи щебенки. Пытаюсь развернуться влево, колеса сползают на мягкий грунт, самолет замедляет бег, плавно становится на нос. Счастье, что не скапотировал! Из перегретого мотора вырывается пламя. Вижу, как из верхнего люка выпрыгивает Прилуцкий, бежит прочь. Пытаюсь сдвинуть колпак кабины, но его заклинило. Переворачиваюсь вниз головой, сапогом сбиваю фонарь. Вываливаюсь на крыло, но дальше не пускает шнур шлемофона. Нащупываю соединительные фишки, сваливаюсь на

землю, бегу...

Мешает парашют. На мгновение останавливаюсь, отстегиваю лямки. Хватаю парашют под мышку, устремляюсь к кучам щебенки. В другую сторону бегут Панов, Соломашенко, пленный фельдфебель...

Добежав, ложусь за кучу щебня. Самолет уже превратился в огромный костер. Хвост высоко задран, одна плоскость на земле, другая приподнята, как у подбитой птицы. Прижимаюсь к щебенке, голову прикрываю парашютом. Взрыв страшной силы: тринадцать соток...

Встаю. На месте машины огромная черная воронка. По всему полю — горящие обломки. От капониров к нам бегут люди. Какая-то нелепость: впереди всех кинооператор Иван Запорожский. Или я на том свете? По губам угадываю: спрашивает — все живы?

— А ты? — задаю бессмысленный вопрос.

В уши обрывками прорывается объяснение: оказывается, он снимал взлеты, и вот... удалось запечатлеть аварийную посадку! [290]

— Повезло... — пытаюсь усмехнуться одеревеневшими губами.

— Ну да! Ведь все живы? — кивает Иван.

Да, живы. Соломашенко получил ранение груди от удара о борт кабины. Ушибся фельдфебель — ему пришлось падать из хвостового люка, больше десяти метров...

И — как неизбежный заключительный акт «везения» — на поле появился командир бригады полковник Токарев. На мой бессвязный доклад только развел руками:

— Ну Минаков! И как это ты умудряешься каждую свою аварийную посадку приурочить к моему приезду? Или каждый день у тебя такое?

Мне было не до шуток: в башке гудело, как в пчелином улье. Слышал еще, как полковник дивился: каким образом мне удалось привести на одном моторе перегруженный самолет на аэродром...

Да, последнее это дело — летать на чужих машинах!

Говорят: беда одна не ходит. В тот же день из воздушной разведки не вернулся самолет младшего лейтенанта Бориса Воротынцева. Молодой дружный экипаж. Ребята как на подбор, веселые, смелые: штурман Николай Былинкин, стрелок-радист Кузьма Печеницын...

Опять — крупица надежды...

Летчик Василий Андреев

Несколько ночей подряд группы самолетов наносили бомбоудары по кораблям в порту Керчь. Противник интенсивно перевозил войска, боеприпасы и горючее на Тамань. Перед полком стояла задача всячески препятствовать этим перевозкам. Авиация дальнего действия (АДД) также наносила интенсивные удары по портам Керчь и Тамань.

В Керчи противник имел исключительно сильную противовоздушную [291] оборону. Вражеские зенитчики даже не считали нужным стрелять прицельно: сквозь такую огненную завесу и муха, мол, не пролетит. Многослойный огонь зенитной артиллерии дополнялся действиями истребителей, которые патрулировали круглосуточно. Из разведывательных донесений было известно, что над Керчью ночью дежурят Ме-110 с бортовыми радиолокаторами. Истребители наводятся на наши самолеты с наземных командных пунктов, оснащенных радиолокационными станциями. Новинка из новинок!

Экипажи уже не раз докладывали командованию, что «мессеры» перехватывают их на больших высотах. Были разработаны рекомендации по противоистребительному маневрированию в ночных условиях. Однако ни один воздушный бой не похож на другой. Чаще приходилось действовать по обстановке.

13 июня не вернулся с боевого задания самолет Василия Андреева. Сомнений в боевом и летном мастерстве этого экипажа не могло возникнуть ни у кого. Все сошлись на том, что машина была сбита над Керчью.

Вот и еще одного экипажа не стало из нашей восьмерки старых однополчан. А сколько осталось?

* * *

«Удивляюсь, откуда берутся силы у Андреева?» — не раз вслух задавался вопросом наш комэск в тридцать шестом Николай Андреевич Балин. В то тяжелое лето приходилось взлетать по три раза на дню, и этот маленький, с виду не сильный человек никогда не обнаруживал усталости. В кабине он подкладывал на сиденье моторные чехлы, чтобы видеть землю, а к бронеспинке прикреплял чехлы от парашютов — так ему было легче доставать до штурвала. Педали выдвигались техником вперед до отказа. И это на дальнем бомбардировщике, торпедоносце, поднять хвост которого при взлете стоило немалых усилий и рослым, плечистым его товарищам...

А как летал! [292]

Когда в воздухе появлялась тройка самолетов, будто связанных паутинкой, все безошибочно узнавали — Андреев ведет свое звено! Его подчиненные, старшие сержанты Литвяков и Артюков, души в нем не чаяли. Отличные вышли летчики. За успешные боевые действия, по личному указанию дивизионного комиссара Владимира Петровича Алексеева, обоим было досрочно присвоено звание старшины.

И их уже нет в боевом строю. Погибли раньше своего командира...

Как всегда в таких случаях, вспоминались боевые дела. А чем еще почтить память солдата?

В августе сорок второго шли ожесточенные бои за Новороссийск. Звено Андреева вылетело на удар по войскам противника, накопившимся для атаки. У станицы Неберджаевской бомбардировщики были встречены плотным заградительным огнем. Получили много пробоин, но сумели прорваться к цели. Разбомбили и взорвали склад боеприпасов, уничтожили много гитлеровцев. По выходе из зоны огня были атакованы вражескими истребителями. Четыре «мессера» ожесточенно набросились на звено. Пытаясь взять его в клещи, атаковали снизу и сверху. Андреев маневрировал, стучали пулеметы... Бой был неравным, одна очередь за другой касалась обшивки тяжелых машин. Самолет Андреева летел с поврежденным крылом, Артюкова — с изуродованным хвостовым оперением, имела много пробоин и машина Литвякова. Звено сумело прорваться к морю, снизилось до предельно малой высоты. Теперь «мессеры» могли атаковать его только сверху, да и то осторожно, чтобы не врезаться в воду.

Пулеметная очередь, метко посланная одним из стрелков, уперлась в «мессер». Волоча шлейф дыма, фашист потянул к берегу. Вскоре на выручку бомбардировщикам подоспела пара «яков», с ходу вступила в бой. Звено отважных благополучно вернулось домой... [293]

И сколько еще приходилось Андрееву...

И все-таки не удержусь!

Скрепя сердце единственный раз нарушив строго хронологический порядок этих своих записок, сообщу со счастливым чувством, что та ничтожная доля надежды, которую оставляет в сердцах друзей скупая печальная запись «С боевого задания не вернулся», оправдала себя и на этот раз. Василий Андреев вернулся! Это было в апреле сорок четвертого...

А в ту июньскую ночь сорок третьего, на подходе к Керчи, его цепко схватили прожектора. Зенитки перешли на прицельный

огонь, маневрировать стало бессмысленно: разрывы покрыли все небо вокруг. И все же Андреев решил отбомбиться по цели. Ослепленный несколькими прожекторами, лег на боевой курс и неуклонно вел машину к порту.

— Командир, прямым попаданием отбита часть стабилизатора! — доложил стрелок-радист.

Андреев шел к цели.

— Трасса «эрликона» справа! — предупредил воздушный стрелок.

Андреев держал машину на боевом курсе.

Один за другим следовали тревожные доклады. Андреев будто окаменел.

И вот наконец:

— Бомбы сброшены, командир!

Убедившись, что машина сохраняет управляемость, летчик стал разворачиваться в сторону Азовского моря. После нескольких попыток удалось окунуться в темноту: помогли другие наши самолеты, которые заходили на цель и отвлекли на себя внимание вражеских прожектористов.

Казалось, спаслись.

Но главное испытание было еще впереди.

— Самолет справа! — доложил воздушный стрелок Иван Зыбкин. [294]

— Следите за ним! — приказал Андреев и стал разворачиваться вправо.

— Атакует! — последовал очередной доклад.

Пучок трасс пронесся слева, затем спереди...

Пять раз заходил в атаку Ме-110. Стрелки отбивались, но в темноте их огонь был неэффективен. Пока спасало маневрирование...

— Стало ясно, — вспоминал почти через год Андреев, — что мы имеем дело с опытным летчиком на машине, оборудованной бортовым локатором. «Потеряться» от него, считай, невозможно. Решил маневрировать скоростью. Мы летели уже над морем...

Стрелок-радист Петр Хоменко докладывал:

— До истребителя четыреста, триста, двести метров...

Андреев резко убрал обороты, рассчитывая, что «мессер» проскочит мимо. Затем хотел снизиться и изменить направление.

Но получилось иначе...

Фашист, увлеченный атакой, не заметил, что бомбардировщик уменьшил скорость, и врезался прямо в него.

Удар бросил Андреева на приборную доску. Самолет стал разваливаться и падать. Очнувшись, Андреев хотел дать команду экипажу покинуть машину, но связи не было. Кое-как удалось

отодвинуть фонарь и вывалиться из кабины. Сделав затяжку, чтобы не попасть под обломки своего самолета, он окунулся в облака. По лицу стекали холодные капли, комбинезон моментально пропитался влагой...

Потом открыл парашют. Спускался в полной темноте, не зная, когда ударится о воду. Оказавшись в море, быстро освободился от парашюта. Спасательный жилет благополучно наполнился газом. Вокруг тьма, непроглядный туман...

Стал звать товарищей. Показалось, что откликнулся штурман Степан Гудзь. Но затем послышались голоса двух гитлеровцев: значит, тоже выбросились с парашютами. [295] Кричать нельзя. А искать наугад — бесполезно и опасно.

До рассвета оставалось около пяти часов. Летчик неподвижно держался на воде, взяв пистолет на изготовку, каждую минуту ожидая встречи с врагами...

Пять часов. А что сулит рассвет?

Когда забрезжило, Андреев приготовился к бою. Бой между обреченными? Все равно. Проверил пистолет, взял в левую руку запасную обойму. Спасательный жилет держал его хорошо, тело находилось в вертикальном положении: летчик как бы стоял по грудь в воде.

Но вокруг был туман. А когда солнце начало пробиваться сквозь пелену, послышался звук мощных моторов. Очевидно, это был торпедный катер — звук нарастал с каждой секундой и вскоре превратился в оглушительный рев. В нем было что-то угрожающее. По звуку моторов, а скорее чутьем, Андреев понял: корабль фашистский, спешит на помощь своим летчикам...

Катер пронесся в тридцати метрах от Андреева. На палубе стояли немцы. Андреев дважды нажал на спуск. Выстрелы заглушил рев моторов. Накатившая волна захлестнула его, выбила из руки пистолет...

Катер ходил кругами. На втором или третьем заходе заметил Андреева. Приглушил моторы, приблизился вплотную. Фашисты приняли его за своего летчика и, обессиленного, едва сохраняющего сознание, подняли на палубу. Когда разобрались в ошибке, избили и связали его.

Вскоре были подняты и два гитлеровца. Как понял Андреев, они заявили своим морякам, что намеренно таранили советский бомбардировщик...

Отважный летчик недолго пробыл в фашистском плену. Никакие побои, пытки и издевательства не смогли сломить его волю. Бежал. Много ночей пробирался на восток. Разыскал украинских партизан, вступил в их отряд, храбро бил оккупантов. [296]

В 1944 году район действия отряда был освобожден нашими войсками. Вскоре Андреев смог вернуться в родной авиаполк.

Вполне сносно

16 июня три экипажа, в том числе наш, получили задание на ночной бомбоудар по плавсредствам в порту Керчь. По данным воздушной разведки, там сосредоточилось более двух десятков различных кораблей и судов: десантные баржи, паромы, понтоны, катера...

Днем в эскадрилье состоялось партийное собрание. Доклад делал комэск Степан Михайлович Осипов. Обобщая опыт последних ударов по Керчи, обратил особое внимание на изменение тактики противника, в частности действий его истребительной авиации.

— Необходимо найти способ выходить из «поля зрения» локаторов, установленных на Ме-110. По поступившим в полк данным, они не могут улавливать объекты на фоне моря и земли. В соответствии с этим и следует строить маневры при встрече с вражескими истребителями...

Замполит полка майор Аркадий Ефимович Забежанский рассказал о положении на фронте, о той роли, которая отводится действиям морской авиации.

— Надо во что бы то ни стало сорвать морские перевозки войск врага на Тамань! Сделали мы немало. Необходимо сделать еще больше! Каждый наш бомбоудар спасает жизни сотням и тысячам советских пехотинцев, артиллеристов, танкистов. Помните об этом, товарищи!

К этому полету мы готовились особенно тщательно. Произведя расчеты, Прилуцкий доложил маршрут: с аэродрома идем на озеро Узунларское, от него — на цель. Отбомбившись, уходим в сторону Азовского моря, [297] а потом через Таманский полуостров — в Черное и кратчайшим путем — домой.

— Высота?

— Пять триста.

— Откуда такая точность?

— Чтобы «эрликоны» не жалили. Они максимум до пяти достают.

Все продумал Николай. Я, в свою очередь, прорисовал в уме кое-какие маневры против «сто десятых».

...Летим над морем. Видимость неплохая, в небе узенький серпик луны. Пожалуй, лучше бы облачность, а то над Керчью — как голый...

Экипаж молчалив, сосредоточен.

— Керченский полуостров, — невольно вполголоса докладывает Николай.

Противозенитный маневр с изменением курса и профиля полета. Береговую черту проходим благополучно. Может быть, посчастливится выйти на цель незамеченными? Черта с два! Над портом все заклокотало. Кто-то опередил нас из нашей тройки и теперь мечется между лучами прожекторов и разрывами...

Надо использовать момент!

— Штурман, клади на боевой!

— Не рано, командир? Может, войдем с маневром?

Но мы уже в зоне противовоздушной обороны. Зенитки лепят пока наугад, однако плотность огня такая, что как ни маневрируй...

— На боевом!

Разрывы ближе и ближе. Зато истребители при таком огне не появятся.

— Люки! — напоминаю штурману, будто тем самым ускорю сброс.

Николай приникает к прицелу.

— Доверни на пять вправо... Нормально! Держи так.

Самолет вздрагивает все чаще. [298]

— Доложи, когда сбросишь! — Боюсь, что не почувствую при такой тряске.

— Доверни чуть еще...

Ну, если еще одно «чуть»...

— Сброс!

Маневр, со снижением поворачиваю в сторону Азовского моря. Но машину уже схватили прожектора. Вцепились мертвой хваткой. «Бусы» автоматов потянулись со всех сторон. Форсирую моторы, бросаю машину из стороны в сторону.

— Развалимся, командир!

Или выйдем из смертного плена. Всё, темнота! Вышли, вышли!!!

— «Мессер» снизу справа! — голос Панова.

Еще ослепленный, разворачиваюсь вправо, круто снижаюсь. Трассы проносятся слева. Глушу моторы, продолжаю снижаться: на фоне земли или моря...

Не знаю, помог ли фон, но «мессер» потерял нас.

— Кто видел результат?

— Я видел, — откликается Жуковец, — Бомбы рвались в порту у Генуэзского мола, где корабли противника!

— Пожалуй, есть прямые попадания, — осторожно дополняет Панов.

— А ты, штурман?

— Поживем — увидим, — скромничает Прилуцкий.

На аэродроме посчитали пробоины.

— Вполне сносно для Керчи, — подытожил Миша.

Через некоторое время стал известен результат удара: повреждены десантная баржа и паром «зибель».

Тоже вполне сносно для группы из трех самолетов.

В тишине над Дунаем

И снова — Дунай...

Для противника эта водная коммуникация имела первостепенное значение. Глубоководная река, протекающая [299] через территории многих союзных гитлеровской Германии или оккупированных ею государств, несла на себе беспрерывный поток техники, оружия, боеприпасов, топлива... Все это направлялось на Восточный фронт. Обратными рейсами те же суда перевозили награбленное сырье, зерно, различные виды продовольствия...

Это был еще глубокий тыл противника. Только авиация могла, если не прервать, то значительно затруднить функционирование жизненно важной для врага водной артерии.

Мины, выставленные в мае экипажами нашего полка в наиболее оживленных районах Дуная, сработали так эффективно, как даже и не ожидалось. Противник был ошеломлен и долго не находил средств борьбы с ними. Нашими минерами умело использовались тактико-технические возможности этого оружия. Донные мины выставлялись скрытно. Установка на них различных приборов делала их траление весьма опасным.

Чтобы увеличить радиус минных постановок, десяти экипажам полка было приказано перелететь на аэродром подскока Геленджик. Он был расположен в пятнадцати километрах от линии фронта, вокруг шныряли вражеские истребители-охотники. Командование бригады приняло меры: самолеты-миноносцы будут встречаться и сопровождаться до посадки истребителями 11-го гвардейского авиаполка.

Из нашей эскадрильи на это задание шли шесть экипажей во главе с комэском капитаном Осиповым.

19 июня утром группа поднялась в воздух. За шестьдесят километров до аэродрома нас встретили истребители сопровождения. Дальше летели на малой высоте, над холмами. Посадку произвели с ходу, со стороны моря. Расположились в поселке в трех километрах от аэродрома: ближе жилья не нашлось. Сразу же принялись за подготовку к ночному вылету. Нашему экипажу предстояло [300] поставить мины на траверзе озера Кагул, невдалеке от порта Галац.

Прилуцкий доложил маршрут: побережье Румынии пройти над плавнями, между Георгиевским и Сулинским гирлами. Затем, в обход населенных пунктов, — к озеру Кагул. Уточнили высоты на каждом отрезке. Понятно, ориентировочно: почти две тысячи километров лететь в основном над морем, кто знает, какая где

встретится погода. Обнадеживающий прогноз утешал мало: может, где-то уже разбушевался циклон, встал грозовой фронт...

Главное, конечно, — погода в районе постановки. Прилуцкий, уже летавший на такое задание в прошлом месяце, был больше всего озабочен этим.

— Пройти тысячу километров в один конец и промазать на какие-то пятьдесят-сто метров... Не выложишь мины на фарватер, и считай — все зря!

Оставалось надеяться на лучшее.

С наступлением темноты ушли в воздух экипажи Бубликова, Ковтуна, Дурновцева, Самущенко, Федорова, Корбузанова. Трем остальным, в том числе и нашему, предстояло вылететь в полночь.

Небольшой отдых. На аэродром прибыли за час до вылета. Изменений в задании нет.

Взлетная полоса была здесь неровной, с понижением: со старта не видно конца. Ширина — восемьдесят-сто метров. С обеих сторон деревья — коридор. С тяжелыми минами, без освещения взлетать нелегко...

Выруливаю на старт, предупреждаю штурмана, воздушных стрелков: взлетаю. Взревели моторы, замелькали по сторонам деревья, слились в сплошной частокол. Понижение как-то сыграло на руку, даже не заметил момент отрыва...

Разворачиваюсь на запад. В небе чисто, прямо по курсу — луна. Полчаса, час... Пока все нормально, молодцы синоптики!

На траверзе Севастополя штурман взялся настраивать [301] радиополукомпас на маяк немцев. Было известно: он установлен у Георгиевского гирла, на мысу, его позывными часто пользовались наши экипажи.

Задергалась стрелка индикатора.

— Настроился, — доложил Прилуцкий. — Держи курс на нуле.

На всякий случай сверяю показание компаса со стрелкой на радиомаяк. Все правильно.

Летим в режиме радиомолчания. Время от времени делаю перекличку экипажу, спрашиваю о самочувствии, уточняю со штурманом курс.

— Пора снижаться, командир, — слышу его уверенный голос.

Уменьшаю тягу, слегка отдаю штурвал.

— Пересекаем береговую черту!

— Наблюдение за воздухом! — напоминаю стрелкам.

Высота пятьсот, видимость хорошая. Слева Георгиевское гирло — рукав Дуная. Обходим порт Тульча, летим над лесным массивом, пересекаем Дунай. Вот и озеро Кагул...

К месту постановки мин решено подходить на высоте двести. Продолжаю снижение на планировании, почти полностью убрав обороты. Прилуцкий тщательно корректирует курс. Главное — скрытность, иначе все зря...

— Вижу выносную точку прицеливания! — докладывает Николай.

В момент, когда самолет поравняется с мысом, помеченным на карте красным крестиком, штурман даст отсчет времени.

Вот он:

— До сброса пятнадцать секунд...

— Сброс!

Отворачиваю, балансируя освободившийся от груза самолет. В машине напряженная тишина: все следят, где опустятся мины.

— Порядок! — первым нарушает молчание Панов. [302]

— Шлепнулись как раз посредине реки! — делится наблюдением Жуковец.

— Не шлепнулись, а приводнились, — наставляет стрелка Прилуцкий. — А то можно подумать, что не сработали парашюты.

Ладно, пусть шлепнулись, лишь бы на середине...

Ломаным курсом летим над сушей: ввести в заблуждение посты наблюдения противника.

— Ни одного выстрела! — удивляется Жуковец.

— Будь хоть один — вся работа насмарку, — поясняет опять Прилуцкий. — Бомб ведь не взяли для отвлекающего удара. Чем оправдались бы перед фрицем?

Брать бомбы — вдвое уменьшить «полезный груз».

Летим на восток, навстречу утру. Одна за другой, словно выключаемые чьей-то невидимой рукой, гаснут звезды. С неожиданной для земного наблюдателя быстротой прорезается алая полоска зари...

Садимся, когда солнце уже высоко стоит над горизонтом. Как говорится, усталые, но довольные...

В тот же день нам предстояло слетать на нашу постоянную базу теперь уже двум машинам, моей и Ковтуна, подошла очередь регламентных работ. После небольшого отдыха поторопились на аэродром, времени оставалось в обрез, к ночи надо вернуться. Уже полдень, на небе ни облачка, жара. Немолодой шофер аэродромной полуторки то и дело высовывается из кабины, с опаской взглядывая вверх.

— Дуй без оглядки, папаша! — не вытерпел Ковтун. — Тише едешь — скорей там будешь, — кивнул на кювет.

Шофер последовал совету. Машина рванулась вперед, волоча за собой огромные клубы пыли.

— В случае чего развернемся, в них и нырнем, — пошутил

Жуковец. — Как в облака! Вы поделитесь с ним опытом, командир.

Вскоре въехали в лесок. И когда сочли себя в безопасности — машина пылила уже по окраине аэродрома, [303] — услышали характерное завывание: два ФВ-190 пикировали на нас с большой высоты.

— Вот теперь и развернешься, — не без ехидства кивнул Жуковцу Прилуцкий. — Казенной частью кверху...

Зашлепали ладонями по крыше кабины, полуторка затормозила с заносом, шофер вылетел из кабины пулей. Мы высыпались из кузова, разбежались по сторонам, укрылись в кустах за валунами.

Захлопали зенитки, послышался свист бомб. Одна разорвалась метрах в двадцати от машины. «Фоккеры» развернулись, снизились до бреющего, прочесали дорогу из пушек и пулеметов.

Выждав немного, выбрались из кустов. Полуторка оказалась на ходу, только борта изрешечены осколками.

Да, ничего не скажешь, веселый аэродромчик...

* * *

Три ночи подряд грозовая обстановка в районе аэродрома и на маршруте не позволяла вылетать на минные постановки. Все это время посвятили подготовке к очередному заданию.

Вечером 24 июня получили последние указания. Крупные капли дождя барабанили по крыше домика, где собрался летный состав. Подъехала та же побитая осколками полуторка, экипажи отправились на аэродром.

Один за другим уходили в сумрачное небо тяжело нагруженные самолеты-миноносцы. Наша очередь. Сразу после взлета оказываемся в облаках. На траверзе Керченского пролива они становятся реже. Появляются звезды. Но впереди еще долгий полет над просторами Черного моря.

В районе Севастополя погода вновь ухудшается, самолет прижимает к воде. На малой высоте пробиваемся к побережью Румынии. Пролетев береговую черту между Георгиевским и Сулинским гирлами, буквально крадемся в заданный район над плавнями... [304]

— Вижу точку прицеливания, — привычно приглушенный голос Прилуцкого.

Несколько небольших поправок, и кабина мягко озаряется красным светом — штурман включил сигнальную лампочку.

Мины пошли!

— Оба парашюта раскрылись, — докладывает Панов.

— Приводнились на фарватере! — Жуковец.

Отвернув влево, вновь прохожу над плавнями. Особенность полета на минные постановки — даже и после сброса нельзя выдать свое присутствие противнику.

Возвращаться решаем над облаками. Набираю высоту, натужно гудят моторы. Четыре тысячи. Облака остаются внизу — белые горы с подсвеченными луной вершинами. Красиво, просторно, светло! Радость одна лететь, но впереди появляются грозовые всполохи. Как отблески вспыхивающих в ущельях костров...

Меняем курс, чтобы обойти их. Но здесь облачность выше. Пять тысяч, а мы еще в киселе.

— Надеть кислородные маски!

Протягиваю руку к бортовой сумке — моей маски нет. Черт, давно не летал на больших высотах...

Решаю остаться на пяти тысячах. Команду не отставляю: проверить кислородное оборудование перед вылетом — моя обязанность. Значит, и расплачиваться надо самому. Самолет в облаках потряхивает, но терпимо. Лишь бы не попасть в мощные кучевые...

На траверзе Херсонесского маяка облачность обрывается. Поблагодарив судьбу, с удовольствием отдаю штурвал.

Приземляемся в полночь. Как всегда, на стоянке — весь технический экипаж.

— Как работала материальная часть, командир?

— Без замечаний! [305]

Жаль, что нельзя объявить выговор самому себе. Перед строем всего экипажа. Дисциплинарным уставом не предусмотрено, а напрасно...

* * *

На другой день мы стали очевидцами одной удивительной и трагичной случайности.

Вот уже неделю мы в Геленджике, и не проходит дня без артиллерийского обстрела со стороны противника. Он мог начаться в любой момент, но при посадке и взлетах наших машин — непременно. Потерь пока не было, этим, по общему мнению, мы были обязаны удачному расположению аэродрома: он вытянулся узкой полоской, перпендикулярной к направлению стрельбы немецких орудий. Самолеты были рассредоточены и хорошо укрыты. Однако нервы нам, с непривычки, эти обстрелы трепали порядочно.

Мы сидели около своей стоянки, ожидая приказа на вылет, когда раздался далекий звук выстрела.

— Наша! — определил бывалый севастополец Саша Жуковец. — Как раз по перпендикуляру...

Все, однако, приумолкли.

Бросив случайный взгляд на поле, я увидел: по его противоположной окраине на большой скорости мчится автомашина-пожарка. Должно быть, чтобы отвлечься, я не спускал с нее глаз. Послышался вой, и... пожарка исчезла. На ее месте встал огромный куст дыма...

Я не поверил глазам. Но грохот разрыва подтвердил увиденное.

Облако дыма отнесло ветром, машины не было.

— Надо же! — вздохнул кто-то.

— По перпендикуляру, — мрачно кивнул Панов.

И больше ни одного выстрела. Как сон дурной! Все невольно поднялись — пойти убедиться. Помочь уже нечем.

Но поступила команда на вылет.

— Ну мы им тоже поставим перпендикуляр, — сквозь [306] зубы пообещал Прилуцкий. — Проведем его точно через фарватер!

В ту ночь нам предстояло ставить мины на подходах к порту Сулина. Наши «перпендикуляры» пока что работали без промаха. Как раз накануне в полк поступила разведсводка о потерях противника на минных заграждениях на Дунае в мае-июне 1943 года.

На минах, выставленных 5-м гвардейским авиаполком, подорвалось девять различных кораблей и судов. По фарватерам Дуная и Днепровско-Бугского лимана неоднократно закрывалось движение всех плавсредств на период от нескольких дней до двух недель. 1 июня корабли противника получили предупреждение, что проход между островами Березань и Первомайский в Днепровско-Бугском лимане опасен для плавания...

Счастливый талисман

В ночь на 6 июля четыре экипажа — Бабия, Бубликова, Корбузанова и мой ставили донные мины на Дунае в районе Черноводского моста. Погода благоприятствовала успешному выполнению задачи. Постановку произвели скрытно, обратный маршрут прошел без каких-либо осложнений.

Позади семичасовой полет. Начинает рассветать. Скоро должен показаться свой берег. Слева бешено полыхают зарницы: на Мысхако бои не утихают ни днем ни ночью. От нашего прифронтового аэродрома до героической Малой земли всего полтора десятка километров.

Вот и аэродром. Привычное движение — кран на выпуск шасси. Через три десятка секунд вспыхивает зеленая лампочка: левая стойка вышла и стала на замок. А правая? Повторяю все сначала. Результат тот же...

Самолет на малой высоте проносится над аэродромом. Руководитель полетов передает: «Правое колесо у вас находится в полуубранном положении». Разрешения [307] на посадку я не запрашивал, но важно, как выглядит неисправность с земли. Руководитель это понимает.

Принимаюсь испытывать все возможные способы выпуска шасси, включая аварийный. Прошу Прилуцкого помочь покрутить рукоятку, Николай просовывает руку в прорезь, легко дотягивается до вертикально стоящей ручки. Но даже его могучая сила помогает сдвинуть ее всего на пол-оборота.

— Если будем так продолжать, то сорвем рукоятку или порвем трос. Думай, что делать дальше.

Думаю. Пробую воздействовать перегрузкой. Не помогает. Круг за кругом хожу над аэродромом. Но вот наступает критический момент: запас топлива иссякает. Его хватит еще на один круг и заход на посадку...

Что делать? Сажать машину на одно колесо? На таком аэродроме — наверняка разбить ее. И чем это кончится для экипажа... Пожалуй, еще есть возможность покинуть самолет на парашютах. Успею набрать минимальную высоту...

И вдруг — идея!

Прошу разрешения на посадку. Прожектора включены. Их лучи направлены на грунтовую полосу аэродрома.

— Решил садиться на одно? — спрашивает Прилуцкий.

— Не совсем. Только ударюсь им о землю...

Штурман молчит. Молчит и весь экипаж. Не хотят мне мешать. Чувствую — верят.

Закрылки не выпускаю. Увеличиваю обороты. Создаю рукояткой триммера кабрирующий момент, чтобы тут же взмыть на второй круг. Земля несется навстречу со страшной скоростью. Небольшой левый крен, плавно подбираю штурвал. Упругий удар, машина подскакивает, как мячик. Вывожу моторы на полные обороты, взмываю в воздух. Бросаю взгляд на приборную доску. Горят обе лампочки! Горят! Механические указатели подтверждают: обе стойки стоят на замках. Ур-ра!!! [308]

Вслух сообщаю:

— Шасси выпущено. Идем на посадку!

На всякий случай предпринимаю все возможное, чтобы как можно мягче приземлить машину. После того, что удалось, это — задачка для пятого класса. Захожу точно на середину полосы, выпускаю закрылки. Включаю фары на случай, если погаснут аэродромные прожектора. Выравниваю самолет, убираю полностью обороты и выключаю моторы. Смотрю на полосу до рези в глазах, но так и не замечаю момента, когда колеса касаются грунта...

Гаснет скорость, заканчивается пробег. Самолет замирает на месте. Секунду-другую в нем стоит тишина. Потом раздается «ура» всего экипажа...

Тут же узнали причину. Осколком снаряда поврежден один из подкосов шасси. Технический экипаж быстро устранил неисправность, и вечером того же дня мы вновь ушли на боевое задание.

* * *

7 июля утром три самолета-торпедоносца заступили на дежурство. Ведущим назначили наш экипаж.

Ожидание. Секунды, минуты, часы... Над морем с раннего утра бороздят пространство разведчики, осматривают дальние коммуникации. Сообщение от них может поступить в любой момент. Так что ожидание это — особого рода. От него устаешь не меньше, пожалуй, чем от томительного полета над морем.

Стараемся скоротать время в разговорах. Мы уже знаем, что в районе Курска и Белгорода разгорелось одно из величайших сражений войны. Первые известия рождают тревогу: гитлеровская Германия решила взять реванш за Сталинград. Наши войска героически обороняются. Об этом все разговоры сейчас. И все они сводятся к одному: чем крепче мы всыплем фашистам здесь, тем легче там будет нашим.

Время к обеду. Резкий звонок. Трубку берет адъютант [309] эскадрильи капитан Матяш. По его торопливым «есть», сопровождаемым записями в блокноте, безошибочно

догадываемся — приказание на вылет.

Подъехал комэск, кратко поставил задачу.

— Все ясно? По самолетам!

На наших картах отмечено местонахождение двух транспортов. Вблизи румынского побережья, на траверзе Сулины. Следуют в сторону Одессы.

— Средь бела дня в том районе... — как бы про себя замечает Прилуцкий, направляясь к машине.

— Если долго болтаться, то, конечно, встречи с истребителями не избежать. Постарайся вывести на цель поточнее, чтобы атаковать с ходу.

— Долго лететь, командир. За это время они десять раз могут изменить курс и скорость.

Да, к сожалению, многое зависит не от нас.

Только в воздухе вспомнил, что Миша Беляков сунул мне в руку какую-то бумагу. В последний момент, когда я уже ступил ногой на стремянку. Талисман? «Пляши, командир!» — запоздало прозвучал в ушах заговорщицкий шепот...

Охлопал карманы — ну да, боковой расстегнут. Осторожно потянул за уголок — письмо! От нее!

К сердцу прилила теплая волна, мощные крылья машины будто приросли к телу... Ну, Миша! Выбрал момент, замполиту очко дал вперед. В кабине, конечно, не спляшешь, разве спеть...

Должно быть, и правда запел — Прилуцкий обернулся чуть не с испугом.

— Штормит, командир! Не в нашу пользу. Может сбить фрицам график.

— Фрицы народ аккуратный, сам поточнее считай! Зато красота-то какая, Коля!

Красиво было действительно, как во сне. В чистом голубом небе безраздельно хозяйничало солнце, а на море перехлестывались огромные пенистые валы... [310]

И все шло навстречу, само давалось в руки.

— Вышли в район цели, — доложил штурман.

Я с удивлением взглянул на часы. Два с половиной часа — как одна минута! И море уже спокойно, как на заказ.

И снова голос Коли:

— Слева корабли!

Глазам не поверишь: вдоль берега спокойно ползут два осевших по самую ватерлинию транспорта. Без охранения — ни катерка, ни баржонки! Не чудеса?

— Атака! — сигнал ведомым.

Мы с Павловым идем на сближение с головным транспортом, ко второму устремляется Алексеев. Все трое снизились, скользим

над водой к обреченным на сто процентов целям.

И вдруг...

Чудеса предательски оборачиваются против нас. Невиданное, неслыханное дело! Безоружные грузовые посудины, по сути, не корабли, а суда — военные моряки разграничивают эти понятия совершенно определенно — окутываются густыми ожерельями дымных колец с искрами в середине... Палят! Из десятков, чуть не из сотен орудий! Снаряды рвутся на воде, рикошетируют, огненные трассы перекрещиваются перед носом машины...

А в воздухе не рвется ни один! Чертовщина какая-то... Вот уж действительно — как во сне!

Маневрировать поздно, с каждой секундой в прицеле растет борт транспорта...

— Так держать! — команда штурмана.

— Поврежден киль!.. Пробоины в крыльях!.. — друг другу вдогонку доклады стрелков.

Чудится — лечу уже вовсе без оперения, как ощипанный петух. Вряд ли придется плясать сегодня... Вряд ли придется и вообще. Жаль, не успел прочесть...

— Сброс! — выдыхает Прилуцкий так, будто сбросил торпеду с собственной спины. [311]

— Танки бьют! Танки!..

Что это? Где? С ума, что ли, сошел Панов?

— Танки на палубах! — азартно кричит и Жуковец. — Во, гады!..

Вот, оказывается, в чем дело... Даю полные обороты, прижимаюсь вплотную к воде: слышал что-то о мертвом пространстве у танков. Проношусь мимо транспорта, обогнав торпеду, чуть не задев крылом корму. Панов бешено лупит из крупнокалиберного, с брони танков брызжут искры...

Всё!

— Как торпеда?

Но сам уже вижу: над транспортом взвивается огромное облако...

Машина слушается рулей, оба мотора работают ровно. Значит, все-таки будем плясать? Значит, помог талисман?

— Как ведомые?

— Павлов идет нормально, а Алексеев...

Машина Алексеева отстает.

— Панов, запроси: дотянет?

— Дотянет, говорит, командир!

До аэродрома долетели все, хоть Алексееву и пришлось трудно. На стоянке нас встретил комэск. Поздравил с успехом, но вид у него был невеселый.

— Вторая эскадрилья потеряла два экипажа. «Мессеры» навалились...

Погибли летчики старшие лейтенанты Дмитрий Тункин и Василий Васьков, штурманы лейтенант Сергей Петров и младший лейтенант Борис Доловов, стрелки Александр Коптилин, Фатая Камалеев, Борис Михайлов, Иван Романенко.

Мы отделались повреждениями матчасти. Парашют Жуковца был пробит в двух местах: танки стреляли не только из орудий, но и из пулеметов...

Да, плясать в этот день не пришлось. Хоть письмо [312] и обрадовало больше, чем даже то, первое. «Жду... Хоть на денек...» Девичья робкая откровенность. Жду — все пишут теперь. А на денек...

Но что ответить? Идет война. Самая середина ее, стремнина. Гибнут один за другим друзья... Что обещать, чем утешить?

Сквозь колоннаду

Работа с аэродрома подскока увеличивала радиус действия наших машин на триста километров и боевую нагрузку на триста-пятьсот килограммов — за счет уменьшения запаса горючего. Конечно, расположение тяжелых самолетов в пятнадцати километрах от линии фронта, мягко говоря, дело не очень обычное, но...

К июлю аэродром на Тонком мысу Геленджикской бухты стал нашим постоянным местом базирования. Войну мы теперь ощущали не только над целью, но и ежечасно, ежеминутно. Отдаленная канонада, обстрелы...

Основной нашей задачей оставалось минирование дальних водных коммуникаций противника.

После очередного ночного вылета подполковник Канарев подвел итог:

— Можно сказать, что малая высота нам покорилась. Большинство наших опытных экипажей овладело тактикой этого вида боевой деятельности. Но мы не должны забывать о молодых...

Ночной полет на малых высотах заключает в себе ряд трудностей. Ночь скрывает расстояние, усложняет ориентировку. Незначительная ошибка в определении высоты при низких полетах над малоизученной местностью может привести к катастрофе. И если другие виды работы позволяют постепенно вооружать молодежь опытом путем включения ее в боевые группы, то здесь это невозможно. Ночной полет совершается каждым экипажем самостоятельно, сколько бы их ни вылетало на цель. [313]

А полк пополняется. Наша 63-я авиабригада переименована в 1-ю минно-торпедную авиационную дивизию. Ясно, что за этим последуют изменения и в организационной структуре. Советская авиация набирает силу, она уже завоевала господство в воздухе...

Заканчивая совещание, командир полка и замполит дали ряд конкретных указаний по втягиванию молодых экипажей во все виды боевой деятельности.

— Работа наша многообразна, — сказал Аркадий Ефимович Забежанский. — Опытным летчикам и штурманам необходимо продумать последовательность обучения молодых. От близкого к далекому, от простого — к сложному!

* * *

18 июля. День на прифронтовом аэродроме заполнен

обычными хлопотами. Несколько раз поле обстреливалось вражеской артиллерией, в небе вспыхивали ожесточенные воздушные бои. На задания уходили истребители, штурмовики, бомбардировщики.

Дело шло к вечеру. Пять самолетов-торпедоносцев во главе с нашим экипажем уже несколько часов находились в готовности к вылету. Приказание поступило, когда до смены оставалось менее получаса. Нанести удар по двум транспортам, обнаруженным на пути к Севастополю. Вылететь тройкой. Ведущий я, ведомые — капитан Аристов и старший лейтенант Бубликов.

Уходим в воздух в шесть часов вечера. Впереди два с половиной часа полета. В район цели выйдем в глубоких сумерках. Если и найдем корабли, то атаковать их будет трудно. Опыта торпедной атаки в темноте, кажется, не имеет никто в полку. Да и возможно ли это? Кроме всего, транспорты идут под усиленным охранением: миноносец, шесть тральщиков, три сторожевых корабля и два самолета До-24.

Задачка! А экипажи Аристова и Бубликова опыта торпедных атак вообще не имеют. Надежда на точность [314] расчетов. Прилагаем со штурманом все усилия, чтобы скрестить свой курс с курсом вражеского конвоя.

Ведомые держатся в строю уверенно, в воздухе не новички. С Владимиром Аристовым мы служили в одной эскадрилье на Тихоокеанском флоте. Уравновешенный, аккуратный летчик. Но боевого опыта не имеет. Зато штурманом у него Михаил Кизилов, бывалый воздушный боец. Награжден орденом Красного Знамени, летал с замечательным летчиком Иваном Василенко, которого недавно вместе с другими нашими опытнейшими асами отправили на замену на Тихоокеанский флот.

Но вместе они выполняют только второй боевой вылет. А это значит многое — взаимопонимание. Особенно в стремительной торпедной атаке, где дело решают секунды.

За экипаж Бубликова мы беспокоились меньше: он уже порядочное время летал в одном составе, выполнил ряд различных заданий.

Миновав траверз Херсонесского маяка, советуюсь со штурманом, как выходить в атаку. Решаем атаковать транспорты с ходу, всей тройкой, с одного направления.

Да, но сначала надо их обнаружить.

— Выходим в район цели, командир!

Внизу уже сгустились сумерки. Особенно трудно просматривать море в восточном направлении.

— Всему экипажу наблюдать за морем!

Расчетное время вышло. Кораблей нет. Считанные минуты, и

на море опустится ночь. До предела напрягаем зрение... Конвой удалось разглядеть в темной стороне горизонта.

— Цель справа по курсу! Передать ведомым: атакуем с ходу!

Конечно, это не лучший вариант. Идеально было бы зайти с темной части небосклона. Тем более — при таком сильном охранении. Но для этого потребовалось бы [315] десять-пятнадцать минут. А их не было, темная южная ночь не ждала.

— Атака!

За мной круто разворачивается Бубликов. Аристов медлит, идет прежним курсом. Ясно, что с кораблей нас прекрасно видят. Но огня нет. Силуэты растут, видятся четче. Навожу машину на впереди идущий транспорт. Высота — тридцать. В темноте выдерживать ее крайне трудно...

Вдруг вижу: прямо мне в лоб правит огромный «Дорнье». Отвернуть? Собьешь прицел, на второй заход времени нет. Уйти вниз? Врежешься в воду. Стиснув штурвал, мчусь навстречу. Летающая лодка проходит выше метрах в двадцати. Беглый доклад Панова:

— Сзади нас бомбы... Рвутся в воде...

Ясно. Вражеские летчики пытались поставить перед нами стену из водяных столбов, но ошиблись в расчете. Бомбы тяжелые, столкновение с таким всплеском — верная катастрофа...

Но и перед озаряемым отблесками разрывов транспортом вздымаются высоченные белые колонны. Немцы ограждают цель. Одновременно ставят заградогонь: цветные шары «эрликонов», строчки пулеметных очередей...

Прорываемся сквозь колоннаду, нацеливаемся на транспорт, словно намереваясь его таранить. Четыреста метров, пора!.. Ну, штурман...

Наперерез нам на полном ходу выскакивает сторожевой катер. Бьет из всех пулеметов...

Но вот и знакомый рывок. Рискуя задеть крылом воду, вывожу самолет из атаки.

— Торпеда приводнилась нормально! — в один голос докладывают стрелки.

Противозенитный маневр. На крутом развороте успеваю увидеть: вспышка пламени, огненные брызги...

— Молодец, штурман! [316]

— Молодец, командир!

— Стрелки, как у ведомых?

— Не разглядели, темно...

На аэродроме узнали: Бубликов с ходу атаковал второй транспорт. Аристов промедлил, потерял цель и возвратился домой с торпедой.

* * *

19 июля весь день готовились к дальнему ночному полету. Предстояло выставить якорные мины на входе в Днестровский лиман.

Направляясь на обед, встретил около штаба бригады — теперь дивизии — своего однокашника по училищу Алексея Мазуренко. Капитан, усы... На груди — Золотая Звезда Героя.

— Какими судьбами к нам, Алексей?

— Прилетел поглядеть, как воюют черноморцы!

Нам было что вспомнить, в училище были в одной группе. Войну он начинал на Балтике, прославился как удачливый и бесстрашный боец. Теперь в Москве, служит летчиком-инспектором. Бывает на фронтах, учит воевать и сам учится.

— Передатчик боевого опыта!

Как всякий раз при таких встречах, разговор обратился к потерям. Да, многих друзей уже нет...

После отдыха наша группа отправилась на аэродром.

— Погодка отличная! — удовлетворенно заметил Прилуцкий, оглядев по-осеннему хмурое небо.

Серые облака плыли так низко, что казалось, их можно потрогать руками. Но для минно-торпедной авиации это как раз то, что надо. Лишь бы пробиться к цели.

В воздухе. Все внимание — на приборную доску. «Десять вправо». — «Понял». — «Набери четыреста...» Где-то неподалеку ведут свои корабли Бубликов, Аристов, Самущенко. Ночной полет. Что-то есть в нем, что заставляет переговариваться скупо и тихо, что-то тревожное и даже, пожалуй, торжественное... [317]

За бортом сильный боковой ветер, самолет покачивает. Прилуцкий то и дело вносит поправки на снос. Надежный штурман, надежный человек. Вдвое легче, когда есть рядом такая опора.

— Район цели, командир!

— Выводи на боевой, Коля!

— Пошла!

— Молодец, с первого захода...

— Как учили.

Эх, так бы всегда и жить...

А вообще-то я, кажется, начал сдавать. Около сотни боевых вылетов за полгода. Сам замечаю, что стал раздражительным, плохо управляю настроением: то слишком возбужден, то подавлен. Все чаще перед вылетом ловлю на себе испытующий взгляд комэска. Осипов — в прошлом инструктор — знает, чем оборачивается для летчика малейшая неуравновешенность.

Не знаю, делился ли Степан Михайлович своими опасениями с кем-нибудь, но меня удивил Прилуцкий.

— Как себя чувствуешь, командир? — спросил позавчера во время дежурства.

— Нормально, Коля. А что?

Вопрос его был бы обычным в воздухе, особенно в дальнем полете, а тут... Мы валялись на теплой земле, в уютной тени, подложив под головы парашюты, кой-кто даже подремывал. Какое тут самочувствие?

— Так поинтересовался... из вежливости.

— Не крути, Николай. Заметил за мной что-нибудь? В полете?

— Ну что ты! Тут, брат, скрывать... Что мне, жизнь надоела? Я так и Забежанскому...

— Забежанскому?

Николай явно смутился.

— Знаешь, друг... С кем ты летаешь? С Забежанским? Аркадием Ефимовичем? [318]

— С Минаковым. Василием Иванычем.

— Ну так выкладывай!

Деться ему было некуда. Да и какой секрет, дело прошлое. Несколько дней назад замполит остановил его у штаба. То да се. Трудновато приходится? Да, война. Всем трудно. По-разному, разумеется. Специфика... Вот и у нас. Весь экипаж связан одной веревочкой — командир, штурман, стрелки. Как Минаков-то у вас? Встретил, что-то неразговорчив. Внимательными надо друг к другу быть, каждый ведь не железный. Тем более — к командиру... Вы человек опытный, серьезный. Мне же в полетах со всеми вами бывать невозможно. Того гляди пропустишь момент. Будешь всю жизнь себя чувствовать виноватым. Вот помогите-ка мне! И себе, конечно. Понаблюдайте как следует, после поделитесь. Надо же заботиться друг о друге...

— И понаблюдал?

— Разумеется.

— И поделился?

— А как же, приказ есть приказ. Просьба начальника... Так и сказал ему: ничего не заметил. Летает, как по струне, маневрирует с толком.

— А почему сейчас спросил?

— О самочувствии? Ну дак ведь, что скрывать. И у меня оно, можно сказать, на пределе. Хоть я и вон какой здоровущий! Ты тоже, брат, понаблюдай-ка за мной. Прав замполит-то, на все сто процентов!

* * *

22 июля предстояло сбросить мины на подходах к Одесскому порту. Подполковник Канарев, закончив постановку боевой задачи, в присутствии всех экипажей вдруг обратился ко мне.

— Кстати, Минаков, это ваш последний вылет. Поедете в отпуск. Готовьтесь!

Не поверил ушам. Но ведь не шутка? Слишком жестоко было бы так шутить. [319]

С мешаниной в душе поспешил к стоянке. И несказанная радость, и... Неужели все-таки сдал в чем-то?

Наша машина была в ремонте, опять предстояло лететь на чужой. Беда с этими чужими... Как рок какой! К тому же первый раз — с «гейро». Огромная беспарашютная якорная мина. Вон — как кила под фюзеляжем! К шару спереди приделан баллистический наконечник, сзади хвост со стабилизатором. По виду — авиабомба, но ни в какой бомболюк не влезет. Диаметр — полтора метра! Техник Мурашко, торпедист и минер, расхваливал ее взахлеб. Он лично знал и самого Гейро, ее конструктора, и даже участвовал в испытаниях. Ну, правда, положить ее в нужную точку легче — беспарашютная. Но надо еще с ней взлететь...

Запускаю моторы, проверяю их работу. Все вроде нормально. Но температура головок цилиндров растет с удивительной быстротой. И это — на месте. А что будет дальше?

Через силу одолев в себе предубеждение против чужих машин, со стрелкой на красной черте выруливаю на полосу в надежде, что в воздухе моторы охладятся. Набираю скорость, уже поднят хвост. И вдруг... Скорее чувствую, чем слышу, противный хлопок под фюзеляжем...

Пройдено больше половины полосы, впереди — обрыв над морем. Сколько надо метров, чтобы погасить скорость? Или идти на взлет? Мелькают кусты, деревья — спрессованные мгновения жизни. Что значит хлопок?..

По тому, как самолет вдруг потянуло вправо, догадываюсь: лопнула камера колеса. Полностью убираю обороты левого мотора, правому оставляю взлетную мощность. Тяга в сторону ослабевает, бег замедляется. Самолет накренивается, ползет юзом, чертит по земле крылом, останавливается. Выключаю моторы и вдруг вспоминаю об огромной мине под фюзеляжем... Машина легла на нее! А за секунду до этого [320] тяжеленная «гейро» черкнула взрывателем по полосе...

Выскакиваю из кабины, кубарем скатываюсь по уткнувшемуся в землю крылу, бегу прочь. Инстинктивно оглядываюсь и вижу: винты продолжают вращаться. Моторы не выключились. Из-за перегрева!

Бегу обратно, вскарабкиваюсь по крылу в кабину, пожарным краном перекрываю бензопроводы...

Отбежав сколько надо и убедившись, что экипаж тоже покинул машину, жду. Взрыватель в мине сложный — контактный, с выстреливающими гальваноударными колпаками — бог его знает, как может сработать.

Пожара, к счастью, нет.

Минута, другая, третья... Нет и взрыва.

Ну что тут сказать? Не хватает полковника Токарева. Невольно оглядываюсь на дорогу. Ну вот так и есть — «эмка». «И как это ты, Минаков, умудряешься...»

А как? Сколько раз клялся себе — не летать на чужих машинах. Рок есть рок. Но и приказ есть приказ...

К счастью, «эмка» на этот раз оказалась подполковника Канарева. Командир полка вышел, неторопливо оглядел самолет, мину. Отдал распоряжения инженеру.

Потом обернулся ко мне:

— Через час Саликов вылетает, вам по пути. Захватит ваш экипаж. Документы в штабе оформят сегодня же, я распоряжусь. Вам, конечно, в Минводы? А вам? — обернулся к Прилуцкому.

Тот молчал.

— Да, у вас еще... Ведь вы из Житомира? Может, в дом отдыха? Думаю, если комдив попросит...

Николай мялся, опустив тяжелые плечи, глядя на пыльные носки ботинок.

И вдруг меня осенило — в который раз за последние полчаса.

— В Минводы! И ему тоже! [321]

Николай поднял глаза, с удивлением поглядел на меня.

— Решено, — утвердил Канарев. — Говорят, девушки там у вас хороши! Найдешь, Минаков, и ему невесту?

— Он женат, товарищ подполковник!

Командир явно смутился.

— Ну, ну, извини...

Родной порог

Теперь, воскрешая в памяти святые имена тех, кому в разное время и при разных обстоятельствах мне пришлось быть обязанным жизнью, я с благодарным, годами ничуть не приглушенным чувством вспоминаю и замполита Аркадия Ефимовича Забежанского, человека, с которым ни разу не побывал под губящим зенитным огнем, под злыми очередями «мессеров», даже не поднимался в воздух в одной машине.

А жизнь он мне спас — это ясно, как день.

И не мне одному, а и верным друзьям моим Николаю Прилуцкому, Коле Панову, Саше Жуковцу — всей нашей маленькой дружной семье, связанной насмерть одной судьбою.

Да, были случаи, не всегда удавалось нашим самоотверженным техникам, даже и инженерам вовремя распознать не приметный ни глазу, ни уху признак «усталости» в такой сложной, большой машине, каким был наш «крылатый линкор». Каким же глазом, каким чутким сердцем надо было обладать инженеру человеческих душ и — продолжая классическое сравнение — человеческой «материальной части», чтобы угадать и почувствовать то, чего не успел до конца ощутить и сам летчик!

А что «матчасть» наша с Колей Прилуцким была на последнем пределе, в этом мы убедились в первый же день пути. Как ни оглушительна была радость от неожиданного подарка судьбы, ни соблазнительны рисовавшиеся [322] в воображении картины, как ни пьянило нас чувство свободы, — всего этого нам хватило лишь на часы. С энтузиазмом втиснувшись в первый попавшийся поезд в Сухуми, мы как-то вдруг сразу обмякли, начали откровенно клевать носами и, уж не помню как, я очутился под самой крышей вагона, на узенькой третьей полке, а габаритный мой штурман попросту развалился внизу на полу на чьих-то узлах и баулах. И никакие толчки и пинки спрессованных, точно в консервной банке, попутчиков, броски и качки разболтанного вагона не смогли вернуть нас к действительности в течение чуть ли не суток...

В Тбилиси подвела ориентировка — не поприветствовали патруль. К счастью, все обошлось. Пожилой подполковник, помощник коменданта, возвращая нам документы, лишь пробурчал недовольно: «Спите на ходу...» И поглядел не на нас, а на ретивого капитана, который, скорей всего, ждал от него похвалы...

Ехали...

Ехали и сидели, ждали пересадки в Тбилиси, ждали в Баку, «загорали» в Махачкале и Грозном и, кажется, даже в Моздоке. Пассажирские составы то ползли, как покалеченные гусеницы, то вдруг схватывались, «нагоняли», вновь принимались считать столбы... Разбитые вокзалы, дотла выгоревшие пристанционные поселки, свежезалатанные насыпи, сшитые на живую нитку пути, цистерны с мазутом, бензином, платформы с пушками, танками, санитарные поезда с ранеными, настежь распахнутые зевы теплушек, переборы гармошек, клочки песен и плача, красноармейцы и новобранцы, и женщины, женщины, женщины — в белых платках и темных, в спецовках и сарафанах, с лопатами и костыльными молотками, с мотыгами и граблями, с мешками, узлами, орущими ребятишками...

Ехали... Просыпались и засыпали, жевали сухой паек [323] и хлебали щи на продпунктах и ни о чем не говорили, не вспоминали, и будто забыли, куда и едем...

И вот...

Сколько их намелькалось, на этом пути и в жизни, стандартных присемафорных будок, краснокирпичных, со стертой побелкой, с шашечками-углами, безликих, неразличимых, казалось бы, даже на спор...

— Проснись, Николай!

* * *

Как же он дорог, родной порог, человеку! Вечное детство за ним, кладовая безбрежного счастья, ласка родительских рук и тепло очага, праведный суд и от всех бед защита. Юность с тревожащими мечтами, с дерзостью, распирающей грудь, и застенчивостью бессильной, с дружбой ревнивее, чем любовь, и любовью скромнее, чем дружба...

В буквальном смысле — порог. Стертый приступок из самой отборной ели — вязкой и водостойкой, со скрученными слоями, — чтоб прежде времени не погнил, не смочалился на волокна, а вместе с домом старел, храня память о людях, в нем живших. Вот она, память, — плавный рельеф, наподобие скобки фигурной, из-за сучка посредине, твердого, как «чертов палец», — от заступавших его каблуков и подошв. Плотной резины — «казенных» сапог отцовских, легонькой микропорки дешевых маминых туфель, войлока бабушкиных опорок, снова и снова резины — разноразмерных калош. И — наконец — натуральнейшей кожи! Дубленых пяток — братниных и...

Первый твой в жизни запретный барьер, что одолел голопузым мальчонкой на четвереньках, и потом в рост, от горшка два вершка, как бы не с большей отвагой и страхом, чем

тот кошмарный забор, много после, на котором завис — ни туда ни сюда — с грузом яблок и мертво оцепеневшей на драной штанине собаки...

Преодолел и забыл. И тысячи раз перемахивал, не замечая, в вечных заботах и увлеченьях, — со спрятанной [324] под рубахой сверхметкой рогаткой из дефицитнейшей красной резины, с новым, бамбуковым, змеем, рассчитанным на рекорд высоты, с книжкой о Нобиле, вымененной на змея, с наспех залатанным «общим» футбольным мячом...

Ну а хоть в тот-то раз, в предпоследний? В первом своем — и единственном в жизни — справленном к выпуску в школе костюме и с новеньким, клейким еще, чемоданом, символом дальних дорог и тревог, — с него же, с порога, и обернувшись во тьму сеней, в досаде на неизбежное провожанье...

Где там! Лишь этим и был озабочен — вдруг друзья-то без провожатых придут? — и любовался костюмом, и представлял себя в летной форме...

Так может, в последний, перед войной? Кивнув благодарно родным, деликатно оставшимся в сенцах, и в нетерпеньи косясь на ступеньки соседнего дома из-под ладони, приставленной будто к фуражке, чтоб «вывести краба на середину»...

Ну тут и вовсе, какой порог!

Как далеко все и близко и как очевидно неповторимо! В сто раз очевидней, чем даже там — за дымами, прожекторными мечами, за частоколами огненных трасс...

Тишина. Писк цыплят за оградкой, приглушенно-удивленное бормотание клуши — полубезумной, до сих пор не опомнившейся, что избежала котла оккупантов, — ауканье маневровой «кукушки», тоже скликающей будто птенцов...

Все, как ждалось, только жальче и мельче. Дом, и окошки, и огород. После безмерных просторов, раздвинутых горизонтов, пылающих голых восходов, закатов в полморя и в полземли...

И сам — не по-здешнему рослый, излишне размашистый и плечистый, вряд ли, на глаз, и способный вместиться в свой маленький, бережный мир... [325]

— Пригнись, Николай, не сверни крылечко! Видишь, какие мы, брат, с тобой...

* * *

...Рассказывал отец.

— Как в гражданскую, помнишь... Тогда порожняк последний угонял из-под носа у белоказаков, теперь — паровоз от этих... Бой на окраине города, на путях бомбы рвутся, шпалы в небо взлетают, как спички... Не знаю, как проскочил. В Грозном

начальник дороги сам, лично товарищ Бещев, благодарил. Тут же и дал заданье — с бензином состав довести в Сталинград, Через Кизляр, по новой дороге. «Сознаете, Иван Иванович, важность задачи?» В пути уж как следует осознал. Только что по пескам полотно проложили, сшили едва, на живую нитку. Тяжелый состав. Фашисты стервятники крутятся стаями, караулят. Скоростью маневрировать — сам под откос себя спустишь... И водокачки не оборудованы. Блеснет озерцо впереди — торможу. Всей бригадой выскакиваем, строим цепочку. Жарища за тридцать, цистерны парят... И они тут как тут, понятно. Одна зажигалка, осколок каленый — все в воздух! Восемьдесят цистерн... Не знаю уж, как довел. Ну и дальше на Сталинград работал. Войска, техника, боеприпасы... Чем ближе подтянешь к передовой, тем, понятно, и легче нашим...

Рассказывала мать.

— Звери, не люди! Чего только не вытворяли тут... Что ни день — расстрелы! Хотели, чтобы работали мы на них...

Рассказывала бабушка...

Ну, конечно, и мы с Николаем. Про курорт, на котором живем, про паек боевой наш, летный — царский в сравнении с этим вот, что успели с продпункта на станции прихватить. А для них-то и этот был царский.

Потом... Встреча с Тамарой, много счастливых, радостных встреч... [326]

И — тоска. Неотступно сосущая душу, не отпускающая ни на миг, даже в счастье...

Война была с нами, война жила в нас. Никуда от нее не уйти солдату. Сколько ее еще впереди? Что обещать, в чем клясться...

Победы и потери

И вот — снова дома. На нашем базовом аэродроме пустовато: большая часть активно действующих экипажей — на аэродроме подскока в Геленджике. Там же и командир полка. А наш комэск...

Да, опять новости. Тяжело возвращаться из тыла на фронт. Едешь, мечтаешь о встрече с друзьями. И в голову не приходит, что их уже, может, и нет...

Были победы. Полк продолжал активно действовать на коммуникациях противника, наносил удары по вражеским плавсредствам, ставил мины.

...1 августа на рассвете на торпедный удар вылетела пара экипажей — Василия Бубликова и Александра Ковтуна. Вражеский конвой в составе тринадцати вымпелов был обнаружен воздушным разведчиком.

Несмотря на плохую видимость, летчики быстро отыскали цель: четыре транспорта, тральщики, катера, баржи. Вокруг курсировал эсминец. В разрывах облаков показалось солнце, море было спокойно. Торпедоносцы снизились и пошли на сближение с целью, уменьшив обороты моторов, не отрываясь друг от друга. Ведущий Бубликов качнул крыльями: взять дистанцию, интервал.

Легли на боевой курс.

Конвой стоял на рейде, огня не открывал. Две тысячи метров, полторы, тысяча... Ни дымка, ни вспышки. Нервы летчиков напряглись до предела.

Лишь когда дистанция сократилась до восьмисот, заговорили орудия эсминца. Следом — и все остальное. Ливень из разноцветных трасс, пучки разрывов, молнии... [327]

Бубликов летел прямо на эсминец, заслонивший собой самый большой из транспортов. Ковтун шел рядом. И нервы фашистов не выдержали: корабль отвернул. Штурманы Александр Королев и Петр Прокопчук сбросили торпеды с дистанции четырехсот метров. По неподвижной цели!

— Очевидно, обе попали, — рассказывал Ковтун. — Такого я еще не видел! Гигантский водяной столб, клубы дыма, вырывающиеся языки пламени... Картина! Должно быть, транспорт был нагружен боеприпасами. А водоизмещение — шесть тысяч! Сразу, конечно, начал тонуть...

По выходе из атаки торпедоносцы были атакованы пятью «мессерами». Обозленные гитлеровские летчики забыли об осторожности. Один приблизился почти вплотную. Стрелки-радисты Игумнов и Янченко, воздушные стрелки Кельманский и

Терентьев одновременно открыли огонь. Истребитель задымил, вышел из боя в сопровождении двух других. Оставшаяся пара продолжала преследование.

Бубликов и Ковтун отходили в море, маневрируя над самой водой. Истребители шли метров на пятнадцать выше. Наседали все нахальнее. Вскоре им удалось зайти в хвост нашим машинам. Торпедоносцы предприняли маневр со скольжением. Один из «мессеров» выскочил из-под хвоста машины Ковтуна и оказался между двумя торпедоносцами. Стрелки-радисты ударили по нему длинными очередями крупнокалиберных. Истребитель врезался в воду. Второй поспешил скрыться.

...7 августа на рассвете в воздух поднялась группа торпедоносцев, которую возглавлял экипаж Дмитрия Бабия. Два транспорта в охранении шести кораблей были обнаружены на подходе к румынскому побережью, в районе Сулины. Через три с половиной часа группа настигла конвой. [328]

Бабий с ходу развернул самолет и, прижавшись к воде, устремился к транспортам. Его примеру последовали ведомые — Корбузанов и Федоров. Корабли ожесточенно отстреливались. Прорвавшись сквозь завесу огня, торпедоносцы бесстрашно шли на сближение. Взрыв... Объятый пламенем транспорт переламывается пополам и скрывается в морской пучине...

Это — удачи.

Все потери тяжелы. Но бывают...

...Случилось так, что экипаж летчика Аристова, будучи ведущим группы, дважды терял корабли противника после их обнаружения. Веских причин, оправдывающих такие промахи, ни летчик ни штурман привести не смогли. 10 августа от самолета-разведчика поступило сообщение: конвой противника в составе двух транспортов, трех быстроходных десантных барж и шести кораблей охранения следует курсом... На удар были назначены четыре торпедоносца. В задней кабине самолета Аристова поместился Аркадий Ефимович Забежанский.

Техник-торпедист Мурашко потом вспоминал, что провожая эту машину на взлетную полосу, он как-то невольно спросил:

— Зачем вы летите, товарищ майор?

— Надо! — коротко ответил замполит.

В атаку на корабли противника устремились с ходу. Фашисты издали заметили торпедоносцы и открыли бешеный огонь. Четверка упрямо шла на сближение, ложилась на боевой курс. Рвались снаряды, осколки секли обшивку самолетов. В машину Аристова попал снаряд. На высоте тридцати метров она перевернулась «на лопатки» и врезалась в воду.

Так погиб заместитель командира полка по политической

части майор Аркадий Ефимович Забежанский.

А атака продолжалась.

Две торпеды попали в цель и решили участь одного из транспортов. Самолеты пронеслись сквозь огонь, едва [329] не задевая мачты кораблей, и стали уходить в море. Но машина Корбузанова оказалась тяжело поврежденной. Некоторое время тянула на одном моторе, потом отказал и он. Летчик спланировал и произвел посадку на воду.

На аэродром на сильно поврежденных самолетах возвратились только экипажи Федорова и Скробова. Погибли замкомандира эскадрильи капитан Владимир Ефимович Аристов, минер эскадрильи, он же штурман, капитан Михаил Иванович Кизилов, стрелок-радист старший сержант Петр Григорьевич Конкин. С боевого задания не возвратились летчик старший лейтенант Николай Иванович Корбузанов, штурман Григорий Иванович Шеваренков, стрелки сержанты Василий Андреевич Метелев и Дмитрий Павлович Сопов.

И еще одна тяжелая потеря. 21 августа экипажи готовились к постановке мин на реке Дунай. Штурман нашей эскадрильи майор Дуплий был накануне назначен флаг-штурманом полка. Комэск Осипов уговорил капитана Кравченко сделать с ним этот вылет. Кравченко согласился, хотя уже полностью рассчитался с полком: он должен был на следующий день уехать на учебу в академию.

И вот — судьба...

Ночь выдалась темная, прифронтовой аэродром не освещался. Дул сильный боковой ветер. Осипов взлетал первым. Тяжело нагруженная машина плохо слушалась рулей. Самолет уклонился и после отрыва от земли врезался в капонир. В катастрофе погибли командир эскадрильи капитан Степан Михайлович Осипов, штурман капитан Василий Исакович Кравченко, воздушный стрелок младший сержант Николай Григорьевич Сущенко.

* * *

Несмотря на тяжелые потери, полк продолжал наращивать свои удары по врагу, совершенствовать тактику боевых действий. [330]

Во второй половине августа подполковник Канарев вместе с комзском майором Черниенко выполнили контрольный, пробный боевой вылет в глубокий тыл противника — в район Джурджу, южнее Бухареста. В бомболюки их самолетов были подвешены дополнительные бензобаки, под фюзеляж — мины. Предельно нагруженные машины прошли около тысячи трехсот километров,

сбросили мины в ранее недоступном участке Дуная и благополучно вернулись на свой аэродром. Испытание было выдержано успешно.

В первый «рабочий» полет по новой трассе были назначены экипажи Бабия, Жесткова, Федорова, Пресича, Скробова, Романенко, Ковтуна, Бубликова, Самущенко. Нечего и говорить, что к выполнению этого задания готовились особенно тщательно. Весь полет был подробнейшим образом разработан и проигран. Особое внимание уделялось скрытному подходу к месту постановки мин.

Вечером 20 августа машины поднялись в воздух. Гвардейцы с честью справились с одним из сложнейших испытаний их боевых качеств — тактической зрелости, летной выучки, упорства и физической выносливости. Все экипажи хорошо выдержали восьмичасовой рейд и успешно выполнили задачу. По агентурным данным, на минах, поставленных этой группой, подорвались три баржи с боеприпасами, продовольствием и обмундированием.

...В конце августа еще одну дерзкую атаку выполнили торпедоносцы. Конвой противника в составе транспорта водоизмещением шесть тысяч тонн и десяти кораблей охранения был обнаружен воздушной разведкой у побережья Румынии. На удар вылетела группа из пяти самолетов. Их повели Бабий, Жестков, Скробов, Ковтун, Романенко и Валерий Федоров.

Через три часа торпедоносцы настигли вражеские корабли. По низкой осадке транспорта можно было издали [331] угадать, что он загружен до предела. А необычно сильное охранение свидетельствовало о важности этого груза для гитлеровцев. Ясно, что прорваться к цели будет исключительно трудно. Ведущий группы Бабий решил сначала нанести удар по кораблям охранения, чтобы расчистить подход к транспорту. Эту задачу он возложил на звено Скробова.

Три торпедоносца фронтальным строем устремились на корабли охранения. Грозные машины неслись над самой водой. Гитлеровцы всполошились. Со всех кораблей потянулись навстречу трассы снарядов и пуль. Фонтаны воды, вздымаемые разрывами, достигали высоты полета торпедоносцев. Один из сторожевиков резко изменил курс и, форсируя скорость, поспешил прикрыть своим корпусом борт транспорта. Скробов направил свою машину на него. Отважный летчик не обращал внимания на ожесточенный огонь, в плоскостях его самолета с каждой секундой множились пробоины...

Раньше сдали нервы у гитлеровского капитана. Он попытался сманеврировать. Но было поздно. Штурман Владимир Надеждин нажал кнопку сброса. Стальная сигара, пролетев в воздухе больше

ста метров, вошла в воду и, оставляя за собой пенный след, устремилась к цели.

Резко перекладывая штурвал то влево, то вправо, Скробов маневрировал, выводя машину из. огня. Воздушные стрелки Борисов и Правдивый вели огонь по пулеметным и орудийным расчетам на палубах кораблей.

— Командир, попали! — торжествующе крикнул Борисов.

На месте атакованного сторожевика вспыхнуло пламя, корабль разломился посередине...

А к цели уже устремилась тройка Дмитрия Бабия. С кораблей продолжали хлестать огненные струи, но борт транспорта был открыт. И вот самолеты пошли в атаку. Торпеда, сброшенная Иваном Локтюхиным, достигла [332] цели. Транспорт, осев на корму, стал медленно погружаться в море...

Все шесть самолетов вернулись на свой аэродром. Экипаж Жесткова, высланный для уточнения результата удара, сфотографировал торчащий из воды нос транспорта...

Да, много событий произошло здесь без нас. Как ни быстро летит время в отпуске, а на фронте, должно быть, еще скорей.

На следующий день мне предстояло облетать нашу машину после ремонта. Ремонтировала ее бригада под руководством опытного старшего техника-лейтенанта Григория Наддуева. Выслушав его доклад, я уточнил на случай:

— Выпуск шасси проверял лично сам?

— Проверял лично.

— Тогда садись в переднюю кабину.

Поднялись в воздух. На всех режимах испытываю самолет, его устойчивость, работу моторов. Все в норме. Захожу на посадку, перевожу кран шасси в положение «выпущено». Привычный толчок, но какой-то неполный. Взгляд на приборную доску — ну да, так и есть, выпущена только одна стойка.

— Ну? — спрашиваю Наддуева.

Тот молчит, пожимает плечами.

Ухожу в зону. Все попытки высвободить второе колесо из гнезда с помощью маневров остаются безуспешными.

— Может, посоветуешь, что делать?

Садиться на одно колесо? А если не удастся удержать самолет в горизонтальном положении до полного угасания эффективности воздушных рулей? Крыло на скорости черкнет по земле, машина уткнется, передняя кабина будет раздавлена, техник может погибнуть. Если еще не произойдет капота. [333]

Смотрю на Наддуева — сидит бледный, отрешенный от всего...

Решаю повторить недавний трюк. Иду к посадочной полосе,

тщательно следя за положением относительно точки выравнивания. На повышенной скорости, с работающими моторами аккуратно подвожу самолет к земле, плавно опускаю его на одно колесо. Удар мягкий. Но этого достаточно. Вторая стойка по инерции выходит вперед, становится на замок, загорается контрольная лампочка. Уверенно ухожу на второй круг...

После посадки к самолету сбежался весь свободный технический состав. Неполадку долго искать не пришлось: расконтрился болт выпускного подкоса шасси.

— Спасибо, командир, — подошел виноватый Наддуев.

— Тебе, брат, спасибо!..

— А что? — подхватывает кто-то. — После войны — кусок хлеба. В кино можете сниматься с этим трюком, лейтенант!

— Доживешь с вами до кино...

* * *

Во второй половине дня всем экипажем перелетели в Геленджик. На аэродроме нас встретили подполковник Канарев, замкомполка майор Корнилов, инженер Шандура, Саликов, Аглотков. Приветствия, расспросы...

Виктор Павлович пригласил всех купаться. Попрыгали в кузов полуторки, поехали к бухте. По дороге — опять новости. Подполковник Канарев уезжает от нас — учиться. Вместо него назначили майора Георгия Павловича Поплавского. Замполитом на место погибшего Забежанского прислан майор Иван Григорьевич Шевченко. Начальника штаба майора Колесина перевели в другую часть, его обязанности пока исполняет майор Горда. Нашим комэском стал капитан Николай Дмитриевич Саликов, бывший заместитель командира третьей эскадрильи.

На аэродроме все та же симфония. Обстрел ведется [334] методически. Были потери. Весь летный состав из поселка переведен в землянки...

На новом местожительстве со мной в первую же ночь случилась неприятность. Во сне вдруг почувствовал боль в спине — будто штыком кольнуло. Мгновенно вскочил, разбудил Диму Бабия.

— Ну-ка посмотри, что у меня там?

Димка спросонья ничего не понимал. Наконец зажег коптилку, поднял на мне рубашку.

— Ого! Так это ж тебя скорпион...

— Да ты что!

— Ей богу!

Осмотрели постель, в самом деле нашли придавленного

скорпиона.

— Что же делать?

— Давай яд выдавлю...

Дима начал усиленно давить вспухшую здоровенную шишку. Я терпел. Затем был пущен в ход спирт из фляжки. Сначала на место укуса, потом...

Утром врач сделал мне укол.

— Надо было обратиться сразу, — добавил довольно мрачно.

— А теперь что? Умру?

Доктор склонился ко мне, как к самом деле к покойнику.

— — Вряд ли, — принюхавшись, заключил. — Похоже, вы с Бабием приняли радикальные меры...

Рейд к горе Черной

Наш экипаж сразу включился в напряженную боевую работу. Задания следовали одно за другим. После очередного вылета на минные постановки меня рано утром вызвали в штаб полка. Помначштаба майор Горда выглядел озабоченным.

— Минаков, вам задание сверху... [335]

На мой вопросительный взгляд развел руками:

— Сам ничего не знаю. Только что поступило приказание: вашему экипажу в первой половине дня прибыть на своем самолете в Адлер. Задачу поставят в штабе флота.

Досконально выспросив, в каком состоянии самолет, взглянул на часы.

— Через час вылет!

— Есть! Разрешите идти?

Майор помедлил, испытующе поглядел мне в глаза.

— Думаю, задание очень ответственное, лейтенант...

— Постараемся оправдать доверие!

На аэродроме Адлер ждал По-2. На нем меня доставили в штаб флота недалеко от Макопсе. Встретивший офицер проводил к заместителю начальника разведотдела штаба флота — капитану 1 ранга.

Тот поставил задачу.

— Вам предстоит доставить в Крым, в район горы Черной, двух наших разведчиков...

Разъяснив все в подробностях и вручив мне крупномасштабную карту указанного района, доверительно щурясь, добавил:

— Постарайтесь сбросить поточнее. Мы многое возложили на них и с нетерпением будем ждать результата.

Что ж, все просто. Ночью взлететь с пустого аэродрома, скрытно доставить парашютистов в Крым, точно их выбросить. Я даже был несколько разочарован.

Вернувшись на аэродром, принялся с Прилуцким разрабатывать маршрут. Солнце, еще утреннее, жгло немилосердно, столбик термометра подбирался к тридцати. Не сулил прохлады и ветер-суховей. Гнал по пустынному полю вихри пыли, посвистывал в обшивке нашего видавшего виды самолета.

— Черт, и спрятаться негде, — ругался Прилуцкий, — Провялит тут, как воблу... [336]

Но, оказалось, о нас заботились. Только Жуковец принялся разворачивать пакет с сухим пайком, подкатила машина.

— Товарищ лейтенант, приказано доставить вас с экипажем в

штабную столовую!

Отдохнув после обеда в предоставленном нам помещении не то штабной гостиницы, не то пустующей казармы, вернулись на аэродром. Жара спала, ветер утих. Вскоре на дороге появилась легковая машина, за ней катил автобус. Из легковушки проворно выпрыгнул стройный, подвижный полковник. Я доложил о готовности экипажа к вылету.

— Молодцы! — авансом похвалил он, с улыбкой оглядев нас. — Начальник разведотдела штаба флота полковник Намгаладзе.

Эту фамилию мы слышали не раз. Живые карие глаза полковника обратились к автобусу. Из него вышли двое в маскировочных комбинезонах.

— А вот и ваши пассажиры, знакомьтесь!

— Соня, — прозвучал мелодичный приветливый голосок.

Вот те раз! Девушка...

— Иван, — басовито буркнул ее товарищ.

Мы, разумеется, смотрели не на Ивана. Разведчица была очень молоденькой, очень симпатичной и очень миниатюрной в своем комбинезончике. Здоровенный Иван, как мы поняли, был ее проводником.

— С чего начнем? — обернулся полковник к старшему лейтенанту, вышедшему из автобуса вслед за парашютистами.

— Пусть ребята отдохнут с дороги, познакомятся с экипажем, освоятся с самолетом.

— Согласен, — начальник отошел к своей машине.

Мы оживленной толпой направились к самолету.

— Женщина на борту, командир! — со страшными глазами шепнул мне Жуковец. [337]

И тут же, должно быть желая задобрить судьбу, подхватил Соню под локоток.

— Вы, главное, не волнуйтесь! Доставим вас прямо в гости к фюреру...

Мощный толчок коленом под зад прервал его любезности.

— К фюреру... Напророчишь! — свирепо прошептал Прилуцкий.

Звонкий девичий смех мигом помирил их.

Парень оказался бывалым, шел в тыл врага уже пятый раз. Соня отправлялась на задание впервые в жизни.

— Боюсь прыгать ночью, — призналась, смущенно улыбаясь. — Как в бездну...

— А вы не смотрите! Зажмурьте глаза и шагайте, — с видом инструктора наставлял Жуковец. — Шнурочек сработает...

— Да, но потом лететь...

Сумерки наступили незаметно. Подошел полковник, внимательно всех оглядел.

— Ну? Вижу, успели уже подружиться. Вопросов нет ко мне, лейтенант? А у вас? — обратился к разведчикам. — Тогда счастливого пути!

Пожал всем руки, на минуту отвел Соню в сторону, что-то пошептал ей, она бодро кивнула.

— Командуйте, лейтенант!

Я молча переглянулся с Пановым — ответственность за выброску парашютистов лежала на нем, разведчики помещались в кабине стрелков.

— По местам!

Машина легко разбежалась по непривычно просторной, просматриваемой до конца полосе, взмыла в тихий вечерний воздух.

Тишина. Каждый в экипаже сознает свою ответственность за исход дела. Невольно представляю себя на месте разведчиков. Время от времени справляюсь об их самочувствии у Панова; у пассажиров шлемофонов нет. [338]

«Все в порядке» — получаю в ответ каждый раз. Впрочем, болтанки нет, машина скользит, как по льду.

Все в порядке и у нас с Николаем. Главнее, ветер утих, легче выйти на точку, нет сноса у самолета. Не будет его и у парашютистов, и прыгать им легче. Соня-то легонькая, как перышко, куда бы могло ее отнести...

— Командир, район выброски, — вполголоса докладывает Николай. — Видишь Черную? Обходи справа...

До минимума сбавляю обороты, штурман ложится на пол кабины, пытаясь разглядеть землю.

— Парашютисты готовы?

Первым выпрыгнул парень, за ним Соня.

— Парашюты раскрылись! — со сдержанной радостью в голосе доложил Панов.

Чуть прибавив обороты, отворачиваю в сторону моря. Взглядываю вниз, пытаюсь отыскать во тьме два светлых пятнышка...

Ничего.

Чернота.

«Как в бездну...»

* * *

Вот и опять не удается строго идти по следам событий. Ну как не назвать настоящее, полное имя этой маленькой храброй девушки? Не сообщить о ее судьбе?

Мы встретились совершенно случайно, в освобожденном Крыму, год спустя. Из-за погодных условий были отменены ночные вылеты, и замполит полка Иван Григорьевич Шевченко воспользовался этим, чтобы организовать культпоход в театр, в Симферополь. Приехали с запасом времени, до начала спектакля оставалось около часа. Всем экипажем отправились посмотреть город. Шли по улице Пушкина, разглядывая людей, магазины, дома...

Невысокую ладную девушку в новенькой командирской форме и с новеньким орденом на груди заметили, как понятно, издали. [339]

— Красного Знамени, ишь ты! — штурманским глазом определил Прилуцкий. Полушутя приготовился поприветствовать ее первым, хоть вообще это, кажется, было необязательно: девушка шла по другой стороне улицы.

Она тоже скосила взгляд, чуть наморщила лобик, видимо, вспоминая устав.

И вдруг вся зарделась! Бросилась через дорогу, издали протягивая к нам руки...

— Ребята, родные!..

— Соня! — первым опомнился Жуковец.

Вот так мы с ней познакомились второй раз. Впрочем, имя у ней было настоящее. Соня. Софья Васильевна Дубова, из Ивановской области, в совершенстве владеющая немецким языком... Об остальном можно было догадываться.

— Знаете, как я тогда боялась! Первый раз прыгала ночью на незнакомую местность... Думала, что умру!

— А говорила — не беспокойтесь, прыгну!

— А как не прыгнуть?

Не прыгнуть, конечно, было б еще трудней.

— Неудачно тогда приземлились, не видно же ничего... Повисла на дереве на скале. Кое-как подтянулась, хорошо, что был нож, обрезала несколько строп, связала из них веревку. Спустилась вниз, разыскала Ивана. С ним и того хуже — поломал ногу! Выстругала шину, перевязала, как смогла, утром нашла подходящее место, устроила на чердаке у одной старушки. На задание ушла одна...

Дальше рассказывать, видимо, было ей не положено.

— За это? — кивнул Жуковец на орден.

— Ага. В декабре уже... Сам командующий флотом вручал!

Значит, всю осень работала в тылу немцев. «Мы многое на них возложили...» — вспомнились слова замначальника разведки. Все, видно, сделала, молодец! [340]

На прощание по секрету шепнула:

— Наверно, еще раз придется... Хорошо бы опять с вами! Знаете, как вы мне помогли... Ведь ужас, как боялась! Сумели вселить в меня храбрость, спасибо большущее вам!

Спасибо тебе, маленькая прыгунья. Ты нас тоже сумела сделать храбрее и мужественней...

Встретиться нам с Соней больше не довелось. Но в ноябре сорок четвертого года мы из приказа по флоту узнали: за выполнение особого задания командования Дубова Софья Васильевна награждена орденом Отечественной войны II степени.

Значит, какому-то другому экипажу посчастливилось проводить нашу подругу на подвиг. Что ж, мы не очень и ревновали. Все справедливо, даже и целесообразно с точки зрения чисто военной: отвага рождает отвагу...

Началось!

Шло к концу третье военное лето. Наступление наших войск на Украине и в Донбассе развивалось успешно. Складывалась благоприятная обстановка для разгрома немецко-фашистских войск на Кубани и освобождения Таманского полуострова.

В сентябре стало известно, что части 18-й армии совместно с Черноморским флотом готовят десантную операцию с целью освобождения Новороссийска. Весть эта вызвала в нашем полку небывалый подъем. Стихийные митинги возникали у капониров, в кубриках. Бывалые бойцы вспоминали лето и осень сорок второго: враг рвался к побережью, вышел к предгорьям Главного Кавказского хребта, к Тереку...

На новороссийском направлении в кровопролитных боях с превосходящими силами противника войска 47-й армии во взаимодействии с морской пехотой, авиацией, береговой артиллерией и кораблями флота, проявив [341] исключительную стойкость, сорвали план гитлеровцев по захвату Черноморского побережья и прорыва в Закавказье. В черте города остановили врага, заставив его перейти к обороне. В этой и дальнейших оборонительных операциях наш полк принимал активнейшее участие.

Героическая оборона 18-й армии, десант Цезаря Куникова, легендарная Малая земля... Ее герои сражались всего в пятнадцати километрах от нашего аэродрома подскока. Вся 225-дневная эпопея беспримерных подвигов советских бойцов была непосредственно пережита нами.

Захватив и удержав плацдарм на Мысхако, наши войска создали благоприятные условия для освобождения Новороссийска.

И вот этот час наступил!

9 сентября 5-му гвардейскому авиаполку была поставлена боевая задача: нанести удар по расположению штаба группировки противника, расстроить управление войсками, нарушить связь и создать ориентир — створ из пожаров у деревни Кирилловка — для наших торпедных катеров, которые должны прорваться к молам Новороссийского порта с десантом морской пехоты. В полночь в воздух поднялись семь экипажей: Черниенко, Саликова, Киценко, Ковтуна, Самущенко, Романенко и наш. Ночь выдалась темная. Над Цемесской бухтой то и дело взлетали ракеты, зыбким, тревожным светом озаряя черно-свинцовую неспокойную воду, безлюдные развалины набережной...

До цели лететь восемь минут. Мы стартовали за два часа до

удара — на случай, если противник, заподозрив неладное, предпримет упреждающий налет на наш аэродром. Артиллеристы 18-й десантной армии и Черноморского флота начнут обработку обороны противника одновременно с нашим ударом. К двум часам все машины должны находиться на заданной высоте в районе Кирилловки. [342]

Пока направляемся в отведенную нам зону ожидания.

Несмотря на то что рядом аэродром и до цели рукой подать, экипажем приняты все меры предосторожности: повышенная осмотрительность, постоянное прослушивание радистом эфира...

— Командир! Курс на цель...

В голосе Прилуцкого непривычная торжественность.

Мы, конечно, догадывались, что в небе сейчас, кроме нас, многие десятки самолетов различных авиачастей. Но сознавали и исключительность нашей задачи: от действий гвардейской семерки зависела точность прохода торпедных катеров по Цемесской бухте к месту высадки десанта.

— Командир! — взволнованный голос Панова. — Принял радиограмму. Удар всем нашим экипажам перенесен на сорок пять минут.

— Срочно проверь достоверность! Затребуй повторное подтверждение.

— Есть!

Нам уже не раз приходилось встречаться с фактами дезинформации в эфире. Подобные приемы широко и довольно искусно использовались врагом.

— Повторно принял приказание об изменении времени удара, — четко докладывает Панов. — Достоверность полная: мне хорошо знаком почерк радиста. Его не спутаешь!

— Продублируй радиограмму всем экипажам! Что будем делать? — советуюсь со штурманом.

— Уйдем обратно в зону. Горючего хватит.

Уходим. Аэродром рядом, но для маскировки удара надо ждать в воздухе. Хожу неторопливыми кругами над морем. Время течет непривычно медленно, в душе безотчетная тревога. Нелегкое это, оказывается, дело — болтаться в воздухе просто так, без цели.

— Как полагаешь, штурман, почему перенесли удар? [343]

— Думаю, на всякий случай. Дезоризнтировать фрица, если что заподозрил... Как с горючкой?

— Хватит, с запасом! А вдруг с десантом застопорилось?

— Типун тебе на язык, командир!

Снова кружим во тьме молча. Ждем...

— Справа выше — самолет! — вторгается в тишину звонкий

доклад Жуковца.

— Не спускай с него глаз, Саша!

Не изменяя курса, приглушаю моторы, гашу выхлопы. На минуту отрываю взгляд от приборов. В черном небе, среди россыпи звезд, мелкими прыжками движется пара желто-оранжевых светляков...

— Бомбардировщик. Немецкий, — по каким-то невидимым признакам угадывает Панов.

— Во гад! — тут же подтверждает Жуковец. — Фонари вешает!

Позади удаляющихся огоньков, далеко внизу, поочередно вспыхивают слепящие вольтовы дуги. Спустя минуту из них образуется длинная огненная гирлянда. Под ней вторая — ее отражение в море.

— Неужели пронюхали, сволочи? — ругается Прилуцкий. — Как раз время...

— По курсу катеров навешал?

— Не угадал, в стороне...

Некоторое время напряженно всматриваемся в море. Пустота, кораблей не видно. Кажется, правда промазал фриц.

— Время, командир! Вывожу на цель.

— Давай, Коля!

Справа под крылом Цемесская бухта. Иду на приглушенных моторах.

— Горизонт!

Мобилизую всю волю так, будто иду на цель впервые в жизни. Строжайше выдерживаю заданную скорость, высоту, курс. В наушниках слышу, как дышит Прилуцкий. [344]

Далеко впереди занимаются два пожара. Ближе — третий...

— Сброс!

Отворачиваю в море, оглядываюсь назад. Вот и наш...

— Хорошо легли, Коля?

— Как раз в точку! Спасибо, командир.

— Тебе, друг, спасибо!

— Смотрите, смотрите!! — захлебывается Жуковец. — Началось! Во дают «катюши»...

* * *

Семь ярких пожаров, зажженных экипажами нашего полка, четко обозначили створ. Десятки кораблей с десантом ринулись по этому сигналу через бухту. Одновременно сотни коротких огненных дуг гвардейских минометов, тысячи орудийных вспышек отразились в свинцовой, подсвеченной заревами воде...

Началось!

Небо, казалось, гудит, как пчелиный улей. Десятки бомбардировщиков, штурмовиков, ночных юрких По-2 с разных аэродромов устремились к городу...

Началось!

* * *

Захожу на посадку, но аэродрома не вижу.

— В чем дело, штурман?

Коля молчит.

— Черт его знает... — обескураженно отрывается от плексигласа.

— Промазали, что ли?

— Где тут промазать? Какой-то туман...

— Туман? Откуда? Море же чисто! И над Кирилловкой... При таком ветре...

Чертовщина какая-то в самом деле. Небо в звездах, норд-ост такой, что любой бы туман разметал в клочья... Может быть, тут, за горами, затишье?

— Что будем делать?

— Попробуй пробить. [345]

Осторожно снижаюсь. На остеклении — ни росинки.

— Завесу, что ли, поставили наши?

— С ума сошел! Перед посадкой...

Делаю полукруг, снижаюсь еще. Сто метров, восемьдесят... Наконец проглядывается полоса. Садимся.

Оказалось — пороховой дым! Артиллерия наша так поработала, что изменила «метеорологию».

Аэродром — как растревоженный улей. Стартуют, садятся, снова стартуют ночные бомбардировщики...

— Даем фрицу жару! — с разгоряченными лицами, с блестящими от боевого азарта глазами делятся впечатлениями возвращающиеся из боя экипажи. И тут же снова уходят в воздух.

Свершилось! Сколько мечтали, сколько ждали этих счастливых часов...

— Как там десант?

— Закрепился, вгрызается в их оборону...

— С ходу заняли шесть причалов!

— Катера прямо по берегу дали торпедами...

Постепенно выясняется: наступление идет с двух направлений — от цементного завода «Октябрь» и с плацдарма на Мысхако. Противник ожесточенно сопротивляется, бросает в контратаки танки, завязались уличные бои...

Первые удачи. Но уже ясно, что бои за город будут тяжелыми, вероятно, продлятся не один день...

За Новороссийск! Истребители

Пожары, возникшие в результате нашего бомбоудара, полыхали до самого утра. Одновременно с высадкой первых отрядов десантников начали свою работу по подавлению огневых средств противника легкие бомбардировщики По-2 и МБР-2. Стоило появиться над городом лучу прожектора, блеснуть вспышке орудийного выстрела, как туда тотчас сбрасывались бомбы. Всю ночь, несмотря [346] на неистовый норд-ост, точно по плану работали самолеты, помогая десантникам продвигаться вперед.

С рассветом враг бросил в бой свою авиацию. Навстречу ей вылетели истребители 11-го гвардейского авиаполка, базировавшиеся на нашем аэродроме. Вспыхнули ожесточенные воздушные бои над бухтой, на подступах к Новороссийску. Несколько раз подымал в воздух свою эскадрилью прославленный на флоте летчик капитан Литвинчук. Дерзко, красиво дрался Борис! Все попытки вражеских бомбардировщиков прорваться к городу и отбомбиться прицельно оканчивались неудачей. Группы «юнкерсов» и «хейнкелей» рассеивались, не дойдя до цели, сбрасывали свой смертоносный груз куда попало. Прочерчивая в небе черные зловещие полосы, падали сбитые стервятники...

Мы от души восторгались победами наших соседей. С истребителями 11-го авиаполка у нас была давняя дружба: сколько раз прикрывали они нас во время ударов по кораблям противника, его технике и войскам. Теперь мы служили в одной дивизии. Я и до этого давно дружил с Борисом Литвинчуком, Дмитрием Зюзиным, Владимиром Снесаревым, Дмитрием Стариковым... Все они были питомцами нашего родного Ейского училища.

На второй день боев обстановка в воздухе осложнилась. Противник подтянул авиацию с Украины и Крыма, решив во что бы то ни стало прорваться к Новороссийску и нанести мощные бомбовые удары по нашим наступающим войскам. Утром большая группа вражеских самолетов была обнаружена на дальних подходах к городу с моря. Меняя направление и высоту, гитлеровцы старались ввести в заблуждение наши посты наблюдения. Локаторы то и дело теряли цель.

Литвинчук, возглавлявший восьмерку истребителей, попросил разрешения действовать самостоятельно. Переведя группу в набор высоты, начал поиск с четырех тысяч метров. Вскоре увидел две девятки «хейнкелей» [347] в сопровождении двенадцати «мессершмиттов». Вражеские бомбардировщики шли

четким строем «клин».

Восемь против тридцати...

— Атакую! — коротко передал Борис на командный пункт.

Развернувшись навстречу врагу, повел группу в лобовую атаку. Противник был ошеломлен дерзостью отважной восьмерки. Гвардейцы с ходу врезались в строй бомбовозов, обрушили на них лавину огня. Вражеские летчики дрогнули, строй их стал распадаться. «Мессеры», упустившие момент для контратаки, беспорядочно кружились, боясь оказаться меж двух огней. Некоторые «хейнкели» начали беспорядочно сбрасывать бомбы в воду...

В полку гвардейцев-истребителей действовал неписаный закон: в групповом бою ведущий атакует ведущего. Литвинчук устремился к головному «хейнкелю».

— Прикрой! — бросил своему напарнику Пашутову.

Фашистский вожак, разумеется, был опытным летчиком. Умело маневрировал, уклоняясь от трасс истребителя, давал возможность своим стрелкам вести интенсивный прицельный огонь. Несколько раз пунктиры их пулеметов едва не дотянулись до машины Литвинчука.

Борис атаковал упорно и терпеливо. Пашутов прикрывал его от «мессеров».

И вот одна из ослепительных молний ударила в грязно-зеленый фюзеляж «хейнкеля». Тут же вторая — в правый мотор.

Фашист задымил, косо потянул вниз...

«Мессершмитты», разделившись на группы, вступили в бой с гвардейцами. На Литвинчука устремились сразу две пары, пытаясь зажать его в клещи. Борис виртуозно вышел из-под удара, к нему моментально пристроился сзади Пашутов. Завязался ожесточенный бой. Вскоре, несмотря на то, что гитлеровцев было вдвое больше, инициативой завладели Литвинчук и его ведомый. [348] Однако время работало на врага: тактика «мессеров» заключалась в том, чтобы связать боем наши истребители и дать возможность отбомбиться другим группам своих бомбардировщиков, шедших на Новороссийск. С командного пункта Литвинчуку было приказано немедленно вернуться к объекту прикрытия. Комэск умело вывел своих ведомых из боя и собрал в группу. Вся восьмерка строем вернулась к Малой земле. Вскоре ее сменила другая группа гвардейцев.

Задача была выполнена блестяще.

* * *

В полдень шесть Ме-109 и восемь Хе-111 сделали новую попытку нанести удар по нашим наземным войскам. В воздухе

находилась пара «ястребков» — Карасева и Любимкова. Семен Карасев — ветеран гвардейцев, прославившийся еще в сентябре сорок первого тем, что таранил «юнкерс», — решил воспользоваться преимуществом в высоте и внезапно атаковать противника. Стремительно обрушившись сверху, отважные гвардейцы сломали строй гитлеровских бомбардировщиков. Затем вступили в бой с «мессершмиттами». Карасев удачно атаковал одного из гитлеровцев, но вдруг заметил, что хвост его не прикрыт: молодой Любимков сам ринулся в атаку.

— На место! — повелительно крикнул ведущий.

Его ученик моментально выполнил команду, и они вместе завязали бой на крутых виражах с двумя гитлеровцами. На четвертой атаке Карасев срезал одного из них меткой очередью с пятидесяти метров. Второго предоставил Любимкову, а сам прикрывал его. Гитлеровцу едва удалось удрать...

Во второй половине дня в воздух поднялась четверка истребителей во главе с Владимиром Снесаревым. Вскоре с земли поступило приказание: следовать с набором высоты в район Новороссийска — туда прорвался «Фокке-Вульф-189» под прикрытием двух «мессеров». [349]

Опытнейший воздушный боец Снесарев молниеносно атаковал ведущий «мессершмитт» сверху и первой же очередью сразил его. Второй гитлеровский истребитель решил не испытывать судьбу, удрал, оставив «фокке-вульф» без прикрытия. Снесарев атаковал «раму», ударил из пушки. Фашист успел сманеврировать. Владимир зашел второй раз — «рама» нырнула в почти отвесное пике. Только после пятого удара маневренный, хорошо защищенный броней немецкий разведчик заковылял и врезался в горы...

За восемь минут боя Владимир Снесарев, прикрываемый Кольцовым, Шевцовым и Трофимовым, одержал две чистые победы...

* * *

День клонился к закату. На аэродром на Тонком мысу возвращались истребители, которые ходили на прикрытие штурмовиков. Младший лейтенант Пашутов собрался было в столовую, как его окликнул комэск Литвинчук.

— Слетаем еще разок. Со звеном Краснова. Распорядись, чтобы моторы опробовали.

— Есть, командир! — молодой летчик боготворил своего наставника и рад был лететь с ним когда и куда угодно.

Впрочем, по возрасту Литвинчук был немногим старше него, года на два. А Пашутову шел лишь двадцатый. Но о комэске

ходили легенды. Вспомнить хотя бы его полеты на подвеске у ТБ-3, отчаянно дерзкие налеты на Черноводский мост из-под крыла летучего авианосца, в самом начале войны, вместе с прославленным асом Арсением Шубиковым. А сколько еще было побед! Большая честь летать в паре с таким командиром...

В воздух взмыли шестеркой.

Вскоре последовала команда с земли:

— В квадрате двадцать два — вражеский корректировщик... [350]

Опять эта юркая «рама»! Двухфюзеляжный (за что так и прозван), двухмоторный ФВ-189 редко кому удавалось сбить. От осколков зенитных снарядов и пулеметных очередей он был хорошо защищен броней, от истребителей спасался маневренностью. Мог пикировать, поворачиваться вокруг своей оси, чуть ли не останавливаться на месте.

Сейчас «рама» под прикрытием шести Ме-109 ходила галсами на высоте четырех с половиной тысяч метров над Новороссийском, корректируя огонь своей дальнобойной артиллерии. Литвинчук ушел в сторону солнца, набрал пять тысяч. Приказал четверке Краснова связать боем «мессеры», сам с Пашутовым устремился к корректировщику.

— Атакуем.

Ведомый надежно прикрыл командира. Экипаж «рамы», видя, что «мессеры» скованы боем, принялся маневрировать, уклоняясь от атак резкими эволюциями. Затем, поняв, что надолго лишился прикрытия и отбиться не удастся, стал пикировать в сторону Тамани. Угол снижения доходил до восьмидесяти-девяноста градусов. Литвинчук не удовлетворился срывом корректировки вражеского артогня и, в свою очередь, рискованно сманеврировав, всадил пару очередей в один из фюзеляжей «рамы».

Убедившись, что отбил у корректировщика охоту висеть над позициями наших войск, вернулся к товарищам. «Мессеры», заметив это, стали поочередно выходить из боя. Однако один, очевидно ведущий, решил помериться силой с Борисом. После бешеной воздушной карусели Литвинчук крепко засел на хвосте гитлеровского аса и стал бить его из пушки и пулеметов. Стремясь оторваться от преследования, тот перешел в крутое пике. Но «мессер» не «рама», Борис быстро настиг его, сблизился до полусотни метров и почти в упор расстрелял из пушки. Вражеский истребитель загорелся, крутнул [351] несколько оборотов в штопоре, с воем врезался в землю...

Ведомыми был сбит еще один «мессершмитт».

Через несколько дней после этого боя вернувшегося из очередного полета Литвинчука на аэродроме окружили друзья.

— Борис, посмотри, кого ты сбил! Это же знаменитый фашистский ас! Грозой был на фронтах Западной Европы...

Литвинчук взял газету, равнодушно скользнул взглядом по строчкам.

— Ну так Европы... Там они в воздухе были хозяева...

Да, в нашем воздухе хозяевами стали мы. И перелом этот впервые явно обозначился именно здесь, на нашем фронте, в небе над кубанскими степями, в предгорьях Кавказа, над Черным и Азовским морями...

День 11 сентября был для наших друзей-истребителей особенно «урожайным»: они сбили в воздушных боях десять вражеских самолетов и пять повредили.

* * *

Войска 18-й десантной армии и морская пехота теснили врага в Новороссийске. Ни на минуту, ни днем ни ночью не затихали ожесточенные бои. Непрерывный гул сотен орудий доносился до наших аэродромов...

А мы — «длинная рука командования ВВС» — выполняли задачи в глубоком тылу противника. Признаться, было немного досадно. Хоть, конечно, и понимали, что, нанося торпедные и бомбовые удары по транспортам в море и в портах, мы непосредственно помогаем фронту, мешаем врагу подвозить подкрепления на Тамань. А постановкой мин на его дальних фарватерах, может быть, и способствуем осуществлению дальнейших замыслов командования: ведь наступление только еще началось...

14 сентября шесть самолетов-миноносцев готовились отправиться в далекий путь. Им предстояло пересечь [352] море с востока на запад, оставить справа Румынию, пролететь над Болгарией и поставить мины на реке Дунай юго-западнее Бухареста.

Для обеспечения взлета с прифронтового аэродрома, сбора группы и отхода ее на безопасное расстояние в море была выделена пара истребителей. Их пилотировали капитан Литвинчук и лейтенант Наржимский.

Взлетели засветло. Сначала «ястребки», затем тяжело нагруженные миноносцы.

Когда группа находилась еще в видимости берега, Наржимский доложил своему командиру:

— Выше слева два самолета!

— Продолжай наблюдение, — спокойно ответил Литвинчук.

Два ФВ-190 легли на курс миноносцев — преследование. Наши экипажи сомкнули строй. «Фоккеры» осторожно пошли на

сближение. Трассы крупнокалиберных пулеметов заставили их отступить. Выждав несколько минут, гитлеровцы бросились в атаку. Она вновь была отбита пулеметным огнем воздушных стрелков. Еще атака. Опять дружный огонь...

Литвинчук и Наржимский не вмешивались.

Гитлеровцы обнаглели. Набрасывались то с одной стороны, то с другой, издали открывали огонь. Трассы их пулеметов и пушек несколько раз пронизывали строй...

Наши истребители по-прежнему барражировали в стороне.

Едва ли экипажи тяжелых «илов» догадывались о замысле врага. Но они полностью доверяли Литвинчуку. Если Борис не ввязывается в бой, значит, на то есть серьезнейшая причина.

Вдруг все стало ясно. Откуда-то снизу внезапно вынырнули еще четыре «фоккера», сразу бросились в атаку на строй самолетов-миноносцев. Не связанные боем, своевременно разгадавшие хитрость Литвинчук и [353] Наржимский метнулись им наперерез. Несколько ярко сверкнувших в вечереющем небе молний — и ведущий фашист вспыхнул, перевернулся. Его ведомого с первой очереди срезал Наржимский.

Вот это работа! Работа Литвинчука! Представляю, что он чувствовал, когда летал в сторонке, а пара гитлеровцев, полагая, наверно, что он трусит, щипала наш строй...

Зато какая победа! Гитлеровцев оставалось еще вдвое больше, но теперь они уже паслись смирно в сторонке, испытывая не притворный, а настоящий страх. Вскоре и вовсе отстали, повернули обратно к берегу, сославшись, наверно, на то, что горючее на исходе.

Через четверть часа вынуждена была вернуться и наша пара. Ведущий группы миноносцев старший лейтенант Дмитрий Бабий горячо поблагодарил отважных «ястребков» и тут же доложил на командный пункт об одержанной ими победе. Литвинчук и Наржимский пошли на свой аэродром, а экипажам миноносцев предстоял еще утомительный и опасный десятичасовой полет...

* * *

Дима Бабий прилетел к нам из базы за несколько часов до получения этого задания, утром 14 сентября. Привез с собой бочонок вина, бережно отнес в землянку.

— Ребята, не трогать! Это вино особенное...

— Вот и попробуем, если особенное!

— Не трогать, сказал?

— Да ты что, Дима? На свадьбу, что ли, решил его приберечь?

— Больше, чем на свадьбу. На днях вышвырнем гитлеровскую

нечисть из Новороссийска. Тогда и выпьем.

С этим все согласились.

Но выпить за победу Диме не довелось.

Наутро из глубокого тыла врага возвратилось семь самолетов. Бабия среди них не было. Долго ждали: может, вернется? Прошло утро, миновал день. Вечером в [354] журнале боевых действий появилась очередная запись: «С боевого задания не возвратился экипаж в составе летчика старшего лейтенанта Дмитрия Федоровича Бабия, штурмана капитана Леонида Ивановича Лебедева, воздушного стрелка-радиста сержанта Павла Петровича Лелеко, воздушного стрелка сержанта Дмитрия Петровича Филиппенко».

Отличный, славный экипаж. Какие ребята! Не было у меня никого в полку дороже и ближе Димы...

Через день был освобожден Новороссийск. Мы исполнили желание Димы. Первые кружки, как он и мечтал, выпили за победу. Второй тост я произнес про себя: не было принято пить за возвращение тех, кого, может быть, нет в живых...

Потом в штабе читал наградной лист, подписанный полковником Токаревым, — Дима за несколько дней до последнего вылета получил второй орден Красного Знамени:

«Гвардии старший лейтенант Бабий за период Отечественной войны с германским фашизмом совершил 167 боевых вылетов... Летал на бомбоудары по линии фронта, аэродромам противника, военно-морским базам, по плавсредствам в базах и в море, по железнодорожным станциям и эшелонам, на воздушную разведку военно-морских баз и плавсредств, на торпедирование транспортов, на постановку мин, на обеспечение крымских партизан вооружением и продуктами питания и на прикрытие кораблей. За этот период его экипажем уничтожено... Гвардии старший лейтенант Бабий проявляет мужество и отвагу в борьбе с германским фашизмом, в бой идет смело, решительно, с желанием...»

* * *

Неизвестно, когда в эти дни отдыхал комэск Литвинчук. Получал задания и отдавал приказы, выслушивал доклады и докладывал сам, формировал группы и направлял [355] их в бой... А главное — летал! Лично водил своих подчиненных в самые отчаянные схватки.

И всегда побеждал.

В последний день боев за Новороссийск, 16 сентября, вылетел по тревоге во главе четверки. Огромный четырехмоторный вражеский гидроплан «Гамбург-139» ходил на траверзе

Геленджика на высоте тридцать метров над морем галсами, очевидно, осуществляя поиск наших подводных лодок или экипажей сбитых фашистских самолетов. На Черном море эти трехкилевые чудовища появились в конце сорок второго года. Имея шесть человек экипажа, мощное вооружение, надежную броневую защиту и обладая большой дальностью полета, они активно действовали на наших коммуникациях, взаимодействуя с итальянскими торпедными катерами, создавали напряженную обстановку у побережья. Сбить или серьезно повредить такую махину было очень и очень непросто.

Набрав шестьсот метров, четверка Литвинчука разделилась попарно и стала атаковать с двух сторон. «Гамбург» развернулся, снизился почти до самой воды (для него это опасности не представляло) и, маневрируя, стал уходить на повышенной скорости в сторону Анапы. Атаки истребителей следовали одна за другой, но «Гамбург» оставался неуязвимым. Фашистский экипаж вел сильный пулеметный огонь с турельных установок, зажигательные пули роем неслись в сторону наших машин. Гвардейцы продолжали упорно атаковать.

Уже не одна очередь впилась в серо-зеленое тело «летающего дракона». Наконец на нем задымил один мотор. Затем второй. Шлейф черного дыма пластался за хвостом «Гамбурга». Вскоре он плюхнулся в воду: для низкого полета не хватило тяги двух уцелевших моторов. Попытался маневрировать на воде. Но это у него получалось плохо. Тогда, бешено отстреливаясь, он на повышенной [356] скорости порулил к берегу в направлении Южной Озерейки.

— Не уйдешь, гад! — услышали товарищи азартный голос Литвинчука.

Наступил момент для решающего удара. И тут раздался голос Жоры Колонтаенко.

— Сверху справа «мессеры» и «фоккеры»...

Восемь вражеских истребителей с бубновыми тузами на фюзеляжах были уже близко и, по всему, опасались лишь одного: как бы советским летчикам не удалось безнаказанно скрыться.

Не тут-то было.

— В атаку, за мной! — скомандовал Литвинчук и устремился им навстречу. Чтобы избежать неминуемого столкновения, гитлеровские асы резко взмыли вверх. Литвинчук и его ведомые в точности повторили их маневр. Затем навязали врагу активный бой. Закружилась смертельная карусель...

Фашистские истребители, очевидно, были вызваны с аэродрома Анапа экипажем подбитого «Гамбурга». Их число в ходе боя наращивалось. Вскоре против нашей четверки сражалось

четырнадцать вражеских стервятников. Литвинчук доложил на командный пункт обстановку, попросил выслать помощь. О том, чтобы выйти из боя, ни у кого из четверых не возникло и мысли.

— Держись, ребята! — крикнул друзьям комэск.

Сошелся на встречном курсе лоб в лоб с одним из немецких асов. В самый последний момент обе машины свечой взмыли вверх, по инерции продолжая сближаться. Гитлеровец отвернул первым, и потому шел чуть выше Литвинчука. На какой-то миг оказался в его прицеле. Этого было достаточно. Короткая очередь, отход в сторону. «Мессер» сорвался в штопор.

Продолжая набирать высоту, Борис проводил его взглядом: фашист врезался в воду в районе Южной [357] Озерейки. Одновременно увидел: со стороны Геленджика спешат на выручку друзья...

Бой еще более ожесточился. Пара «мессеров» зашла в хвост машины Литвинчука. Фашисты решили отколоть самого опасного противника от группы и расправиться с ним в стороне. Командир звена Краснов вовремя понял это. Выйдя из боевого разворота, решительно устремился на помощь. Его ведомый лейтенант Колонтаенко, искусно перейдя в правый пеленг, с короткой дистанции дал очередь по ведущему гитлеровцу. Объятый пламенем враг по крутой глиссаде скользнул в море...

Колонтаенко устремился наперерез второму, дал заградительную очередь. Но фашист уже нажал на гашетки. Сноп огня пронесся рядом с машиной Литвинчука. Колонтаенко снова прицелился. Огонь! Насмерть ужаленный «мессер» отвернул к берегу, волоча за собой черный хвост...

— Спасибо, Жора! — крикнул комэск, разглядев десятку на хвосте пронесшейся мимо машины.

Потеряв своего ведущего, гитлеровцы поубавили пыл. Один за другим стали отворачивать в сторону Анапы.

На исходе был бензин и у наших. Литвинчук искусно выводил друзей из боя, они возвращались на свой аэродром. Пролетая вблизи Южной Озерейки, видели «гамбург»: его буксировали катером в сторону Анапы...

В тот день ежечасно в воздухе вспыхивали ожесточенные бои. Завязанные небольшими группами, они моментально превращались в целые сражения: аэродромы и той и другой стороны располагались рядом.

...Облетывая машину над морем, летчик лейтенант Сурен Тащиев встретил группу вражеских истребителей. Раздумывать было некогда — решали секунды. Поймав в перекрестие ведущего, гвардеец дал очередь из 37-миллиметровой пушки. Встречные, пушечно-пулеметные трассы ударили по самолету

смельчака...

У гитлеровца снарядами был снесен фонарь, самолет [358] мгновенно потерял управление, врезался в воду, взорвался. Остальные немцы были настолько ошеломлены, что не преследовали явно поврежденную машину советского летчика. Как потом выяснилось, Тещиев сбил видного руководителя люфтваффе в Крыму.

У Тащиева была разбита верхняя часть кабины, пробиты стабилизатор и центроплан. Сам летчик получил ранение в голову. Машина шла со снижением. На помощь подоспели друзья. Под их прикрытием Тащиев долетел до аэродрома и произвел посадку. Бывалые гвардейцы удивлялись, как ему это удалось...

За Новороссийск! Штурмовики

Так сражались за Новороссийск наши друзья-истребители.

Со штурмовиками нам прямо взаимодействовать не приходилось, о них мы знали меньше.

Но вот — одна встреча.

Аэродром 8-го гвардейского штурмового авиаполка располагался в пяти километрах от нашего. Вечером на третий день боев мы со штурманом Петром Прокопчуком возвращались на полуторке из Геленджика в свою эскадрилью. Дорога вилась вдоль бухты. Внезапно из темноты выскочил человек в морской форме, поднял руку. Прокопчук стукнул ладонью по крыше кабины.

— На Тонкий мыс, хлопцы? — прозвучал из полутьмы голос.

— А вам?

— Почти по пути, в штурмовой! Подбили вчера тут нашего...

Легко впрыгнув в кузов, летчик продолжил рассказ. Вражеские зенитки подбили Ил-2 над Новороссийском. Упал в бухту. Экипаж был подобран каким-то нашим катером. Вот ездил встречать их. Не нашел. Дома, наверно, уже ребята... [359]

— Много у вас потерь?

— Терпимо, У них-то больше! Спасибо, что подкинули, с рассветом вылет...

Высадили его у самой землянки. Слезли и сами — покурить, узнать, вернулся ли спасшийся экипаж. По тому, как окружили нашего попутчика выскочившие навстречу товарищи, догадались: нет, еще не вернулся.

— Попов, а ты точно видел, что их подобрали?

— Да что вы, ребята! — возмущался тот, кого спрашивали, должно быть, в сотый уже раз. — Два круга сделал над катером, говорю! С палубы помахали руками...

Попов? Жора? Ну да, точно, он! Мой ведомый из тридцать шестого. В прошлом году вместе летали... Азартный парень, страсть любил «делать окрошку» из гитлеровских колонн...

— Жора? Попов? — окликнул, когда от него отстали. Он обернулся, вгляделся.

— Вася?!

Объятья, хлопки, пинки...

— Добился работки себе по душе?

— Предложили, пошел...

— И как?

— Воюю, как все... — скромно потупился Жора.

— Па-чему врешь, слушай? — блеснув орденами, выступил из

темноты стройный подтянутый летчик. — Двенадцать вылетов сделал уже на Новороссийск! — пояснил мне с кавказским акцентом. — По три раза в день летает!

— Как это? — тихонько спросил я.

— Наш комэск, капитан Вартаньян, — в шепоте Жоры почувствовался укор: неужели не слышал?

— Слышал, слышал, — поспешил заверить я.

Вартаньян и еще пара летчиков присоединились к нам. Несмотря на смущение Жоры, может быть даже немножко любуясь им, принялись наперебой рассказывать о подвигах моего бывшего подчиненного. Видно было, что его здесь любят. [360]

— Ха-ароший специалист! — блестел глазами веселый комэск Вартаньян. — По русской окрошке, — смачно выговорил знакомое Жоркино словцо.

Жора застенчиво улыбался, пряча глаза в темноте.

Оказалось, за пять месяцев в штурмовом полку Георгий Попов стал прославленным воздушным бойцом, водит в бой большие группы, мастерски крушит оборону врага. Дважды был сбит, но из строя не вышел. Во второй раз сел в плавнях на территории, занятой противником, шесть дней пробирался к своим...

Долго задерживаться мы не могли, с Жорой договорились, что встретимся после освобождения Новороссийска.

16 сентября вечером он появился у нас в столовой.

Новороссийск был освобожден.

— Хо, штурмовик! — шумно встретили гостя курившие у входа ребята: мы успели уже осушить первый тост за победу. — Садись! Вместе праздновать будем!

Жора, смущаясь и сильно хромая, прошел ко мне.

— Как это ты? — я все же не мог скрыть удивления.

— Как обещал, — скромно потупился Жора.

— И в такой день тебя отпустили? И Вартаньян?

Жора потупился больше.

— Ну давай! — подвинул я кружку.

Жора выпил. На предложение закусить отрицательно помотал головой. Вообще был странный. Смотрел пустыми глазами куда-то в дальнюю стену столовой, молчал.

— Как все-таки отпустили тебя ребята? — попытался я его разговорить.

— Никто и не отпускал, — устало вздохнул он. — С пристани зашел по пути, подбили вчера над Васильевкой... Поможешь добраться на аэродром?

* * *

После обеда вчера к ним поступил приказ: уничтожить артиллерийские батареи врага под Новороссийском. [361]

Шестерку «илов» повел Попов. Группу сопровождала четверка ЛаГГ-3, маршрут был давно известен. Вошли в Цемесскую бухту, справа показалась и растаяла в голубой дымке Кабардинка, слева — Малая земля. Боев здесь уже не было, кой-где дымились развалины укрепленных строений, развороченные блиндажи...

Новороссийск — весь в дымах — оставили в стороне, вышли в район артиллерийских позиций врага.

Здесь группу встретил ожесточенный огонь зениток. Шестерка распределилась по целям, пошла на штурмовку. Каждую пару встречал шквал разрывов, трассы «эрликонов»...

Прорвались.

Убедившись, что батареи противника потонули в дыму и пламени, Попов стал собирать свою группу. Тут и ударило... Машину бросило влево, она накренилась, стала входить в пике. С трудом перевалив ее в правый разворот, Жора услышал сдавленный голос штурмана:

— Командир, я ранен...

Бросил взгляд на крыло — отбит левый элерон. Попытался доковылять до своих на правых виражах. Описывая дугу, кое-как дотянул до Мысхако. Наскоро выбрал площадку, с креном посадил машину на изрытое снарядами поле. Вытащил из кабины раненого штурмана, укрыл его в воронке: как раз начался артобстрел...

— Вот так и попал к вам, — закончил Жора. — Сегодня только сумел пробиться на попутный сейнер...

— А в полку? Знают ребята, что ты жив? Вартаньян-то, чай, будет рад!

Жора отвел взгляд.

— В полк позвонил. Отсюда, уже от вас. А Вартаньян... Нет Вартаньяна-то, Вася. Позавчера...

Позавчера рано утром они вылетели на уничтожение плавсредств в порту Анапа. Восьмерку вел Варткез Вартаньян. К цели шли морем, на бреющем, незамеченными [362] достигли порта. Для фашистов — гром с ясного неба! С ходу, парами атаковали десяток быстроходных десантных барж у причалов. Зенитки с огнем запоздали, лупили остервенело, но бестолково. Хороший получился удар. Три баржи сразу взорвались, на трех — пожары. На молу тоже пожары, взрывы...

В пылу боя ведомые даже не заметили, что машина комэска подбита. Он продолжал вести группу на новую цель, хотя мотор у него дымил. Пушечно-пулеметным огнем, эрэсами обстреляли пехоту, колонну автомашин. На отходе от цели напало четыре

«фоккера». Один с ходу устремился на израненный самолет. Ведомый Вартаньяна, летчик Парменов, бросил свою машину наперерез... Поздно! Пушечная очередь прошила самолет комэска, машина вздрогнула, качнулась, упала в пике и врезалась в воду. Остальные пристроились друг другу в хвост, замкнули кольцо, ощетинились стволами пушек и пулеметов. Так и долетели, все семеро, а командир...

— Как старший брат он мне был, — закончил Жора свой торопливый рассказ. — Какой человек!..

Я помог ему, выпросил у дежурного по штабу машину, довез до самого аэродрома, как три дня назад. До той же самой землянки. И так же выскакивали навстречу ребята, беспокойно всматривались во тьму...

— Жора! Живой? Ну как ты?..

Бросались, обнимали, расспрашивали...

Я ждал. Казалось, вот-вот прозвучит из тьмы веселый, с кавказским акцентом, говор: «Па-чему врешь, слушай...»

Каждый день здесь друзья ожидают друзей?

* * *

В первый день наступления, 10 сентября, на рассвете, «илы» 8-го ГШАП встретились нам в воздухе. Мы шли домой, они на штурмовку вражеских позиций. Как оказалось потом, это была девятка майора Владимира [363] Куняха. Над целью ее атаковали «мессеры». Штурмовики продолжали свою работу. Атаку «мессершмиттов» отбили истребители прикрытия во главе с лейтенантом Чураковым, один из фашистских стервятников был сбит. Группа Куняха оказала большую помощь нашим десантникам, которые вели бой в районе вокзала.

Когда гитлеровцы бросили в контратаку танки, на смену ей подоспела группа капитана Варткеза Вартаньяна. После шести заходов отважных штурмовиков над привокзальными улицами поднялось полдесятка высоченных черных свечей...

Враг бросал в бой все новые и новые силы. По дорогам к городу тянулись колонны танков, орудий, бронетранспортеров, автомашин с пехотой. Сквозь сплошную завесу огня прорвались к ним штурмовики капитана Александра Данилова. По ведущему сосредоточила огонь целая батарея. Летчик Самойленко снизился и эрэсами расстрелял ее. А когда сам оказался под огнем другой батареи, ее подавил Глухарев.

Так, приходя на помощь друг другу и сменяя друг друга, штурмовики непрерывно громили механизированные колонны врага на подступах к Новороссийску.

Когда отдельные отряды десантников, глубоко вклинившись в

оборону противника, теряли связь со своими ближними тылами, штурмовики Данилов, Дорофеев, Глухарев, Игнатьев, Колосов и другие под непрерывным ожесточенным огнем находили их и сбрасывали на парашютах все необходимое.

Поистине героически сражались наши «летающие танки»!

В атаке самолет младшего лейтенанта Татаринова получил тяжелое повреждение: осколком перебило маслопровод, мотор мог заклиниться в любую секунду. Но отважный комсомолец, презирая смерть, продолжал громить врага... [364]

У «ила» младшего лейтенанта Бабенко снарядом отбило шасси, повредило стабилизатор и плоскости. Молодой летчик сумел сбросить бомбы по цели, привести самолет на аэродром и посадить на одно колесо...

С Жорой Поповым я встречался еще не раз. Многое рассказал он о тех штурмовках, в которых участвовал сам в эти дни.

Второй вылет 10 сентября он совершил в составе восьмерки, ведущим которой был Вартаньян. Штурмовали моторизованную колонну. Сильный огонь вражеских зениток не смог помешать точно выйти на цель. Ливень реактивных снарядов, бомб, пушечно-пулеметных трасс устремился к земле. На дороге остались горящие автомашины, более сотни трупов фашистских солдат...

Третий боевой вылет — в составе шестерки. Штурмовка войск противника на северо-западной окраина Новороссийска. Пять заходов. Уничтожено до двухсот гитлеровцев, огневые средства...

11 сентября с утра — вылет на уничтожение колонны вражеской техники в районе Мефодиевский. Группу вел капитан Парменов. Восемь штурмовиков и шесть истребителей с ходу обрушились на врага. Словно спичечные коробки, вспыхивали тяжелые машины, опрокидывались изуродованные пушки, в ужасе разбегались гитлеровцы...

Все самолеты вернулись на свой аэродром.

В последующие дни обстановка осложнилась. Гитлеровцы подтянули полевую и дальнобойную артиллерию, начали интенсивный обстрел наших войск. Активизировала действия и немецкая авиация.

Главными целями для полка стали артиллерийские и минометные позиции, дзоты и танки в укрытиях — огневая система врага.

12 сентября Георгий Попов повел шестерку «илов» на уничтожение артиллерийской батареи в районе Васильевка. Несмотря на сильнейший зенитный огонь, группа [365] сделала три захода. Уничтожила орудия, тягачи, взорвала боеприпасы.

В бою погиб один экипаж — летчик Потапов, воздушный

стрелок Ткаченко.

В тот же день группа, возглавляемая Вартаньяном, успешно нанесла удар по артиллерийско-минометным позициям в районе Мефодиевский.

Нанесение эффективных ударов по целям, расположенным на сравнительно небольшой площади, требовало от летчиков высокого мастерства и отваги. Без нескольких заходов тут было не обойтись. А неподвижные цели, как правило, были гораздо надежнее защищены зенитным огнем, чем, например, колонны на марше. Однако и к этим условиям летчики 8-го гвардейского штурмового полка оказались подготовленными блестяще. Самоотверженность, хладнокровие и находчивость проявил, например, старший лейтенант Андрей Дорофеев, группе которого была поставлена задача уничтожить хорошо замаскированную полевую батарею противника, мешающую продвижению десантников. При появлении наших самолетов фашистские артиллеристы немедленно прекращали огонь, батарея делалась невидимой. Дорофеев перехитрил врага. Выбрав момент, когда, по обстановке, огонь батареи был особенно необходим немцам, он повел свою группу далеко стороной. Гитлеровские артиллеристы выдали себя. Дорофеев несколько раз засек их позицию по вспышкам выстрелов, развернулся и с первого захода накрыл цель.

В следующий свой вылет Дорофеев подавил дальнобойную батарею, тщательно замаскированную в лесу. Терпение, выдержка, наблюдательность и отвага выиграли и на этот раз.

14 сентября за работой гвардейцев-штурмовиков наблюдал командующий Северо-Кавказским фронтом генерал-полковник Иван Ефимович Петров. Он высоко оценил их действия, всем участвовавшим в бою экипажам [366] объявил благодарность. Шесть «илов» под прикрытием четырех истребителей Як-1 штурмовали скопление противника в районе Мефодиевский. Вел группу капитан Парменов, Попов был его заместителем. Под ожесточенным огнем зениток штурмовики сделали три захода, уничтожили две минометные батареи и много живой силы врага.

В этом бою погибли летчик Москвичев и воздушный стрелок Гусин-Сницер...

Бои на земле не стихали и ночью. Воздушные бойцы также сражались круглые сутки. С наступлением темноты могучие «илы» сменялись маленькими юркими По-2.

Множество подвигов было совершено в воздухе, на земле и на море в битве за Новороссийск. Но особое место в памяти занимает скромный, неброский подвиг девчат 46-го авиаполка. Они прилетели к нам перед началом операции. Жили рядом в

землянках. С раннего вечера и до рассвета трещали моторы знакомых нам с аэроклубовских давних времен маленьких юрких бипланов. Тогда, в аэроклубах, он назывался У-2 — учебный. Теперь — легкий ночной бомбардировщик По-2. За шесть ночей летчица Серафима Амосова совершила двадцать восемь боевых вылетов, Людмила Клопкова — двадцать шесть. Штурманы Агафья Беспалова и Мери Авидзба — тоже по двадцать шесть. Так и другие...

И откуда только брались силы у героических этих девчат?

* * *

16 сентября 1943 года город Новороссийск был полностью освобожден.

Москва салютовала войскам Северо-Кавказского фронта и морякам Черноморского флота, одержавшим большую победу. За отличные боевые действия всем воинам, участвовавшим в освобождении Новороссийска, приказом Верховного Главнокомандующего была объявлена благодарность. [367]

Новороссийск стал символом героизма советского народа в борьбе с ненавистным врагом.

Последние удары

Разгромив крупную группировку противника в районе Новороссийска и прорвав его мощный оборонительный рубеж «Голубую линию», наши войска продолжали теснить врага, прижимая его к Керченскому проливу. Судьба фашистских войск на Таманском полуострове была решена. Но враг ожесточенно сопротивлялся, пытаюсь сдержать наше наступление и дать возможность своим частям эвакуироваться в Крым.

Одновременно на мелитопольском и запорожском направлениях успешно развивалось наступление Южного и Юго-Западного фронтов, что в перспективе создавало угрозу крымской группировке противника. Предвидя это, немцы с лихорадочной поспешностью вывозили морем награбленные на юге нашей страны и сосредоточенные в Крыму запасы. Перевозки велись через Севастополь, частично через Феодосию.

Перед авиацией 4-й воздушной армии и Черноморского флота была поставлена задача воспрепятствовать морским перевозкам врага. Морская авиация, действовала в основном на дальних коммуникациях.

* * *

Три экипажа торпедоносцев заступили в готовность. Ведущим назначен я. День серенький, дождливый, порывистый ветер гонит над аэродромом клочья облаков. Приказание на вылет поступает, как всегда, неожиданно: нанести удар по транспорту, следующему в составе конвоя в Севастополь.

Предварительное решение: атаковать цель с ходу, с разных направлений. Это позволит сковать маневр транспорта, рассредоточить зенитный огонь.

Впрочем, бой есть бой. На месте все будет виднее. [368]

Стартуем. Справа от меня летит Дурновцев, слева Ковтун. Пилотирование машин на малой высоте затрудняет болтанка, однако ведомые держат строй уверенно. Подниматься не имеет смысла: скоро район цели.

Конвой обнаружили на встречном курсе. Сигналом подаю команду: разойтись для атаки! Сам, чуть задержавшись, захожу под углом тридцать — сорок градусов к направлению движения транспорта. Расчет на то, что, уклоняясь от атаки ведомых, он подставит мне борт.

Не тут-то было. Дурновцев и Ковтун оттянулись назад и продолжают лететь со мной.

Не поняли команды?

Под огнем зениток эволюциями самолета вновь указываю — атаковать с разных направлений.

Они по-прежнему идут за мной.

Выйти из атаки и повторить все сначала? Нет, тут не полигон. Противовоздушная оборона конвоя издали разгадает маневр, и потерь не миновать.

Не знаю, как объяснили себе гитлеровцы наше намерение — торпедировать транспорт с носовых курсовых углов, но маневрировать не стали.

Довернув вправо, чтобы увеличить угол атаки, иду на сближение. Огонь усиливается. Подключаются «эрликоны», пулеметы. Сзади заходят два самолета противника, прикрывающие конвой.

— Сброс!

Ведомые делают то же.

Транспорт круто поворачивает на торпеды. Наша ошибка очевидна.

Маневрируя, выхожу из зоны огня. Досаде нет предела. Черт знает что! Будто за тем и летели, чтобы нам насажали дырок...

— Панов, доложи на командный пункт: цель уклонилась.

Пошлют других. Нельзя же позволять разгуливать по морю обнаруженному конвою. [369]

На земле мрачно осведомляюсь у ведомых, почему не выполнили команды.

— Думали, групповой удар...

— А сигналы?

Пожимают плечами: не поняли, было не до того... И ведь не новички, особенно Ковтун. Привыкли действовать по шаблону.

— Ну ладно, ждите. Научат вас понимать!

Меня — тем более. Как готовить подчиненные экипажи, разрабатывать предварительный замысел. Самонадеянность...

На следующий день на разбор прибыл недавно назначенный на Черноморский флот начальник штаба ВВС полковник Петров. Выслушал наши объяснения, сделал общие замечания по организации торпедных ударов.

Ясно: выводы в письменной форме.

Через день нас с Прилуцким вызвали в штаб дивизии, ознакомили с шифротелеграммой. Указывались наши ошибки при атаке, делались серьезные предупреждения.

Само собой, не остались без внимания и Ковтун с Дурновцевым.

Да, миновало то время, когда было простительно «мазать»...

* * *

Днем 22 сентября приказание — нанести удар по транспорту, идущему в охранении десяти боевых кораблей.

Ценность перевозимого груза очевидна. Пять самолетов срочно вооружили торпедами для низкого и высотного торпедометания. Первая тройка — высотных — должна сбросить торпеды одновременно. Пара низких торпедоносцев — нанести удар через несколько секунд. Группу высотных повел наш комэск Саликов, низкие возглавил Лобанов.

К конвою шли все вместе на малой высоте, внимательно следя за воздухом. Перед целью разделились: [370] Саликов, Жестков и я пошли в набор высоты, Лобанов и Пресич продолжали полет на малой.

Нашу тройку вел штурман эскадрильи Федор Николаевич Аглотков. Его огромный опыт вселял в нас уверенность.

— Цель вижу! — в наушниках голос Прилуцкого. В ту же секунду ведущий меняет курс.

Атака!

Мощная противовоздушная оборона конвоя умело разделила огонь. Паре Лобанова приходилось тяжелее: навстречу ей противник выставил сплошной заслон из разрывов и трасс.

— Цель приближается к перекрестию...

Строго выдерживаю дистанцию, интервал в строю. Стальная сигара отделяется от ведущего самолета, над ней раскрывается огромный парашют. Спустя секунду нажимает на кнопку Прилуцкий. Приподнимается на сиденье, чтобы лучше видеть через нижнее переднее стекло. Внизу почти одновременно вырастают три водяных султана. Торпеды приводнились, начали циркулировать — описывать круги среди вражеских кораблей.

— Как? — нетерпеливо спрашиваю Николая.

— Работают... — И тут же: — Взрыв! Чья-то попала! В транспорт! Между кормой и трубой...

Да, одновременная атака высотных и низких торпедоносцев полностью себя оправдала. Вражеский транспорт водоизмещением три тысячи тонн пошел на дно моря, унося с собой весьма ценный для гитлеровцев груз. Все самолеты вернулись на аэродром, хотя и порядочно изрешеченные осколками. Особенно, конечно, досталось паре низких торпедоносцев.

* * *

За нашим экипажем числился «долг». Мы трижды летали в тыл врага и каждый раз возвращались, не сбросив парашютиста. Вины нашей в том не было: самолет каждый раз достигал цели, но сложные метеорологические [371] условия — дождь, туман,

сплошная облачность — не позволяли выполнить задачу. Трижды разведчик пересекал с нами Черное море с востока на запад и трижды мы привозили его обратно.

Парашютист, веселый молдаванин, за это время успел подружиться с нами. До войны он плавал на судах торгового флота, знал несколько языков, приобрел много профессий. Отличный спортсмен — боксер. После некоторых колебаний он поведал нам и о том, что перед уходом в тыл врага просил свое начальство сделать его инвалидом — отрезать руку. Это, по его мнению, надежней бы обеспечило выполнение задания: по документам он был вражеский фельдфебель, прибывший с фронта, из госпиталя. Такая самоотверженность не могла не потрясти даже нас, успевших повидать виды...

20 сентября он сел в наш самолет в четвертый раз.

— Ну, ребята, покатали вы меня! Если опять молоко, кидайте, как-нибудь выплыву!

— Вы-то, может, и выплывете, а мы? — мрачновато возразил Прилуцкий.

Не очень, конечно, удобно было намекать такому парню о том, что нас ждет, если нарушим инструкцию. Но что поделаешь. Кстати, какие нервы надо иметь, чтобы вынести три таких попытки и с шутками отправиться на четвертую!..

— Сегодня у нас страховочка, — кивнул Жуковец на огромную мину, висящую под фюзеляжем. — Вернуться же с ней нельзя. Не сядешь. И сбросить куда попало — слишком накладно. Небесная канцелярия это должна учесть, какие бы бюрократы там ни сидели...

Привычный уже тысячекилометровый ночной полет. Снижаемся до ста метров, идем над Дунаем. Небесная канцелярия оказалась на высоте, видимость прекрасная. Снижаемся до пятидесяти, сбрасываем мину.

Берем курс на Меджидию. На освещенной, как в лучшие довоенные времена, железнодорожной станции — [372] эшелон. Сбрасываем на него бомбы, свет моментально гаснет по всей округе. Этого нам и надо. Уходим в сторону, сбрасываем на кукурузное поле разведчика. Убеждаемся, что парашют раскрылся, желаем в душе отважному парню успехов. Всё!

Оказалось, что не совсем.

Через несколько дней нас вызвал представитель разведывательного отдела. Стал подробно расспрашивать, где мы произвели сброс. Пришлось со всей тщательностью описать место, перечислить характерные ориентиры. Потом нас еще дважды приглашали на подобные разговоры.

Как после выяснилось, дело было в том, что по какой-то

причине разведчик не мог выйти на связь в течение двух месяцев. Командование, возлагавшее на него большие надежды, естественно, было обеспокоено. Затем все наладилось. Отважный «фельдфебель» установил прочную связь с разведотделом флота и до конца боевых действий на Черном море передавал из Констанцы ценнейшие сведения — о времени выхода конвоев противника из порта, об их составе...

* * *

В разведсводках все чаще отмечалось сосредоточение плавсредств противника у севастопольских причалов. К порту то и дело подходили железнодорожные составы, колонны автомашин. Враг эвакуировал из Крыма свои долговременные склады с военным снаряжением, вывозил награбленное добро.

24 сентября нам стало известно: командование авиадивизии приняло решение нанести мощный дневной бомбоудар по кораблям и судам противника в Севастопольском порту. Был разработан план звездного налета десяти групп бомбардировщиков 5-го гвардейского, 36-го и 40-го авиаполков под прикрытием истребителей 11-го гвардейского авиаполка. В течение двух дней велась тщательная подготовка экипажей и самолетов. [373]

Для дальних бомбардировщиков расстояние до Севастополя составляло лишь половину их тактического радиуса действия. Трудность была с использованием Пе-2. Однако выход был найден. Инженеры полка срочно сконструировали дополнительные бензобаки, которые позволили увеличить запас горючего за счет бомбовой нагрузки.

Решено было идти четверкой и пятеркой самолетов Ил-4, тремя пятерками «бостонов», пятеркой и семеркой Пе-2. Все группы — в строю «клин».

Накануне вылета в эскадрильях прошли партийные собрания. У нас с докладом выступил новый наш комэск капитан Саликов. Николай Дмитриевич пользовался огромным авторитетом не только как командир, но и как отважный и опытный летчик. Имея за плечами более двухсот двадцати вылетов, он не упускал случая лично возглавить группу бомбардировщиков или торпедоносцев. И каждый раз его экипаж выполнял задание с честью. Летчики видели в нем образец воздушного бойца. Соединяя богатейший боевой опыт с глубокими теоретическими познаниями, Саликов умел безошибочно оценить обстановку в воздухе и моментально принять необходимое решение.

По-деловому, точно и кратко он изложил особенности предстоящего удара, обратил внимание на возможные ошибки,

указал, как их избежать. Молодые летчики и штурманы ловили каждое его слово: речь шла о чести гвардейцев, об успехе большого дела, об их собственной жизни. Долго еще после собрания они горячо обсуждали между собой советы бывалого командира.

Затем выступил штурман эскадрильи Федор Николаевич Аглотков. Признанный мастер бомбовых и торпедных ударов поделился опытом промера ветра над морем, некоторыми «секретами» безошибочного выхода на цель. [374]

Было что рассказать и таким испытанным воздушным бойцам, как Панов и Некрасов.

Все выступавшие коммунисты заверяли командование и боевых друзей, что выполнят задание с честью.

В полку царило знакомое нам приподнятое боевое настроение, которое всегда предшествовало успеху.

Утром 26 сентября воздушная разведка установила, что в бухтах Севастополя сосредоточены крупный транспорт водоизмещением в восемь тысяч тонн, два танкера, много других судов и кораблей. На берегу — железнодорожные составы с грузом.

Первой поднялась четверка, возглавляемая командиром дивизии полковником Токаревым. В ее числе был и наш самолет. На то была своя причина.

— Ты, Минаков, как я наблюдал, большой мастер по аварийным посадкам, — улыбаясь глазами, сказал перед стартом комдив. — Так вот. Если меня подобьют и я сяду на земле противника, на Качинском аэродроме, садись и ты. Заберешь нас, и улетим перед носом фрицев. Договорились?

Кажется, не шутил. Я-то, по крайней мере, шутить не собирался. Так что этот полет обретал для нашего экипажа еще и особый, почетный смысл.

За нами ушла в воздух пятерка капитана Лобанова. Затем подняли свои группы командиры полков подполковники Ефремов и Корзунсв. Собравшись в единый боевой порядок, тридцать шесть бомбардировщиков двинулись к цели. Маршрут им прокладывал знаменитый на флоте майор Петр Ильич Хохлов — флагманский штурман дивизии. В августе 1941 года он первый сбросил бомбы на Берлин.

Воздушную армаду бомбардировщиков сопровождали истребители. Их возглавлял капитан Борис Михайлович Литвинчук из славного 11-го гвардейского, которым командовал подполковник Любимов — «неистовый истребитель», стальной человек. [375]

Иван Степанович Любимов летал с протезом ноги. И лично

бил гитлеровцев так, что ему мог позавидовать любой из его питомцев.

С таким прикрытием мы чувствовали себя уверенно.

Показался мыс Фиолент. Сигнал. Истребители ушли вперед. Группы бомбардировщиков разделились, взяли курс к цели. Комдив повел нашу четверку на удар по кораблям в Южной бухте.

Севастополь... День-деньской, видимость отличная. Разрывы буквально облепили нас. Один из снарядов попал в крыло самолета Василия Скробова, летевшего рядом со мной. Срезал всю плоскость. Однокрылый самолет, перевернувшись, стал беспорядочно падать. Выпрыгнул кто-то один...

Штурманы уже сбрасывали бомбы. Комдив резко увеличил обороты, строй растянулся. Я неотступно следовал за ведущим. Скорость вдвое превышала допустимую, машина дрожала, вибрировали плоскости. Еще немного, и самолет развалится...

Но над большим транспортом у причала уже вспыхнуло яркое пламя. Другие группы бомбардировщиков били по танкерам, баржам, катерам, складам, портовым сооружениям, эшелонам. Дым пожаров окутал бухты...

На обратном пути догнали три Ил-4. Один был явно поврежден. Когда подошли ближе, увидели: подбитый самолет летит на одном моторе. Это был экипаж Виктора Алексеева, из нашего полка. Трудно ему пришлось. Самолет круто кренился, проваливался, едва не касался гребней волн. Только искусство летчика вновь и вновь поднимало машину. Сбросив все, что возможно, за борт, он все-таки дотянул до аэродрома и благополучно совершил посадку.

В результате дерзкого массированного налета противник потерял крупный транспорт, самоходную баржу, два торпедных катера, железнодорожный эшелон с боеприпасами. Были повреждены другие корабли и суда, [376] разрушены портовые сооружения, склады. Под развалинами портовых бараков нашло свою смерть много гитлеровских солдат, работавших на погрузке.

Использовать свое «мастерство аварийных посадок», к счастью, мне не пришлось. Не все машины благополучно вернулись на свои аэродромы после этого исключительно смелого и отлично организованного удара. И из первой четверки, которую вел непосредственно сам комдив, был потерян один самолет. Ведущий отделался повреждениями.

* * *

Это были последние наши удары с Кавказского побережья. На аэродроме давно не слышна артиллерийская канонада, бои за Тамань подходят к концу.

Тамань! Сколько раз приходилось нам слышать и повторять это слово! В приказах, в докладах, в донесениях, на разборах... В наградных листах и в печальных записях: «Погиб...», «С боевого задания не вернулся...»

Тамань... Опять Тамань... Голубые ножи прожекторов, зловещие гирлянды «эрликонов», вспышки разрывов, дробь осколков по плоскостям...

По перепаханной бомбами, изрытой вражескими окопами многострадальной земле идут вперед пехотинцы, танкисты, артиллеристы... С воздуха их поддерживают пикирующие «Петляковы», «утюги»-штурмовики, прикрывают верткие «яки» и «лагги»...

Наши «крылатые линкоры» нацелены дальше.

— Помните, эта задача очень важна...

— На Тамань? — по давней привычке вырывается у меня.

Озабоченное лицо комэска освещается невольной веселой улыбкой.

— Нет, Минаков. К дальнему побережью. Но — для Тамани! Наши ворвались в Вышестеблиезскую, срок полной расплаты с врагом в битве за Кавказ наступит вот-вот... [377]

9 октября вся страна узнала: Таманский полуостров освобожден, враг сброшен в Керченский пролив. Не помогли ему доты, дзоты. Не помогла «Голубая линия». Восточное побережье Черного моря освобождено от фашистских захватчиков. Битва за Кавказ победоносно завершена!

Приказ Верховного Главнокомандующего. Столица от имени Родины салютует доблестным войскам Северо-Кавказского фронта и Черноморскому флоту, освободившим Таманский полуостров, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

Какой музыкой звучали в душе каждого из нас слова этого приказа! Они звали вперед. Впереди столица черноморцев — Севастополь. Впереди Николаев, Херсон, Очаков, Одесса, Измаил...

В ожесточенных боях плечом к плечу били гитлеровских захватчиков пехотинцы и танкисты, артиллеристы и летчики, моряки и партизаны — тысячи известных и безвестных героев, прославивших величие души советского человека, справедливую силу его оружия. Весь советский народ поднялся на защиту Отечества, массовый героизм стал нормой поведения.

Взлетая, чтобы победить, мои боевые друзья — летчики, штурманы, воздушные стрелки — поступали по законам мужества, верности своему народу.

Многие из них погибли в смертельных схватках, многих

сейчас нет в живых. Но подвиги их навечно вошли в историю нашей Родины.

О друзьях-товарищах (вместо эпилога)

Неумолим бег времени. Но годы не отдаляют минувшей войны. Напротив: чем она дальше по исчислению лет, тем ближе — по счету сердца. [378]

Память мудра. Она сохраняет то, что нужно человеку для жизни.

Человеку для жизни нужны друзья. С годами — все больше и больше. И она сохраняет их, возвращает даже из небытия — самых верных и самых надежных.

...Вот Володя Ерастов, мой штурман. Совсем молодой! И все такой же — чуть вяловатый, с широкой улыбкой, с ласковыми глазами, будто бы затаившими что-то. Из госпиталя он попал в другой полк, тут же летал, на Черном море. Часто писал нам, скучал, а потом... Сколько было ему в тот день, 11 мая сорок четвертого? А мне теперь сколько? Так что же, чудак, может он от меня утаить? Разве мечту. Но ведь я ее знаю! Он просто забыл, Володя, что сам и рассказывал нам о ней. А как напомнить? Могилы его на земле не найти, он там и остался — в море. В море, которым так восторгался, чуть ли и не в минуты боя... Спустил свои бомбы на вражеский конвой, успел убедиться — точно! Это запечатлелось в его глазах. Синее море, черные, хищно нацеленные на наш берег пиратские корабли и голубые разрывы — его бомб, Володи! То, что мечтал он запечатлеть на картине после войны. О чем и осталась навек грусть в глазах — молодых, красивых...

Немного раньше, в том же году, в конце января, в районе Евпатории, погиб наш любимый комдив — Герой Советского Союза Николай Александрович Токарев. Не довелось мне его спасать... Крылатый торпедоносец несся на вражеский корабль, когда в него ударил снаряд. Тяжелораненый генерал довел до берега объятую пламенем машину, даже сумел посадить ее, как у нас говорилось, «на брюхо», но... последовал взрыв...

А вот флагманский штурман Зимницкий... Сколько раз выходил Алексей из смертельных, казалось бы, переделок? Вышел и в тот раз. Осколком ему разнесло шею, сильно повредило горло, трахею... Залитого с головы до ног кровью, без признаков жизни вытащили [379] его из кабины друзья. Даже наш врач — уж на что бывалый — не смог обнаружить ни дыхания, ни пульса. Но в миг, когда он уж готов был произнести роковые слова, раненый шевельнулся. И выбрался, выжил! Настолько окреп, что остался в

строю до Победы. Понятно, что больше не мог уж летать, но ведь и в штабе служить кто-то должен...

Так и Гриша Сергиенко, мой первый гвардейский штурман. В госпиталь был доставлен на грани смерти. Врачи спасли ему жизнь, но в воздух вернуть его оказалось не в их силах. И все равно выписался в полк. Наставлял молодых штурманов, затем освоил боевую специальность — служил в группе наведения истребителей в Новороссийской бригаде ПВО.

Да, возвращаются к нам друзья! В памяти, въявь — в Дни Победы на площадях, на местах былых битв, и больших и малых...

Я уж заканчивал эти записки, описывал тот последний, с Кавказского побережья, наш вылет на массированный удар по врагу в Севастополе. Из него не вернулся один экипаж, и я сетовал, что не нашел раньше случая представить читателю этого замечательного летчика, Василия Скробова, ветерана гвардейцев, как вдруг...

От него и письмо. От Василия Скробова! Будто услышал меня, угадал...

«Трудно выразить все словами... Гамма различных чувств, мыслей, воспоминаний...» (Это по поводу первой книги моих записок[3].) «Черное море! Когда-то оно приняло в себя мою кровь...»

Да, приняло... Скробов прилетел в Геленджик в самый день вылета, 26 сентября, когда многодневные приготовления были уже закончены, — перегнал из Гудауты самолет комдива. Сам он не должен был участвовать в [380] этом ударе. Но в нашей четверке, которую возглавлял сам комдив, заболел один летчик. Скробов полетел вместо него. Мы шли крыло в крыло, я все видел... Снаряд поразил его машину, когда уже были сброшены бомбы, от нее отломилось крыло... Мы не заметили, кто тогда выпрыгнул, обломки самолета скрылись в морской пучине. Весь экипаж сочли погибшим (у Василия до сих пор хранится дома «похоронка»).

Оказалось, не так. Да, погибли. И штурман Владимир Надеждин, и стрелки Иван Правдивый и Александр Борисов. А Скробов...

Раненый Скробов подал команду — прыгать, но связи не было. Чудом выбрался из кабины, ударился головой о стабилизатор — машина уже беспорядочно кувыркалась. Очнулся в воде. Захлебывающийся, опутанный стропами парашюта. Рядом — борт катера. Гитлеровец ткнул в лицо пистолет, ударил по голове рукояткой...

Дальше — знакомо. Три попытки побега. Четвертая удалась. Пробрался в отряд к партизанам, воевал в их рядах, пока не

пришли наши. Потом возвратился в свой полк и продолжал бить врага с воздуха...

Знакомая, правда, уже история? Не так ли было почти и с Клименко, Гордеевым, Гусевым, Соломашенко... Было с другими...

Мой друг Дима Бабий вернулся в полк после Победы. В том дальнем ночном полете над Дунаем его машину прошило сразу несколько очередей. Самолет пылал, никто из экипажа не отзывался. Дима выпрыгнул, приземлился в бессознательном состоянии — обгоревший, полуслепой. Лагерь. Затем — особый, штрафной. Потом штутгартская тюрьма. И везде одна мысль — о побеге. И бежал — из тюрьмы! Во время бомбежки. Но был пойман и оказался в Дахау...

А много позже, в 1963 году, жители болгарского села Иширково обратились с письмом к Маршалу Советского Союза Сергею Семеновичу Бирюзову: хотят поставить [381] памятник погибшим советским летчикам, но не знают их имен. Имена были выяснены: Леонид Иванович Лебедев, Павел Петрович Лелеко, Дмитрий Петрович Филиппенко. Был воздвигнут и памятник. И на его открытии присутствовал командир отважного экипажа — Дмитрий Федорович приехал почтить память друзей со всей своей семьей. И теперь дома у него бережно хранится засушенный букетик цветов, выращенных на их могиле, и кусочек дюраля от боевой машины...

Убегали. Из глубочайших тылов врага, из-под особой охраны, которую приставляли гитлеровцы к советским летчикам. Убегали и возвращались. И непременно — в свой полк.

Не чудо? Не чудо ли из чудес? Или просто — герои?

Много героев среди друзей. Признанных, с Золотыми Звездами. Однополчане Федор Аглотков, Сергей Дуплий, Александр Жестков, Иван Киценко, бывший наш командир Виктор Павлович Канарев, Евгений Лобанов, Дмитрий Минчугов, Александр Толмачев, Георгий Черниенко... Наши соседи-друзья истребители Борис Литвинчук, Владимир Снесарев, Дмитрий Стариков, Дмитрий Зюзин, штурмовик Георгий Попов...

И много героев без звезд и, может быть, не упомянутых в этой книге...

Тогда пусть простят. Сколько лет миновало, сколько сменилось вокруг людей. А мы... Мы — одна семья. Включая и тех, кого нет уже с нами...

Хочется быть вас достойным, друзья. И рассказать о вас людям.

Особенно — молодым. Тем, кому жить и дружить. И — помнить!

notes

Примечания

1

Монитор — военный корабль, предназначенный для нанесения артиллерийских ударов по береговым объектам и уничтожения неприятельских кораблей в прибрежных районах. — *Прим. авт.*

2

Газета «Красный черноморец», 13 апреля 1943 г. — *Прим. авт.*

3

Фронт до самого неба. М., Изд-во ДОСААФ, 1977. — *Прим. авт.*